

А. С. ШОФМАН

РАСПАД ИМПЕРИИ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Научный редактор — доц. В. Д. Жигунин

Книга завершает цикл исследований автора, опубликованных в Издательстве Казанского университета по македонской тематике. «История античной Македонии», часть I, 1960; часть II, 1963; «Восточная политика Александра Македонского», 1976. На базе комплексного изучения источников и литературы вопроса рассматривается процесс распада конгломератных государств древности, анализируется развитие социальных, военно-политических и экономических противоречий переходной эпохи становления эллинистических государств, на конкретном материале показывается бесперспективность осуществления идеи мирового господства.

Книга написана в яркой образной форме, снабжена иллюстрациями. Рассчитана на научных работников, аспирантов, студентов и широкий круг читателей.

Ш 0505000000—010 2—83
075(02) — 84

История душу мою полонила,
Когда довелось мне стоять в тишине
Над волнами Ганга, Евфрата и Нила
В раздумьях о самом сегодняшнем дне.
Л. Ошанин. Воды бессмертия.

ВВЕДЕНИЕ

В жаркий летний день 13 июня 323 г. до н. э. по всей македонской армии разнеслась весть о смерти ее полководца. В богатом убранстве Александр лежал в Вавилонском дворце Навуходоносора, и ничто уже больше его не волновало: ни новые походы, о которых он мечтал буквально до последних дней жизни; ни грандиозные сражения; ни мировое господство, к которому стремился. При его бурной жизни многие люди задавали себе вопрос, который советский поэт Л. Ошанин в поэме «Воды бессмертия» выразил следующими словами:

Он кто? Полубог справедливый и добрый?
Счастливый из тех, кто не гибнет в огне?
Жестокий философ? Великий географ?
Иль просто убийца на черном коне?

Теперь эти люди точно знали, что он не был ни полубогом, ни счастливецом, хотя хотел быть богом и требовал от них, чтобы они в это верили. Он умер как простой смертный, а может быть, еще тяжелее. Целых тридцать дней его тело оставалось без погребения. В перегретом знойным солнцем Вавилоне оно сохранилось лишь благодаря тому, что было своевременно брошено в мед, который, как известно, имеет свойство бальзама. Соратники царя, в спорах за власть, забыли даже похоронить своего недавнего кумира. Только тогда, когда прорицатель тельмесея Аристандр объявил, будто боги открыли ему, что стране, которая примет тело царя, суждено счастье и процветание, — среди его сподвижников началось соперничество: каждый стремился перенести останки царя в пределы своих владений как драгоценный залог непоколебимой, прочной власти.

Птолемей, будущий правитель Египта, если верить рассказам Элиана, выкрал тело и с великой поспешностью перевез в Александрию Египетскую¹. Пердикка, которому Александр перед смертью передал свой перстень, как самому достойному, решился преследовать похитителя. Он нагнал его, и тут занялась страшная схватка за тело полководца. Птолею удалось избавиться от преследования лишь благодаря хитроумному трюку: он сделал куклу, похожую на Александра; ее, убранный царскими одеждами, на украшенных серебром, золотом и слоновой костью посылках, водрузил на одну из персидских повозок, а тело Александра приказал везти вперед без всякой пышности по глухим, неезженным дорогам. Пердикка захватил минимую траурную процессию, считая, что добился цели, и, таким образом, потерял время. Он обнаружил обман слишком поздно, когда дальнейшее преследование было уже бессмысленно. Правитель Египта так усердно похоронил своего царя, что до сих пор никто не может найти его могилы.

Наибольшую ценность для изучаемой эпохи имеют эпиграфические данные и папирусы². Эпиграфический материал особенно важен потому, что он дает известное представление о социально-экономических отношениях эпохи диадохов, в то время как литературные источники останавливаются главным образом на военно-политической истории того времени.

Что же касается папирусов, найденных в большом количестве во второй половине XIX в. на территории Египта³, то приходится констатировать, что хотя они и обладают большой достоверностью, однако даже для Египта эпохи диадохов дают нам разрозненные сведения, случайную интерпретацию, так как большинство из них

датируется II в до н э или второй половиной III в до н э Их ценность для изучения интересующей нас эпохи состоит главным образом в том, что они дают большой материал по истории эллинистического Египта, тем самым показывая непосредственные результаты борьбы и деятельности диадохов⁴

Свидетельств современников этой эпохи до нас не дошло. Автором наиболее популярного сочинения того времени был Иероним из Кардии, соотечественник и верный сторонник Эвмена, занимавший влиятельные должности. Позднее он находился в свите Антигона. Эти обстоятельства облегчили ему знакомство с официальными документами, мемуарной литературой и другими источниками. На основании их, а также благодаря прекрасному знанию политических и военных событий, в которых Иероним принимал личное участие, им была подробно изложена история диадохов⁵. К сожалению, ни одного значительного отрывка из его сочинений не сохранилось⁶. Не дошло до нас и произведение другого современника преемников Александра — Дурида, тирана Самосского. Им была написана «История» в 27 книгах, в которой события были доведены до 281 г до н э⁷

Грандиозная империя Александра, созданная силою оружия, стала рушиться сразу же после его смерти. В различных частях огромного конгломератного государства вспыхивали восстания покоренных народов, начались вооруженные столкновения между преемниками почившего царя из за несоблюданной игры личных интересов, ущемленных самолюбий, погони за богатой добычей. История этих столкновений, но установившейся традиции, составляет эпоху диадохов. Обозначаемая этим термином эпоха имеет четкие границы и содержание. Она охватывает более чем сорокалетний период (с 323 по 280 г до н э), во время которого распалась держава Александра и на ее территории складывались эллинистические государства. Процесс этот был трудным и протекал в обстановке чрезвычайной сложных социально-экономических и политических коллизий на Востоке и на Западе, затрагивая интересы и судьбы огромного количества стран и народов всего тогдашнего мира. Все это само по себе создает большие трудности для исследователя. Эти трудности усугубляются еще и состоянием источников, среди которых нельзя найти ни одного, который бы дал полное описание истории этого периода. Вещественных источников, которые являются самыми достоверными свидетелями прошлого, дошло до нас очень мало. Поэтому они могут служить лишь вспомогательным материалом для верного толкования фактов, изложенных в произведениях античных авторов.

Одним из ранних и основных источников по избранной нами теме является «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. Непосредственно эпоху диадохов характеризуют XVIII—XX книги этой библиотеки, а также отдельные отрывки из последующих книг. XVIII книга содержит изложение исторических событий от смерти Александра Македонского до начала деятельности Деметрия Фалерского в качестве правителя Афин, с 323 г до н э. В XIX книге подробно излагаются события, происшедшие после 317 г до н э и до трагической гибели жены Александра и его сына, приблизительно до 311—310 гг до н э, так как Кассандр осуществил это злодеяние сразу же после мира 311 г до н э. В XX книге события доведены до битвы при Иссе, до 301 г до н э. От XXI книги, описывающей события до 283 г до н э, сохранились только отрывки.

В этом единственном пространном литературном источнике по истории диадохов использованы труды Дурида и Иеронима. Исключая главы о событиях на Западе и сравнительно детальную оценку борьбы Родоса, книги Диодора главным образом базируются на труде Иеронима. Тот факт, что последний был членом свиты Эвмена, а позднее Антигона, объясняет, почему он уделил значительную часть своего обзора именно им.

Диодора преимущественно занимает военная история диадохов, вопросов экономического порядка он почти не затрагивает. Описывая многочисленные войны, он говорит о внешнем поводе к ним, но не вскрывает действительных причин этих войн. Значительное место в его «Исторической библиотеке» занимает описание достоинств и недостатков отдельных диадохов, хода сражений, качества и количества вооружений. Большое значение придает Диодор личным качествам полководца в исходе сражения.

Приходится сожалеть, что сохранившиеся книги Диодора доводят ход событий только до 301 г до н э, и они не дают никаких сведений даже по военной истории диадохов на заключительном этапе этой драмы. Этот пробел несколько восполняется Юстином, давшим извлечения из утерянной книги Помпея Трога «История Филипп-

па» Помпей Трог, как противник завоевательной политики монархов, наделял Филиппа II и Александра Македонского низкими нравственными качествами. У него история борьбы диадохов эллинистических царств III-I вв. до н.э. — это картины пагубного воздействия пороков и страстей на судьбу государств, история, полная преступлений всякого рода, кровавых убийств родственников, их взаимная ненависть и соперничество делают эллинистический мир добычей римлян⁸.

Из этого произведения Помпея Трога Юстин делает краткие извлечения, сохраняя его последовательность, оглавление и количество книг. Не исключена вероятность, что само произведение «История Филиппа» не сохранилось лишь потому, что была «Эпитома» Юстина, так как в средние века предпочитали пользоваться более кратким, чем само произведение, пересказом Юстина. В своем предисловии последний отмечает, что из сорока четырех книг он извлек все наиболее достойное внимания и опустил то, что не могло доставить удовольствия, ни послужить полезным примером⁹. Этот субъективный подход наложил свой отпечаток на извлечения факты подбирались тенденциозно, многие важные события опускались вообще, толкование фактов давалось такое, которое было более выгодно автору. Все это послужило причиной того, что Юстина называют иногда «мутным источником», говоря, что у него от труда Помпея Трога «почти ничего не осталось дельного», что «произошло крушение исторических фактов»¹⁰.

Вряд ли можно безоговорочно признать правильной такую характеристику Юстина, которую дает наш соотечественник, известный ученый Ф. Ф. Соколов. Сравнительный анализ Юстина с другими авторами дает возможность выявить у него истинные факты и верные выводы.

Эпоха диадохов освещена Юстином в XIII—XVII книгах. Изложение, безусловно, более кратко, чем у Диодора, но доведено до конца периода диадохов, что весьма ценно. Более откровенно, чем у Диодора, показана борьба диадохов друг с другом, их низменные цели в борьбе. Юстин утверждал, что все полководцы Александра радовались его смерти, но «не могли чувствовать себя в безопасности, ибо боялись друг друга, опасались они и солдат, которые становились все разнузданнее и на благосклонность которых положиться было нельзя»¹¹. Здесь Юстин перекликается с Диодором, правда, презрение к солдатам звучит у него более резко, чем у последнего. Далеко не все события, изложенные Юстином, соответствуют действительности. У него встречаются и явные казусы. Например, излагая ход Ламийской войны, Юстин путает осаду Ламии с битвой при Гераклее, говоря, что Антипатр укрывался от сражений за стенами Гераклеи, во время осады которой был убит Леосфен. В этом случае гораздо достовернее факты, изложенные Диодором, поэтому верить приходится здесь его «Исторической библиотеке».

Начало борьбы диадохов излагается также в 10-й книге «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа. Автора здесь интересуют больше личные отношения между диадохами, и все события проходят у него в русле их враждебных отношений друг к другу. Курций сам указывает, что пользовался при написании «Истории» источниками, отдавая предпочтение Птоломею и Аристову, стараясь освободиться от идеализации героев. Его работа проливает свет на моменты закулисной борьбы диадохов, и этим она представляет для нас известный интерес.

Причины распада государства Александра Курций видит только в том, что многие добивались неделимой царской власти. «Сначала, — пишет он, — силы были собраны, потом они рассеялись, и так как брали на себя бремя выше своих сил, отдельные части тела отказались служить, и империя прочно державшаяся на плечах одного, распалась, когда ее стало подпирать несколько человек».

Важным и в то же время своеобразным источником для познания интересующей нас эпохи являются биографии Фокциона, Эвмена, Деметрия Полиоркета и Пирра из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Эти жизнеописания носят несколько дидактический характер, и поэтому достоинства всех полководцев сильно преувеличены, а недостатки их сглажены. И тем не менее материал биографий является ценным источником для характеристики диадохов и связанных с ними событий. Плутарх, гордившийся героическим прошлым своей родины, жертвовал исторической правдой и идеализировал своих героев. Так, Фокион, не желавший начинать народно-освободительную войну против Македонии и павший жертвой гнева возмущенных масс, представлен Плутархом дальновидным, предусмотрительным политиком, считавшим, что войну не следовало начинать, ибо в тот момент у государства не было ни денег, ни флота, ни сухопутной армии¹². Плутарх не хочет видеть корыстных целей Деметрия Полиоркета во время походов его в Грецию, считая единственной их

причиной желание предоставить вольность и свободу греческим городам. Безукоризненным человеком, храбрым полководцем, верным союзником представлен у него только Эвмен. Остальным диадохам он дает бесприщадную характеристику, считая, что основным рычагом их политики являются зависть и коварство. Желание расширить свои владения за счет другого, личные интересы, а не требования справедливости.

Такое же значение сохраняет и биография Корнелия Непота, у которого много сходного, в частности, в описании Эвмена. Даже для характеристики отдельных черт его взяты одни и те же факты, что дает основание предполагать знакомство Плутарха с произведениями Корнелия Непота.

Приходится также сожалеть, что не сохранилось произведение Арриана «История преемников Александра», очень схематичное и сжатое изложение которого находим у Фотия. Произведение Арриана доводило события до 321 г. до н.э. и представляло собой подробный рассказ о событиях того времени. Об этом можно судить уже по тому, что только двум голам после смерти Александра было посвящено 10 книг. Профессор Бреславского университета Рич Рейценштейн отыскал 5 страниц с отрывками из книг Арриана в архивах Ватиканской библиотеки, в которых содержалось 112 строчек текста. Эти отрывки подтверждают уже известные ранее из других литературных источников отдельные факты, имевшие место в период с 323 по 321 г. до н.э.¹³

Некоторые немаловажные сведения, характеризующие балканский мир эпохи диадохов, можно найти и в «Описании Эллады» Павсания. Хотя его труд в основном ценен материалом об искусстве и культуре Эллады, в то же время в нем, правда, весьма коротко, излагаются отдельные исторические события той поры. Для нас особое значение имеет книга X, в которой Павсаний описывает вероломство Деметрия Полиоркета, убившего сына Кассандра Александра по приглашению которого он прибыл в Македонию, победу над Деметрием Пирра, распри Лисимаха и Селевка¹⁴. Последнему автор особенно симпатизирует и без особых на то причин считает Селевка одним из самых справедливых и честных царей эпохи диадохов¹⁵.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нельзя назвать ни одного источника, который бы полностью, глубоко и убедительно освещал эпоху преемников Александра. Все они или слишком субъективны, или мало достоверны или не доводят изложение событий до конца изучаемой эпохи. В целом же смутное время борьбы диадохов плохо представлено в источниках. Как уже отмечалось, даже те источники, которые до нас дошли, содержат материал по истории отдельных полководцев, их личных взаимоотношений, их столкновений на поле брани, не вскрывая социально-политической обстановки того времени, внутренних причин тех или иных войн, того или иного социального движения.

Именно скудность источников и вытекающая отсюда сложность и запутанность исторических событий этой эпохи отпугивали историков от разработки этой проблематики. Характерно, что знаменитый немецкий историк Баргольд Нибуэр родоначальник так называемого критического метода, человек, обладавший изумительной памятью, признавал, что для него во всей истории нет ничего запуганнее войн диадохов, что он не может описать всех подробностей и привести в порядок массу событий. По его словам, «путаница происходит от того, что перед нами происходит целая толпа людей, не отличающихся друг от друга достойными внимания признаками»¹⁶. С последним утверждением согласиться нельзя, ибо это было время, в котором действо вала целая плеяда разных, талантливых и могущественных людей. Но нужно полностью согласиться с мыслью Нибуэра об исключительной пестроте и запутанности исторических перипетий этой эпохи, создающих большие сложности для изучения. Однако эти трудности не испугали соотечественника Нибуэра — И. Г. Дройзена, который посвятил весь второй том своей трехтомной истории эллинизма военно-политической истории этой эпохи преемников Александра¹⁷. На основании скрупулезного изучения дошедших до нас разрозненных источников он старался воссоздать систематическое изложение одного из труднейших для исследования периодов античности.

А. В. Мишулин писал, что эту задачу «Дройзен для своего времени не только удовлетворительно разрешил, но и подошел к ее разрешению с той смелостью и жесткостью мысли, которая была столь характерна для лучших представителей буржуазной науки того времени»¹⁸. Это было первое исследование по данной проблематике в мировой науке. Оно и закрепило в ней термин «диадохи», который, по мнению

Дройзена, характеризует суть данной эпохи, а именно деятельность полководцев Александра Македонского. Этот термин, в силу традиций, бытует до настоящего времени, хотя как раз сути процесса он и не выражает. Но такова сила исторической инерции. Глагол *διαδοχος* означает «перенимать, быть чьим либо преемником в правлении, следовать за кем либо». Образованное от него существительное *διαδοχος* переводится как «преемник, наследник, принимающий, следующий за кем либо». Последующее изложение покажет, что изучаемая эпоха характеризуется не столько тем, что диадохы были преемниками Александра, так как они от многих его идей начисто отказались, сколько тем, что их деятельность способствовала как раз распаду того процесса, в развитии которого особенно был заинтересован их царь и военачальник. Можно сказать, что в данном случае это были наследники особого рода.¹⁹

Как известно, научный труд Дройзена политически и методологически тенденциозен. Будучи главным теоретиком малогерманских историков, разработавших в своих трудах политико-исторические концепции в угоду крупной немецкой буржуазии, Дройзен в своих работах по древней истории развивал национальную конспирацию немецкой буржуазии об объединении Германии сверху, просируя идеи пангерманизма в историю походов Александра Македонского.²⁰

В истории эллинизма Дройзен обратил основное внимание на проблему объединения разрозненных государств Эллады сильной рукой монарха, на проблему образования эллинистических государств и их взаимоотношений. В изложении всего этого большого и сложного материала историк неустанно репродуцировал идеи объединения Востока и Запада, все снова и снова возвращался к этой мысли, обыгрывал и заострял ее, искал все новые и новые доказательства для подтверждения благоворности влияния Запада на Восток во все времена.

Эллинизм воспринимался Дройзеном через призму современной истории. Не скрывая субъективистского смысла своей интерпретации и понимания сущности эллинизма, он заявил, что эллинизм есть «современное время древности».²¹ Зарождение этого феномена историк связывал не с предшествующим социально-экономическим и политическим развитием Эллады и стран Востока, а исключительно с деятельностью одного человека — Александра, с его субъективно-психологическим настроем, с его желанием нести западную культуру на Восток. Дройзен по словам современного историка ФРГ Г. Бенгтсона, был «убежденным сторонником культа личности».²² В этом отношении германское буржуазное антиковедение, вплоть до настоящего времени, не смогло стать независимым от философско-исторических концепций буржуазного исследователя Германии XIX в.²³ Для западной культуры «политические и духовные проблемы мирового государства Александра Великого и его преемников снова приобретают современное значение», — отмечает один из современных исследователей работы Дройзена — Е. Бауэр.²⁴

Второй том «Истории эллинизма» немецкого ученого непосредственно посвященный диадохам, изобилует фактами, известными нам по источникам, и приведенными историком в своеобразную систему. Обилие фактов, красочное их изложение делают книгу Дройзена до сих пор интересной и полезной. Однако подбор и интерпретация этих фактов у него чрезвычайно тенденциозны. Это диктовалось временем, в котором жил историк, его общественно-политическими взглядами и конкретными задачами, поставленными им при разработке проблем эллинизма.

Единственно верной формой правления Дройзен считал монархию. Он благосклонно относился к конституции, введенной Антипатром после Ламийской войны в Афинах и других городах, говоря, что она, наконец, устранила «демократическую аномалию», существовавшую здесь раньше.²⁵ Тиранию Деметрия Фалерского Дройзен определял как наиболее благодатное время для Афин из всего периода диахов, а олигархию, установленную оружием македонских полководцев в городах Греции, — формой правления, способной внести спокойствие и устойчивость в жизнь этих городов. Казнь Фокиона в Афинах Дройзен называет «отталкивающим актом восстановленной демократии», не видя в ней ничего, «кроме испорченного брожения беспорядочно собравшейся массы, которая неожиданно получает право разыгрывать роль самодержавного народа и начинает с того, что утоляет свою преступную страсть на лучшем человеке, которого имеют Афины».²⁶ Возле рабовладельческой верхушки, стремившийся любыми путями сохранить дружбу с Македонией, кажется Дройзену наиболее достойным человеком в Афинах, а вождей демократии Демосфена, Леофена, Гиперида — он считал близорукими политиками, не понимавшими всей бесполезности борьбы с Македонией. В книге Дройзена встречаются иногда и противно

речивые выводы. В основном это происходит тогда, когда источники противоречат его политическим взглядам²⁷.

В конце 80-х гг. XIX в. закат бисмарковского режима в Германии совпал с резким падением влияния малогерманской школы в историографии. Когда кризис этой школы стал очевидным, усилилось стремление немецких буржуазных историков к поискам новой интерпретации событий, связанных с проблемой эллинизма.

В конце XIX — начале XX в. в германском антиковедении появляется новая черта, выразившаяся в тенденции рассматривать эллинизм не только как производное духовного развития Греции, но и как результат духовного развития стран Востока. Уже Белох включил в понимание эллинизма момент влияния Востока на древнюю Элладу. И если в работе Дройзена эллинизм появляется в истории в общем-то неожиданно, спонтанно, то германская историография рубежа XIX — XX вв. начала ревизию и наступление на эту дройзеновскую трактовку. В противовес Дройзену, Белох стремился развенчать ореол вокруг Александра, приземлил его образ, весьма критически отнесся к нему как к политическому деятелю²⁸. Все симпатии Белоха на стороне Филиппа II, которого он сравнил с Бисмарком²⁹. Белох стремился дать более широкую трактовку эллинизма, чем Дройзен, показать ответное действие на Грецию со стороны Востока, что, впрочем, хотел, но не успел сделать сам Дройзен. Однако это воздействие он понимал в плане духовного развития, с точки зрения потери свободы греками под влиянием Востока и восточной деспотии³⁰. Но в целом понимание Белохом эллинизма осталось традиционным, в духе немецкого буржуазного позитивизма XIX в., несмотря на все старания критического переосмысления прежних понятий, стремления найти новое видение эллинизма. Эллинизм в понимании и интерпретации Белоха — это духовно-культурное, военно-политическое понятие, и рассматривался он историком исключительно с точки зрения мирового господства греков и потери ими этого господства.

В конце XIX в. появляется обширное исследование Бенедикта Низе «История греческих и македонских государств со времени Херонейской битвы»³¹. Низе довел изложение истории Эллады и Македонии до 120 г. до н.э., тем самым расширив хронологические рамки эллинизма, в том числе эпохи диадохов, но сравнению с Дройзеном и Белохом. Главное внимание в своем труде Низе также обратил на военно-политическую историю, на уточнение и детальное изложение материала. Его работа по своему методу исследования преимущественно событийная, военно-политическая история, и этим она напоминала «Историю эллинизма» Дройзена. Вслед за Белохом Низе также отрицал гениальность, демоничность Александра³². Последний был спущен с того пьедестала, на который воздвигли его предшественные историки.

Проблемное освещение материала по истории эллинизма дал Ю. Керст. В центре его исследования стояла проблема «духовных основ и руководящих идей эллинизма», чему он дал, по словам Бенгтсона — современного историка ФРГ, «превосходное изображение»³³. Керст видел сущность и «универсально-историческое значение эллинизма» в создании «новой всемирно-человеческой культуры»³⁴. Что касается истории диадохов, то она рассматривается здесь лишь попутно.

Для германской буржуазной историографии XX в. меньше всего характерны широкие обобщения по истории эпохи эллинизма, здесь рассматриваются лишь отдельные ее аспекты³⁵. Зато более подробно стала изучаться история диадохов или отдельные события этой истории³⁶. Особое внимание уделялось личности, прежде всего диадохов: Эвмена, Кратера, Птолемеем и Лисимаха, затем и других государственных деятелей³⁷.

Своими трудами об эллинизме и, в частности, об эпохе диадохов, немецкие ученые еще в конце XIX в. выдвинулись на первое место в мировом антиковедении. Их признанным лидером был Дройзен, который оказал значительное влияние на разработку этой проблематики и в других национальных историографиях. Особенно восприимчивой к концепции Дройзена оказалась греческая историография. И это понятно. Для греческой науки история диадохов есть часть греческой истории, поэтому ей imponировала и льстила национальному самолюбию та великая миссия культуртрегера для Востока, которую определял Греции Дройзен. Этим главным образом объясняется, почему греческая историография рассматривает время после смерти Александра с позиций Дройзена.

Греческий историк прошлого века Папаригоулоу в своей «Истории греческой нации» освещает кратко деятельность преемников Александра и вслед за Дройзеном подчеркивает духовный фактор культуры, принесенной греками на Восток³⁸. Совере-

менный историк Г. Димитракос, специалист по истории Афин, опубликовал работу «Деметрий Полиоркет и Афины», в которой Деметрия характеризует как одну из важных исторических личностей древности. Автор явно идет здесь по пути преувеличения роли личности в истории. Он проводит параллель между Александром и Деметрием Полиоркетом, видя в последнем первого царя — собирателя греческой нации, что не соответствует действительности³⁹.

В нашей отечественной историографии впервые откликнулся на работу Дройзена ученик Грановского И. К. Бабст, работавший в Казанском университете с 1851 по 1857 г. В целом он дает положительную оценку книге немецкого ученого, посвященной эпохе диадохов, но в то же время справедливо упрекает его за то, что он нередко нескритически подходит к источникам, гоняясь за занимательностью рассказа. «Дройзен свет воюдно все известия, касающиеся наследников Александра, и представил в своей истории эллинизма весьма полную, ясную и живую картину этого времени. Жаль только, — пишет Бабст, — что он для занимательности рассказа жертвует нередко своими источниками и произвольно влагает им свои собственные слова и мнения. Он вообще очень многословен, и это один из главных недостатков его книги, которая, впрочем, остается до сих пор лучшим и единственным трудом, обнимающим эпоху диадохов»⁴⁰.

В 1853 г. в «Отечественных записках» появилась работа самого Бабста, посвященная эпохе диадохов, — «Дмитрий Полиоркет». Она была первой по этой тематике на русском языке. В ней автор стремился представить «эпизод из эпохи диадохов» на основе серьезного исследования источников. Выбор темы объяснялся автором тем, что «ни в одной личности не отразилась так ярко эпоха диадохов, как в Дмитрие. Всем существом своим принадлежал он к этому бурному беспокорному времени и долгое время был центром, около которого вращались все события»⁴¹.

В сравнительно небольшой статье, написанной в историко-беллетристическом духе, дается лишь самая общая характеристика диадохов, обрисовываются «неукротимые, честолюбивые характеры» наиболее видных их представителей. Излагая кратко события от смерти Александра до битвы при Ипсе, И. К. Бабст приходит к выводу об исторической неизбежности распада монархии Александра, однако действительные причины этого процесса автор постичь не мог⁴². Изображая эпоху диадохов с ее непрерывными войнами и разрушениями как годину испытаний для народов Греции и Востока, он, в сущности, не показал процесса созидания в это время, развития экономики и культуры, ликвидации прежней замкнутости и изолированности.

После Бабста в отечественной историографии не появилось ни одного более или менее значительного труда по истории диадохов. По-прежнему скудность источников и сложные исторические перипетии этой эпохи отталкивали историков от ее изучения. С. В. Ешевский даже назвал эпоху диадохов позорной, способной отвратить историка от изучения этого времени⁴³. Вероятно, по этой причине и не было создано никаких капитальных работ по данной проблематике. Можно указать лишь на несколько небольших статей самого общего характера, принадлежащих С. А. Жебелеву и К. В. Хилинскому⁴⁴. Правда, ряд историков в своих общих работах по античности или в конкретных исследованиях отдельных проблем Греции касались, хотя и кратко, также эпохи диадохов. Среди таких работ следует отметить обширное предисловие Ф. Г. Минского к «Всеобщей истории» Полибия — «Федеративная Эллада и Полибий»; монографию В. Г. Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка» (1869 г.); некоторые работы М. М. Хвостова о социально-экономической истории эллинистического периода и др.⁴⁵

Так же мало по интересующей нас проблематике сделано в англо-американской историографии. И это тем более странно, что именно в ней появились капитальные исследования Тарна и Ростовцева по истории восточных походов Александра и эллинизма вообще. Первый в своей работе «Эллинистическая цивилизация» рассматривает эпоху в целом. В отличие от Дройзена, Тарн отмечал, что понять эллинистическое общество можно лишь тогда, когда за основу возьмешь его рабовладение, когда будешь помнить, что это был «мир, лишенный машин и полный рабов»⁴⁶. Но это не мешало самому Тарну находить в эпоху эллинизма и капитал, и стачки, и «национальные» государства. Тарн специально не анализирует эпоху диадохов, лишь попутно и в самых общих чертах касаясь этого вопроса.

Ростовцев в своем капитальном труде «Социально-экономическая история эллинистического мира» стремился, в отличие от Дройзена, рассмотреть эллинизм как

единство полигическое и экономическое, а не только культурное. Модернизируя эпоху эллинизма, Ростовцев отмечает в ней все категории капиталистических отношений. Он оправдывает войны диадохов, полагая, что они способствовали процветанию Греции и Востока. Воины-наемники, находясь в походах, имели при себе семьи и тем самым представляли собой как бы очаг цивилизации и культуры. Из этого Ростовцев делает вывод, что войны были до некоторой степени фактором экономической жизни⁴⁷. Исходя из этого, он полагал, что эпоха диадохов была временем наивысшего расцвета Греции.

В «Кембриджской истории», в главах, написанных Тарном и Фергюсоном, дается событийное изложение истории диадохов, как и в других общих работах по греческой истории у английских антиковедов⁴⁸. Здесь следует отметить работы: В. Фергюсона по истории эллинистических Афин, М. Кэри и Эд. Вилля по политической истории эллинистического мира⁴⁹. Остальные статьи, разбросанные по разным журналам, касаются лишь отдельных узких вопросов изучаемой эпохи.

В последнее время особенно отчетливо в буржуазной историографии вообще и в англо-американской, в частности, проводится идея, что основной причиной распада государства Александра являются войны диадохов. Так, американский историк Т. Р. С. Броутон в своем докладе на XIII международном конгрессе исторических наук подчеркнул, что соперничество между преемниками Александра Македонского, несмотря на их выдающиеся достижения, послужило причиной раздела империи Александра и расточения массы материальных ресурсов и людской энергии, которые можно было бы использовать для закрепления успехов царя⁵⁰.

В итальянской историографии диадохам посвящены три исследования, которые в совокупности дают представление о всей изучаемой эпохе. В 1951 г. профессором университета в Палермо Эудженио Манни была издана монография о Деметрии Полиоркте⁵¹. В конце 50-х гг. сотрудница профессора Мария Фонтана издала книгу «Борьба за наследство Александра Великого с 323 по 315 г. до н.э.»⁵². Наконец, в середине 60-х гг. ректор Туринского государственного педагогического института Марчелло Фортина издал работу о Кассандре⁵³. Хронологически эти работы охватывают почти весь период диадохов. По своему содержанию они воспроизводят военно-политическую историю этого периода, выявляют границы той области, какой тот или иной диадох завладевал в ходе многочисленных войн, разделов сатрапий и распределения государственных должностей⁵⁴.

Оценка итальянскими историками преемников Александра содержит сильный налет идеализации. В их интерпретации такие диадохи, как Пердикка, Эвмен и Полисперхонт, являются благородными защитниками династических интересов Аргеадов; Кассандр и Птолемей — ревностными собирателями новых эллинистических государств; Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет — романтическими наследниками идеи мирового господства. Даже откровенно человеконенавистнические акты диадохов, их бесконечные войны объясняются «печальной необходимостью»⁵⁵.

Более плодотворной является разработка данной проблематики во французской историографии. Можно со всей определенностью сказать, что если по проблемам эпохи диадохов в XIX в. лидирует немецкая историография, то в XX в. ведущие позиции переходят к историографии французской. Еще в начале века Буше-Леклерк издал 4-томную монографию по истории Лагидов, а несколько позднее опубликовал работу по истории Селевкидов⁵⁶. В 20-е гг. Пьер Жуге выпустил монографию «Македонский империализм и эллинизация Востока», в которой должно внимание уделяет диадохам⁵⁷. П. Жуге указывает, что уже на первом Совете решалась участь здания, которое могло оказаться хрупким под напором покоренных народов, ясно обнаружилось несколько тенденций. Одни, побуждаемые чувством долга по отношению к царской фамилии или стремлением принять участие в органах центральной власти, склонялись к необходимости ее упрочения. Другие, больше думая о своей независимости, предпочитали всячески ограничить прерогативы центральной власти⁵⁸. Все изложение автора идет через характеристику военной деятельности отдельных диадохов.

В 1959 г. П. Клоше выпускает специальную монографию о диадохам и называет ее «Распад империи». В ней историк Безансонского университета довольно подробно останавливается на военно-политической стороне этого вопроса. Он заявляет, что целью его исследования является изложение и, если возможно, объяснение факторов политического, дипломатического и военного порядка⁵⁹.

Видя только внешнюю сторону эпохи диадохов, а именно непрерывные войны, французский историк резко отрицательно оценивает ее. Он пишет, что знаменитый «македонский мир», который должен был положить конец надоевшим кровавым конфликтам греко-азиатского мира классических времен, в действительности же никогда не воцарялся⁶⁰. Стоя на такой точке зрения, нельзя объяснить роль этой эпохи в подготовке почвы для образования и консолидации эллинистических государств.

После смерти французского патриарха античников П. Клоше работа над изучением этой переходной эпохи не прекращалась. Здесь особо должны быть отмечены исследования Пьера Бриана, стремившегося главным образом на материале истории деятельности Эвмена выявить политические и социальные программы наследников Александра, решить проблему преемственности в области управления в первые годы борьбы диадохов⁶¹. Не меньшую ценность приобретает его монография, посвященная Антигону, в которой довольно подробно излагается весь сложный и противоречивый путь одного из самых могущественных представителей той плеяды, которая активно домогалась приобретения богатого македонского наследства⁶². Вопросы истории диадохов рассматриваются также в двухтомной капитальной монографии Клере Прео, посвященной всему периоду истории эллинистического мира⁶³.

Наконец, следует несколько слов сказать о нидерландской историографии. Особенно начиная с 70-х гг. в голландской исторической науке стали появляться труды по истории диадохов главным образом военного характера. В них анализируется состояние военно-морского флота наследников Александра, участие этого флота в морских сражениях⁶⁴. Эти исследования, хотя и касаются частных вопросов, имеют известное значение, если учесть, что борьба диадохов за власть на море и отношение каждого из них к морским делам показывают общую тенденцию их общей политики и неразделимо связаны с этой общей политикой.

Итак, почти за доллаторавековую период изучения эпохи диадохов в национальных историографиях буржуазными учеными были созданы исследования, различные по охвату материала, по содержанию и глубине. Со многими мнениями этих историков автор не смог согласиться, тем не менее к трудам своих предшественников у него нет нигилистического отношения. Несмотря на принципиальное теоретико-методологическое противостояние, всегда следует сохранять чувства уважения, непредвзятости и такта к тем, кто шел впереди, подчеркивая, что именно ими уже сделано и какие вопросы остались для решения будущим исследователям. Буржуазная наука проделала большую работу по изучению и собиранию источников, по созданию военно-политической истории эпохи. Вместе с тем, за рамками изучения и глубокого анализа в буржуазной историографии остались важнейшие, можно сказать, кардинальные проблемы эпохи диадохов.

За пределами научных интересов буржуазных ученых, прежде всего, находится проблема периодизации эпохи диадохов, правильное решение которой позволяет определить, как в ходе вооруженной борьбы шел процесс консолидации новых государств, с какого времени можно утверждать об их суверенитете. У Дройзена, по существу, вообще отсутствует периодизация. Исторические факты излагаются по годам без каких-либо объяснений, почему именно избрана такая хронология событий. Нет внутренней периодизации времени диадохов и в греческой историографии. У греческих авторов события приводятся только в их исторической последовательности, без всяких попыток качественного рассмотрения данного отрезка исторического процесса. Даже в труде прогрессивного греческого историка Г. Кардатоса «История эллинизма» мы находим следующее членение материала: распад державы Александра (стр. 35-41); Ламийская война (стр. 42-50); столкновение Антигона и Эвмена (стр. 60-64); коалиция против Антигона (стр. 65-70); мир (стр. 71-77); освобождение Афин (стр. 78-84); осада Родоса и возвращение Деметрия в Афины (стр. 85-88) и т.д. Аналогичное деление приводится и в его трехтомной «Истории древней Греции»⁶⁵.

Итальянские историки в основу периодизации кладут события, связанные с победами, поражениями, возвышением либо гибелью того или иного диадоха. Так, М. Фонтана разбивает период с 323 по 315 г. до н.э. на пять фаз. Содержание истории каждой фазы определяется соответственно деятельностью Пердикки, Антипатра, Полисперхита, Кассандра, Эвмена⁶⁶. При этом выделяются и опорные даты. Первой опорной датой М. Фонтана считает год смерти Антипатра, т.е. 319 г. до н.э., «когда была подведена черта под наиболее пылким периодом борьбы за достижение царства»⁶⁷. Второй такой датой был, по ее мнению, 316 г. до н.э., когда по прика-

зу Кассандра была убита Олимпиада. Со смертью Олимпиады можно считать законченным первый этап борьбы между диадохами⁶⁸.

В какой степени пригодна периодизация, предложенная М. Фонтана? Действительно ли итальянскому историку удалось показать своеобразие каждого очерченного этапа? М. Фонтана правильно определяет границы первого этапа борьбы диадохов: 323—316 гг. до н.э. Этот этап характеризуется стремлением сохранить завоевания Александра для его потомков. Последний защитник Аргеадов — Эвмен гибнет в 316 г. до н.э., а Антигон мечтает о личной царской власти⁶⁹. М. Фонтана, выдвигая на первый план историю династий, считает, что после 316 г. до н.э. пришел конец империи, поскольку никто не защищал ее для потомков Александра⁷⁰.

Таким образом, если следовать М. Фонтана, то империи Александра нанесены два непоправимых удара: Антипатром, якобы заставившим прямых преемников Александра отказаться от азиатских территорий, и Кассандром, пленившим, а затем уничтожившим последних Аргеадов. Поэтому она доводит изложение истории борьбы за наследство Александра только до 316—315 гг. до н.э. На самом же деле тенденция сохранить государство Александра, хотя и без Аргеадов, господствовала до 301 г. до н.э., т.е. до битвы при Иссе, когда погиб Антигон, один из тех, кто отстаивал единство государства. Через призму личностей диадохов рассматривают М. Фонтана и Э. Манин и все события последующего периода в своих монографиях о деятельности Кассандра и Деметрия Полиоркета.

Собственно, таких принципов периодизации придерживается и П. Клоше. В основу периодизации он положил военно-персональный принцип, т.е. периодизация построена так, что каждый период кончается либо генеральным сражением, либо гибелью одного-двух диадохов, либо и тем и другим вместе. Периодизация Клоше не содержит ничего нового. Она в сущности повторяет неопределенную дройзеновскую периодизацию. Субъективный момент выдвигается здесь на первый план: гибель какого-нибудь диадоха уже знаменует собой поворот в истории этого периода.

Такого рода периодизация проистекает от нечеткости представлений о причинах распада государства Александра и сути этого процесса. Выяснение этого вопроса, особенно его социально-экономического аспекта, находится вне сферы интересов буржуазной науки. Даже такой крупный специалист по эллинизму, как М. И. Ростовцев, который в вышеупомянутой работе пытался рассмотреть социально-экономический аспект этой эпохи, видел причины распада империи Александра в том, что после смерти знаменитого полководца на политической арене этого периода не было личности, способной, подобно Александру, силой своей власти сохранить единство империи, удержать под своей эгидой завоеванные Александром страны и народы, предотвратить выступления оппозиции внутри своих рядов. Итальянский историк М. Фонтана, ставя вопрос о причинах распада державы Александра, пишет, что новая политика царя, т.е. политика «слияния» с восточными народами, привела к тому, что его воспальчики не захотели сохранять в целом его империю⁷¹. По мнению М. Фонтана, развернувшиеся события следует рассматривать в двойном аспекте: 1) отношения диадохов «к восточному вопросу»; 2) безмерного честолюбия каждого претендента на наследие Александра⁷². Приверженцев продолжения политики завоеваний Фонтана характеризует как «филоориенталистов», а сторонников сохранения империи Александра в пределах, достигнутых знаменитым воителем, — как «консерваторов»⁷³.

М. Фонтана полагает, что конец державе Александра пришел из-за перемещения Антипатром царского дворца Роксаны и Александра IV в Европу. Этим Антипатр принудил династию Аргеадов отказаться от азиатских территорий, завоеванных великим полководцем⁷⁴. Короче говоря, конец империи положил не кто иной, как Антипатр.

Вряд ли правильно приписывать Антипатру столь роковую роль в судьбе державы Александра. В действительности, непрочность данного государственного объединения, созданного силой оружия, заключалась прежде всего и главным образом в отсутствии подлинного социально-экономического и политического единства. Кроме того, распад империи Александра затянулся на долгое время и никоим образом не представлял собой единичный акт. Идея единства империи не была еще оставлена и после перемещения царского двора в Европу.

В субъективных обстоятельствах старается отыскать причины распада империи и П. Клоше. Он ищет их в характере, способностях, честолюбии полководцев Алек-

сандра. Так, он неоднократно подчеркивает, что честолюбие, вождество, личная неприязнь друг к другу, злая воля, алчность, злопамятство породили жестокие конфликты между диадохами⁷⁵. Положение усугублялось еще тем, что преемники Александра в неравной степени обладали авторитетом в армии, имели разные способности и различный характер, не все были одинаково честолюбивы, отсюда неповновленные одних другим, зависть, соперничество⁷⁶. Империя распадалась, по мнению французского историка, еще и потому, что был жив «македонский дух господства, алчности и разбоя»⁷⁷. П. Клоше ни слова не говорит о внутренних, объективных причинах распада империи, об отсутствии социально-экономического единства огромной державы, представлявшей из себя еще в большей степени конгломерат племен и народностей, чем Персидская деспотия.

Многие буржуазные историки пытаются доказать, что если бы Александр не умер на 33-м году своей жизни и прожил хотя бы еще 10—15 лет, его обширное государство стало бы крепким и надолго пережило бы своего создателя. Только ранняя его смерть, по их мнению, дала другой оборот событиям. Исторический процесс здесь ставится полностью в зависимость от личности, от военно-политических успехов. Не видя глубинных процессов, происходивших в социально-экономической жизни Греции и восточных стран, буржуазные ученые принимают за главное внешнюю сторону исторических событий, так как за ними не замечают действия общих законов общественного развития.

Эпоха диадоров во всей буржуазной науке рассматривается как время нескончаемых войн между наследниками Александра Македонского, и только в этих войнах буржуазные историки видят основную причину распада империи. Кроме фактической несостоятельности, такая концепция несправедлива и с методологической точки зрения. Военные действия диадоров несли на сравнительно ограниченной территории, часто не на магистральных путях, и хотя эти действия имели ряд пагубных последствий, тем не менее не они, а вернее не столько они, являлись причиной распада огромной империи. Причины этого важного исторического явления нельзя понять без правильного учета его объективных и субъективных факторов, без ясного представления конгломератного характера империи Александра.

Таким образом, в буржуазной историографии не определена социально-экономическая сущность эпохи диадоров, представлена самая произвольная ее внутренняя периодизация, не поставлена и тем более не разработана проблема возникновения и распада конгломератного государства, не выяснена роль коалиционных войн диадоров в процессе распада государства Александра Македонского.

Эпоха диадоров — проблема комплексная. Это — теоретико-методологическая, философско-историческая проблема распада конгломератного государства, это — выход за пределы истории одной страны, это — синхронный анализ процесса развития экономических, социальных, политических противоречий целой переходной эпохи греко-восточного мира: от социально-экономической и политической структуры империи Александра к соответствующей структуре эллинистических государств.

Любой переходный период предполагает вырождение старых черт, вызревание новых, временный синтез того и другого. В течение переходного периода накапливаются изменения, появляются противоречия будущего этапа развития. В такое время обычно социально-экономическая структура уже теряет какие-то признаки прежнего этапа, но еще полностью не приобретает качества нового. Такое переходное состояние, когда старое общество еще не сошло с исторической сцены, а новое — находится в процессе своего становления и развития, является благодатной почвой для самых различных проектов будущего, для новых поисков лучшей организации жизни и производительной деятельности. Поэтому выделение *особого* переходного периода требует выяснения основного его содержания, характеризующегося борьбой старого с новым, *победой* нового. Само промежуточное положение периода диадоров: между завоеваниями Александра и расцветом эллинистических монархий — создает важную проблему преемственности⁷⁸.

Все эти аспекты большой исторической проблемы ждут своего марксистского истолкования.

В советской науке до сих пор эта проблема не приковывала к себе того внимания, которого она заслуживает. Нет еще ни одной монографии, которая была бы специально посвящена эпохе диадоров, сложному и противоречивому процессу распада монархии Александра. Можно указать лишь на единственную работу А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», изданную в 1950 г., в которой только

одна, третья глава рассматривает войны диадохов и возникновение эллинистических государств. Автор, правда, в ограниченных рамках главы стремился показать не только разрушительные войны диадохов, но и непрерывный творческий, созидательный процесс, происходивший в период преемников Александра Македонского, — процесс развития экономики рабовладельческого общества, «ликвидации прежней замкнутости и изолированности, создание иной по типу духовной культуры»⁷⁹.

Настоящее наше сочинение есть попытка отчасти заполнить имеющуюся лауну. Вместе с тем оно представляет собой логическое и хронологическое продолжение нашей предыдущей монографии «Восточная политика Александра Македонского» (1976), явившейся, в свою очередь, продолжением двух книг автора по истории античной Македонии, изданных в начале 60-х гг.

В соответствии с замыслом мы намерены в данной работе четко обозначить два русла: одно — основное, которое должно показать наследство и наследников Александра в условиях изменившейся экономики и сложных социальных коллизий, другое — раскрыть роль и место войн диадохов в историческом развитии того времени. В результате оба русла должны объединиться в общий поток, снять все преграды для того, чтобы яснее показать, как в сравнительно короткий исторический период, немного менее полувека (323—280 гг. до н.э.), в сложной международной обстановке распадалась держава Александра и завершился процесс сложения эллинистических государств. Насколько нам удалось осуществить это намерение — судить не нам. Об этом скажет взыскательный читатель, на суд которого автор отдаст результаты своих многолетних поисков, наблюдений и выводов.

Глава первая

ОЙКУМЕНА. КОНГЛОМЕРАТ. ДИАДОХИ

§ 1. Уроки истории

Безумная и авантюристическая идея завоевания мира дразнила воображение завоевателей уже тогда, когда они едва ли в точности знали, как велик мир. Реальное воплощение эти вождельцы впервые получили около трех тысяч лет тому назад в созданном ассирийскими царями огромном мировом государственном объединении. Они первыми ввели в обиход понятие мировой державы¹. Как случилось, что Ассирия сумела сломить сопротивление местных самостоятельных образований, разобщить друг от друга различные племена и страны и с беспощадной решительностью расчистить себе путь для широких завоеваний?

Учитывая выгодную международную конъюнктуру: слабость Вавилонии, борьбу Египта с хеттами за Сирию, отсутствие анти-ассирийского фронта, — ассирийские цари использовали внутренние затруднения той или другой страны, быстро завоевывали ее со своими превосходящими войсками и, не давая ей опомниться, переходили к следующей жертве.

Так, в XIII в. до н.э. цари Ассирии начинают бешеную борьбу с Вавилоном, в результате чего последний пал, его укрепления были разрушены и опустошены, храм Мардука разграблен. В XII в. Тиглатпаласар I одерживает крупные победы над горцами Нинири, над арамейскими ордами кочевников, над хеттами, Сирией, вплоть до Финикии. Эти победы постепенно выдвигали Ассирийское государство на одно из первых мест в системе древневосточных обществ. Ассирия становится руководящей державой в Передней Азии².

В XI в. до н.э. у ног ассирийцев лежали покоренными: восточная часть Малой Азии, вся Месопотамия, Сирия, Финикия и «непреступный» Дамаск. В дальнейшем далекими походами Саргона II завоеваны Палестина, Ванское царство и Элам. Все больше и больше соседних стран становятся жертвами завоевателей. В VIII—VII вв. до н.э. Ассирия становится неоспоримой властительницей пространств от Персидского залива до Средиземного моря³. Внук Саргона II, сын Синахериба Асархаддон покоряет Аравию и Египет, а его сын Ашшурбанипал совершает военный поход против отпавшего Египта, грабит его столицу Фивы и подчиняет труднодоступные горные области Элама. Ассирия в это время достигает наиболь-

шего территориального развития и находится на вершине своего могущества⁴. Ассирийский царь говорит о себе, что он «сверг всех своих врагов и смел их, как прилив бури», он называет себя могущественным героем, вооруженным ужасом, который, «поражая врага, оставляет свое оружие открытым», царем, «для которого со дня его воцарения нет равных владетелей и который в бою и в борьбе не встречает никаких преград, раскалывает страны как глиняные горшки и надевает узду на четыре страны света»⁵. Обычная формула из анналов ассирийских царей гласит: «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разрушил, я сжег огнем и превратил в пустыри и развалины».

В хронологических таблицах, дошедших до нас, мы видим, что каждый год царствования ассирийских царей отмечен каким-нибудь походом⁶. Грабеж и добычи, захват чужих территорий — обычная цель этих походов⁷. Ассирия не знала покоя, но не давала покоя и другим. На севере и на юге, на востоке и на западе ассирийские полчища под предводительством своих царей вторгались, в буквальном смысле слова, с огнем и мечом в чужие земли, опустошали, жгли, убивали, грабили имущество, налагали дань, уводили с собой людей, коней, крупный и мелкий скот. Нередко опустошались целые города, взрослое население их поголовно истреблялось или уводилось в рабство. В ассирийской столице Ниневии образовался рабский рынок⁸. Многие барельефы ассирийских дворцов изображают страшные сцены: осаду крепостей, разрушение и уничтожение городов, беспощадную экзекуцию попавших в плен людей, которых сажали на кол, размозжают и рубят им головы, сдирают кожу с живого тела, отрезают носы, руки и ноги, вырывают языки⁹. «Только на развалинах чело мое проясняется, только утоляя гнев свой, я чувствую себя удовлетворенным», — пишет один из ассирийских владык¹⁰.

Тиглатпаласар I хладнокровно повествует о сожженных и разрушенных городах, об уводимых в плен людях, об огромной добыче¹¹. Так, при завоевании стран Наири, он хвастливо говорил о своих успехах: «Крепость их я занял, имущество разграбил, города их сжег, уничтожил, опустошил и обратил в кучу щебня и груды развалин...»¹². Тиглатпаласар III, чтобы навсегда сломить сопротивление побежденных им народов, прибег к политике «насаху», что значит «вырывать с корнем», «искоренять». Саргон II, выступая против мидийских областей и Урарту, сжигал на своем пути десятки городов и сотни поселений, цветущие сады, разрушал ирригационные сооружения, захватил несметные богатства¹³. Подвергнув страшному погрому мидийские области, он превратил многие из них в заброшенные холмы развалин¹⁴. Сын Саргона II Синахериб с неприкрытым цинизмом хвастался, что во время первого похода на Вавилонию он награбил много добра и обездолил многих людей: «Двести восемь тысяч человек, малых и больших, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупного рогатого скота и овец без числа — тяжелую добычу я награбил (и увел) в Ассирию»¹⁵. Но и этого было мало. Когда Вавилон был взят ассирий-

скими войсками, по приказу их царя он был варварски сожжен и разрушен: русло Евфрата завалили обломками строений, открыли все шлюзы и воды реки хлынули по городским руинам. Множество вавилонян перебили, часть разбежалась по соседним странам, остальных угнали в плен и продали в рабство.

Весть о гибели Вавилона потрясла весь ближневосточный мир¹⁶. А ассирийский царь похвалялся над руинами прославленного города: «Я разрушил его более основательно, чем бы это сделал потоп. Для того, чтобы в грядущие времена никто не мог бы даже вспомнить местонахождение этого города, его храмов и богов, я затопил его водой». Так на базе грабительских завоеваний, при Асархаддоне и Ашшурбанинале было положено основание «мировой державе» Передней Азии, границы которой простирались с южной части Малой Азии на севере до Аравии и Персидского залива на юге, от Элама и Персии на востоке до Египта на западе.

Свою претензию на всеобщую власть, на господство над миром (соответствовавшее ограниченному географическому и политическому горизонту тогдашнего времени) ассирийские цари выразили в пышной титулатуре, названия которой встречаются в надписях вавилонских царей: «господин четырех небесных или мировых областей», «господин всего, вселенной или мира». Определенными мероприятиями они стремились придать своему господству известную твердость. Это касается прежде всего создания аппарата чиновников и идеологической основы власти. Присоединив разгромленные страны к своей державе, они создавали в них, в лице назначенных ими наместников, которые упоминаются в надписях, органы господствующей власти. Широко практиковалось массовое принудительное переселение жителей завоеванных стран вместе со всем их имуществом, скотом и скарбом. Так, Тиглатпаласар III после одного из своих походов переселил в Ассирию 154 тыс. человек, Саргон II — 90 тыс. человек, а Синахериб — более 200 тыс. Эти многократные перемещения населения, о которых говорят надписи, снижали способность покоренных к сопротивлению. Однако развитой государственной организации ассирийское господство не представляло. По существу, это — только военная превосходящая сила победителя как таковая, покорившая побежденных, но не создавшая вполне оформленной политической и созидательной организации.

Более успешным было создание идеологической основы власти путем утверждения и распространения религии. Так, бог Ашшур являлся правильным образцом или отражением беспощадного ассирийского владыки, подавлявшего всякое сопротивление себе завоевательной силой. Он «царь войны, высоты, который одолевает сопротивление, победоносный, совершенный, непреодолимый, наступление которого подобно бурному урагану, сметающему страну врага»; он «сметает всех противников царя как ураган, низвергает его всех врагов»¹⁷. Чужие божества попадают точно так же, как чужие народы, которые их почитают, под власть Ашшура, и от его милости зависит, простит ли он их, сохранит ли их культ в дальней-

шем под своей верховной властью. В этом случае ассирийский царь позволяет на чужих изображениях богов, попавших под его власть, «изображать силу Ашшура, своего господина»¹⁸. В аннальной надписи Ашшурбанипала четко описывается уничтожение вражеских культов¹⁹. Ашшур был богом, враждебным и беспощадным к другим богам. Он образовал религиозную основу широкой, базирующейся на непрерывном завоевании системы власти, которой покорились самые различные племена и страны.

Причины, способствовавшие достижению ассирийскими царями мирового господства, были связаны, прежде всего, с соотношением борющихся сил того времени, которое складывалось в пользу Ассирии. Страны, входившие в лагерь, враждебный Ассирии, не достигли единства, не смогли объединиться в крепкий союз, поэтому они не были в состоянии выдержать натиск со стороны единого организма Ассирии. Так, Вавилония, раздираемая внутренними противоречиями, ослабевает от ударов хеттского войска, от вторжения касситов, от нашествия халдеев. Поэтому захватить Вавилонию не представляло больших трудов. Ассирийцы использовали столкновение хеттов с Египтом, ослабившее обе стороны, и без особого труда победили Хеттское государство. Ни Вавилону, ни Египту, ни хеттам, ни Палестине не удалось объединиться в единый союз против захватчиков, что, естественно, усилило мощь последних.

Кроме всего этого, победа ассирийским завоевателям давалась сравнительно легко и быстро еще и потому, что армия их, оснащенная новейшими достижениями техники и военного искусства, стояла неизмеримо выше военных сил противника. Ассирийская армия была создана в связи с систематическими грабительскими походами и питалась ими. Организованная из воинов-колонистов, постоянных военных наборов и отрядов наемников и обогащенная многолетним военным опытом грабительских войн и военными реформами Тиглатпаласара III, армия ассирийских царей была грозой для всего окружающего мира и в течение более столетия не знала себе равной. Она была оснащена прекрасной техникой, фортификационным искусством, осадными орудиями. Ею руководили полководцы, хорошо сведущие в военном деле. Ими были широко применены способы молниеносного удара, маневры наступления, способы применения фронтальных и фланговых атак, тактика сокрушения, тактика измора и т.д.

Не только армия была оснащена завоевательной техникой, но и весь государственный аппарат с его сложнейшей бюрократической системой был поставлен на службу осуществления грабительских походов и использования добычи последних. Так, на грубом насилии и деспотизме крупное древневосточное Ассирийское государство впервые объединило почти всю Переднюю Азию. Но это был колосс на глиняных ногах. Грандиозная Ассирийская держава, осуществлявшая свое господство в течение полутора столетий, потом перестает существовать и сходит с исторической сцены.

Что обусловило гибель этого мирового государственного объединения? Ответ на этот вопрос надо искать в причинах внутреннего и внешнего порядка. Прежде всего, следует отметить причины экономические. Завоеванные области, находившиеся на разных уровнях экономического развития, не имели прочных экономических связей и общих интересов с государством в целом. Эти области, подвергавшиеся неслыханной тирании и эксплуатации, усиливали центробежные силы и ослабляли мощь страны. Путь следования ассирийских захватчиков отмечался смертоносным разорением, прямым неприкрытым грабежом, кровавыми злодеяниями, кошмарными погромами, захватом ценностей и пленных. Это не могло не вызвать возмущения покоренных и находившихся под угрозой покорения народов. Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии — «логовища львов» и о падении ее столицы Ниневии — «города крови»²⁰.

К экономическим причинам необходимо присовокупить причины социальные. Быстрорастущие противоречия в самом ассирийском обществе между народными массами и господствующей зажиточной верхушкой (ассирийской знатью, высшим жречеством, военной и купцами) приводили к волнениям против инициаторов изнурительных военных походов. Эти брожения часто находили отклик среди рабов, бесчеловечно эксплуатируемых ассирийскими рабовладельцами. Всякое недовольство каралось с чрезвычайной жестокостью, приводившей в ужас окружающие народы.

Все это вызывало ненависть к угнетателям, приводило к многочисленным восстаниям и мятежам, подтачивавшим силы ассирийского господства, которому все труднее становится бороться с отложившимися от него странами. Кроме того, ассирийское войско, технически и тактически хорошо организованное, не могло закрепить победу. Чем шире раздвигались границы завоеваний, тем неизбежнее проявлялась для ассирийских завоевателей необходимость в дальнейшем наступлении, в продвижении вперед. Победив север, они должны были идти против Вавилонии, если хотели сделать свои завоевания более или менее прочными. В свою очередь, завоевав Вавилон, Месопотамию, Сирию, Дамаск, они должны были продвигаться дальше против Египта, если хотели закрепить за собой западные области, и т.д., и т.п.

Мало того, ассирийские цари должны были вести войны без отдыха, ценою большого напряжения сил, рискуя в противном случае стать перед фактом крушения своих усилий, в связи с организацией уцелевшими государствами единого антиассирийского фронта. Это невероятное расширение своих государственных границ требовало большой оккупационной армии, в обязанности которой входило держать в повиновении завоеванные народы. Однако само ассирийское войско не было в состоянии выполнить эту задачу. Сравнительная малочисленность ассирийского народа вынудила прибегнуть к вербовке в армию иноземцев из покоренных народов²¹. Поэтому армия была густо разбавлена большим количеством наемных отрядов. По сути своей этим наемникам были чужды ин-

тересы Ассирийского государства. Они продавали свое тело и кровь за деньги. В войнах их привлекало лишь одно: возможность извлечения личной выгоды из той или другой победы. Пока Ассирия побеждала, наемники были заинтересованы в военных действиях, но как только она стала терпеть неудачи, наемники перестали видеть выгоду в войне, деморализовывали военные ряды и тем самым ослабляли военную мощь страны.

При таком положении дел достаточно было нескольких сильных ударов, чтобы обнаружилась внутренняя гнилость Ассирийской державы, вскрылись присущие ей непримиримые внутренние противоречия и пришли в движение огромные центробежные силы, которые взорвали Ассирийское государство²².

В этот период наиболее обострившихся социально-экономических противоречий образуется антиассирийская коалиция в лице Вавилонии и Мидии и других государств. Мидии удалось захватить столицу Ниневию, разгромить ассирийскую армию и затем прекратить существование мирового могущества Ассирии. Объединенное Мидийское государство стало могильщиком своего стародавнего врага — Ниневийской державы²³.

В стремлении к мировому господству Ассирию сменила Персия. Созданная завоеваниями Кира, Камбиза и Дария, она стала одним из величайших государств древности. В период своего расцвета Персидская держава занимала огромную территорию от берегов Аральского моря и Сырдарьи на востоке до берегов Средиземного и Черного морей на западе, от Кавказского хребта на севере до берегов Персидского залива и Египта включительно — на юге. За каких-нибудь сорок лет персидским завоевателям удалось проникнуть почти во все уголки тогдашнего мира. Этому способствовали не только политика грубого насилия и деспотизма, дальновидная дипломатия персидских царей, но и крайняя инертность других стран Востока, вовремя не разглядевших замыслы персов.

Для тогдашнего мира было большой сенсацией известие о том, что небольшой Персии удалось в 550 г. до н.э. разбить мидян, за полстолетия до этого разгромивших мировое владычество Ассирии. Мидия, обескровленная многолетней борьбой с кочевыми племенами, с Ассирией и халдами, не могла устоять против дружного напора персов. Захват Персией Мидии был для многих древневосточных государств лишь интересной новостью. Но как только стало известно, что это только лишь начало, что Кир думает идти дальше на север и северо-запад, ряд стран вышел из бездейственного состояния и стал принимать кое-какие меры, чтобы задержать дальнейшее возвышение и расширение Персидского царства. Был даже создан тройственный антиперсидский союз трех крупнейших государств: Египта, Лидии и Вавилонии. Но этот союз оказался малоэнергичным, инертным и не способным быстро организовать сопротивление. Пока лидийский царь Крез, по выражению Геродота, обдумывал в душе, «нельзя ли как-нибудь сломить растущую мощь персов»²⁴, жертвовал несметное богатство Дельфийскому храму, чтобы спросить у его оракулов, что случится, если он нач-

нет войны с Киrom, — последний начал ее сам и показал на деле, что может случиться. Случилось то, что армия Лидии вскоре была разгромлена, столица ее Сарды взята, сам Крез захвачен в плен, дорога для персидского царя в Малую Азию открыта²⁵. Малоазийская земля вскоре становится жертвой его воцелений.

Покорив Малую Азию, использовав ее богатые ресурсы и изолировав от возможных союзников крупнейшее торговое Вавилонское государство, Кир захватывает все торговые пути и держит Вавилонию в экономической блокаде. Это вызвало внутри страны крупные волнения, недовольство политикой царя Набонида (Лабинета), направленной на сопротивление персидской агрессии, при-

вело к созданию крупной персофильской партии, которая изменой добровольно отдала врагу свою родину²⁶. Кир, без войны и осады, без наводнения Евфрата и без ночных атак, сделал триумфальный въезд через улицы столицы, чернеющие народом. Об этом с неприкрытым притворством Кир говорит в манифесте, изданном по поводу взятия Вавилона: «Мои многочисленные войска мирно вступили в Вавилон. Во весь Шумер и Аккад я не допустил врага. Забота о внутренних делах Вавилона и о всех его святилищах тронула меня, и жители Вавилона нашли исполнение своих желаний, и бесчестное иго было с них снято. Я отвратил разрушение их жилищ, их падение»²⁷. Здесь ни слова об измене, о борьбе внутри Вавилона, о его предателях.

Такое же положение было и с Египтом. Зная, что Египет окажет сильное сопротивление, Кир, а затем и Камбиз ищут союзников из числа близко прилегающих к Египту государств. Для этой цели персидские цари ведут очень тонкую политику в Финикии и Иудее. Они возвращают иудеев из неволи на родину, строят им вновь Иерусалим и храм, становятся ревностными поклонниками иудейской религии и этим самым приобретают себе надежных союзников в борьбе с Египтом. Этот союз был особенно важен, так как он давал возможность перебросить войска на египетский фронт через территорию союзников, а на случай похода через пустыню было заключено соглашение с арабскими кочевыми племенами, по которому последние обязались не только не тревожить персидскую армию, но даже снабжать ее водой. Такое обстоятельство давало возможность персидскому войску беспрепятственно двигаться к Египту, где после одного сражения зажиточная верхушка египетского населения, решив перейти на сторону персов, открыла северные границы своего государства врагу.

Персы покоряли одну страну за другой: одних — силой оружия, других — коварством и обманом. Хорошо вооруженное и организованное персидское войска по благоустроенным дорожным магистралям сравнительно быстро передвигалось с одного места на другое, внушая страх и трепет всем народам тогдашнего мира.

Претендуя на мировое господство, Ахемениды, как в свое время ассирийские цари, старались выразить эту претензию в пышной титулатуре. По указанию оратора Эхина, персидский царь назывался «господином всех людей от восхода до захода солнца»²⁸.

В ахеменидских надписях мы находим обозначение: «Великий царь, царь царей, царь стран (четырёх племен), царь этой большой земли также и в будущем». Плутарх приводит указание историка Динопа о том, что персидские цари хранили в своей сокровищнице кроме многочисленных драгоценностей также воду из Нила и Истра, словно утверждая этим огромность своей власти и свое господство над всеми²⁹.

При Дарии I Ахеменидская держава достигла наибольших размеров. В то время была сделана попытка придать ей определенную монолитность путем концентрации частной власти сатрапов в одной центральной высшей власти, путем создания единой государственной монеты, системы сообщения, религии. Бог Ахурамазда, которого Ахемениды почитали как основную и охраняющую силу своего царства, не был чужд иранским племенам, что обеспечивало персидскому господству широкий базис³⁰. Сами персы, как рассказывает Геродот, считали себя лучшими из людей, а живущих вдали от них — худшими, другими словами, свою страну и свое племя — первоначальным центром мира³¹.

Несмотря на все это, внутреннего единства Персидское государство никогда не имело. Могущество колоссальной державы Ахеменидов было скорее кажущимся, чем действительным.

Древний Восток тогда не знал более пестрого состава государства как в экономическом, так и в этническом отношении, чем Персидское. По утверждению Курция Руфа, сам персидский царь даже не знал названий всех племен, обитавших в его царстве³². Сатрапии, на которые административно было разделено Персидское государство, составляли большие округа с этнически неоднородным населением. Единые этнические образования искусственно расчленились³³. Каждая сатрапия была не только самостоятельной политической единицей с собственным войском и бюджетом, но и самостоятельной экономической единицей. Сама экономика этих сатрапий развивала центробежные силы в стране. Если переднеазиатские сатрапии: Армения, Вавилония, Египет — были экономически развитыми, с ярко выраженными рабовладельческими отношениями, то слабо развитыми, наоборот, оказались обширные пространства Ирана, Средней Азии и другие периферийные области, где жило кочевое и полукочевое население, у которого еще существовало большое количество пережитков патриархально-родовых порядков³⁴. Персидское государство не могло объединить свои сатрапии экономически. Пожалуй, лишь торговые финикийские города были заинтересованы в существовании Персидской державы. Что касается других, то они могли обойтись и без нее. Египет, имея достаточно хлеба, сырья и ремесленных изделий, мог вполне существовать самостоятельно. Могло обойтись без посторонней помощи и население среднеазиатских степей с его натуральным хозяйством. Что касается западной Малой Азии, то она экономически была более связана с Грецией, чем с Персией³⁵.

При отсутствии общих экономических связей в Персидском царстве сохранить военно-административное объединение и свое

господство над завоеванными племенами и народами, различными по уровню своего экономического и общественного развития, языку и культуре, Ахемениды могли только жестоким военным насилием. Поскольку Персидское государство жило за счет податей и налогов, собираемых с сатрапий, за счет ограбления чужих территорий, то сбор этих податей являлся одной из важнейших функций сатрапа, который, кроме этого, имел неограниченную власть: он был верховным судьей своего округа, имел право чеканки серебряной монеты, заботился о развитии основного занятия населения, изыскивал новые объекты обложения жителей для увеличения доходов царя. Налоговое обложение было крайне тяжелым. Выколачивать дань с подвластного населения возможно было только опираясь на военную силу³⁶. Чем быстрее расширялись границы завоеваний, тем больше возрастала тяжесть повинностей. При этом все налоги и повинности собирались не государством, а откупщиками, которые по своему усмотрению увеличивали их в несколько раз. Существовали специальные торгово-ростовщические дома, которые осуществляли сбор налогов³⁷.

Наряду с уплатой денежных и натуральных налогов, одной из наиболее тяжелых повинностей покоренных народов была поставка воинов для вспомогательных отрядов ахеменидской армии. С помощью этих отрядов Ахемениды держали в повиновении жителей одной сатрапии воинами, взятыми из другой сатрапии, причем последние набирались из самых отдаленных от данной сатрапии стран и чуждых по языку и быту народов. Так, в одном из найденных в Египте, в городе Элефантине, папирусов сообщается, что в числе воинов тамошнего гарнизона были хорезмийцы, т.е. жители самого отдаленного северного района, подвластного Ахеменидам в Средней Азии.

Наличие в каждой сатрапии наместника царя «царского ока», множество шпионов — «царских ушей», выполнявших функции тайной полиции, засилье откупщиков часто приводили к волнениям против носителей государственной власти. Эти волнения усугублялись внутренними противоречиями между основными классами в персидском обществе, между зажиточными слоями и народными массами, между интересами отдельных областей государства и интересами государства в целом.

Таким образом, Персидское царство, разделенное на сатрапии, чрезвычайно нестрые как в экономическом, так и в этническом отношениях, безжалостно эксплуатируемые, должно было беспрекословно силой оружия удерживать за собой господство. Малейшее ослабление царской власти или смена царей не проходили без восстаний и смут, и часто новому царю приходилось заново завоевывать все приобретенное его предшественниками. Но завоевывать с каждым годом становилось все труднее. Многочисленная армия, состоявшая в большинстве своем из иноземцев, теряла свою боеспособность и не была в состоянии обслуживать широкий размах экспансионистских планов персидских царей.

По мере усиления эксплуатации сатрапий, увеличения бремени

налогов и коварства завоевателей росла ненависть к ним со стороны покоренных народов. Об этом отчасти свидетельствует смерть Кира, которому массагеты, в знак его ненасытной жажды крови, отрубили голову и бросили ее в кровавый мешок³⁸. Об этом говорят и неоднократные восстания при Камбизе, которому не удалось их подавить, и частые смуты, имевшие место после него. Все это показывало непрочность и нежизнеспособность персидского мирового господства, неизбежность его кручения вследствие роста внутренних противоречий.

Этот процесс особенно обостряется и приобретает характер взрыва под влиянием удара извне. Такой удар, развязавший силы внутреннего сопротивления, был нанесен империи греками в греко-персидских войнах. В Греции персы впервые испытали мощный удар от малога в количественном отношении противника, удар, от которого им никогда уже не удалось оправиться. После этих войн начинается медленный спад, агония Персидского мирового государства, завершившаяся впоследствии завоеванием его Александром Македонским. В это время под оболочкой официальной покорности возрастала независимость сатрапов и тем самым ослабевало единство Персидского государства.

Греческие источники ясно указывают на то, как исторические события в Персии после Дария I, характерные глубокими потрясениями, привели страну к ее трагическому финалу. Едва исчез миф о непобедимости персов в греко-персидских войнах, как резко усилилось неповиновение со стороны покоренных Персией народов. Вслед за военным поражением Ксеркса отпали Македония, Фракия, целые области Малой Азии, Вавилония, Египет. Особенно мощным было выступление Египта, который с начала V века до н.э. систематически проявлял сепаратистские тенденции, а египетская знать часто обнаруживала готовность к восстанию против центральной власти. Первые неудачи персов в Греции придали египтянам уверенность в возможности добиться победы. В 486 г. до н.э. они подняли антиперсидское восстание, прогнали чужеземные гарнизоны и провозгласили царем Хаббинну³⁹. Ксеркс одержал победу над последним только численностью своего войска. Геродот говорит, что он покорила восставших и весь Египет подчинил гораздо более тяжкому игу, чем то, под каким он находился при Дарии⁴⁰. Ксеркс передал Египет в управление своему брату Ахеменесу, но и тот не мог достигнуть абсолютного повиновения покоренных. Впоследствии Ахеменес был убит сыном Псамметиха Инаром, который, по свидетельству Геродота, вместе с царем Египта Амиртеем причинил персам больше всего вреда⁴¹. У Ктесия последний называется союзником Инара в его войне с персами (466--455 гг. до н.э.).

Инар возглавил восставших соотечественников, недовольных персидским гнетом, и объявил войну Артарксерксу. Из страны были изгнаны персидские сборщики податей. Восставшие одержали победу. Инар убил Ахеменеса и истребил много персов⁴². Для подавления восстания царь Персии послал две крупные армии и флот, передав эту операцию в руки одного из лучших персидских полко-

воднев Мегабаза. Последнему удалось на время победить мятежный Египет. Инар сдался⁴³. Он был взят в плен и распят на кресте.

Подавив жестокими мерами очаги сопротивления, персы были уверены, что смирили непокорный Египет. Но добиться сколько-нибудь прочного господства в этой стране им не удалось. Об этом свидетельствует тот факт, что сыновья Инара и Амиртея — Таннир и Павсирис сохранили за собой власть в дельте Нила. Элефантинские папирусы сообщают о Египетском восстании в 411 г. до н.э. Через год, в 410 г., вспыхивает восстание в Мидии, в 405 г. до н.э. подымает восстание воинственное горное племя кордухов. В конце V в. до н.э. Египет освобождается от персидского господства, и Амиртей провозглашает независимость страны.

Длительная полоса восстаний способствовала ослаблению Персидской монархии. Сами персидские владыки становились игрушкой дворцовых интриг и выросшей власти сатрапов. В результате этого был умерщвлен Ксеркс. Хотя его преемнику Артаксерксу I удалось избежать участи своего предшественника и незаконно удерживать власть более полувека, тем не менее его государство представляло собой огнедышащий вулкан. Царствование его сопровождалось опасной войной с бывшими заговорщиками против царя, затем мятежом в Бактрии и упомянутым уже длительным пятилетним восстанием в Египте под предводительством Инара⁴⁴.

После правления Артаксеркса I Персидская держава приходит в совершенный упадок, в результате которого сатрапы делают почти независимыми властителями в своих областях. Мало того, они решают судьбу трона через свои сильные партии при дворе, через свое влияние и могущество. Длинный ряд зверств, измен и восстаний, борьба Артаксеркса с Киrom младшим и гибель последнего, коварные интриги внутри самой господствующей верхушки — все это характерно для Персии первой половины IV в. до н.э. В таких условиях еще больше усилились восстания покоренных народов. Даже после Анталкидова мира, когда персидский царь стал непосредственно вмешиваться в дела греческих государств в качестве высшего третейского судьи, у себя дома он не был в состоянии сдерживать сепаратизм честолюбивых сатрапов и сопротивление покоренных народов.

Первым знамя независимости подняло население Кипра⁴⁵. Антиперсидским движением на острове руководил царь Саламина — Эвагор, который вступил в открытую войну против Артаксеркса⁴⁶. Ему оказали помощь деньгами и оружием Греция и Египет. Последний прислал восставшим хлеб, боевые припасы, деньги⁴⁷. Египетский фараон Акорис прислал Эвагору 50 кораблей. Персы вели безуспешную войну с мятежниками. Под руководством Автофрадата они потерпели постыдное поражение. Эвагор овладел Китионом и Амафонтом, переплыл море, взял штурмом Тир и опустошил Финикию и Киликию⁴⁸. Исократ указывает, что персы держали свой флот в районах Кипра, Финикии, Киликии. Эти районы впоследствии отошли от персидского царя и «стали жертвой войны»⁴⁹. По Исократу, Кипрская война стоила персам 15 тыс. талантов⁵⁰.

В 365 г. до н.э. сатрап Ариабарзан поднял восстание в Сирии, которое длилось целых три года⁵¹. В последние годы правления Артаксеркса II почти все западные сатрапии отпали от Персидского государства⁵².

Особенно усилились антиперсидские выступления за последнюю четверть века до походов Александра Македонского на Восток. В течение всего правления Артаксеркса III Оха (358—338 гг. до н.э.) шла напряженная борьба Персидского государства с непокорными сатрапами и восставшими народами, в первую очередь с населением Малой Азии, Сирии, Финикии, Палестины, Египта. Особенно активным становится Египет. Каждая сатрапия, выступавшая против Персидского государства, видела в Египте своего союзника, который всегда находил возможность оказать восставшим существенную помощь деньгами, воинами и кораблями. Когда началось антиперсидское восстание в Малой Азии, оно тотчас же было поддержано Египтом. Энергия, с которой выступал он против Персии, подняла дух финикийских городов, начавших целую антиперсидскую войну⁵³. Представители финикийских городов на общем собрании в Триполи поручили сидонскому правителю Теннесу руководить действиями против персов. Первым его делом должно было быть уничтожение персидского царского парка в Ливане и сожжение провианта, заготовленного в финикийских портах для войны с Египтом. Когда Артаксеркс самолично выступил в поход со значительным войском и флотом и подступил к Сидону, Теннес перешел на его сторону и способствовал взятию персами города. Но сами сидонцы не сдались. Они сожгли свои корабли, чтобы отрезать все пути к отступлению и принудить всех граждан защищать свой родной город до последней возможности. Когда измена Теннесса и предводителя греческих наемников Ментора Родосского уничтожила всякую надежду на спасение, сидонцы предпочли смерть персидскому рабству. Они зажгли свой город и сами бросились в огонь вместе со своими женами и детьми (348 г. до н.э.). По свидетельству Диодора, в огне погибло не менее 40 тыс. человек. Однако все жестокости персов не сломили духа восставших.

В первой половине 40-х гг. IV в. до н.э. Персия терпела неудачи в борьбе с мятежным египетским населением. Об этом свидетельствуют некоторые места «письма», отправленного в 346 г. до н.э. Исократом Филиппу II. В этом письме он с радостью отмечает, что персидский царь, подготовив многочисленную армию, которая должна была принять участие в экспедиции против египтян, вернулся оттуда не только побежденным, но осмеянным и недостойным ни царствовать, ни командовать войском⁵⁴. Исократ с удовлетворением подчеркивает, что мятежники страны Нила уже не проявляли по отношению к Персии той тревоги, которая не покидала их в конце V в. до н.э. После поражения Оха Исократ признавал как несомненный факт, что великий царь бессилен предпринять что-нибудь против свободы Египта⁵⁵. Во всем этом Исократ видел слабость Персидской империи и главный аргумент в своем стремлении убедить Филиппа Македонского напасть на владения персов. Мож-

но допустить, что афинский оратор, в пользу своей панэллинской идеи, несколько преувеличивает эти слабые стороны Персидского государства, но общая линия его развития показана правильно.

В 345 г. до н.э. Артаксерксу Оху удалось победить Нектансба, и то при помощи Никострата из Аргоса. Но уже через два года царь Персии вынужден был подготовить новую экспедицию, предназначенную для усмирения вновь восставшего Египта. Об этом говорят переговоры, начавшиеся весной 343 г. до н.э. между персидским царем и греками⁵⁶. Среди последних одни были на стороне персов и принимали активное участие в политике Персии, другие - в стане ее противников⁵⁷.

В последнее десятилетие перед восточными походами Персидская монархия уже вообще не может сдерживать напора восставших народов. В сатрапиях исчезает различие между гражданской и военной властью. Обе функции сейчас выполняет военачальник⁵⁸. Но и он не может улучшить положения, вследствие того, что персидские войска утратили свою прежнюю силу и значение. Когда-то Дарий в одной из своих надписей обращался к своим преемникам с призывом заботиться о персидском войске, чтобы не бояться никакого врага⁵⁹. Но выполнить этот призыв позднейшие Ахемениды были не в состоянии, потому что в самой армии происходила острая социальная борьба между персидской знатью и рядовыми воинами, эксплуатируемыми ею. Свободные воины-общинники страдали от многочисленных налогов и повинностей, от засилья ростовщиков, знати и жречества.

Разорение свободных общинников в результате этого угнетения приводило к ослаблению персидской армии, так как эти свободные общинники составляли самую боеспособную часть ее. Знать служила в коннице, а рядовые свободные составляли пехоту⁶⁰. Остальная армия состояла из насильственно набранных контингентов покоренных народов, совершенно не заинтересованных в победе персидского оружия. Геродот указывает, что персам нередко приходилось гнать их в бой бичами⁶¹. При наличии такого состава армии, в ней трудно было вводить какие-либо технические новшества и тактические усовершенствования. Раньше устрашением были серпоносные колесницы, но потом и они перестали устрашать врага. В последней главе «Киропедии», где повествуется об упадке военного дела у персов со времени Ксенофонта, сообщается, что хотя серпоносные колесницы по-прежнему, как в былые времена, продолжали использоваться в бою, они уже не причиняли особого вреда. Возницы до столкновения с врагами научились либо падать с колесниц, либо с них соскакать, и последние, лишены управления, нередко наносили больше вреда своим, чем неприятелю⁶².

Ослабление военной мощи Персидского государства свидетельствовало о том, что оно было больше не в состоянии своей армией обеспечить выполнение основных функций: поставлять рабов и удерживать их в повиновении, а также расширять государственные границы за счет новых завоеваний. При таких условиях персы ста-

раются использовать греческих наемников, хорошо обученных, прошедших школу знаменитых греческих полководцев Агесилая, Ификрата, Эпаминонда. Со времени Артарксеркса II греки уже составили ядро персидской армии, а командирами ее обычно становились греческие полководцы.

Ослабление военной мощи и систематические восстания расшатывали царский престол. В его существовании не были заинтересованы народные массы. В царской власти они видели машину угнетения. Не нуждались в ней и богатые города, подвергавшиеся ограблению и обложению налогами. Ее не поддерживали рабовладельцы различных областей, имущественные интересы которых не находились в зависимости от Персидского государства. Попытка Артарксеркса III обуздать мятежных сатрапов и упрочить центральную власть ни к чему не привела. Персидские цари перестают заниматься государственными делами. Их жизнь проходит среди интриг, преступлений, бесчинств и жестокостей временщиков⁶³.

Приняв в 336 г. до н.э. тяжелое наследство, Дарий III встал уже перед неотразимым фактом грозного наступления на Восток греко-македонских войск. Им еще не были изучены средства защиты своего царства, не были восстановлены порядок и относительная прочность в управлении государством, не было отмобилизовано способное войско, когда в его землю донесся слух, что большая греко-македонская армия во всеоружии готова перейти Малую Азию и начать войну.

К началу похода Персия занимала территорию в 50 раз большую, чем Македония, имела население в 25 раз многочисленнее, обладала несметными сокровищами даже при расстроенных финансах, располагала финикийским флотом, господствовавшим, под главенством Персии, на Средиземном море. Тем не менее Персидское государство, раздираемое внутренними противоречиями, оказалось слабым противником, и очевидной была неизбежность его крушения под ударами войск Александра Македонского. Достаточно было трех сражений знаменитого полководца при Гранике, Иссе и Гавгамелах, чтобы при первом — ранить огромное Персидское государство, при втором — обескровить его, а при третьем — стереть с лица земли. Александру хватило одного десятилетия для того, чтобы на развалинах Персидской монархии сколотить свое мировое государство, которое представляло собой пестрый конгломерат разнородных областей, соединенных силой оружия.

В предыдущей нашей работе по этой проблематике мы старались выяснить причины, которые способствовали сравнительно легкой победе над Персией⁶⁴. Мы искали эти причины не только в выдающемся полководческом таланте македонского царя, хотя его военный гений может считаться бесспорным, а главным образом в социально-экономических процессах, происходивших в то время в восточных государствах.

Для рабовладельческого общества существует историческая закономерность непрерывного возникновения таких мировых объединений из только что распавшихся и своеобразный закон обратной

пропорциональности между размерами этих объединений и устойчивостью их⁶⁵. Причины образования мировых конгломератных государств при помощи оружия и насилия, равно как и их недолговечности, коренятся в особенностях экономического и политического развития древнего мира. Рабовладельческое общество могло развиваться лишь при условии постоянного притока рабов извне. Важнейшим источником удовлетворения этой потребности, как и алчных appetитов рабовладельческой знати, служили войны. Поэтому вся история рабовладельческого строя — это история нескончаемых захватнических войн, ограбления и порабощения более сильными государствами слабых, менее развитых стран и народов. Такова объективная основа зарождения в древности идеологии и политики мирового господства и образования крупнейших рабовладельческих империй.

Вместе с тем при более детальном анализе эта основная причина, вытекающая из глубинных социально-экономических закономерностей исторически определенной эпохи, может быть дополнена рядом причин производного, вторичного порядка. Причем последние, как показывает исторический опыт, общи для попыток завоевания мирового господства на разных отрезках человеческой истории (с учетом, конечно, социально-экономического характера различных эпох). К ним можно отнести: милитаризацию экономики и военизацию государственного аппарата; создание многочисленной, оснащенной новейшими достижениями техники, армии как основного орудия осуществления завоевательной политики; выгодную международную конъюнктуру; отсутствие деятельной коалиции против захватчиков.

Быстрая гибель мировых держав древности обуславливалась причинами как внутреннего, так и внешнего характера. К причинам внутреннего характера следует отнести: отсутствие общей экономической основы, мирового рынка и хозяйства, что лишало мировое государство длительной жизнеспособности; быстрорастущие противоречия между народными массами и господствующей верхушкой, вызывавшие внутренние волнения: невозможность обеспечения и закрепления победы армией завоевателя ввиду необходимости непрерывного наступления и расширения коммуникаций, требующих огромной оккупационной армии, а также ввиду увеличения в ходе войны в составе армии удельного веса наемников, лишенных патриотизма и чуждых интересам завоевателей. К причинам внешнего характера следует отнести военный удар извне, развязывавший силы внутреннего сопротивления завоеванных народов. Отмеченные закономерности были присущи также и огромной империи Александра, распад которой был предопределен не отдельными неудачами и ошибками или ранней смертью македонского царя, не притуплением его военного гения, а теми причинами, о которых было сказано выше.

Примечателен и другой факт, который также требует объяснения. Ассирийское мировое объединение складывалось в течение шести веков, Персидское мировое государство — около двух веков,

империя Александра Македонского — около десяти лет. Ассирийское государство распалось за сорок лет, Персидское — за четыре года, империя Александра не пережила своего основателя и распалась, как карточный домик, в процессе ее сложения. Короткий промежуток времени в 43 года (323—280 гг. до н.э.), в котором действовали диадохи, представлял собой переходный период от одного этапа развития древнего мира, характеризующегося процессом возникновения и распада мировых империй, к другому этапу, характеризующемуся развитием эллинистических государств. Это был не столько распад, сколько сложение новой политической формы рабовладельческого общества. Необходимость создания более прочной политической организации, чем лишенное экономической основы конгломератное государство, диктовалось потребностью хозяйственного развития античного мира: ростом товарного производства и экономических связей между отдельными областями. Конкретно-историческим выражением этого процесса и явилось возникновение эллинистических государств. Весьма характерно и то, что два первых мировых государства пали в результате внутренних противоречий и внешнего удара, империя Александра Македонского — только в результате внутренних причин.

Из этого явствует, что в процессе распада конгломератных государств действуют не только общие закономерности, но и конкретные, специфические особенности. И то и другое представляет собой большую теоретико-методологическую проблему, которую важно решить как в конкретных исторических исследованиях, так и в общих теоретических построениях.

Уроки истории неодолимы. История наказывает тех, кто не хочет учиться у нее. Ни одному из претендентов на мировое господство не удалось осуществить своих намерений. Народы не любят «претендентов». Это доказал исторически. опыт, это подтверждает современность.

§ 2. Наследство и наследники

После смерти Александра осталось его огромное наследство, в которое входили, кроме Македонии и европейских владений, Египет, Сирия, почти вся Малая Азия, Центральная Азия, часть Средней Азии и часть Индии. Никаких указаний относительно того, как распорядиться этим богатым наследством, он не оставил, не успел оставить. Никто не знал, что лучше: сохранить наследство или разделить его по частям. Потеряны были единая воля, единое действие, единая программа. Все было зыбко и неопределенно. Такое положение ощущалось равным образом и на Балканах, и в восточных землях.

В самой Македонии оставался престарелый наместник страны Антипатр, с его алчным сыном Кассандром, человеком, не довольствовавшимся подчиненной и пассивной ролью, жаждущим власти. Здесь же находилась вдовствующая сестра Александра — Клеопатра, а в соседнем Эпире — их мать Олимниада. Целая когорта

сподвижников македонского царя оставалась на Востоке. Сразу после смерти Александра они открыто обнаружили свое честолюбие, жадность и непримиримость. Никто не хотел уступать друг другу, каждый стремился урвать больший кусок из богатого наследства. В последний раз они мирно встретились на похоронах Александра, после чего встречались как враги только на поле битвы⁶⁰.

Наследники эти не были равными ни по степени своего честолюбия, ни по своим устремлениям, ни по роли и заслугам в восточных походах Александра. Одни из них прошли с царем всю восточную кампанию от начала до конца, другие примкнули к этой кампании лишь на заключительном ее этапе (Леоннат, Селевк, Лисимах); третьи в этой кампании вообще не принимали участия (Антипатр и Кассандр, Антигон и Деметрий). Среди них были те, которые принимали восточную политику Александра (Пердикка, Эвмен), и те, которые не были согласны с ней (Мелеагр, Антипатр, Антигон). Наследники Александра, вступившие после его смерти в борьбу за власть над завоеванным миром, испытывали на себе все противоречия переходной эпохи, в которой они жили и действовали. Различные контрасты этой эпохи отразились в каждой личности отчетливо и ярко. Различны были их возраст и социальное положение. Так, Антипатр, Антигон и Полисперхонт были еще соратниками Филиппа; Птоломей, Пердикка, Леоннат и Эвмен — старше Александра, а Кассандр — на год моложе его. Но к моменту смерти царя все они были в расцвете своих сил, даже старый Антипатр сохранял большую энергию и способность к длительным путешествиям.

Хотя по социальному положению диадохи были представителями высшего слоя греко-македонской знати, из состава которой выдвигались полководцы, телохранители, наместники, сатрапы, социального равенства между ними не было. В то время как Пердикка и Леоннат принадлежали к царскому роду, Полисперхонт был тимфейским басилевсом, Антипатр, Пифон, Аристон были выходцами из родовой знати; Лисимах являлся потомком беглого раба, нашедшего убежище в Македонии, а Эвмен — типичным представителем обедневшей греческой интеллигенции.

Почти все диадохи были по своему времени прекрасно образованными людьми и ценили знания. Покровительство наукам и искусству с их стороны было в общем искренним. В то же время познания в области науки и военной техники совмещались с дикими суевериями. Все диадохи получили первоклассную военную подготовку. Они были людьми энергичными и опытными в военном деле, всем им без исключения была присуща личная отвага. Это качество было непременным условием выдвижения на военное и политическое поприще. Однако эти качества сочетались с коварством, ложными клятвами, изменами, тайными убийствами, которые, видимо, мыслились как совершенно необходимое средство политической борьбы, хотя на словах клеймились как самое тяжкое злодеяние. С особой жестокостью подавлялись народные восстания.

Бурная и изменчивая эпоха породила крайне специфическую психологическую ситуацию: было утрачено цельное мировоззрение.

античное сознание не могло охватить причинную связь явлений и событий; наряду с успехами наблюдались грубые политические и военные ошибки, имевшие часто роковые последствия; нелепая доверчивость сочеталась с излишней подозрительностью; страх перед предательством близких, подчиненность личной жизни политическим расчетам разрушали внутреннюю гармонию личности. Поэтому в личной жизни диадохи в большинстве своем, несомненно, были несчастны. Фонтана образно называет диадохов актерами драмы, которая разыгралась при распаде империи⁶⁷.

При всех этих особенностях мы не сделаем ошибки, если придем к выводу о том, что преемниками Александра были люди разных способностей, различных характеров, разных военных талантов и государственной мудрости. Вместе с тем все они, безусловно, были людьми незаурядными, исключительной жизненной закалки и стойкости⁶⁸. Эти качества в свое время широко использовал Александр для достижения своих целей. В то же время он ограничивал их самостоятельные действия, если они шли вразрез с его собственными намерениями. Поэтому этим людям в условиях царского деспотизма не представлялась возможность полного развития своих способностей, которые во всю силу развернулись после смерти царя. Соглашаясь быть в подчинении у Александра, они не могли представить себя на второстепенных ролях после смерти его. Все они считали себя наиболее достойными верховной власти, ненавидели друг друга и в то же время боялись друг друга. Честолюбие и соперничество диадохов, их тайные замыслы в отсутствие своего повелителя возродились открыто и полностью, и они не замедлили проявиться в пагубных многочисленных войнах между ближайшими и дальними преемниками Александра. В этих постоянных столкновениях они показали себя хорошими полководцами, зоркими политиками, способными дипломатами⁶⁹. Не так уж был неправ Юстин, говоря, что если бы судьба не столкнула их один против другого, то Македония имела бы много Александров вместо одного⁷⁰.

В бесконечных вооруженных столкновениях между диадохами можно все же различить три основные ведущие тенденции: первая — просуществовавшая с 323 по 316 г. до н.э. — характеризуется стремлением сохранить монархию Александра для его потомков. Удержать империю под личной властью отдельных диадохов — таково содержание второй тенденции, которая действовала в период с 316 по 301 г. до н.э. Третья тенденция приходится на период с 301 по 280 г. до н.э. Она выражала стремление диадохов расчленить империю на ее составные части, укрепиться в них, оформить управляемые ими территории в более или менее устойчивые государства. Эти тенденции выражали, в конечном итоге, не столько волю отдельных диадохов, сколько экономические и политические устремления социальных групп греко-македонского и, в некоторой степени, восточного общества.

Люди, которые выдвинулись на службе у македонского царя, для которых эта служба была средством и источником обогащения, ревностно защищали его интересы. Эти люди выступали выразите-

лями первой тенденции. Среди них прежде всего следует назвать наиболее последовательных и ревностных защитников этой идеи: Пердикку и Эвмена, а также Алкету и, до определенного времени, Полисперхонта. Выразителями второй тенденции явились выходцы из богатых македонских семей, например, Антигон и Деметрий. Они, в сущности, в восточных походах непосредственного участия не принимали, но тем не менее претендовали на большую долю из богатого наследства. Для этой социальной группы характерно негативное отношение к центральной правительственной власти. Они были не прочь сохранить империю, но только под своей властью. Идеи же защиты прав отпрысков царствующего дома они чурались. К третьей группе принадлежали выходцы из мелких и средних слоев македонского господствующего класса. Для них было важно сохранить хотя бы то, что они имели. Они выражали также интересы местной рабовладельческой знати, разбавленной греко-македонскими смешениями. Это были люди дальновидные, раньше других понявшие, что легче сохранить часть, чем целое.

В течение четырех десятилетий борьба этих тенденций шла, конечно, не прямолинейно и гладко. Тенденции эти нередко переплетались. Так, в период господства первой тенденции — борьбы за сохранение единства империи — проявлялись и сепаратистские устремления диадохов: Птолемея в Египте, Пифона — в верхних сатрапиях. Известно, что последний — сатрап Мидии — был послан регентом подавить антимакедонское восстание в Бактриане. Но он не собирался выполнять полученные приказания, а задумал, как указывает Диодор, перейти на сторону восставших греков, объединить силы, которыми они располагали, и действовать «в свою пользу», чтобы установить свою власть в Верхней Азии и основать для себя на Востоке независимое царство⁷¹. Но такого рода устремления в период господства первой тенденции не были определяющими. Остается фактом, что для каждого этапа одна из вышеуказанных тенденций преобладала над другими, была ведущей и определяла основное содержание борьбы. Так, первая тенденция, характеризующаяся намерением сохранить империю Александра для его потомков, в 316 г. до н.э. исчерпала себя вместе с гибелью Эвмена, до конца защищавшего идею этой тенденции.

Родоначальником первой тенденции был, безусловно, Пердикк — сын Оронта, представитель знатной фамилии области Орестиды. Это был давний приверженец Александра. В юности их дружба не афишировалась. Он был руководителем таксиса еще до восточных походов и заслужил уважение Филиппа⁷². В этом качестве участвовал во всех основных битвах Александра с персами. С 330 г. до н.э. — царский телохранитель. Командование более крупным войсковым соединением он получил в Средней Азии и Индии⁷³.

В источниках заметно умолчание лишь о деятельности Пердикки с зимы 325/24 г. до н.э. до весны того же года, т.е. от осады города маллов до празднеств в Сузах. Там упоминается на его месте Леоннат. Это умолчание трудно объяснить, поскольку ни один источник не говорит о возможных разладах между Александром и

Пердиккой. Можно с известной долей вероятности предположить, что краткое отсутствие последнего на поле боя было вызвано болезнью⁷⁴. Царь всегда испытывал к нему полное доверие, о чем говорит тот факт, что после смерти Гефестиона он стал ближайшим его другом, командиром первой гипархии этеров, а как таковой получил в Вавилоне высшую власть в государстве⁷⁵.

Пердикка был опытен, смел и отважен, не раз подвергался опасностям, был тяжело ранен. Элиан в «Пестрых рассказах», отмечая его смелость, приводит эпизод о том, как он вошел в пещеру, служившую логовом львице, и унес оттуда ее детей. Этот поступок вызвал всеобщее восхищение, заговорили об абсолютном бесстрашии и мужестве Пердикки, скрытного и холодного по характеру. Он был несколько прямолинеен и примитивен в рассуждениях, более жесток, чем другие диадохи, лишен каких-либо моральных предрассудков, высокомерен, за что его не любили многие⁷⁶. Видимо, не особенно любил его и Александр, хотя ценил за верность, за исполнительность, за безусловное повиновение. Может быть, именно эти качества и учитывал умирающий Александр, вручив ему перстень с царской печатью.

Итальянский историк М. Фонтана считает, что поведение Пердикки за короткий срок его правления показывает, что он хотел лишь остаться арбитром положения после отъезда Леонната и Кратера в Европу. Он вел мудрую политику наведения порядка и консолидации. Источники дают нам доказательства дальновидности и стойкой выдержки Пердикки. Обвинение Пердикки в злоупотреблении властью с намерением захватить трон, которое содержится у Диодора, кажется М. Фонтана полностью необоснованной версией, которая идет от Антигонидов, заинтересованных прежде всего в том, чтобы Антигон Одноглазый предстал не как зачинатель первой войны между диадохами, а как тот, кто своим поведением сохранил монархию Аргеадов от серьезной опасности⁷⁷. М. Фонтана считает Пердикку тонким и дальновидным полигиком, способным обеспечить империи определенную устойчивость и расцвет даже без Александра. Но ему лишь на время удалось прилушить обиды и честолюбие остальных диадохов⁷⁸. Это равновесие рухнуло под напором клеветы и своеволия врагов, прежде всего Антигона⁷⁹.

Правильно определив роль Пердикки как защитника целостности государства, М. Фонтана, однако, в целях идеализации этого деятеля отрицает его стремление к царской власти. Пердикка только выполнял волю Александра, уважал наследника, сохранял для него империю и потому довольствовался должностью хилиарха⁸⁰. С подобным утверждением плохо согласуются факты отказа хилиарха от управления одной из сатрапий, сохранение за собой командования царским войском, план брака с сестрой Александра⁸¹. Вся история нескольких лет регентства Пердикки показывает, что он не был твердым самостоятельным политиком. В новых условиях, требовавших самостоятельного действия, он не проявлял больших способностей политического деятеля и военачальника, не смог понять существа изменения исторической ситуации. Желание быть

первым среди македонских полководцев и сохранить за собой власть в единой империи, прямолинейность и грубость методов правления предопределили его полный крах.

Другим представителем этой тенденции был Эвмен из Кардии во Фракии, жизненный путь которого из всех диадохов изучен лучше всего. Это привилегированное место в античной историографии, как известно, есть результат восхищения, которое испытывал к нему его соотечественник, кардийский историк Иероним⁸². Традиция, показывая благородство души Эвмена, сочувственно описывает его и делает главным историческим лицом тех лет. Выходец из семьи бедного херсонесского возчика, Эвмен сумел получить хорошее воспитание, преуспеть в науках и телесных упражнениях. Плутарх рисует нам «портрет» Эвмена, если не совершенно точный, то, по крайней мере, очень живописный. Он обладал приятной наружностью, был моложав, строен и на редкость соразмерно сложен. Плутарх сравнивал его со статуей, выполненной по всем правилам искусства. Он хвалит его привлекательные, утонченные манеры, которые сильно контрастировали с грубостью многих македонских командиров⁸³. Царь Македонии Филипп II, посетив Кардию, увез его с собой после того, как увидел в состязаниях подростков, где Эвмен отличился ловкостью, смелостью и сообразительностью. Он был секретарем царя еще в конце правления Филиппа II и обнаружил выдающиеся административные способности и гибкий ум⁸⁴. Эти качества по заслугам были оценены Александром. Об этом свидетельствует не только наделение Эвмена ответственными полномочиями, но и тот немаловажный факт, что в Сузах македонский царь женил его на сестре своей персидской супруги Барсины, чем лишний раз выказал свое благорасположение к верному соратнику, хотя тот был не македонянин, а грек⁸⁵.

Эвмен являлся личным секретарем Александра, его архиграмматику, главным писцом при македонской армии; во время похода в Индию был назначен полководцем с правом самостоятельного командования. Когда Пердикка заменил умершего Гефестиона, Эвмен принял от первого должность начальника конницы. Как глава царской канцелярии, администратор и храбрый полководец, он, безусловно, пользовался почетом и доверием царя, был отлично осведомлен обо всех намерениях последнего и всемерно поддерживал их.

В ближайшем окружении Александра Эвмен не уступал никому ни умом, ни преданностью, среди виднейших македонских вождей он находился на равном положении, тем не менее среди знатных македонян всегда считался пришельцем и чужеземцем. Его окружало много явных врагов и тайных злоумышленников⁸⁶. Он неоднократно признавался, что чувствует себя окруженным дикими зверями⁸⁷. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением М. Фонтана, что своим характером и умом Эвмену удалось завоевать «почет и уважение других вождей»⁸⁸. Именно его характер и ум, его выдающиеся административные и военные способности вызывали раздражение и ненависть у последних. Македоняне отнюдь не

смотрели на него как на равного, и в этом, может быть, была одна из причин упорной верности Эвмена делу царей, которые олицетворяли единство. Его судьба была связана с Македонской династией, которой он многим обязан и которая защищала его от неприязни надменных македонян.

При жизни Александра эта явная ненависть против Эвмена сдерживалась авторитетом царя, но когда его не стало, Эвмен испытал на себе все ее тяжелые последствия. Это проявилось с первых самостоятельных шагов диадохов. Уже при первом распределении сатрапий в Вавилоне Эвмен получил земли, которые еще надо было завоевать, а во время второго распределения сатрапий в Трипарадисе он вообще был лишен каких-либо сатрапий и практически остался не у дел. По выражению А. Б. Рановича, он превратился в странствующего рыцаря, искателя приключений, опиравшегося на поддержку случайных военных отрядов. Его усилия были беспредметны, направлены к неопределенной цели и служили, в конечном счете, беспринципным интересам и капризам его солдат⁸⁹. Конечно не все в этой характеристике известного советского ученого соответствует действительности. Эвмен не был странствующим рыцарем, как не был и искателем приключений, его войско состояло не из случайных отрядов, его интересы не были беспринципны. Он имел определенную идею и ясную цель, хотя эта идея и эта цель были утопичны в своей основе. В этом и состояли весь драматизм и трагедия его борьбы.

Античная традиция изображает Эвмена не только благоразумным человеком, незаурядной личностью, но и талантливым полководцем⁹⁰. По утверждению Дройзена, ни один из полководцев Александра не владел в такой степени искусством стратегических маневров, как Эвмен⁹¹. Он всегда и своевременно находил выход из самой сложной ситуации, подчинял обстоятельства своей воле, обеспечивал победу. В нем замечательно сочетались умеренное благоразумие с исключительной смелостью, величайшее терпение с безграничной самоотверженностью, тонкая рассудительность с ловким использованием силы.

Диодор и Плутарх писали, что Эвмен был смелый и мужественный воин. В сущности, никто из диадохов в равном бою Эвмена не смог одолеть. Он сумел победить такого первоклассного полководца, каким был Кратер. Несмотря на частые измены своих подчиненных, он выигрывал сражения у Антигона, который сам чувствовал его перевес над собой. Эвмен прошел с боями до Сузианы, не ища для себя, в отличие от других диадохов, никаких выгод, никаких территориальных приобретений. Единственным его стремлением было сохранить империю Александра в целостности для его потомства. Но выполнить это было уже невозможно. В это время сами потомки Александра гибли один за другим от рук диадохов. В 316 г. до н.э. не в честном бою, а ценою измены погиб сам Эвмен на 45-м году жизни, из которых 27 лет он находился на македонской службе и достойно исполнял ее. Со смертью Эвмена идея о единстве империи и сохранении ее для потомков Александра была навсегда похоронена⁹².

Пердикка и Эвмен были главными инициаторами этой первой тенденции. К ней примыкал временами Полисперхонт — потомок тимфейских царей⁹³. Еще смолоду он связал свою судьбу с Филиппом, затем с Александром и пользовался полным доверием последних на различных командных должностях в армии. Именно он был назначен помощником Кратера при отправке в Македонию ветеранов восточного похода и в принципе должен был стать наместником или помощником наместника в Македонии. Полисперхонт пользовался признанием в первую очередь как военный деятель, политическое его влияние уже тогда было невелико, на совещаниях в Вавилоне и Трипарадисе его имя не фигурировало вовсе.

По прибытии в Македонию, уже после известия о смерти Александра, Полисперхонт участвовал в подавлении выступлений греческих городов. В ходе начавшегося конфликта между Пердиккой и диадохами он первый вместе с Кратером принял сторону Антипатра и Антигона. Первый перед своей смертью передал ему даже свою власть регента, которая превышала его силы и возможности. Правда, остается спорным, как на самом деле он добился этого назначения. Такое назначение могло быть произведено только царем и, кроме того, должно было утверждаться собранием войска, так как войсковое собрание — единственный орган, обладавший в то время высшей властью в Македонии. Но как бы то ни было, став регентом, Полисперхонт сблизился с царицей Олимпиадой и до конца отстаивал ее интересы и интересы царского дома. Ему приходилось вести серьезную борьбу с сыном Антипатра — Кассандром, которому сам отец считал опасным вручать прерогативы регентства. Особенно ожесточенно эта борьба велась в Греции: Желая вырвать у Кассандра поддержку греческих городов, Полисперхонт указом от имени царей декретировал «восстановление свободы» греческих городов, что было крайне неудачным политическим шагом и означало призыв к анархии и беспорядочному террору. Он попытался подкрепить этот декрет вооруженной силой, что вызвало решительное сопротивление широких народных масс Греции, нанесших войскам Полисперхонта поражение при Мегалополе, оборону которого возглавляли бывшие воины-ветераны Александра. После победы Кассандра и гибели Олимпиады Полисперхонт вел бесперспективную войну в Греции. В этой борьбе он испытывал постоянные неудачи и позорные измены. Даже его сын и сноха изменили ему и выступили в союзе с Кассандром. Последний шаг Полисперхонта — выдвижение, а затем убийство последнего отпрыска Александра Македонского Геракла по не подкрепленному ничем предложению Кассандра — не имел оправдания и заслужил всеобщее презрение. В результате он был разбит и исчез с политической арены.

М. Фонтана считает Полисперхонта замечательной личностью, наиболее блестящим политиком среди диадохов после Антигона. Она особенно подчеркивает тактику Полисперхонта, с помощью которой он хотел освободиться от Кассандра. В этой связи высоко оценивается известный его освободительный декрет, прекращавший

разлад в уже измученной Греции, где друзья Антипатра помогали его сыну⁹⁴. Думается, что такая характеристика Полисперхонта крайне преувеличена. Надо сказать, что пока Полисперхонт выполнял чужие поручения, он действительно представлял собой внушительного военачальника, пользовавшегося авторитетом и уважением. Однако на самостоятельные действия он был не способен. Вследствие недостаточного понимания социально-экономических и политических процессов в тогдашнем динамичном мире, отсутствия дипломатических данных он совершал грубые и роковые ошибки, которые вели к частым неудачам и лишали его веры в свои собственные силы. Полисперхонту были присущи все недостатки и пороки диадохов, но у него не было никаких характерных для них достоинств, кроме личной храбрости.

Вторую тенденцию представляли Антигон Одноглазый и его сын Деметрий. По своему происхождению, насколько можно судить по сведениям источников, Антигон принадлежал к слою македонской служилой знати, возвышение которой было связано с победами Филиппа. Этот слой традиционно образовывал ядро македонской конной армии, но не обладал богатством и знатностью, достаточными для проведения сколько-нибудь самостоятельной политики. Установление централизованного государства открывало его предводителям перспективы продвижения по линии государственной службы. Деятельность Филиппа, вероятно, полностью импонировала Антигону, который с молодости участвовал в его походах и проявлял большое мужество⁹⁵. При осаде Перинфа он потерял глаз и впоследствии тяжело переживал свое увечье, хотя внешне стал похожим на своего повелителя, который тоже был одноглазым.

По-видимому, и в это время, и при жизни Александра он был исполнительным профессиональным и военным администратором, но уже тогда источники отмечают в качестве его характерной черты исключительное честолюбие. Элиан указывает, что это опасное честолюбие заметил даже царь и поэтому не включил его в круг своих интимных друзей, с особой прозорливостью учитывая эту основную черту характера Антигона⁹⁶. Именно это, возможно, и было причиной его фактического отстранения от военных действий во время восточного похода Александра⁹⁷. Антигон был назначен сатрапом Великой Фригии, через которую проходили стратегически важные коммуникации, и фактически контролировал Малую Азию. На этом посту он проявил себя крайне дальновидным политиком. Вероятно, предвидя конечный распад империи, он обеспечил себе, по крайней мере, нейтральное отношение местного населения, стараясь не наживать себе врагов в среде независимых горных племен и тем самым создал предпосылки для будущей собственной монархии. В этом отношении его политика имеет много общего с политикой Александра в Малой Азии. Своим подчеркнутым уважением к городским вольностям Антигон вызвал подозрение других диадохов, и Пердикка немедленно принял меры по его ослаблению.

Для осуществления своих собственных целей Антигон вел войну против носителей первой тенденции: Пердикки и Эвмена. В ходе

войны Антигон, если верить апологетическому по отношению к Эвмену изложению Плутарха, не проявил выдающихся военных способностей, хотя и обнаружил стратегическую дальновидность и политическую проницательность: не рискуя тактически, он неуклонно оттеснял Эвена в глубину Азии и, в конце концов, нанес ему окончательное поражение, разрушив коалицию азиатских сатрапов. В последующие годы борьбы диадохв Антигон принимал в ней активное участие. Создав могущественную армию, боеспособный флот, он вознамерился объединить под своей эгидой всю империю Александра и захватить верховную власть, но в самой решающей битве при Иссе погиб.

Наиболее яркий, смелый, энергичный среди диадохв, Антигон, наряду со своим безграничным честолюбием, был наделен исключительными способностями⁹⁸. Он обладал талантом превосходного военачальника, был хорошим стратегом, показал себя очень ловким в умении использовать благоприятные обстоятельства в борьбе со своими политическими противниками. Правда, в тактическом плане он иногда проявлял, особенно в конце жизни, нерешительность и колебания, сыгравшие основную роль в неудаче египетских походов. В своих войсках Антигон пользовался значительным авторитетом благодаря личной отваге и исключительной выносливости. Он умел вызвать восхищение и, может быть, завоевать любовь солдат, которых он не щадил ни в жарких схватках, ни в утомительных и опасных походах. Однако так же, как и другие диадохи, и даже в большей мере, сталкивался он с изменами и дезертирством, борьба с которыми ввела в практику необычайно жестокие наказания.

С высоким военным мастерством Антигон соединял и дипломатическое искусство. Известны его небезуспешные интриги вокруг Антипатра и Кратера, против Пердикки. Кроме военных и дипломатических способностей, ему были присущи и качества опытного финансиста. Он предусмотрительно сосредоточивал в своих руках ресурсы для достижения своей главной цели. Начиная свой медленный, трудный и опасный путь к трону, Антигон не повторял идей Александра. Более грезво исходя из действительного положения вещей, его политика скорее соответствовала рекомендациям Аристотеля, выражавшего взгляды широких слоев греко-македонского общества: ослабив гнет и укрепив свое влияние в зоне преимущественного базирования — Малой Азии, он одновременно жестоко притеснял и эксплуатировал периферийные области своего владения, особенно Вавилон. Ни о каком стирании граней между Востоком и Западом Антигон не помышлял, хотя объективно именно его политика в наибольшей мере способствовала упрочению эллинистических отношений. Но это же делало его власть вне сравнительно небольшого региона крайне неустойчивой.

Оценивая личность Антигона, несомненно яркую и впечатляющую, следует все же воздержаться от крайних оценок. Основными его качествами, определявшими и все другие, были неукротимая энергия, которой он превосходил всех диадохв, и глубочайший

оптимизм в сочетании с ясностью ума, решительностью и политическими дарованиями. Он был человеком действия, не склонным к сентиментам и абсолютно лишенным совести, решительно отклонявшим назойливые просьбы и глупую лесть. Антигон по указанию Плутарха, был суровым и спесивым от природы; столь же резкий в речах, как и в поступках, он раздражал и восстанавливал против себя многих могущественных соперников. Он хвастливо говорил о своих врагах, что без труда разгонит их сборище, как единственным камнем вслугивают птиц, слетевшихся клевать зерна, брошенные рукой сеятеля⁹⁹.

В отличие от Александра, который старался в своей восточной политике опереться на восточные корни, пытался перестроиться и стать новым человеком, чтобы повелевать новыми подданными, Антигон оставался больше македонянином и филэллином, распространяя свою власть в районах македоно-греческого влияния¹⁰⁰. Влюбленный в свою власть, Антигон до поры до времени будто бы не придавал никакого значения бесполезным знакам отличия этой власти. Он был также безразличен к заурыдным и низким удовольствиям, которые так нравились его сыну Деметрию. Личная жизнь Антигона, в отличие от других диадохов, была вполне благополучной. Его жена была верна ему, не ревнива и пережила его, сыновья отличались всеми македонскими доблестями и любили отца и друг друга. Отец полностью доверял им и гордился ими. До конца жизни он сохранял крепкое здоровье и веру в свое счастье, и даже в момент гибели надеялся на победу.

Этого человека никак нельзя идеализировать, но и нельзя отрицать могучего таланта великого честолюбца, сурового воина и энергичного полководца с блестящими военными, дипломатическими и финансовыми способностями. Его жизнь была исключительно бурной, насыщенной и трагичной. Она прошла среди многочисленных военных конфликтов, заключавших большой и резкий контраст между блестящими победами и тяжелыми поражениями и закончившихся страшным разгромом и его собственной смертью. Несмотря на это, он мог считать свою долгую жизнь счастливой, потому что жил и погиб как хотел. Его сын Деметрий, прозванный Полиоркетом, был незаметным, но высокоталантливым соправителем отца. По своим качествам они прекрасно дополняли друг друга. Деметрий получает подробную и почти исчерпывающую, по современному состоянию источников, характеристику Плутарха, в основных чертах принятую Дройзенем и большинством современных исследователей.

Сравнивая Деметрия и Антония, Плутарх отмечает, что оба они были одинаково сластолюбивы, оба пьяницы, оба воинственны, расточительны, привержены роскоши, разнузданы и буйны, а потому и участь обоих была сходной; в течение всей жизни они то достигали блестящих успехов, то терпели жесточайшие поражения, завоевывали непомерно много и непомерно много теряли, падали внезапно на самое дно и вопреки всем ожиданиям вновь выплывали на поверхность¹⁰¹.

В описании Плутарха Деметрий не лишен черт античного героя: он храбр, решителен, любим войском, в меру нагл. Он походил на трагического актера: носил алую, с золотой каймой одежду, обувался в башмаки из чистого пурпура, расшитые золотом. Долгое время для него изготовляли плащ — редкостное произведение ткаческого искусства, с картиной вселенной с подобием небесных явлений и тел¹⁰². Внешний вид Деметрия был импозантным: высокого роста, с очень красивым лицом, приводившим всех в восхищение. «...Ни один из ваятелей и живописцев не мог достигнуть полного сходства, ибо черты его были разом и прелестны, и внушительны, и грозны. Юношеская отвага сочеталась в них с какой-то неизобразимой героической силой и царским величием. И нравом он был примерно таков же, внушая людям и ужас и, одновременно, горячую привязанность к себе. В часы досуга он был приятнейшим из собеседников, но в делах настойчив, неутомим и упорен как никто»¹⁰³. В мирное время он необузданно предавался своим страстям и наслаждениям, мотовству и пьянству, но во время войны сразу трезвел, умело распорядился воинами и успешно справлялся с самыми трудными делами¹⁰⁴. Плутарх высоко оценивает военные и технические дарования, особенно в области строительства военных кораблей и осадных машин. В этой работе он был ненасытен и находил в ней немалое удовольствие. «Его замыслы отличались широким размахом, а творения, кроме изощренной изобретательности, обнаруживали высоту и благородство мысли»¹⁰⁵.

В отличие от Плутарха, Диодор полагал, что Деметрий был не столько блистательным полководцем и политическим деятелем, сколько легкомысленным человеком, не сумевшим сохранить даже того, что оставил ему отец¹⁰⁶.

В исторической науке существуют разные оценки личности и деятельности сына Антигона. Так, И. К. Бабст со всей определенностью подчеркивал, что «ни в одной личности не отразилась так ярко эпоха диадохов, как в Деметрии. Всем существом своим принадлежал он этому бурному, беспокойному времени, долгое время был центром, около которого вращались все события»¹⁰⁷.

Дройзен считал Деметрия самой яркой звездой смутного времени эпохи диадохов¹⁰⁸. П. Жуге характеризовал его в контрастах: с одной стороны, как человека, способного очаровать умом, внешним благородством, манерами и великодушием сердца; с другой — высокомерным, необузданным и спесивым, с замашками восточного деспота. Его красота вызывала восхищение; он любил многих женщин и славился своим непостоянством, которое не всегда объяснялось политикой. Его жизнь, полная блестящих деяний, внезапных поворотов фортуны, героическая и романтическая, окончилась плачевно в бесславном плену¹⁰⁹. Человеком больших и разнообразных талантов, особенно военных, но с характером неустойчивым, рисует его Тарн¹¹⁰. Итальянский исследователь Эудженио Манни в специальной работе о Деметрии Полиоркете отмечает, что его личность — одна из тех, которые оставляют в смущении историков. Автор характеризует его как даровитого, смелого и решительного

полководца. Однако он не всегда мог верно оценить собственные возможности. Он пытался восстановить в рамках империи Антигона тот Коринфский союз, который при Александре Македонском служил превосходным инструментом греко-македонской экспансии в восточном мире, но его политика потерпела неудачу, поскольку Греция была готова восстать, когда Антигон Одноглазый обнаружил собственную слабость против враждебной коалиции. После битвы при Ипсе союз больше не возродился.

Итак, будучи ближайшим сотрудником и соправителем отца, Деметрий пользовался репутацией блестящего военного мыслителя и неукротимого честолюбца. Его пороки, подчас, возможно, традицией преувеличенные и совершенно им не скрываемые, были одним из ярчайших проявлений характерного для становления эллинизма полного раскрепощения личности от каких бы то ни было религиозных и нравственных запретов.

Объективно разбираясь в военной и политической деятельности Деметрия, можно прийти к выводу о преувеличенности ряда восторженных оценок. Полководческие предприятия Деметрия, в которых он осознанно или бессознательно подражал Александру, отличаются скорее натиском, нежели действительно оригинальной работой ума: из трех сражений, которые он дал, располагая более или менее равными с противником силами, два (при Газе и Ипсе) были им проиграны, причем в первом случае вина за поражение лежит только на нем лично. Наиболее положительных результатов он добивался в своей военно-инженерной деятельности и при создании флота. Вообще в области совершенствования военной организации он чувствовал себя в своей стихии, и это было его любимым занятием. Политиком он был слабым, хотя и умел делать удачные военно-дипломатические жесты (как возвращение пленников Птолемею, отступление от Родоса). Единственная удачная его собственно политическая комбинация — сохранение власти за собой и последующий захват македонского престола после разгрома при Ипсе — объясняется не столько его личной дипломатической гениальностью, сколько объективно сложившейся обстановкой раздора среди диахов.

Оказавшись у власти в Македонии, Деметрий подчинил всю свою деятельность восстановлению и гальванизации единой монархии, мобилизуя все ресурсы Македонии для создания огромной армии¹¹². Ожидая естественной смерти или междоусобной войны между старцами-диадохами, он обратил свои взоры на запад, предполагая создать там свою, более богатую ресурсами монархию, силами которой надеялся затем завоевать и восток. В осуществлении этого проекта он хотел найти союзника в лице Рима и Этрурии. В таких планах завоевания запада Деметрий был не одинок и соперничал с Пирром Эпирским, который уже тогда ориентировался на Сиракузы и другие города Великой Греции.

В итоге своей бурной деятельности Деметрий потерпел полный жизненный крах, вызванный главным образом авантюристическим характером его македонской политики, которая не в меньшей мере,

чем сами восточные походы, способствовала разорению Македонии и последующей слабости ее в борьбе с кельтским вторжением. Эта особенность политики не была осознана с его стороны. То был типичный тупик эллинистического (и вообще рабовладельческого) сознания с его культом силы и сведением всего многообразия характеристик общества к внешней экспансии и военному преобразованию.

Деметрий жил в переходный период. Он должен был действовать и действовал в мире, который ему был враждебен, в котором преобладали центробежные силы — местные автономии в Греции, династические интересы диадохов всей империи. В этот сложный период его деятельность имела полное оправдание: Александр воплотил идею создания эллинистической империи, а Деметрий, идущий по следам своего отца — Антигона, был человеком, который пытался восстановить ее образ. Упорный, неустанный, непреклонный, он выполнял свое предназначение, ища соответствующие средства в обстановке, показывая себя всякий раз и защитником свободы, и абсолютным деспотом, греческим и македонским, восточным и традиционным, но всегда в напряжении всех сил стремясь обеспечить себе основы для воплощения задуманного и преследуемого. Отсюда та противоречивость его натуры, которая могла характеризовать его как авантюриста. В силу этих обстоятельств личность Деметрия — одна из тех, которые, как указывалось выше, оставляют в смущении историков¹¹³.

В личной жизни Деметрий был лишен того определенного аскетизма, какой отличал состарившегося в походах Антигона. Его отчаянный сын прожигал свою бурную, наполненную опасностями жизнь. Он был скор и легок на заключение браков, жил в супружестве со многими женщинами сразу, был в интимных связях со многими гетерами. Среди его многочисленных жен наибольшим уважением пользовалась Филадельфия, как по праву дочери Антипатра, так и потому, что прежде была женой Кратера, который среди всех преемников Александра оставил о себе у македонян самую добрую память. Хотя Филадельфия была старше Деметрия, который женился на ней еще совсем юным, без особой охоты, послушавшись уговоров отца, он прижил с ней двух детей: сына Антигона и дочь Стратонику. Антигон стал впоследствии крупным государственным деятелем, а дочь стала женой Селевка, а потом женой его сына Антиоха¹¹⁴. После поражения Деметрия его жена Филадельфия покончила с собой, выпив яд¹¹⁵. Но он быстро утешился. Находясь в Афинах, отдыхая от трудов, Деметрий женился на Эвридикой, вдове Офельта, властителя Кирены. Брак этот афиняне расценили как особую милость и честь для своего города¹¹⁶. От этого брака родился сын Корраг. Однако Филадельфия и Эвридика были не единственными подругами жизни Деметрия. После победы над Кипром он нашел там знаменитую Ламию, которая своими чарами и обаянием крепко его оплела и стала его любовницей¹¹⁷. Затем Деметрий женился на Деидами — дочери царя молоссов Эакида и сестре Пирра¹¹⁸. От этого брака он имел сына Александра. После смерти Деидамии ему приш-

лось жениться на Птолемаиде — дочери Птолемея и Эвридики, сестры Филы, т.е. на своей племяннице¹¹⁹.

Таким образом, Деметрий находился в родстве с домом Антипатра, с Пирром, с Птолемеем и Селевком. И как ни странно, именно эти родственники ожесточенно боролись друг с другом.

По своим личным качествам Деметрий напоминал Александра Македонского. Не исключена вероятность, что он имел некоторые шансы на успех своих планов, но, действуя в условиях, принципиально отличных от условий восточных походов, не смог претворить в действительность ни одного из своих смелых замыслов. Решительность и вера в счастливую звезду, помогавшие победить Александру, у Деметрия объективно превратились в безрассудство и опрометчивость. Оценить изменение этих условий он был не в состоянии.

Бурная натура холерического темперамента, Деметрий при своих атлетических данных неоднократно страдал тяжелыми заболеваниями, в какой-то мере преходящими и вызванными разного рода излишествами, а в какой-то мере, видимо, хроническими и приведшими его к ранней смерти. При всей запутанности своих отношений с многочисленными женами он все же мог быть доволен своим сыном и наследником Антигоном Гонатом, которому, потерпев личную драму, передал всю полноту власти. Антигон Гонат сумел выпутаться из крайне сложного положения и дал начало стабильной династии македонских царей Антигонидов.

Самым типичным представителем третьей тенденции был Птолемей из области Эордеи. По утверждению Павсания, македоняне считали Птолемея сыном Филиппа, внуком Аминты. Официально его называли сыном Лага. Македонский царь выдал мать Птолемея — Арсиною замуж за Лага, когда она уже забеременела им¹²⁰. Птолемей, несомненно, самая заметная личность среди диадохов, которая достаточно полно характеризуется источниками, правда, в значительной мере с апологетическим оттенком. Это связано с меценатством Птолемея по отношению к греческой интеллигенции и с политической удачливостью этого диадоха, оставившего после себя единственную цельную традицию. Однако основные факты его политической биографии в общем совпадают с показаниями разноречивых источников и могут считаться вполне достоверными. Несомненно, в частности, его политическое и военно-дипломатическое мастерство, прозорливость и личное самообладание, которые он позаботился талантливо отразить в своих мемуарах, сделавших его одним из самых признанных историков древности. В них он старательно проводит мысль о своей глубокой личной связи с Александром Македонским¹²¹. Вероятнее всего, что факты об этом преувеличены. Но несомненно то, что Птолемей был близок к царю на протяжении всей азиатской кампании: был вместе с ним в храме Амона, больше всех других приближенных оказал помощь Александру в стране оксидраков, когда Александр лично подвергся там опасности¹²². Птолемей, несомненно, был одним из самых горя-

чих и искренних поклонников восточной политики Александра и его синкретических идей совмещения греческой культуры со «стабильным и богатым» фундаментом военной деспотии, хотя сам он своей деятельностью больше других диадохов способствовал распаду империи.

Будучи весьма популярным в македонском войске, Птолемей тем не менее не стремился использовать эту популярность для удержания объединенной империи в своих руках. После убийства Пердикки он отклонил предложенное ему звание регента, хорошо понимая, что на этом посту его положение не будет прочным, а он стремился именно к прочности власти в самой богатой из сатрапий.

В борьбе диадохов Птолемей принимал активное участие, стремясь к укреплению своих позиций и своей власти. Он был весьма осторожен и избегал рискованных шагов, опасаясь втягиваться в обширные сухопутные операции. Что касается его боевых сил в районе Эгейского моря, то они должны были установить господство над Кикладами, чтобы обеспечить безопасность египетской хлебной торговли, создать пункты вербовки греков в египетскую армию, что было важной задачей государственной политики. Однако в конечном итоге морская экспансия Птолемея завершилась крахом при Саламине на Кипре; ему пришлось сделать ставку на союз с богатым Родосом, который оказал значительную помощь в борьбе с Деметрием. После разгрома Антигона при Ипсе птолемеевское влияние в Кикладах было восстановлено, несмотря на то, что сам Птолемей не принял никакого участия в этом важном сражении.

Птолемей был энергичным, хитроумным, проницательным и реалистичным политиком, преисполненным коварства и холодного расчета. Основной причиной успеха Птолемея была его опора на исключительно богатую сатрапию, малодоступную для интервенции силами диадохов. Осторожная и последовательная его политика лежала в общем русле исторических тенденций и исключала безнадёжные военные авантюры в качестве своего инструмента. Традиция считает Птолемея талантливым полководцем, но в действительности как полководец он ничем не выделялся. Единственная выигранная им битва при Газе — случайность, так как в ней он допустил грубые ошибки дислокации, которые удалось исправить лишь благодаря пассивности Деметрия, жаждавшего победы в равном бою. Психологически Птолемей был сангвиником или неярко выраженным флегматиком: сдержанность и рассудительность, исключительное терпение у него сочетались с находчивостью и решительностью. Он был отличным актером, уверенным в себе более, чем другие диадохи. Когда ему было необходимо, умел казаться симпатичным и открытым.

Личная жизнь Птолемея была запутана в брачных интригах и разврате, который с того времени вообще отличает династию Лагидов. Будучи женат на Эвридике — дочери Антипатра и имея от нее детей, он влюбился в Беренику, которую Антипатр послал вместе с Эвридикой в Египет. На старости лет он развелся со своей женой и женился на Беренике. Его сын от первой жены — Птоле-

мей Керавн («Молния») был изгнан, а престол Птолемея занял Птолемей II — сын от Береники¹²³. Своих детей Птолемей I использовал как карты в политическом покере.

Не менее характерным, чем Птолемей, представителем третьей тенденции был старший сын Антипатра — Кассандр, который оставил яркий след в истории диадохов¹²⁴. Правда, античная традиция под влиянием Иеронима Кардийского повествует о Кассандре в неблагоприятном смысле, осуждая его за жестокость в отношении дома Аргеадов и непризнание Антигона, которого защищал кардийский историк и который был ближайшим противником планов Кассандра. Такая тенденциозность первоисточника, естественно, создает известную трудность в объективной характеристике этого диадоха. Тем не менее, рассматривая все источники в комплексе, можно узнать, какие обвинения, предъявляемые к его политике со стороны тенденциозного источника, лишены достаточных оснований.

Известно, что в восточных походах Александра Кассандр не принимал участия и оставался в Европе, в полной безопасности, рядом со своим отцом. Правда, Диодор упоминает о Кассандре как о начальнике 900 фракийских и пеонийских разведчиков при переходе греко-македонских войск через Геллеспонт¹²⁵. Но можно совершенно определенно противопоставить ему Арриана, который говорит о других командирах тех же войсковых подразделений, не упоминая Кассандра¹²⁶. Да и в ряде других случаев нельзя доверять Диодору, когда он говорит о руководителях македонского войска. У Плутарха мы читаем, что Кассандр прибыл к македонскому двору незадолго до смерти царя, может быть, в 324 г. до н.э., чтобы защитить своего отца Антипатра от обвинений, сформированных против него делегатами эллинских городов. Встреча, назначенная ему Александром по такому случаю, не могла быть дружественной из-за нерасположения царя к Антипатру и его сыновьям, хотя один из них — Иолай — жил при дворе¹²⁷. Впрочем, поведение Кассандра при Вавилонском дворе не было таким, чтобы было возможно примирение с Александром¹²⁸.

Кассандр, воспитанный по эллинским обычаям, не мог удержаться от смеха, когда увидел совершение обряда проскинесиса. Мы не знаем, конечно, насколько вероятен этот эпизод, рассказанный Плутархом. Но он не является невероятным, если принять во внимание упорное сопротивление старых македонян практике внедрения Александром восточных обычаев и дикую ярость, с которой царь обрушился на своих лучших друзей, осмелившихся в этом с ним не согласиться. Из мнимого завешания Александра, которое стало нам известно посредством латинской традиции Псевдо-Каллисфена, завешания, которое было написано Птолемеем Лагом после смерти царя, следует, что Кассандр из-за нерасположения умершего монарха получил в управление Беотию. Фортина считает, что такое известие следует отбросить как полностью ошибочное, потому что, во-первых, оно не подтверждается другими источниками; во-вторых, документ, где содержится информация, является апокри-

фическим, поэтому, несмотря на представляемый им определенный интерес, лишен авторитета; в-третьих, отношения, существовавшие между Кассандром и царем, делают абсолютно невероятным данное назначение¹²⁹.

Равным образом, маловероятно, что Кассандр при разделе сатрапий получил Карию¹³⁰. Другие же историки говорят об Асандре, как о сатрапе Карики, правившем с 334 по 330 г. до н.э. Вероятно, что здесь просто вкралась ошибка в транскрипцию имени, и с этой точки зрения надо истолковывать традиционные данные¹³¹. Скорее всего, после смерти Александра Кассандр оставался в Вавилоне в качестве представителя своего отца и как таковой занимал различные должности при центральном правительстве. Самостоятельной политической роли он, видимо, не играл, оставаясь ближайшим помощником Антипатра вплоть до его смерти в 319 г. до н.э. Как известно, смерть отца не принесла сыну отцовской должности. Регентом был назначен Полисперхонт.

Причины отстранения Кассандра от наследования по завещанию Антипатра неизвестны, возможно, что это не было актом политического недоверия Кассандру, так как всего за месяц до смерти Антипатр доверял Кассандру ответственные поручения, а среди своих многочисленных братьев Кассандр и при жизни отца, и после его смерти пользовался полной поддержкой. Он сам неоднократно доверял братьям ответственные самостоятельные акции, и, очевидно, в семье Антипатра никаких раздоров не было. Возможно, что завещание в пользу Полисперхонта было поддельным или отражало помрачение рассудка больного старца. Но более вероятным кажется то, что передача власти Полисперхонту не была искренней: ценою предоставления почестей знатному полководцу Антипатр надеялся предотвратить гражданскую войну в Македонии¹³². Но как только новый регент проявил излишнюю самостоятельность и вышел из-под контроля, Кассандр активно вступил против него в борьбу, увенчавшуюся полным успехом.

Кассандр в первую очередь стремился к стабилизации политической обстановки на Балканах, вмешиваясь во внутригреческие дела для обеспечения македонских интересов. Никаких миродержавнических планов он не строил и к ним не стремился. Он желал обеспечить себе господство в Македонии и Греции, ставшее уже традиционным в его семье. Этой цели он добивался с беспощадной энергией, последовательно сочетая искусство войны и дипломатии, талант полководца и государственного деятеля¹³³. Дройзен считал, что во многих отношениях благоразумие Кассандра, удачный выбор средств и его твердость в достижении того, что он считал необходимым, заслуживают похвалы. Кассандр представляет собой характер, одаренный такой силой воли, «которая твердыми шагами идет к поставленной цели и достигает ее во что бы то ни стало»¹³⁴. Однако режим Кассандра, как можно судить, не пользовался популярностью ни в Македонии, ни в Греции: хотя открытых выступлений против него Македония не знала, а в Греции активная оппозиция Кассандру проявлялась лишь в ионийских, пелопоннесских и

этолийских городах, вообще враждебных македонянам, личность верховного стратега не вызвала особых симпатий. Это объяснялось, конечно, общим кризисом, который переживала Македония, потерявшая много своих активных граждан в результате восточных походов, а также в известной мере и личными качествами Кассандра. Необходимые в этих условиях меры Кассандра ущемляли практически все слои населения: знать — ограничением притока богатств и концом военных авантур, простой народ — ростом налогов и ухудшением положения тружеников в связи с развитием рабовладельческих отношений. Однако известно, что приход к власти в 295 г. до н.э. Деметрия Полиоркета, вызвавший поначалу энтузиазм македонян, в скором времени породил у них жгучую тоску по временам Кассандра, так как обнаружилось, что вести агрессивную авантюристическую политику Македония больше не может.

Как политик, Кассандр был на уровне лучших греческих мыслителей своего времени и всей античности вообще, как дипломат — наиболее ярким среди всех диадохов, как полководец — весьма компетентным и осмотрительным в затрате крови и средств, что выгодно отличает его от большинства современников. Он был проницателен, решителен и полон чувства ответственности перед Македонией.

Как человек, Кассандр соткан из контрастов. Психологически это — очень вдумчивая, расчетливая и хладнокровная личность, сочетающая решительность и смелость со сдержанностью и осторожностью. Он был высоко образован, не оставался равнодушным к произведениям искусства, поддерживал дружеские отношения с учеными, очень любил Гомера. Не исключена вероятность, что Кассандр был учеником Аристотеля. За это говорит его последующая близость к представителям школы перипатетиков (Феофрасту, Деметрию Фалерскому). В то же время Кассандр был груб и горд, суров и вспыльчив, эгоистичен, безжалостен. Как говорит Дройзен, история избрала его палачом царского рода¹³⁵. Не исключено, что умом и способностями он не уступал Александру. Отличаясь исключительной проницательностью, он презирал всех политиков своего времени и нередко жестоко разыгрывал их, проявляя своеобразный демонический юмор.

В личной жизни Кассандр был несчастлив. В последние десять лет жизни его преследовали неудачи, возможно, бывшие следствием его болезни. Семейная жизнь у него не могла быть нормальной. Женитьба на дочери Филиппа II, сводной сестре Александра — Фесалонике, преследовала политическую цель: чтобы приблизиться к македонскому трону. Эвридика, которую он, видимо, любил, погибла; сыновья жили недружно. К этому прибавилась неизлечимая болезнь его любимого старшего сына Филиппа, который отличался исключительной мягкостью и добротой. Сам Кассандр, около двух десятков лет руководивший Македонией, скончался в 297 г. до н.э. от неизлечимой болезни.

Эпоха диадохов завершается деятельностью Селевка и Лиси-маха. Образ первого в античной традиции идеализирован. Так,

Аппиан говорит о нем с нескрываемой симпатией, как о воине, дипломате и завоевателе, в правление которого царство «достигло наибольших после Александра размеров»¹³⁶. Селевк Никатор правил согласно закону. Он основал много городов «по всему пространству своего огромного царства»¹³⁷. Плутарх рисует Селевка любящим отцом, который отдает свою жену Стратонику своему сыну Антиоху, видя, как тот влюбился в свою мачеху и не в силах бороться со своей страстью¹³⁸. Павсаний из всех эллинистических царей уважает только Селевка, по его мнению, самого справедливого, не совершавшего насилия над покоренными народами. «Селевк, я убежден,— пишет он,— из всех царей, был человеком самым справедливым и по отношению к религии наиболее благочестивым»¹³⁹. Для доказательства приводится факт, что Селевк отослал назад в Бранхиды милетам медное изображение Аполлона, которое было увезено Ксерксом в мидийские Экбатаны, а также то, что, основав Селевкию на реке Тигре, он оставил нетронутыми стены Вавилона. По мнению Арриана, не подлежит сомнению то, что из всех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком. Он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной¹⁴⁰.

Насколько эти оценки соответствуют действительности? Известно, что при Александре Македонском, на конечном этапе восточных походов, Селевк был назначен предводителем царских гинаспистов. В 30 лет он блистательно отличился во главе своего подразделения в Индии, особенно в битве при Гидаспе. Он обладал необыкновенной физической силой, твердостью и решительностью характера, был осторожен и не любил рисковать. Эти качества в глазах Пердикки делали Селевка наиболее подходящим лицом для назначения на должность хилиарха. В этом звании Пердикка не желал видеть прежних восначальников с их амбициями¹⁴¹.

Будучи моложе других диадохов, Селевк длительное время стремился не выдвигаться на первый план в их борьбе, вследствие чего оказался вытесненным с основных театров военных действий в Азии, которую после разгрома Дария и Эвмена считали стратегически менее важной. Это дало ему известный выигрыш времени и неожиданно оказалось его счастьем. Честолюбие и коварство, которыми отличались почти все диадохи, были присущи и Селевку. Он был непостоянен, подозрителен, мелочен и жаден до власти¹⁴². Иногда его честолюбие переходило всякие границы.

Особых упоминаний о его государственной деятельности не имеется. Она ограничилась больше наведением порядка и урегулированием конфликта с Чандрагуптой. Впрочем, последнее мероприятие свидетельствует о дипломатическом его искусстве. Имел он и большие военные способности. Правда, в действительности его военная деятельность свелась к нескольким удачным тактическим находкам, не требовавшим, впрочем, особой гениальности от человека, знавшего сильные и слабые стороны тактики восточных армий и македонской конницы и фаланги. Как полководец он умело использует внезапность: внезапный удар, внезапное появление с боль-

шими силами там, где не ждали, — характерная особенность его тактических приемов. Хотя как полководец Селевк уступал Антигону, но он старался подражать ему, боялся его и одновременно уважал. Из всех диадохов он ближе всех стоял к Птоломею, сохраняя благодарность и привязанность к нему до конца жизни.

Восстановление мировой державы не входило в планы Селевка, однако он воспользовался благоприятным моментом для нападения на Лисимаха. Лисимах — сын Агафокла, один из телохранителей Александра Македонского, смелый воин, энергичный и решительный полководец царя¹⁴³. Особенно он выдвинулся в последнем, Индийском, походе, где в битвах показал себя человеком настойчивым и мужественным, выделялся атлетическими качествами и отвагой. Об этих качествах свидетельствует также факт его борьбы со львом, который одни историки рисуют как обычную охоту на льва, другие — как результат гнева Александра, приказавшего бросить Лисимаха в клетку со львом за сочувствие его к одному из представителей антимакедонской оппозиции — Каллисфену¹⁴⁴. Плутарх отмечает, что Лисимах показывал своим друзьям глубокие пирамы на бедрах и на руках, заверяя, что это следы львиных когтей и что остались они после схватки со зверем, наедине с которым запер его когда-то царь Александр¹⁴⁵. Какова бы ни была действительная причина поединка со львом, все источники говорят о победе Лисимаха, вступившего с ним в единоборство и убившего его.

После смерти Александра Лисимах получил пост наместника Фракии. Это назначение считалось второстепенным. Но оно было ему как нельзя более на руку, чтобы удалиться на время от серьезных политических шагов, от опасных военных коллизий, а потом присоединиться к победителям. Так, он уклонился от определения своей позиции при столкновении Пердикки с европейской коалицией сатрапов, а по существу предал Пердикку, попавшего в трудное положение. Не переоценивая себя как государственного деятеля и военачальника, он всегда проявлял осторожность, умел выждать благоприятный момент, скрывать свои намерения. Открыто он говорил лишь о своей неприязни к сыну Антигона Деметрию, которого считал своим противником и самым злейшим врагом. Позднее, когда Селевк пленил Деметрия, Лисимах предлагал Селевку деньги, чтоб тот его убил¹⁴⁶. Не доверяя своим силам, Лисимах избегал столкновений с прежними соратниками и пытался создать свою державу на западном берегу Понта. Вся его деятельность с момента прибытия в Европу во главе 7-тысячного отряда была направлена на завоевание Западного Причерноморья. Однако в многолетней войне он не добился серьезных успехов и был дважды разбит фракийцами¹⁴⁷. Сопrotивление фракийцев Лисимаху поддерживалось боспорскими царями.

В борьбе диадохов Лисимах принимал известное участие на стороне коалиции против Антигона. В битве при Ипсе его войска составляли основу боевого порядка союзников. В результате этой битвы он стал наиболее могущественным из диадохов, обладателем огромной территории, получив большую часть Малой Азии с такими

важными центрами, как Пергам, а также значительную часть трофейного флота. Когда Лисимах вступил в войну с Пирром в 285 г. до н.э., он изгнал его из той половины Македонии, которой тот владел, к этой территории присоединились остальная Македония, Фессалия и Фракия¹⁴⁸. Одержимый жаждой власти, он часто терял душевное равновесие, особенно под впечатлением неудач и ослабления сил. Болезненно подозрительный и в то же время легковверный, он стал жертвой грубой интриги со стороны Арсинои, по навету которой погубил своего родного сына Агафокла, а в конечном итоге — свою монархию и себя.

В окончательном падении Лисимаха коварную роль сыграл дом Птолемея. Когда Лисимах достиг уже преклонного возраста и имел многочисленное потомство, он женился третьим браком на сестре Птолемея II Арсиное, дочери Береники. Если верить Павсанию, новая жена Лисимаха, опасаясь, что после смерти ее престарелого мужа она и ее дети окажутся во власти Агафокла, составила против последнего заговор, в результате которого он был убит. Жена убитого — Лисандра вместе с детьми и бывшими друзьями царя перешли на сторону Селевка, которому доверили все сокровища Лисимаха за обещание начать с ним войну¹⁴⁹. Узнав обо всем этом, Лисимах поспешно переправился в Азию, сам начал войну и в решительном сражении у Киропедии с Селевком был убит и брошен на поле боя. Его сын от одриссиянки — Александр отвез труп своего царя в Херсонес, где и похоронил его¹⁵⁰. Вскоре и сам Селевк был изменнически убит Птолемеем Керавном¹⁵¹.

С ними все диадохи ушли с исторической сцены.

§ 3. Наследницы

Кроме полководцев Александра, которые при сложившихся обстоятельствах должны были наследовать его огромные владения, завоеванные ими, был еще целый ряд наследниц, которые в силу своего происхождения и родственных связей могли претендовать и претендовали на это наследство. Они старались сохранить или приобрести для себя ту власть, которую создал для своего дома Александр и которой злоупотребляли теперь вероломные, эгоистичные и жаждущие самостоятельной власти диадохи. Среди всех многочисленных наследниц законными были только две: Олимпиада, македонская царица и мать почившего царя, и ее дочь, родная сестра Александра — Клеопатра.

Все источники рисуют образ Олимпиады в резко отрицательных тонах, как женщину властную и деспотичную, черствую и расчетливую, ревнивую и мстительную, постоянно вмешивавшуюся в дела управления государством, в интриги преемников Александра. Однако справедливость требует сказать, что не во всех аспектах права была традиция. По-человечески можно было вполне понять Олимпиаду, жизнь которой была бурной и опасной, тревожной и неустойчивой. В молодости она жила в Эпире, вышла по любви замуж за македонского царя Филиппа — она была его шестой женой, испы-

Олимпиада — мать Александра.

тала нежность и охлаждение, обиды и унижения. В семейной жизни была несчастной. Она родила Филиппу двух детей: сына Александра и дочь Клеопатру. А муж, необузданный в своих страстях, приживал побочных детей от фессалийских и иллирийских женщин, а затем совсем развелся со своей законной женой, чтобы жениться на племяннице полководца Аттала — Клеопатре, девушке из знатного македонского рода. Олимпиаде трудно было пережить измену мужа и его новый брак. Она оставила Македонию и бесконечно униженной и оскорбленной возвратилась в Эпир, где правил ее брат Александр. В Македонию она приехала снова только на свадьбу своей дочери, которую отец выдал за ее дядю по матери — эпирского царя Александра. Как известно, на этой свадьбе Филипп был убит своим телохранителем Павсанием. Стали поговаривать, что инициатором убийства была Олимпиада. Юстин прямо говорит об этом¹⁵². Вина ее в этом преступлении не доказана, но распространились слухи, что она сама похоронила убийцу своего мужа и надела на Павсания золотой венок. Это косвенно указывало на причастность к этому злодеянию Олимпиады.

После этого с особой силой стали проявляться ее надменность и непримиримость. С неслыханной жестокостью она уничтожала

своих соперников, чтобы очистить македонский престол для своего сына. Вторую жену Филиппа заставила покончить с собой, а новорожденного сына ее изжарила на медной сковороде. Когда сын Александр стал царем, Олимпиада недолго наслаждалась покоем. Вскоре Александр ушел на Восток, назначив регентом Македонии Антипатра, который стал непримиримым врагом его матери. Она ненавидела наместника и его сыновей. Вражда между ними все росла и росла¹⁵⁴. Оба, не переставая, писали Александру жалобы: он — о высокомерии Олимпиады, о ее резкости, о вмешательстве во все дела; она — о том, что уважение и почет, оказываемые Антипатру, вскружили ему голову, что он забыл, кому этим обязан, что он считает себя вправе занять первое место в Македонии и Элладе¹⁵⁴. Матери Александр посылал множество даров, но не позволял ей вмешиваться ни в государственные дела, ни в распоряжения по войску. Она упрекала его за это, но он спокойно переносил ее недовольство. Однажды только, когда Антипатр прислал ему длинное обвинительное письмо против нее, он сказал: «Антипатр не понимает, что одна материнская слеза стирает тысячи таких писем»¹⁵⁵. Дело кончилось тем, что Олимпиада через три года вынуждена была покинуть Македонию, не имея больше сил оставаться рядом с Антипатром. В 331 г. до н.э. она отправилась в изгнание в Эпир.

Когда так неожиданно, в таком молодом возрасте, умер сын Олимпиады, она, как и многие другие, была уверена, что виною смерти Александра был Антипатр и что сын его Иолай дал царю яд¹⁵⁶. В период борьбы диадохов она особенно упорно добивалась господства над Македонией, опираясь на тех из них, которые боролись за сохранение империи для ее потомков. Из Эпира она послала письмо Эвмену с просьбой защитить царский дом, просила также Полисперхонта защитить интересы маленького Александра¹⁵⁷. Летом 318 года до н.э. Эвмен пытался достичь берега Эгейского моря, чтобы поддерживать контакты с македонской царицей, почтившей его своим доверием. Олимпиада внимательно следила за борьбой Эвмена, просила у него совета, когда ей лучше вернуться в Македонию, но Эвмен сообщил, что это преждевременно. Лишь тогда, когда Кассандр застрял в Греции, Полисперхонт, боровшийся с ним, просил Олимпиаду вернуться. В возвращении должен был помочь царь Эпира Эакид, с которым Полисперхонт в 317 г. до н.э. заключил союз и убедил созвать своих эпиротов, чтобы вместе с ними возвратить в Македонию царицу Олимпиаду и сына Александра, которому было теперь шесть лет¹⁵⁸. В будущем ему был обещан брак его дочери Дедамии с молодым Александром¹⁵⁹.

Осенью 317 г. до н.э. Полисперхонту удалось ввести вновь в царство Олимпиаду вместе с Роксаной и маленьким Александром. Хотя Олимпиаде и жалко было оставлять свое спокойное эпирское убежище, но она должна была согласиться отправиться в Македонию, чтобы своим присутствием закрепить трон за своими прямыми потомками¹⁶⁰. В Македонии войска встретили мать своего знаменитого полководца с громкими криками ликования. Олимпиада была

довольна. С особой силой вскоре стал проявляться ее своенравный, жестокий и мстительный характер. Она всецело предалась дикой жажде мести: убила всех своих соперников из побочных детей Филиппа, обрушилась на семью ненавистного ей Антипатра. Она убила его сына Никонора, приказала разрыть могилу другого сына Июлая, казнить сотни друзей Кассандра, принадлежавших к высшей знати страны, уничтожила вторую жену Филиппа II — Клеопатру и ее младенца ¹⁶¹.

Македоняне, которые раньше радостно приветствовали Олимпиаду, теперь с ужасом отвернулись от нее ¹⁶². Кассандр узнал о ее бесчинствах в Греции, где он в то время находился, осаждая Тегеи ¹⁶³. Понимая опасность для себя от этих необузданных действий македонской царицы, он оставил греческие дела и немедленно двинулся в Македонию, преодолевая серьезные препятствия на пути, которые ему уготовил Полисперхонт. При приближении своего ненавистного врага Олимпиада бросилась в укрепленный город Пидну, стоявший на морском берегу. С нею находились ее внук, юный Александр IV и его мать Роксана, дочь Филиппа и Фессалоники — Дедамия, дочь царя Эакида — Дедамея, множество родственников и друзей, в большинстве своем лишенных всяких военных способностей.

Крепость, где все эти люди надеялись найти защиту, была непригодна для этой роли. В крепости не было даже в достаточном количестве провианта. Не были достаточными и боевые силы царицы. Они состояли из нескольких амвракийских всадников, большинства находившихся при дворе войск и всех слонов, которых Кассандр не взял с собой ¹⁶⁴. Этих сил было явно недостаточно, чтобы сопротивляться превосходящим силам противника. Единственной ее надеждой было продержаться до тех пор, пока не придет помощь со стороны моря от Александра, сына Полисперхонта, и греков, а также из Эпира. Эпироты, которым угрожал собственный царь Эакид, хотели отправиться на помощь Олимпиаде, но были вынуждены заключить союз с Кассандром, который назначил управлять их страной своего представителя. В то же время в Македонии те, кто думал перебраться к Олимпиаде, увидев условия, в которых она находилась, предпочли оставить ее на произвол судьбы. Не смог прийти на помощь ей и Полисперхонт. Его войска, расположенные в Перребии, терпели многочисленные трудности, и он не смог предпринять ничего существенного для освобождения Олимпиады. Мать Александра осталась без помощи.

Зимой 318—317 г. до н.э. Кассандр осадил Пидну ¹⁶⁵. Он обложил ее со стороны суши и моря. Началась сложная и изнурительная осада, со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями. В городе довольно скоро стал ощущаться недостаток в предметах первой необходимости, начал свирепствовать голод. Солдаты стали получать столько провианта в месяц, сколько обыкновенно получал раб в 5 дней. Те всадники, которые не принадлежали к регулярному войску, были лишены своих пайков и умирали голодной смертью ¹⁶⁶. Не менее тяжелым было положение животных,

особенно слонов: лошадей убивали на мясо, а слонам в корм давали мелконарубленные бревна: изнуренные такой скудной пищей, слоны погибали. Улицы, пишет Диодор, были усеяны трупами. Город наполнился разлагающимися телами людей и животных. Трудно становилось дышать этой гнилью и трупным запахом. Еще более невыносимой картина людских страданий стала весной, когда солнце пригревало и процесс разложения усилился.

В этих условиях в начале весны 316 г. до н.э. войска требовали или сдачи города, или увольнения. Олимпиада не хотела слышать о сдаче. Она все еще надеялась на помощь и предпочла сдаче увольнение воинов. Когда последние были отпущены, Кассандр их приветливо принял и рассредоточил по различным городам страны. Когда надежды на помощь не оправдались, Олимпиада решила искать спасение в бегстве. Для нее и ее приближенных должен был быть подготовлен корабль на берегу моря. Но и здесь ее ожидало несчастье. Когда она прибыла к берегу, этого корабля не оказалось. Кассандр все предусмотрел. Узнав от перебежчиков, что замышляет Олимпиада, он приказал вовремя убрать корабль с рейда. Кругом была синяя морская гладь и ни одного средства передвижения. Игра была проиграна. Олимпиада поняла, что никакой надежды на спасение больше не оставалось¹⁶⁷. Она послала к Кассандру послов для заключения с ним договора, но он потребовал безоговорочной капитуляции. С большими усилиями ей удалось добиться, правда, ненадолго, неприкосновенности и жизни. Кассандр согласился на эту единственную просьбу царицы, ибо прекрасно понимал, что эта просьба — чистая формальность. О какой неприкосновенности могла идти речь, если весной 316 г. до н.э. пала Пидна, если царская семья находилась в его руках, если он стал полновластным господином Македонии¹⁶⁸.

Вскоре Кассандр созвал общее собрание македонян и поставил перед ними вопрос: как они желают поступить с Олимпиадой? Он весьма ловко разыграл подготовленный им спектакль, имея твердое намерение не выпускать больше из рук своей жертвы и навсегда расправиться с ней. В этой своей акции он прежде всего опирался на людей, которых когда-то обидела царица. Таких оказалось довольно много. На собрании основной тон задавали родственники тех знатных людей, которых в прошлом году приказала казнить Олимпиада. Они выступили на собрании в траурных одеяниях по поводу трагической гибели их родственников от руки беспощадной царицы и требовали приговорить ее к смерти. Олимпиаду не вызывали для дачи показаний по обвинению, не давали слова также и другим ее защитникам, и собрание вынесло ей смертный приговор¹⁶⁹.

Существует версия, что Кассандр после вынесения приговора будто бы поспешно послал сказать обреченной, что она может спастись бегством, пока не поздно, и предложил ей даже корабль, который в безопасности доставит ее в Афины. Думать, что непримиримый враг вдруг захотел спасти царицу, вряд ли правильно. Более вероятно то, что Кассандр приготовил своей жертве новую уловку.

Он вовсе не желал ее спасти, но надеялся, что она своим бегством подтвердит свою вину, и если будет уморщвлена в пути — что было вполне вероятно, — то общественное мнение воспримет это как заслуженную кару.

Олимпиада, однако, не приняла этого предложения, хорошо понимая замысел Кассандра. Она дала знать, что не намерена спасать свою жизнь бегством и готова защищать свое правое дело в присутствии всех македонян. Это ее намерение никак не входило в планы Кассандра, тем более, что открытый общественный процесс против матери Александра мог бы подвергнуть большой опасности сына Антипатра. О смелости царицы он прекрасно знал. Он знал также и то, что в ее теперешнем положении ей нечего терять, и она будет готова на все. Своим выступлением перед македонянами она обязательно постарается произвести на них должное впечатление. И еще неизвестно, чем бы все это закончилось. Кассандр решил не рисковать. Он не дал Олимпиаде той возможности, которую она искала. Такая возможность вполне соответствовала тогдашним нормам международного права, но он полностью пренебрег им, решив как можно быстрее привести приговор собрания войска в исполнение. Двести человек было послано для того, чтобы осуществить это решение. Им было приказано заколоть ее без всякого промедления. Они отправились в замок, где находилась Олимпиада. Украшенная пурпуром и диадемой, опираясь на двух женщин, она сама вышла к ним навстречу, но они отступили назад, не решаясь убить мать Александра. Кассандр понял, что надеяться на воинов в этом деле никак нельзя. Исполнение этого кровавого дела он отдал в руки разгневанных родственников македонян¹⁷⁰. По старому обычаю, они с особой охотой побили ее камнями. Пав на землю под ударами камней, которым она с твердым взглядом подставила свою грудь без слова жалобы и слез, она оправила свои седые волосы, завернулась в облачение и испустила дух¹⁷¹.

После смерти Олимпиады законной наследницей македонского престола оставалась ее единственная дочь Клеопатра. Выйдя осенью 336 г. до н.э. замуж за царя молоссов Александра, за своего родного дядю, Клеопатра через 5 лет овдовела. Ее муж в 334 г. до н.э. отправился в поход в южную Италию по приглашению тарентинцев в качестве предводителя наемных отрядов для борьбы с луканами и бруттийцами. На первых порах его действия против них были весьма успешными. Ему удалось освободить ряд городов. С. И. Ковалев высказывает предположение, что он даже заключил союз с Римом¹⁷². Но в конце концов Александр поссорился с тарентинцами, лишился их поддержки и был убит луканами в 331/330 г. до н.э.

После смерти своего мужа Клеопатра стала регентшей Эпира и правила там от имени ее малолетнего сына Неоптолема, но недолго. Вскоре к ней приехала мать Олимпиада, которая выжила свою дочь из Эпира и стала сама его правительницей¹⁷³. Вдовствующая сестра Александра, вынужденная возвратиться в свою родную страну, мечтала вступить в новый брак с преуспевающим, перспективным

полководцем ее брата и, таким образом, достигнуть господства в Македонии. Однако свое намерение Клеопатра не смогла осуществить, хотя каждый из полководцев ее брата почитал за честь принять такое предложение, которое приблизило бы его к македонскому трону.

Первый выбор пал на Леоннату, одного из телохранителей Александра, согласно птолемеевской традиции, ставшего главой военных контингентов¹⁷⁴. После смерти своего повелителя он считал, что никому не уступает по достоинству, и не чувствовал обязательств по отношению к кому-либо, а тем более не связывал себя субординацией к Пердикке, который был его родственником и давним другом. Они вместе служили еще в охране Филиппа и уничтожили его убийцу Павсания. Почему именно Леоннату, легкомысленному, непостоянному и подверженному случайным порывам человеку, было отдано предпочтение, остается не вполне ясным. Дройзен высказывает мнение, что Клеопатра этим браком хотела низвергнуть ненавистного наместника Македонии Антипатра¹⁷⁵. Но это не убедительно, так как, во-первых, Леоннат в Греции сражался вместе с Антипатром против греков; во-вторых, для уничтожения власти македонского наместника можно было бы избрать более могущественного полководца.

Как бы то ни было, сестра Александра сама предложила ему руку и сердце. В письме, которое он получил от нее, прямо предлагалось захватить Македонию и жениться на ней. В честолюбивом Леоннате это предложение вызвало большой энтузиазм. Он пренебрегает приказом Пердикки идти в Каппадокию и отправляется на Балканы. Там он достиг Македонии, усилил свою армию, пошел на соединение с Антипатром, но в сражении с греческой конницей весной 322 г. до н.э. был смертельно ранен и умер на поле боя.

Смерть Леонната вряд ли кто оплакивал. Антипатр избавился от серьезного соперника, от такого же соперника избавился и Пердикка, ибо захват Леоннатом Македонии и женитьба его на родной сестре Александра значительно уменьшили бы его влияние. Что касается самой Клеопатры, то хотя ее план и расстроился, но не надолго. На горизонте для нее возникла новая фигура, более могущественная, чем Леоннат, а именно — регент Пердикка. Эта кандидатура в то время особенно устраивала Олимпиаду, которая надеялась с его помощью покончить с ненавистным врагом Антипатром и отстоять единство империи. Будучи еще в Эпире, она приглашала Пердикку появиться в Македонии, где его ждала Клеопатра и македонский престол. Это было повторением плана с Леоннатом¹⁷⁶. Престиж двух цариц устранил бы почти все препятствия, и Пердикка, который должен был сопровождать останки царя, чтобы установить их в царской усыпальнице в Эгах, мог бы выглядеть законным наследником, которого назначил на смертном одре сам Александр, передав ему свой перстень.

Конечно, Пердикке льстила возможность иметь супругой родную сестру Александра, а вместе с ней и македонский престол. Но на этом пути у него возникли непредвиденные препятствия, о которых

сведения источников неясны и отрывочны. Так, Диодор указывает, что после падения Изоры «две женщины сочетались с Пердиккой». Одна из них была Никея — старшая дочь Антипатра, другая — Клеопатра, сестра Александра и вдова эпирского царя. Пердикка был помолвлен с Никеей. Еще недавно, когда его положение не было упрочено, он считал весьма полезным породниться с Антипатром и сватался к его дочери. Но после получения верховной власти его намерения изменились, поскольку он полагал, что своим сватовством к сестре покойного царя он сможет добиться царского трона в Македонии. Но, скрывая свои замыслы, он одновременно сватался и к Никее, в надежде на то, что благодаря этому браку Антипатр не станет мешать осуществлению его планов¹⁷⁷. Впрочем, эти планы вскоре стали известны Антигону, который представил их Антипатру, всячески пытаясь объяснить ему, что женитьба Пердикки на Клеопатре не только приведет его к македонскому трону, но и лишит командования наместника Македонии и Кратера. Такая новость ошеломила двух полководцев, которые решили отложить военные действия в Этолии и как можно быстрее с войском двинуться в Малую Азию.

Более строгий рассказ Арриана, по меньшей мере, содержит в себе несколько довольно странных указаний. Согласно утверждению Арриана, из Македонии к Пердикке отправились Иолай и Архий, которые сопровождали его невесту Никею. Она явилась к своему жениху, чтобы выйти за него замуж. В то же время царица Олимпиада (о которой, кстати, Диодор ничего не говорит) отправила свою дочь Клеопатру к регенту для этой же цели. Пердикка оказался в шекотливом положении. Арриан говорит, что Эвмен предлагал ему принять предложение старой македонской царицы, но он не послушался совета и женился на дочери Антипатра. Дальше у Арриана идет рассказ о неудавшемся мероприятии Филиппа II. Затем автор снова возвращается к отношениям Пердикки с Клеопатрой и Никеей: он изображает Эвмена, приносящего с Пердиккой дары Клеопатре, находившейся тогда в Сардах: регент решил развестись с Никеей и жениться на сестре Александра¹⁷⁸. Наконец, Юстин указывает, что, завоевав Каппадокию, Пердикка захотел соединить свое могущество с царским титулом. С одобрения Олимпиады он намеревался жениться на Клеопатре; в то же время, чтобы обмануть Антипатра, он просил руки и его дочери, но та облачила эти замыслы, и ему отказали обе женщины¹⁷⁹.

По этим различным источникам, события разворачивались в тот короткий период, который включает смерть Александра и передачу верховной власти Пердикке, примерно следующим образом. Последний, когда его власть еще не была упрочена, домогался у Антипатра руки его дочери. Этим браком он хотел укрепить свои позиции, так как после победы над греками Антипатр стал еще более могущественным и ему ничего не стоило привлечь на свою сторону Антигона и Птолемея против Пердикки. В этих условиях Пердикка намеревался победить их поодиночке, затем, вступив в брак с Клеопатрой, открыто объявить себя противником Антипатра, перепра-

виться в Европу и там выступить с требованием для себя всех преимуществ, на которые, казалось, давала ему право рука единственной законной наследницы царского дома.

Обещанный брак еще не был заключен, когда Пердикка стал регентом. Немного спустя, в силу договора, заключенного между двумя полководцами, старшая дочь Антипатра — Никея прибыла в Азию. Именно тогда Олимпиада предложила регенту жениться на Клеопатре. Вряд ли есть основание отбрасывать это известие Арриана. П. Клоше считает неправомерным желание Диодора приписывать Пердикке инициативу честолюбивого проекта брака с Клеопатрой, брака, который обеспечил бы ему доступ к трону Македонии¹⁸⁰. Клоше полагает, что предложение старой царицы не было принято. Пердикка сдержал обещание, данное Антипатру, и женился на его дочери. В этом отношении между Диодором и Аррианом полное согласие. (Версия Юстина о двойном предложении Пердикки и двойном отказе, полученном им, лишена всякой вероятности.) Только в отличие от Арриана, который ограничивается упоминанием события, Диодор видит в этом браке результат корыстного расчета Пердикки, стремящегося не возбудить подозрений Антипатра. Однако ничто не доказывает точность подобного утверждения, ибо историк не приводит для него заслуживающих внимания доказательств.

П. Клоше предлагает другие объяснения: Пердикка мог без всякой задней мысли отклонить предложение Олимпиады, вопреки советам Эвмена, и выполнить данное Антипатру обязательство, т.е. жениться на его дочери. Но спустя некоторое время после этого брака, он мог уступить увещаниям Эвмена, отсюда его подарки Клеопатре, которой он сообщил о своем решении развестись с Никеей¹⁸¹. Имел ли место этот развод? Женился ли Пердикка на сестре Александра? Некоторые историки дают на эти вопросы утвердительный ответ. Так, Дройзен считал, что «Никея, отвергнутая, вернулась в отчий дом»¹⁸². Буше-Леклерк показывает Пердикку, «ослепленного честолюбием» и отвергающего Никею¹⁸³. Но ничто не доказывает обоснованность этого мнения, ибо сообщение Антигона Антипатру по этому поводу исходит от противника Пердикки и, стало быть, нет ничего невозможного в том, что брак Пердикки с Никеей существовал и что Пердикка вовсе не женился на Клеопатре. Только его конечная уступка желаниям Эвмена, проявленная в неоспоримых хлопотах о Клеопатре, должна была возбудить подозрения Антипатра. Так думает П. Клоше¹⁸⁴.

Для нас важно в данном случае не только то, успел ли Пердикка жениться на Клеопатре или нет. Важнее всего, что такое намерение существовало с обеих сторон, особенно после того, как Антигон и Антипатр стали создавать коалицию против Пердикки, который, в силу этих обстоятельств, мог форсировать свой брак с Клеопатрой. Неспроста она в то время находилась в Сардах. Туда был направлен Эвмен с богатыми подарками и с предложением Пердикки вступить с ней в брак. Она ответила согласием. Но этому не суждено было случиться из-за неожиданной гибели жениха в Египте.

Клеопатра оказалась в тяжелейшем положении. Она не приняла предложения Эвмена довериться ему как защитнику ее интересов и продолжать с ним борьбу против алчных поплзновений диадохов. Наоборот, она просила Эвмена удалиться, чтобы македоняне не подумали, что именно она причина раздора и войны. Но, отказавшись от помощи единственного преданного ей человека, Клеопатра осталась незащищенной. В скором времени прибывший в Сарды Антипатр привлек ее к ответственности за то, что она хотела выйти замуж за Пердикку, хотя тот уже был в браке с его дочерью, а это, по его мнению, было причиной кровопролитной войны. Он осуждал ее переговоры с Эвменом и все ее действия.

Клеопатра смело и решительно защищалась от этих нападок недруга перед собранием воинов. Она упрекала регента в том, что он думает только о своих личных интересах, а с представителями царского дома обходится недостойно. Если люди, которые всем обязаны ее отцу и брату, забыли об этом и имеют намерение уничтожить весь царский дом, она напомнит обо всем этом и не станет молчать. Пусть все воины об этом знают. Она находилась в полном распоряжении Антипатра, и такое обвинение в его адрес могло стоить ей жизни. Но перед лицом возбужденного войска и предстоящих трудных задач он не посмел принять против сестры Александра крайних мер. Оставив ее в покое в Сардах, Антипатр с войском выступил в новый поход¹⁸⁵.

Клеопатра жила в Сардах целых 15 лет. За это время ее имя неоднократно пытались использовать в вихре борьбы диадохи. Македонская царская диадема все еще притягивала их как магнит. Сватовство продолжалось. К ней сватался Кассандр, но она ненавидела в нем врага своего дома; были отвергнуты и домогания Лисимаха; сватались за нее Антигон и Птолемей. Первый был старый, противный и страшный. Она с презрением отвергла его, хотя в Сардах была в его руках; второму — босвому товарищу ее брата — она не отказала, обещав тайным образом прибыть к нему и вступить с ним в брак¹⁸⁶. Ей уже было около 47 лет, а Птолемей был женат на любимой им Беренике, кстати, его единокровной сестре. В этих условиях брак был не столько по любви, сколько по расчету. В то время иметь несколько жен, особенно для высокопоставленных лиц, не было редкостью, и брак с Клеопатрой мог тем более считаться нормальным браком из государственных соображений. Клеопатра этой акцией освобождалась от власти Антигона и обеспечивала себе безопасность. Но и этому плану не суждено было осуществиться из-за козней Антигона. Узнав о ее намерениях, он дал инструкции своему военачальнику в Сардах удерживать ее там и не давать ей бежать к Птолемею. Вскоре она была найдена убитой, причем все говорили, что ее убили некоторые из ее рабынь. Антигон приказал схватить их и казнить как виновниц убийства, а тело царицы похоронить со всеми подобающими ее сану почестями¹⁸⁷. Но тем не менее никто не сомневался, что инициатива в умерщвлении Клеопатры принадлежала ему¹⁸⁸. Это событие произошло в 308 г.

до н.э. Так была устранена последняя из непосредственных прямых наследниц македонского престола.

Правда, оставался ее сын Неоптолем — родной внук Олимпиады и Филиппа II, племянник Александра. Но он находился на родине своего отца, в 303 или в начале 302 г. до н.э., когда скончался царь Главкий, достиг царской власти в Эпире, лелея надежду захватить и престол Македонии. Но путь к трону преградил ему Пирр, который убил Неоптолема и в 297 г. до н.э. стал царем Эпира¹⁸⁹. Линия прямых наследников престола прервалась. Однако если прервалась линия прямых наследников, то остались многие представители побочных линий, разные сводные родственники, которых, по необузданности страстей Филиппа II, да и его сына, было немало. В это самое время они боролись за царское наследство с таким же упорством, как и непосредственные наследники.

Как известно, в начале своего царствования отец Александра принял на себя правление за малолетнего ^{племянника} сына своего — Аминту. Во время иллирийских походов Филипп вступил в незаконную брачную связь с иллирийской флейтисткой, от которой родилась дочь Кенана. Она росла дикой и угрюмой, хотя воспитывалась вместе с детьми Олимпиады. Когда она выросла, ее выдали замуж за того Аминту, который должен был получить престол. Это был сын Пердикки III и племянник Филиппа II. От этого брака родилась у них дочь Адея или, как она называлась впоследствии, Эвридика. Поскольку ее мать считалась сводной сестрой Александра, то Эвридика приходилась ему племянницей. Кенана была отважная и мужественная женщина. Она неоднократно сама участвовала в сражениях и проявляла личную храбрость, которая удивляла самых храбрых воинов. Свою дочь Эвридику Кенана тоже воспитывала в воинском духе, приучала с детства владеть оружием и участвовать в военных походах. Она росла властолюбивой и воинственной. Ее бесстрашная мать старалась внушить ей, что она представительница царского рода, наследница царского престола, что ее дедом был Филипп II, который отстранил ее отца Аминту от власти¹⁹⁰.

Когда умер Александр Македонский, Эвридике было всего 15 лет. Ее честолюбивая мать считала, что именно сейчас настало время дочери заявить свои претензии, чтобы хотя бы косвенно «захватить царскую власть». Для этого она задумала выдать ее замуж за сводного брата Александра — Арридея (Филиппа). Последний был тоже незаконным сыном Филиппа, прижитым им с фессалийской танцовщицей Филинной¹⁹¹. По причине болезни он был слабым. По утверждению Плутарха, болезнь эта была не врожденной и не случайной. Мальчиком он обнаружил очень приятные и благородные черты характера, но его испортила Олимпиада: от ее лекарства он повредился в рассудке¹⁹². Впрочем, эта точка зрения в литературе оспаривается.

После смерти Александра полководец Мелеагр привел Арридея во дворец, и солдаты приветствовали его, называя царем Филиппом¹⁹³. Македоняи побудили провозгласить царем Арридея, кото-

рый имел только ту заслугу, что был сыном фессалийки Филинны, а не какой-то варварки, хотя и не был законным сыном Филиппа¹⁹⁴. В другое время они наверняка не выбрали бы полоумного царем, но он был единственным представителем из дома Аргеадов, сыном Филиппа и братом Александра¹⁹⁵.

Характерно, что сам Арридей к высшей власти вовсе не стремился. Когда начались распри между Пердиккой и Мелеагром, царицей и пехотой, Арридей, чтобы эти распри прекратились, отказывается от власти. «Что касается меня,— говорил он,— я больше всего хочу сложить с себя эту власть, чтобы не вызвать пролития крови граждан, и если нет никакой надежды иначе добиться согласия, убедительно прошу вас: изберите другого достойнейшего царя!»¹⁹⁶. При этом он снял с себя диадему и, протянув правую руку, в которой держал ее, предлагал взять ее тому, кто признает себя более достойным. Но все стали настаивать, чтобы он продолжал выполнять свою роль. Вскоре произошло примирение между Пердиккой и Мелеагром, а затем и гибель последнего. Пердикка должен был находиться при царе и командовать состоявшими при нем войсками. По словам Плутарха, он влачил за собой Арридея «как некое лицо без слов»¹⁹⁷.

Кенане, безусловно, были известны умственные способности своего 33-летнего сводного брата и будущего зятя. Однако его слабоумие вовсе не стало препятствием для осуществления ее дерзкого плана. Она была уверена, что ум царя не имеет вообще существенного значения, ибо за него будут работать другие. Главное, что у него есть титул царя и формальная высшая власть. При таком царе Эвридика, став царицей, сможет раскрыть все свои способности и осуществить то, о чем всю жизнь мечтала ее мать¹⁹⁸.

Для реализации своего замысла Кенана вместе с дочерью во главе небольшого войска решила сопровождать Эвридику в Малую Азию к Арридею. Этот замысел шел вразрез с интересами Антипатра и Пердикки. Они старались всеми силами не допустить брака между царем и Эвридикой, который бы ограничил их собственную власть¹⁹⁹. Поэтому, когда Кенана в октябре 322 г. до н.э. неожиданно для всех выступила из Македонии и поспешила к берегам Стримона, Антипатр тщетно пытался задержать ее при переправе через Стримон: мать и дочь, как бесстрашные воины, с дротиками в руках бросились на его войска и прорвали их линию. Были также преодолены и другие препятствия, которые им создавал на пути регент Македонии. Достигнув моря, Кенана без особых осложнений переправилась вместе со своим войском через Геллеспонт в Азию и направилась дальше по пути к царскому лагерю.

Узнав об удачном продвижении Кенаны, Пердикка выслал против нее своего брата Алкету, которому было поручено напасть на нее там, где она будет обнаружена, и доставить ее к нему живую или мертвую. Но македонские воины, встретившись лицом к лицу с дочерью Филиппа, отказались обнажить оружие против нее. Они потребовали объединения обоих войск и брака молодой царевны с их царем²⁰⁰. Кенана смело говорила о своих нравах и правах ес

дочери, она разоблачила черную и благодарность Алкеты и его брата, которые завлекли ее в ловушку, чтобы с ней расправиться.

Свою судьбу Кенана предвидела правильно: выполняя приказ Пердикки, Алкета умертвил ее, поскольку живей она в руки не давалась²⁰¹. Но когда об этом злодеянии узнали воины, они были крайне возмущены таким поступком и грозили Пердикке прямым мятежом. Последнему с трудом удалось успокоить войско лишь разрешением брака Эвридики с Арридеем. Он льстил себя надеждой, что в отсутствие матери можно будет без особого труда воздействовать на молодую царицу через посредство слабоумного царя. В случае же, если бы она вела себя самостоятельно, регенту ничего не стоило в нужную минуту ее убрать. Эвридика оказалась в руках могущественного регента. Хотя она и стала царицей, но фактической власти не имела. Ее положение изменилось сразу после смерти Пердикки. Она освободилась от его опасной опеки и сделала попытку управлять государственными делами соответственно ее званию и интересам. Она потребовала от Пифона и Арридея, чтобы ей было дано надлежащее участие в управлении государством. Это требование было не на долгое время удовлетворено. Но когда Антипатр прибыл в Трипарадис, ей запретили дальнейшее вмешательство в государственные дела, опасаясь неудовольствия и стариной вражды престарелого регента к молодой царице²⁰². Тогда Эвридика обратилась за помощью непосредственно к армии, в которой она пользовалась любовью и уважением. Армия ее поддержала, и она победила. Но победа эта снова оказалась недолговечной. Перед собранием македонян она не сумела провести свою волю при выборах регента. Вопреки ее желанию, войско провозгласило регентом ее ненавистного врага Антипатра²⁰³. Против него она попыталась использовать все средства борьбы. Так, когда он оказался не в состоянии удовлетворить насущные требования воинов — выплатить им деньги, обещанные еще Александром, она подняла войско на мятеж, который всячески разжигала. Ее секретарь Асклепидор составил ей зажигательную речь, с которой она выступила перед собравшимися войсками. В этой речи она обвинила враждебного ей Антипатра в скупости и небрежности, доказала, что он никогда не сможет дать воинам заслуженных ими денег и наград, и потому потребовала отложиться от него. Своим выступлением она довела страсти воинов до самого высокого накала. Антипатр оказался у самой критической черты и безусловно погиб бы, если бы его не выручил подошедший к нему на помощь Антигон.

Избежав неминуемой гибели, Антипатр старается изолировать Эвридику от войска, заставляет ее ехать с ним в Македонию, чтобы она оставалась там под его неусыпным оком. Вторично оказалась она под властью опасной опеки. Но опека и на этот раз была недолгой из-за смерти Антипатра в 319 г. до н.э. Со смертью старого регента снова воскресла ее надежда укрепить свои позиции, управлять событиями, чтобы завоевать наибольший авторитет в царстве себе и своему мужу. Но и эта надежда оказалась тщетной. Новый регент Полисперхонт был не на ее стороне. Он поддерживал цари-

цу-мать Олимпиаду, которую из Эпира пригласил в Македонию. Перед лицом этой опасности Эвридика не пала духом и вновь приступила к действиям. По словам итальянского историка М. Фонтана, Олимпиада и Эвридика были двумя энергичнейшими и честолюбивыми царицами, каких только помнит история²⁰⁴.

Когда супруг Эвридики возвратился в Македонию, а мол-шеству Полисперхонта был нанесен чувствительный удар под стенами Пирея и Мегалополя и против него поднялся голос общественного мнения в Македонии и Греции, Эвридика решила, что ее час пробил. Поскольку по просьбе Полисперхонта в Македонию вернулась тогда Олимпиада, Эвридика решила призвать на свою защиту Кассандра. Летом 317 г. Арридей вручил ему должность эпимелета, сместив Полисперхонта. От имени своего супруга она назначила его регентом, прислала приказ Полисперхонту передать войско Кассандру. Такое же извещение было послано и в Азию к Антигу²⁰⁵.

Получился неслыханный парадокс. Слабый и безвольный царь Арридей, которого Полисперхонт стремился защищать силой оружия от агрессивных поползновений Кассандра, по наущению своей своенравной, экспансивной жены сместил его с должности в пользу человека, который меньше всего о них думал. Тогда Полисперхонт предпринял решительное наступление против Эвридики и Филиппа-Арридея. Он двинулся Эпир и, в согласии с царем этой страны, намеревался возвратить Олимпиаду в Македонию. Узнав о времени ее возвращения, Эвридика, не ожидая прибытия Кассандра, во главе своего войска двинулась к границам Македонии и Эпира. Война оказалась неизбежной. Оба войска расположились друг против друга. По утверждению Дурида, Олимпиада и Эвридика сами вели свои войска в сражение; первая — подобно вакханке, при звуках тимпанов, а вторая — облекшись в македонское вооружение, подобно амазонке²⁰⁶. Однако македоняне в войске Эвридики вдруг объявили, что они никогда не будут сражаться против матери своего царя, и перешли на сторону Олимпиады. Филипп-Арридей со своим придворным штатом был взят в плен тотчас же, а Эвридике удалось бежать с Поликлом, одним из приближенных к ней людей, в Амфиполь, где они были схвачены и взяты под стражу.

Ослепленная ненавистью Олимпиада могла теперь дать волю своей жажде мщения. Она решила строго наказать тех, кого считала узурпаторами: слабоумного Арридея — сына фессалийской танцовщицы и Эвридику — дочь Кенаны, которая с безумной смелостью, при поддержке Кассандра, задумала овладеть государством²⁰⁷. Олимпиада приказала нескольким фракийцам пронзить своими стрелами царя, что и было без промедления выполнено. Так слабоумный и неавторитетный царь, формально находившийся у власти шесть лет и четыре месяца (лето 323 — осень 317 гг. до н.э.), бесславно закончил свою жизнь. Его неутомимая жена Эвридика не прекращала требовать своих прав на царство. Она оставалась непреклонной до конца, громко, во всеулышание заявляя, что царский престол принадлежит ей одной, что ее отец Аминта был обманным путем лишен Филиппом трона, а Александром — жизни.

Она — прямая наследница престола, она — супруга македонского царя. Тогда Олимпиада послала ей меч, веревку и яд, предложив выбор между ними. Проклиная свою соперницу, она, осмотрев рану своего убитого мужа и прикрыв его тело плащом, прикрепила свой пояс к карнизу и повесилась²⁰⁸. Это произошло в конце октября — начале ноября 317 г. до н.э. Кассандр с величайшим почетом похоронил в древней столице Македонии Эгах в гробницах царей Кенану, Филиппа-Арридея и Эвридику и дал в их честь роскошные погребальные игры²⁰⁹.

Мать Александра была отомщена. Она не только убила Арридея и его супругу, но и погубила брата Кассандра и сотню его друзей, свела в могилу другого его брата, объявив его соучастником в смерти Александра. Эти эксцессы внушили, по словам Диодора, многим македонянам отвращение к ней и могли благоприятствовать не менее пылкому честолюбию сына Антипатра²¹⁰.

Характерно, что Кассандр, стремясь к царской власти, поддерживал не родных, а сводных родственников Александра; может быть, потому, что в нужное время их было бы легче отстранить от заветного пирога, может быть и потому, что его стремление сблизиться с царской семьей не увенчалось успехом. Известно, что он также стремился к свадьбе с Клеопатрой — сестрой Александра. Но после провала этой затеи ему удался брак со сводной сестрой Александра — Фессалоникой, брак, который расчистил ему путь к трону. Фессалоника дала ему право на царский престол, на титул, которого он так избегал²¹¹.

Кассандр был причастен и к той страшной участи, которую испытал побочный сын Александра, рожденный от дочери сатрапа Артабаза Барсины, — Геракл. Ему было четыре года, когда умер его отец. Остальные 13 лет его короткой жизни он был игрушкой в руках честолюбивых диадохов. Сначала Полисперхонт использовал его в качестве претендента на престол против своего врага Кассандра. Когда он собрал значительные силы и направился с Гераклом в Македонию, сын Антипатра встретил их на Тимфейской равнине. Опасаясь дезертирства македонян, он начал переговоры с противником, которому взамен смерти Геракла предложил восстановление его званий и владений в Македонии, командование армией, действовавшей в Пелопоннесе, и раздел верховной власти. Сделка была заключена, Геракл был Полисперхонтом вызван из Пергама и им же зарезан²¹².

Нам остается сказать еще об одной наследнице, о законной супруге Александра — Роксане, которая родила наследника Александра IV уже после смерти его отца. Пердикка с согласия Роксаны был готов взять на себя заботу опекуна ее будущего ребенка. Он помог царице избавиться от соперниц — Статирь и Парисатиды²¹³. Особенно ревниво она относилась к Статире, на которой Александр женился в Сузах. Обманным путем, с помощью подложного письма, заманила она ее к себе, и когда та прибыла вместе с сестрой Дрипедидой — молодой вдовой Гефестиона, они обе были изменнически убиты, а их трупы она велела бросить в колодец и засыпать его.

Сделано это было с ведома и с помощью Пердикки²¹⁴. Не случайно потом распространились документы, правда, по мнению итальянского историка Фонтана, сомнительного свойства, в которых даже учитывалась возможность свадьбы Роксаны и Пердикки²¹⁵. Последний был нарасхват. У него была невеста — дочь Антипатра, за него хотела выйти замуж сестра Александра — Клеопатра, наконец, не прочь была вступить с ним в брак и вдова Александра — Роксана. Хотя достоверных источников по поводу последней возможности у нас нет, тем не менее считать это полностью утопическим также нельзя. Дело в том, что жена покойного царя нуждалась в сильной защите. Сама она была азиатка и как таковая не пользовалась расположением у тех диадохов, которые были противниками восточной политики Александра. Они отрицали за представительницей азиатской знати и ее сыном какое-либо право на македонский престол. Если Арридей был только царем, выбранным в Вавилонии, то сын Роксаны был наследником трона еще до своего рождения, а после рождения был признан в таком качестве также и вооруженными войнами²¹⁶. Но он наполовину был азиатского происхождения, а многие македоняне не хотели азиатского царя.

Когда после смерти Пердикки Роксана и ее сын были отправлены в Македонию, где царил всевластный Антипатр, вдова и наследник Александра были оторваны от родных восточных корней. При европейском дворе они чувствовали себя чужими среди македонян²¹⁷. После смерти Антипатра имело место покушение на жизнь молодого Александра и его мать. Существовало подозрение, что в этом деле принимала участие Эвридика²¹⁸. Роксана вынуждена была бежать в Эпир, к матери ее покойного мужа. Когда Олимпиада возвратилась в Македонию, туда возвратилась и Роксана с маленьким Александром. Участь их всех там оказалась плачевной. Олимпиада, как выше говорилось, была вскоре побита камнями по приказанию Кассандра, а ее невестка и внук, захваченные в плен после капитуляции Пидны, по приказанию того же Кассандра, содержались в заключении в Амфиполе под надзором преданного ему Главкия.

Кассандр хорошо понимал, что дорога к трону станет более легкой, если он освободится от них. Но данный момент он не считал подходящим для этого, так как не имел точной информации о состоянии борьбы в Азии между Эвменом и Антигоном и, кроме того, ожидал, какую реакцию произведет на македонян гибель Олимпиады. Поэтому он предпочел пока содержать Роксану и Александра в крепости Амфиполя под надежной охраной²¹⁹. Тем более, что изоляция от человеческого участия и скромный образ жизни, к которому их принуждали, более всего благоприятствовали тому, чтобы заставить их забыть о своем происхождении и царском достоинстве, о том, что им подобает диадема огромного царства²²⁰. В руках Кассандра эти жертвы в полном стеснении и одиночестве находились с 316 г. до н.э. Хотя по мирному договору 311 г. до н.э. 12-летний Александр признавался царем, по этому же договору опекать царя до его совершеннолетия, которое должно было насту-

пить в 305 г. до н.э., было поручено тому же Кассандру как стра-тегу Европы.

К сожалению, мы не знаем подробностей об этом мирном дого-воре. Но не исключена вероятность, что в его условиях было опре-делено, что поскольку сын Александра признавался царем, он дол-жен получать царское содержание и соответствующее своему поло-жению воспитание. Следовательно, прежде всего его нужно было освободить из недостойного заключения, в котором он находился около пяти лет. Но это не входило в интересы Кассандра. Власто-любие и забота о собственной безопасности не позволили ему при-вести в исполнение условия мирного договора. Боясь маленького Александра, который стоял у него на пути, он и не торопился вы-полнять эти условия.

Несмотря на деспотизм и насилие, которыми отличалось правле-ние Кассандра, среди македонян начали все чаще курсировать раз-говоры о том, что пора освободить Александра и передать ему отцовский престол²²¹. Постепенно эти разговоры стали крепнуть, набирать силу и грозили печальными последствиями для самого Кассандра. Тогда он решил действовать более активно. Он послал Главкию, правителью Амфиополя, следующий приказ: «Умертви тай-но мальчика и его мать; зарой их тела; не говори никому о проис-шедшем». Согласно Диодору и Юстину, Александр и Роксана были пронзены кинжалом. По словам Павсания, смерть их последовала от яда²²². Это случилось в 309 г. до н.э.²²³

Характерно, что убийство Роксаны и ее сына произошло лишь после мирного договора 311 г. до н.э. и не вызвало никаких ответ-ных мер со стороны диадохов. Напротив, после этой акции Кас-сандр завоевывает большую популярность своей помощью Родосу. Это наводит на мысль, что коварное убийство могло быть обуслов-лено тайным параграфом мирного договора, и Кассандру были да-ны соответствующие гарантии в этом смысле. Во всяком случае, эта смерть была на руку всем диадохам. Об этом говорит и тот факт, что во время длительного заточения Роксаны и ее сына ни массы македонского населения, ни воинские части не сделали никаких попыток их освободить, ограничиваясь одними разговорами.

Диодор сообщает, что с убийством Александра IV и Роксаны диадохи: Кассандр, Лисимах, Птолемей и Антигон — почувствовали себя свободными от превосходства над ними царя; теперь, в самом деле, не оставалось более в живых ни одного представителя закон-ной династии, который попытался бы восстановить единую импе-рию, и теперь каждый из вождей в душе лелеял надежду управлять как царь территориями, завоеванными с помощью оружия.

Итак, вся царская фамилия с ее наследниками и наследницами погибла, а это еще больше расчистило дорогу для безудержной погони честолюбивых диадохов за синей птицей. Жестокая и бесплодная борьба разнообразных личностей между собой создавала ложное впечатление, что именно они определяли судьбу огромного наследства Александра. В действительности же реальная социаль-но-экономическая необходимость прокладывала себе дорогу через

многочисленные военные конфликты к более ограниченным, но к более компактным и прочным государственным объединениям и отменяла возможность сохранения в целостности прежнего огромного конгломератного государства.

Глава вторая

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО

§ 1. Исторический выбор: быть или не быть династии Александра

Сразу же после смерти Александра в Вавилоне был созван совет полководцев. На нем отсутствовали наместник Македонии Антипатр и Кратер, который отпирался на запад с приказом царя забрать у него этот пост. На повестке дня совета стоял один вопрос: о судьбе огромного государства. Тотчас же выявились две точки зрения: одни ратовали за его сохранение для потомства Александра, другие высказались за его разделение. Первую точку зрения отстаивали Пердикка, Непарх и Мелеагр. Все они были за единство империи, но каждый из них имел особое мнение о путях достижения этой цели. Так, Пердикка предложил ждать рождения ребенка от законной жены царя Роксаны, чтобы потом его провозгласить царем. Это мнение было поддержано Аристоном¹. Флотоводец Непарх — один из ближайших друзей Александра — предложил провозгласить царем сына последнего от дочери сатрапа Артабазы — Барсины. На это никто не согласился. Его предложение было отвергнуто даже в оскорбительной форме, что отражало, кстати, отношение полководцев к боевой роли флота. Мелеагр, занимавший важный пост в руководстве тяжелой пехотой, выступил против водворения на престол сына Александра от азиатки. Считая абсурдным избрание царя, еще не рожденного, он предложил кандидатуру сводного брата Александра, сына Филиппа II и фессалийки Филины — слабоумного Арридея. Хотя последний и не был законным сыном македонского царя, но зато имел то преимущество, что был единственным представителем дома Аргеадов². Против сохранения единства империи выступил Птолемей. Он высказал мнение, что не стоит назначать царя вовсе, а лучше поручить управление государством совету полководцев. Этот совет должен был разделить государство на различные регионы.

Сначала было принято предложение Пердикки: дожидаться сына Роксаны, для которого с согласия матери были назначены регентами Пердикка и Леоннат. Кроме того, было решено учредить для Македонии и ее эллинских владений специальное правительство, руководство которым было возложено на наместника Македонии Антипатра и на Кратера. Согласно этому решению, Антипатр был утвержден главнокомандующим войсками (*στρατηγός*), расположенными в Европе (*κατὰ τὴν Εὐρώπην*), а Кратер получил титул

простата (προστάτης τῆς βασιλείας), т. е., видимо, регента и представителя или протектора царствования Арридея. С этим титулом близкий друг Александра и наиболее популярный в войске полководец получил максимум почестей от Македонии.

Таким образом, хотя Антипатра и Кратера, двух хитрых македонян, по выражению М. Фонтаны, и не было на Вавилонском совете полководцев, но их интересы не были ущемлены³.

Предложение Пердикки было принято представителями конницы, ее командирами, гетайрами, набранными из аристократов или находившимися под их влиянием. Что касается пехоты, то ее представители, подстрекаемые Мелеагром, с этим решением не согласились и провозгласили царем под именем Филиппа слабоумного Арридея. Единая армия Александра разделилась на два враждующих лагеря. Дело дошло до военного мятежа. На одной стороне находились Пердикка с Леоннатом и конница, на другой — Мелеагр и пехота⁴. Пердикка, заинтересованный в соглашении, произнес речь, которая известна нам из произведения Помпея Трога: «Пусть они (пехотинцы) подумают, против кого они подняли оружие; ведь это не персы, а македоняне, не враги, а сограждане, многие из них даже их родственники, и во всяком случае их соратники, со товарищи по лагерю и опасностям. Какое восхитительное зрелище для их врагов! Как они будут радоваться тому, что те, чье оружие нанесло им горестное поражение, теперь убивают друг друга и своей кровью совершают надгробные жертвоприношения теням ими же убитых врагов»⁵.

Плутарх указывает, что конфликт был устранен Эвменом⁶. Был выработан компромисс, в результате которого Пердикка, гетайры и конница признали Филиппа-Арридея царем, за что Мелеагр и фаланга должны были признать будущие права сына Александра и согдианки Роксаны. Согласно этому компромиссу, государство, таким образом, должно было иметь двух царей и, само собой разумеется, двух регентов, потому что оба царя были лишь знаменем, а не реальной силой. В сущности, такое компромиссное решение дало первую брешь в осуществлении идеи сохранения единого государства Александра, которое разделилось на восточную и европейскую части, каждая из которых должна была иметь своего царя и своего регента.

После этого компромисса Леоннат был фактически отстранен от регентства. Его место занял Мелеагр, который ненадолго стал помощником Пердикки. Последний не мог смириться с тем, что этот помощник был решительным противником ориентализации. Мелеагр вынудил его признать царем эпилептического сына Филиппа, сводного брата Александра, и вызвал в армии мятеж. Поэтому в лице Мелеагра он увидел своего заклятого врага и решил с ним рассчитаться⁷. Вскоре тот пал жертвой мучительной смерти, и Пердикка освободился от своего соперника⁸.

Как сообщает Диодор, в 323 г. до н.э. наделенный верховной властью Пердикка собрал в Вавилоне находившихся в Азии полководцев, чтобы произвести распределение крупных округов и высших

должностей государства. Птолемей, который фигурировал среди телохранителей Александра, присвоил себе сатрапию Египет и угодья «Ливии» (ту часть этой области, которая находилась по соседству с долиной Нила) и «Аравии» (район, близкий к Аравийскому полуострову). Египетский руководитель финансов остался заместителем Птолемея в качестве «гиппарха». Грек из Митилены Лаомедон получил Сирию (с Финикией, добавляет Кв. Курций), а Филота — Киликию (юго-западная часть Малой Азии). Пифон, по мнению Курция, помогавший Пердикке в организации центральной власти, был назначен правителем Мидии. Эвмену, который только что оказал блестящую услугу в разрешении конфликта, было доверено управление Каппадокией, которую, впрочем, Александр не подчинил и которую нужно было еще завоевать. Эвмен получил также Пафлагонию и должен был, кроме того, занять район, близкий к Понту и Трапезунду⁹. Антигон, управлявший с 333 г. до н.э. Великой Фригией, сохранил власть над этой областью и получил еще Памфилию и Ликию (некогда управлявшуюся Непархом). В Каппадокии был сатрапом сын Антипатра — Кассандр. Менандр получил Лидию, которой он некоторое время руководил при Александре. Леоннату, который больше не принадлежал к центральному правительству, была отдана сатрапия Малая Фригия, или Геллеспонтская Фригия, через которую проходила дорога из Европы в Азию и управление которой Александр поручил вначале Каласу, а затем Демарху. Сатрапии Верхней Азии остались под властью прежних правителей. Наконец, Селевк получил высокий пост, который последовательно занимали Гефестион и Пердикка, а именно: командование мощной конницей гетайров.

Как видно, здесь произошло разделение лишь восточных владений Александра. Что касается Европы, то там все осталось по-прежнему: Лисимах управлял собственно Фракией, Херсонесом и побережьем Понта, близкого к Фракии. Кратер, который находился еще в Киликии, и Антипатр сохраняли власть, которой они были облечены в Македонии и Элладе¹⁰.

Таково первое, наиболее важное распределение крупных областей государства, управлять которыми чисто номинально должны были Филипп-Арридей и поворожденный сын Александра. При таких обстоятельствах создавалось много возможностей для произвола со стороны отдельных руководителей, занимавших командные посты в своих сатрапиях. Поскольку Антипатр и Кратер находились вне Вавилона, власть, которой обладал Пердикка, державший в своих руках обоих царей и являвшийся их опекуном, была сильнее власти обоих других. Это встревожило старых полководцев Александра. Кроме того, Антипатр видел в политике Пердикки опасность для Македонии и для судеб всей империи. Их политические концепции были отличны друг от друга: Пердикка следовал идеалам Александра, Антипатр же не признавал их¹¹.

С первого же года своего регентства Пердикка натолкнулся на злую волю и личные интересы своих старых товарищей по оружию, которые отказывались выполнять его приказания и действовали

наперекор стремлениям Пердикки и Эвмена сохранить единство государства Александра за его потомством. Постепенно против Пердикки и Эвмена стала складываться коалиция, главным представителем которой был Антигон. Кроме него, в нее входили Антипатр и Птолемей. Началась длительная борьба за власть. Прежде всего позиции Птолемея и регента столкнулись на Кипре. Руководители различных городов этого острова объединились с Лагидом и осадили многочисленными кораблями Марион. Пердикка отправил на помощь осажденным значительный флот, который включил 800 наемников и 500 конников; всеми силами командовал старый «телохранитель» Александра -- Аристон.

С конца 322 г. до н.э. военные столкновения между регентом, объединенным с Эвменом против коалиционистов, казались неизбежными. Основным театром военных действий становились Малая Азия и Египет. В Малую Азию двинулись Антипатр и Кратер, в Северной Африке действовал Птолемей¹². Против них должны были развернуться параллельно военные операции Эвмена и Пердикки. Однако развивались они очень неравномерно. Более активные действия против коалиции Антипатра и Кратера вел Эвмен, который обнаружил здесь незаурядный воинский талант, несмотря на то, что ему пришлось иметь дело не только с коалицией, но и с изменой и вероломством своих подчиненных.

Назначенный регентом главнокомандующим войск, дислоцированных в Каппадокии и Армении, Эвмен получил титул *στρατηγός αυτοκράτορ* и согласно этому титулу был наделен неограниченными полномочиями. В силу исключительности момента ему были переданы военные контингенты в Малой Азии. В его подчинении находились войска Неоптолема, бывшего начальника телохранителей Александра и сатрапа Армении Алкеты — брата регента. Но оба они отказались подчиниться Эвмену: Алкета категорически отказался участвовать в военных операциях, заявив, что его македонские солдаты считают позором драться с Антипатром и даже готовы присоединиться к Кратеру, защищавшему старые македонские обычаи от восточной политики покойного царя¹³. Еще большую враждебность обнаружил в отношении Эвмена сатрап Армении «надменный и чванливый» Неоптолем, сеявший смуту в этой стране и находившийся в тайных сношениях с наместником Македонии. Эта интрига была раскрыта, и Эвмен заставил его принять сражение, которое Неоптолем проиграл, потеряв большую часть пехоты и обоз¹⁴. Неоптолем бежал к Антипатру и Кратеру, которые тогда переправились в Азию, чтобы свергнуть власть Пердикки. Распространились слухи об их намерении вторгнуться в Каппадокию.

Зная, что предстоит суровая борьба, Эвмен принял усиленные меры по укреплению своих военных сил. Особое внимание он уделил организации конницы, которую противопоставил самонадеянной и дерзостной пехоте. Тех из местных жителей, кто умел ездить верхом, он освободил от податей и налогов, из них стал набирать конницу, покупая на собственные деньги лошадей. За короткий срок было собрано более 6 тыс. всадников¹⁵. Предстояла сложная и

трудная борьба. Сложность ее заключалась в том, что против него объединились три полководца: Антипатр, Кратер и Неоптолем. Первый был старым врагом Эвмена, второй — его прежним другом и любимцем македонян, а третий — уже разбитый им полководец, жаждущий мести. Антипатр, стремясь «зайти в тыл регенту», пошел на Киликию, чтобы «разбить Пердикку»¹⁶. Эта операция могла бы быть поддержана Антигоном, который захватил Кипр¹⁷. Но Пердикка уже покинул Киликию и устремился в Египет против Птоле-мея.

Кратер же вместе с Неоптолем двинули значительную часть войск на Эвмена, рассчитывая захватить его врасплох¹⁸. Зная свою популярность среди македонян, Кратер был убежден, что македонские воины Эвмена против него воевать не будут и, увидев его на поле сражения, тотчас перебегут к нему. Однако он недооценил прозорливости своего противника. Будучи, по выражению Плутарха, «бдительным и здравомыслящим полководцем», понимая, что рано или поздно сражения с Кратером не избежать, Эвмен заранее приготовился к этому сражению. Он скрыл от своих солдат, с кем им придется воевать, распространив слух, что вернулся Неоптолем¹⁹. Поэтому против Кратера были поставлены не македонские солдаты, а два подразделения иноземной конницы, которые получили приказ незамедлительно завязать бой с неприятелем, броситься в стремительную контратаку, чтобы опрокинуть его до того, как пехота успеет сблизиться. Сам он выстроил в боевой порядок отборных всадников и устремился с ними на правый фланг, чтобы напасть на Неоптолема. В битве Кратер погиб, а Эвмен в жестоком единоборстве с Неоптолемом победил и его²⁰. Пехота вынуждена была сдаться.

Таким образом, Эвмен полностью выполнил свою стратегическую задачу и поставил Антипатра в крайне тяжелое положение. Однако эта победа, делавшая честь победителю как полководцу и стратегу, имела ряд важных осложнений. Она не укрепила идеи сохранения империи Александра в пользу его фамилии, за что ратовал Эвмен. Его победа принесла ему громкую славу мудрого и храброго полководца, однако она в то же время навлекла на него зависть и ненависть как врагов, так и союзников²¹. Когда македоняне узнали, что погиб один из славных македонских полководцев — Кратер от рук пришельца и чужеземца, они возмутились и вынесли Эвмену смертный приговор, для осуществления которого были назначены Антипатр и Антигон. Сначала они хотели исполнить этот приговор силою самих его приближенных, обещав 100 талантов и почетные награды тому, кто убьет Эвмена. Но все попытки были тщетны. Из верных Эвмену воинов была отобрана тысяча телохранителей, которые охраняли его и днем и ночью.

Параллельно с действиями Эвмена в Малой Азии весной 321 г. до н.э. Пердикка во главе многочисленной армии двинулся в Египет навстречу своей судьбе²². По утверждению Павсания, Пердикка желал отнять у Птолемея царство над Египтом. Чтобы придать своему походу благовидный предлог, он взял с собой обоих царей²³.

Однако это не принесло ему никаких выгод. С самого начала похода у регента начались затруднения. Раскинув свой лагерь недалеко от Пелузы, возле восточного рукава реки, он начал работы для облегчения переправы через нее, но прибывавшая вода разрушила воздвигнутое сооружение. Кроме того, раздраженные его самоуправством и жестокостью, многие «друзья» Пердикки перешли к его противнику. Перебежчики расхваливали доброжелательность Лагида, его стратегические способности, позволявшие ему расставлять свои воинские подразделения в наиболее выгодно расположенные пункты.

Желая исправить свои материальные и моральные неудачи, Пердикка собрал своих полководцев и, умножая подарки и разные обещания, убедил их не бояться новых опасностей. Он отдал приказ этой же ночью выступить. После форсированного марша им был раскинут лагерь возле Нила, перед «стеной верблюдов». Когда наступил день, его войска начали переправляться через реку в следующем порядке: слоны, гипасинисты, носильщики различных инструментов, необходимых при штурме крепостей; наконец, конница, которую Пердикка намеревался бросить против конницы Птолемея, как только она покажется²⁴. Однако все планы и намерения Пердикки были расстроены. Его армия находилась еще по середине Нила, когда показались воины Птолемея. Они успели занять большую крепость, возвестив о своем появлении воплями, криками и звуками труб. Войска Пердикки ринулись на крепостные стены, применив лестницы; гипасинисты начали штурм, слоны атаковали полисады и бойницы. По мнению Диодора, Птолемей здесь блестяще проявил себя. Тем не менее с обеих сторон были тяжелые потери. Пердикка имел преимущество в числе, а его противник — в позиции.

После дня борьбы, когда слоны, погонщики которых были убиты или ранены, вышли из строя, а сопротивление осажденных ничуть не ослабевало, Пердикка снял осаду и вернулся в свой лагерь. Но он не признал себя побежденным и уже ночью выступил в дорогу. Вскоре его войско добралось до места, где Нил, разделенный на два рукава, образует остров, на котором многочисленная армия могла разместиться в полной безопасности. Однако переправить туда войска было довольно трудно из-за глубины реки, сложности фарватера и тяжести оружия. Чтобы ослабить силу течения, регент поставил слева слонов, а справа — конницу, обязанную подбирать пехотинцев в случае, если их увлечет течение, и переправить на другой берег. Часть армии смогла пересечь Нил, но остальным это не удалось. Те, кто перешел на другой берег, не были в состоянии дать отпор врагу, и Пердикка вынужден был приказать всеобщее отступление. Самые выносливые и умеющие хорошо плавать сумели вновь переплыть Нил, несмотря на тяжесть своего вооружения, но остальные воины или потонули, или попали в плен к солдатам Птолемея, или же стали добычей крокодилов. Более 2 тыс. воинов погибло. Все это вызвало раздражение воинов против Пердикки, которое еще больше возрастало из-за ловких приемов Лагида, воздавшего

телам своих противников траурные почести и отправившего их останки родителям и друзьям погибших²⁵.

Как только пала ночь на лагерь, полный стонов побежденных, многие полководцы выставили против Пердикки обвинения, к ним присоединились угрожающие крики фаланги. Вскоре сотня командиров открыто изменила ему. Среди них был мидийский сатрап Пифон. Несколько кавалеристов, примкнувших к заговору, проникли в шатер Пердикки под предводительством начальника аргираспидов Антигона и начальника конницы Селевка, и коварный замысел был приведен в исполнение. Пердикка был зарезан²⁶.

Через два дня после этих событий в Египет пришло известие об успехе Эвмена. Если бы это известие предшествовало гибели Пердикки, то оно спасло бы ему жизнь. Поскольку этого не случилось, новая ситуация поставила в опасное положение союзника регента — Эвмена. С гибелью Пердикки Эвмен потерял опору в осуществлении своей идеи сохранения империи Александра для его потомства. Вскоре положение для Эвмена еще больше осложнилось. Вместо погибшего Пердикки, соратника и единомышленника, регентом стал его беспощадный враг — Антипатр, которому было тогда 77 лет. Совсем недавно он с великим трудом избежал полного разгрома на Балканах. Теперь возросшие полномочия им были приняты без особого восторга. Находясь в отдаленной маленькой Македонии, он не имел ясного представления о том, как руководить огромным государством. Пожалуй, больше подходил к роли регента Птолемей — и по своим организаторским способностям, и по географическому расположению контролируемого им региона. Но Птолемей раньше других диадохов понял невозможность удержать единство конгломератного государства и стремился лишь расширить свои владения, умножить богатства, упрочить свое влияние. Более широкими были замыслы другого главного союзника Антипатра — сатрапа великой Фригии Антигона.

Смерть Кратера и Пердикки сделала необходимой новую систему сатрапий. Их второе распределение под руководством нового регента Антипатра было произведено в местечке северной Сирии, в Трипарадисе в 321—320 гг. до н.э. При этом разделении сатрапий Птолемей сохранил Египет и все территории, владельцем которых он стал с помощью «острия копья». Сирия была оставлена тому, кто ее получил в 323 г. до н.э., а именно — Лаомедону из Митилены; Филоксен добился или сохранил Киликию²⁷. Сатрапии Верхней Азии — Месопотамия и Арбелетиды — были подарены некоему Амфимаху, «брату царя», возможно, брату или сводному брату Арридея²⁸. Антигоной получил Сузиану, Пифон сохранил Мидию, Певкест — Персию, Тасполем — Карманию. Филипп добился Парфии, где заместил Фратаферна, Арию и Дрангиану передали Стасандру Кипрскому, Бактриану и Согдиану — Стасандру. Отец Роксаны Оксиарт сохранил страну Парапамисадов. Селевк сменил Архона как сатрап в Вавилонии. Сын Агенора Пифон получил часть Индии по соседству с Парапамисадами. В Малой Азии Антигон вновь возвратил Великую Фригию и Мидию и добился командования царски-

ми войсками с поручением разбить Эвмена и его сторонников. Каппадокия, управление которой Эвмен утратил, была отдана некоему Никанору. Победитель афинского флота Клит получил Мидию; Геллеспонтская Фригия, управлявшаяся Леоннатом, перешла к Арридею — усердному помощнику Лагида. Асандр (или Кассандр) сохранил Карию. Наконец, было решено, что Антигон, под защитой 3 тыс. солдат, перевезет на запад часть обильных запасов, собранных в Сузах.

Эти решения в Трипарадесе не могли не принести изменения в структуре самой империи. Простасия, как выражение верховной власти, исчезла, исчез и титул, похожий на восточного хилиарха. Перемещение местопребывания правительства с Востока на Запад изменило и порядок отношений между Европой и Азией, так как сейчас эмилет управителя из Европы управлял империей, в то время как, в свою очередь, один стратег управлял Азией с правом надзора над сатрапиями²⁹.

Стратег Антигон получил командование азиатской армией с задачей начать борьбу с Эвменом — победителем Кратера и Неоптолема. Выполнение этой задачи регент считал весьма важным делом и сделал все, чтобы его союз с Антигоном не был ничем омрачен. Сначала он прикомандировал к нему своего сына Кассандра в качестве хилиарха. Это свидетельствовало о том, что регент проявлял бесспорное недоверие к начальнику экспедиции против Эвмена и явно опасался, как бы он не стал «действовать тайно для своих личных интересов»³⁰. Болезненное самолюбие этого человека, мало склонного к повинению, с одной стороны, и весьма способного самостоятельно руководить операциями — с другой, усиливали это опасение. В дальнейшем Антипатр вынужден был освободить своего союзника от раздражающего присутствия своего сына. Он не принял во внимание его жалобы на дурные поступки Антигона и даже послал Кассандра сопровождать двух царей в Македонию, под предлогом удаления их от театра военных действий. Регент даже усилил армию стратега Азии, добавив ему 8500 пехотинцев и конников и 70 слонов³¹.

В последующие годы основная борьба в Азии развернулась именно между этими двумя полководцами: Эвменом и Антигоном. Мужество и упорство, с которыми Эвмен боролся, удивляли самого Антигона³². Перед первым столкновением два крупных полководца располагали значительными силами. Эвмен командовал 20 тыс. человек пехоты и 5 тыс. конницы, которую усилил за счет царских коней, пасшихся на горе Ида. В это время у Антигона было более 10 тыс. человек пехоты, 2 тыс. конницы и 30 слонов³³. Эвмен надеялся на укрепление своей военной мощи при помощи поддержки его братом Пердикки — Алкетой, сформировавшим на юге Малой Азии армию в 10 800 человек пехоты и конницы (отчасти из остатков войска, с которым его брат двинулся в Египет). Эвмен обратился также к начальнику флота Пердикки — Атталу, на помощь которого он мог надеяться. Но все эти переговоры не дали желаемых результатов. Эвмен не добился помощи ни у бывшего сатрапа Ва-

вилонии --- Докима, вернувшегося в Малую Азию, ни у брата Атала -- Полемона, который стремился к командованию. Коалиции не получилось. Этому также содействовала тонкая дипломатическая деятельность его противников. Оставшись один со своими войсками, Эвмен ушел из Фригии в Каппадокию ³⁴.

Весной 320 г. до н.э. развернулось наступление. До и во время этого наступления Антигон сумел склонить к измене ряд командиров Эвмена, которые оставили его в самый напряженный момент борьбы. Так, он завязал тайные переговоры с начальником конницы в войске Эвмена, неким Аполлонидом, которого удалось подкупить большими деньгами ³⁵. Когда разгорелась жестокая битва у Орсинии, Аполлонид и его солдаты перешли на сторону врага, в силу чего Антигон с меньшим числом войск выиграл сражение, «победив до 8 тыс. человек и захватив весь обоз Эвмена». Последний, поймав персбежчика, повесил его без всякого сожаления, но исправить свое собственное положение уже не был в состоянии. Многочисленные интриги, измены и тяжелые потери обескуражили и ужаснули его солдат ³⁶.

После этого поражения Эвмен оставил Каппадокию и направился в Армению, где надеялся привлечь на свою сторону часть ее населения. Но ему не удалось осуществить это намерение. В этих условиях, перед лицом усилившегося натиска врага и дезертирства своих воинов, Эвмен вынужден был распустить часть своего войска, чтобы удобнее было отступать, и занял с небольшим отрядом наиболее решительных и стойких воинов (600 всадников и пехотинцев) крепость Нора ³⁷. Эта крепость была расположена на границе Каппадокии и Ликаонии. Небольшая по размеру, но прочно стоявшая на высокой скале, укрепленная различными искусственными сооружениями, она была неприступной. К тому же амбары этой крепости, полные зерна, питья и соли, могли обеспечить ее защитникам длительное существование ³⁸.

Перед крепостью Нора Антигон разместил свои победоносные войска, увеличившиеся за счет дезертиров из армии Эвмена. Имев в своем распоряжении доходы завоеванных сатрапий, стратег азиатской армии с этих пор, если верить Диодору, стал питать весьма честолюбивые замыслы; ни один действовавший тогда в Азии полководец, замечает историк, не обладал армией, способной оспаривать его преимущества. Эти замыслы до поры до времени он вынашивал тайно. Внешне высказывая свои дружеские чувства к Антипатру, он уже основательно решил отделиться от царей и регента, коль скоро его собственное положение упрочилось. Для осуществления этих далеко идущих планов он рассчитывал заручиться поддержкой Эвмена, переманить его на свою сторону. У нас нет никаких причин оспаривать указания Диодора насчет дипломатической деятельности Антигона, которую он развернул перед Норой. Он не предпринял сначала серьезных попыток захватить крепость штурмом и уничтожить Эвмена. Поскольку крепость взять быстро не представлялось никакой возможности, он обнес ее двумя поясами рвов и полисадов, затем вступил в переговоры с Эвменом. Антигон

напомнил последнему об их старой дружбе и пригласил его к «совместному действию». О характере и содержании переговоров Диодор не сообщает никаких подробностей. И это понятно, поскольку они велись тайно и об их содержании информатор Диодора не мог иметь достаточных сведений. Плутарх говорит, что оба полководца встретились и обнялись как старые друзья, так как раньше питали друг к другу самые лучшие чувства. В долгой беседе Эвмен сформулировал свои требования, которые его противник считал неприемлемыми. По мнению Диодора, Эвмен особенно настаивал на возвращении пожалованных ему сатрапий и объявлении недействительными выставленных против него обвинений³⁹. Переговоры ни к чему не привели.

Не добившись никаких успехов дипломатическим путем, Антигон в конце 320 г. до н.э. начал борьбу против родственников и союзников Пердикки, которые еще располагали значительными силами и могли стать резервом Эвмена. Прежде всего, покинув Каппадокию, он направился в Писидию, где находился брат Пердикки — Алкета. Последний обнаружил противника с известным опозданием, так что тот сумел быстрым маршем дойти до цели и занять прочные позиции. Алкета бросил против его конницы свою тяжеловооруженную пехоту. Закипела тяжелая битва, в результате которой значительные потери были и с той и с другой стороны. Но смелый маневр Антигона обеспечил ему победу: во главе с 6 тыс. всадников он атаковал фалангу и отрезал ее от своего командира; последний, прокладывая путь сквозь ряды врагов, сумел, не без больших потерь, соединиться со своей пехотой. Тогда разыгралось решительное действие. Слоны и вся армия Антигона, устремившись с возвышенностей, вселили панику в войсках Алкеты, который имел только 16 тыс. человек пехоты и 900 конницы против 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. всадников Антигона. В то время как слоны последнего устремились против фронта противника, его многочисленная конница окружила со всех сторон армию Алкеты, преследуемую по пятам более многочисленной и храброй пехотой. В конце концов паника охватила всю армию, приведенную в замешательство стремительностью и мощностью натиска, что привело ее к беспорядочному бегству. Во время этого бегства главные командиры и союзники Алкеты попали в плен (в их числе Аттал, Докима, Полемон). Сам Алкета, гинасписты, составлявшие его гвардию, его рабы и те писидийцы, которые дрались под его руководством, нашли убежище в городе Термесе.

Антигон разбил лагерь перед этим городом и потребовал выдачи Алкеты. В городе в этот час обнаружилась борьба мнений, которая заставляет оспаривать указания Диодора относительно симпатий всех писидийцев к врагу Антигона. Старики, говорит историк, считали, что нужно удовлетворить требования победителя Алкеты, но молодые люди заявили о своей готовности выдержать все, чтобы обеспечить спасение беглецу. Родители старались убедить молодежь, что не следует жертвовать независимостью родины ради спасения одного человека, притом «македонянина». Однако их стара-

ния не увенчались успехом. Тогда старики тайно сообщили Антигону, что Алкета будет выдан ему живым или мертвым. Для того, чтобы облегчить осуществление этой операции, они просили его атаковать город, изнуря жителей мелкими стычками, затем имитировать отступление, чтобы можно было им выйти из крепости и осуществить задуманное, пока молодые будут сражаться в поле. Мелкие стычки Антигона вынудили молодых выйти из города, оставив Алкету без надежной защиты.

В это время старики с верными рабами и способными носить оружие горожанами внезапно напали на Алкету, но он, не желая попасть в руки врагов живым, предпочел покончить с собой. Его труп положили на носилки, накрыли грубым плащом, вынесли из города и передали Антигону. Когда молодые сторонники Алкеты вернулись с поля битвы и узнали о случившемся, их сердца зажглись гневом. Они завладели частью Термеса с целью поджечь его и покинуть, чтобы потом идти опустошать территорию, занятую осаждающими; затем, отказавшись от поджога, они начали грабить обширные поля, занятые антигоновскими войсками. Между тем победитель, говорит Диодор, в течение трех дней издевался над трупом Алкеты, а когда оставил территорию писидийцев, то бросил тело без погребения. Молодые термесцы, которые опустошили равнину, подобрали останки брата Пердикки и воздали ему траурные почести ⁴⁰.

Благодаря военным и дипломатическим успехам Антигона, Каппадокия, Ликаония и Писидия были им завоеваны, и большая часть их территории оккупирована. Он располагал теперь победоносной армией, должным образом закаленной и сильно выросшей. Однако Эвмен окончательно еще не был разбит и не отказался от активной деятельности. Из Норы, где он долгое время оставался заблокированным, ему удалось отправить к регенту посольство, чтобы заключить с ним соглашение. Это посольство возглавлял знаменитый историк преемников Александра Иероним из Кардии, труд которого служил главным источником Диодору. Но остается неясным, сделал ли Эвмен Антипатру какие-нибудь определенные предложения, неизвестно также, каков был результат этого демарша. Во всяком случае, по мнению Диодора, Эвмен рассчитывал с некоторой степенью вероятности на разногласия, которые неизбежно должны были возникнуть между честолюбивыми полководцами, и он надеялся, что кто-то из них, оценив его ум и военный талант, призовет его на помощь ⁴¹.

Не оставался пассивным Эвмен и внутри самой крепости Норы. Вначале он постарался поднять и поддержать дух людей, оставшихся верными его делу. Плутарх показывает, как он заботился об улучшении положения своих товарищей, попеременно приглашая их за свой стол и украшая трапезу дружескими и благородными речами. Не менее полезными были его мероприятия военного характера. Войско Эвмена страдало больше всего от тесноты, поэтому солдаты, не выполняя необходимых упражнений, жирели, раскармливали лошадей, стоявших постоянно на привязи. Эвмен приказал

воинам делать упражнения, предоставив им для прогулок самый большой двор; каждую лошадь он повелевал обвязывать свешивающимся с потолка ремнем и слегка приподнимать на блоке, чтобы она стояла на задних ногах, а передние лишь кончиками копыт касались пола. Подвешенных лошадей конюхи начинали погонять криками и плетью. Раздраженные лошади в ярости били задними ногами, пытались опереться на передние, напрягаясь всем телом и обильно потели. Это было прекрасное упражнение, восстанавливавшее силу и красоту⁴². Таким образом, Эвмен не оставлял в бездействии свой скромный гарнизон, постоянно тренировал его, выжидая удобный момент для активизации своей деятельности.

Во время осады Норы для борющихся полководцев возникла новая ситуация в связи со смертью восьмидесятилетнего Антипатра. Последний перед своей кончиной передал свои полномочия не своему аалчному сыну Кассандру, а старому полководцу Полисперхонту, которому были близки те идеи, за которые боролся Эвмен.

Летом 319 г. до н.э. Антигон, стремясь привлечь на свою сторону Эвмена, посылает к нему в Нору Иеронима, чтобы предложить союз, дружбу и сотрудничество с целью раздела верховной власти. Он просил стать ему помощником и принять присягу на верность. Эвмен, ознакомившись с этой присягой, внес в нее свои исправления, после чего обратился к осаждавшим Нору македонянам с просьбой решить, какая присяга более справедлива. Антигон в своем варианте лишь для вида упомянул вначале о царях, весь же остальной текст присяги требовал верности только ему лично, а Эвмен первой после царей поставил Олимпиаду и клялся быть верным не только Антигону, но и ей, и царям, заверяя, что у них общие друзья и враги. Македоняне сочли более справедливой исправленную присягу; тогда Эвмен присягнул и они сняли осаду, а затем послали к Антигону доверенных людей, чтобы и он, со своей стороны, присягнул верности Эвмену.

Антигон сурово разбил македонян за то, что они одобрили исправления в присяге и фактически сняли блокаду. Он отдал приказ снова сокрушить Эвмена. Но этот приказ запоздал⁴³. Эвмен поспешил покинуть крепость раньше и устремился в Каппадокию, где за короткое время собрал своих прежних друзей, приобретя более 2 тыс. воинов⁴⁴. Здесь же он получил письмо от регента Полисперхонта, которое содержало обещание военной и финансовой ему поддержки.

Можно считать вероятным, что из тактических соображений оба полководца могли стремиться к сотрудничеству, ибо цель у них была одна: сохранить империю. Они расходились лишь в вопросе о том, для чего и для кого сохранить. Но все же это вероятное событие находится в противоречии с некоторыми указаниями Диодора о том, что известие о смерти Антипатра возбудило надежды Антигона, мечтавшего стать владыкой Азии и не допускавшего к управлению ее делами никого. Полный гордости и честолюбия, говорит он, Антигон надеялся завладеть всеобщей верховной властью и решил не подчиняться «ни царям, ни их опекунам»⁴⁵. Он располагал

азиатскими сокровищами, имел под своим командованием 70 тыс. человек пехоты и конницы и 30 слонов. Эти военные силы он рассчитывал увеличить, используя обильные ресурсы Азии⁴⁶. Именно эти далеко идущие честолюбивые замыслы Антигона были основной причиной, делавшей невозможным соглашение полководцев. Каждый из них шел своим путем.

Антигон продолжал наращивать свои силы. Еще во время переговоров он напал на две сатрапии: Геллеспонтскую Фригию и Лидию — и отобрал у двух своих коллег их территории, доставшиеся им по разделу 323 и 321 гг. до н.э. Действия Антигона стали угрожать не только защитникам царской власти, но и самой этой власти. Вследствие этого Олимпиада приглашала Эвмена приехать в Македонию и взять на себя воспитание и защиту малолетнего сына Александра, против которого постоянно строились козни⁴⁷. А в то же время Полисперхонт в специальном письме предложил ему принять сторону царей и «не оставлять вражды с Антигоном». Цари, в свою очередь, обещали ему сатрапию, которую Антигон у него отнял⁴⁸. В письме указывалось также, что ему разрешается взять 500 талантов из царской казны в Киликии на поправку его собственных дел; а на военные нужды — брать столько денег, сколько он сочтет нужным. Такое распоряжение Полисперхонт дал киликийским казначеям. Кроме всего этого, Эвмену были приданы аргираспиды — македонская гвардия, созданная еще Александром. Их начальники Антигоней и Тевтам, ненавидевшие чужеземца Эвмена, получили распоряжение беспрекословно подчиняться ему, как полномочному полководцу Азии⁴⁹. Летом 318 г. до н.э. Эвмен искал способы достижения берегов Эгейского моря, чтобы поддерживать контакты с центральным правительством и Олимпиадой, почтившей его своим доверием⁵⁰.

Заботясь об увеличении своей военной силы, Эвмен широко использовал сокровища города Кинды. Самые умелые из его друзей набирали наемников в Писидии, Лидии, Киликии, Сирии, Финикии и даже на Кипре и в других греческих городах. За короткое время Эвмен собрал более 20 тыс. пехотинцев и 20 тыс. конников, кроме аргираспидов и пришедших к ним воинов⁵¹. В 318 г. до н.э. Эвмен начинает строить и собирать флот Финикии, чтобы стать хозяином на море и более или менее беспрепятственно обеспечить Полисперхонту возможность перенправить войско из Европы в Азию для борьбы с Антигоном⁵². Это быстрое восстановление положения Эвмена естественно вызвало тревогу у его противников. Особенно Птолемей опасался наступления из Киликии на Сирию, которую он недавно вырвал у Лаомедона силой, в обход решений, принятых в Вавилоне и Трипарадисе.

Захват Птолемеем Финикии и Сирии, богатых строительным лесом и превосходными портами, давал повелителю дельты Нила новое средство для повышения значения и увеличения прибылей его торгового флота. Обладание Сирией облегчило борьбу против острова Кипра, также богатого лесами, удобными морскими бухтами. В тексте Аппиана Сирия называется и оплотом Египта, и

оперативной базой против Кипра⁵³. Попытка Эвмена вернуть царской власти Финикию, захваченную Птолемеем, сильно встревожила последнего, и он начал активную агитацию среди руководителей аргираспидов, чтобы они оставили Эвмена, приговоренного к смертной казни всеми македонянами. Птолемей обратился также к комендантам крепостей Кинды не оставлять денег изгнаннику. Но этот демарш остался без особых последствий. Это, как указывает Диодор, было связано с абсолютной лояльностью аргираспидов, которым «цари», регент и мать Александра приказали повиноваться Эвмену, как «неограниченному стратегу царства».

Еще более сильно реагировал на усиление могущества Эвмена Антигон, которому тот связывал руки в Азии и мешал переместиться в Грецию. Антигон искусно организовал целую сеть интриг против своего соперника в среде аргираспидов. Посланцы Антигона должны были установить с ними тайные связи, привлечь их подарками, чтобы составить заговор против Эвмена. Руководителям аргираспидов Антигонею и Тевтаму были обещаны самые дорогие подарки и высокие должности в случае, если они пойдут на измену. Однако ни искусная дипломатия Лагида, ни не менее искусная дипломатия Антигона не имели успеха: если Тевтам дал себя подкупить, то Антигонею, честность и ум которого восхваляет Диодор, отвергнул предложение послоса сатрапа Великой Фригии. Антигонею даже удалось вернуть Тевтама в лагерь к Эвмену, внушив ему сомнения в честности Антигона, легко забывавшего свои обещания друзьям после победы, чего никогда не позволял себе «иностранец» Эвмен⁵⁴. Не помогли и угрозы Антигона в адрес военачальников македонян, от которых он требовал схватить Эвмена и погубить его. В противном случае он пригрозил атаковать их всеми своими силами и наказать упрямец. Адресаты этого послания были поставлены в затруднительное положение. Но к ним явился Эвмен и сумел убедить их отбросить предложения противника царского дела.

Таким образом, Эвмен сумел не только предотвратить нависшую опасность, но и увеличить симпатии армии к своей особе⁵⁵. Отвергнув попытки Антигона и усилив свои военные и финансовые средства, ловкий кардиец весной 318 г. до н.э. одержал первую и серьезную дипломатическую победу.

Для продолжения борьбы с Антигоном, Эвмен потребовал помощи от сатрапов Мидии и Вавилонии — Пифона и Селевка. Имея хорошо вооруженное войско, они еще пока не определили, на чьей стороне выступить в разгоревшейся борьбе диадохов. Пифон сразу принял сторону Антигона; что касается Селевка, то он ответил, что готов помочь царям, но быть подчиненным у Эвмена никогда не согласится. При такой позиции Эвмен, понимая, что Селевк в любую минуту может перейти на сторону Антигона и еще больше укрепить его силы, решил разбить этого потенциального противника и обеспечить безопасность своего тыла. Чтобы собрать подкрепление в сатрапиях Верхней Азии, Эвмен намеревался захватить столицу Элама — Сузы. Чтобы этого достигнуть, необходимо было форсировать Тигр и расположиться в районах, где его армия мог-

ла бы обильно снабжаться. Во время переправы войск Эвмена через реку Тигр, Селевк приказал своим воинам сломать плотину, которая сдерживала воду старого канала; вода хлынула в лагерь Эвмена. Его армия чуть было не погибла от водной стихии. Только смелость и решительность Эвмена, а также расторопность его солдат предотвратили гибель всего войска. Воспользовавшись малочисленностью конницы Селевка, Эвмен на лодках переправил своих измученных солдат. Узнав об этом, Селевк «прислал нарочных для заключения перемирия», но в то же время отправил гонцов в Месопотамию к Антигону с настоятельной просьбой скорее поспешить к нему на помощь, прежде чем войска Эвмена соединятся с войсками сатрапов Верхней Азии⁵⁶.

Эвмен переправился через реку Тигр и, вступив в Сузиану, испытывая недостатки в продовольствии и деньгах, разделил свое войско на три части. На основании царского приказа он направил сатрапам письма, в которых просил немедленно спешить в Сузиану и соединить свои военные и финансовые ресурсы с его собственными⁵⁷. Продвигаясь в глубь страны, Эвмен встретил Певкеста — сатрапа Персии, других сатрапов и объединил с ними свои силы. Всего собралось 18 700 пехотинцев, 4600 всадников и 120 слонов. В целом Эвмен мог располагать армией приблизительно в 40 тыс. человек, но в этой армии не было никакого согласия между военачальниками. Основной вопрос, вызвавший горячие споры, — кому поручить главное командование армией. Каждый из сатрапов хотел получить его, но особенно те, которые имели свое довольно сильное войско, как, например, Певкест, бывший телохранитель Александра, или Антиген — командир аргираспидов, который предлагал поручить главное командование македонянам, завоевавшим Азию, т.е. себе.

Между тем командовать войсками и вести победоносную войну при сложившихся обстоятельствах мог только Эвмен⁵⁸. Он это сам очень хорошо понимал и искал компромисса. В довольно затруднительном положении он должен был проявлять величайшую осторожность и найти способ повести за собой войска, не выказывая того, будто он ими повелевает. Чтобы развеять все подозрения относительно личных устремлений и показать, что он принял свои полномочия лишь ради сохранения царской власти, он отказался от вознаграждения, которое ему предлагали, а чтобы не обидеть других полководцев, предложил все дела решать в царской ставке, коллегиально. Ставка располагалась в специально построенной палатке, где стоял трон Александра, а на нем лежали его корона, жезл и меч. Это как бы символизировало, что решения здесь принимаются от имени самого Александра, и не было унижительно ни для кого из полководцев: Эвмена, Певкеста или Антигена. Все приказанья армии отдавались от имени обоготворенного царя⁵⁹.

Таким образом, для всех было очевидно, что они сражаются за дело империи, — так рождался в лагере официальный культ Александра⁶⁰. Но этот компромисс не уничтожил эгоистических устремлений командного состава. Эвмен продолжал находиться среди

ненавидевших его македонских командиров, которые были не прочь его уничтожить⁶¹. Хорошо понимая свое положение, Эвмен решил занять большие суммы денег у тех, кто особенно сильно его ненавидел, справедливо полагая, что тем самым они оставят мысль о покушении на него, чтобы не потерять своих денег. По данным Диодора, Эвмен занял у менее надежных сатрапов 400 талантов⁶². При таких обстоятельствах в Азии наступило временное затишье. Но оно было только кажущимся. Неприятели продолжали издали пристально наблюдать за действиями друг друга, готовясь с большой тщательностью к решительным сражениям. Каждый из них стремился собрать возможно больше войска и неожиданно нанести удар там, где его не ждут.

Антигон не переставал следовать за войсками Эвмена, но, узнав, что с ним соединились сатрапы, оставил преследование, дал возможность своему войску отдохнуть и набраться сил, проведя зиму (318—317 гг. до н.э.) в Месопотамии⁶³. Весной или в начале лета 317 г. до н.э. Антигон прибыл в Вавилонию и заключил союз с Селевком и Пифоном. Потом, взяв у них часть войска, перекинул мост через Тигр, перевел через него свое войско и двинулся навстречу неприятелю. Узнав о том, что Антигон движется на Сузы, Эвмен вывел своих солдат из Суз и повел их к реке Тигр, в гористые места, заняв там самые удобные в военном отношении позиции. По всему берегу реки от истоков до устья он расставил караулы, ожидая подхода войск неприятеля.

Пока Эвмен и Певкест занимались приготовлениями, Антигон прибыл в Сузы и сделал сатрапом этой земли Селевка. Потом, выделив ему немного войска, приказал осаждать крепость, где оставалась часть царской казны. Сам же двинулся навстречу Эвмену и, подойдя к реке Конрату (западный приток Паситигра), расположился лагерем, находясь всего в полутора километрах от войск Эвмена. Переправив часть пехоты на другой берег, Антигон приказал ей построить оборонительный ров и вал. В это время Эвмен, перейдя по мосту через Тигр, нанес сильный удар войскам Антигона, многих перебил и завалил реку трупами, взяв в плен 4 тыс. человек. С остатками войска Антигон вынужден был отступить к городу Бадаке, который стоял на реке Евлее⁶⁴. Это сражение произошло летом 317 г. до н.э. От жары и трудного перехода многие воины Антигона заболели. Дав отдохнуть войску в Бадаке, он решил двинуться в Экбатаны — столицу Мидии, чтобы затем захватить верхние сатрапии, воевавшие на стороне Эвмена. Расчет Антигона был правильный. Узнав о его намерении, сатрапы этих областей решили идти на защиту своих земель. Понимая, что переубедить их невозможно, Эвмен разделил свое войско на две части: одну, менее боеспособную, отдал сатрапам, а с другой отправился в Персию, сатрап которой Певкест был крайне неустойчив и мог в любую минуту перейти на сторону противника.

Из Мидии Антигон двинулся на Персию, решив захватить Эвмена врасплох. Тот уже выступил ему навстречу, но в пути заболел. Узнав о том, что Эвмен болен, Антигон спешно начал наступ-

ление, но, увидев Эвмена на носилках, продолжавшего руководить войсками, он, по выражению Плутарха, оцепенел, долго оставался в неподвижности, затем отступил и расположился лагерем⁶⁵. В это время он активизировал подрывную работу в стане своего врага. Подкупам и шантажом Антигон пытался разложить войско Эвмена, а его самого поймать и убить. Тайно им были отправлены послы к сатрапам и македонянам, находившимся в армии Эвмена, с советом оставить своего полководца и перейти на его сторону. За это им были обещаны сатрапии, дары и хорошие должности.

Поскольку предпринятые меры успеха не имели, он пошел на очередную хитрость: подослал в войско противника перебежчиков, которые сообщили, что Антигон собирается уйти на зимовку в Габиену. Эвмен, понимая, что в этой, еще не разоренной области, в которой изобиловали фураж и продовольствие, можно спокойно провести зимовку и, желая опередить Антигона, посылает, в свою очередь, к нему своих перебежчиков, чтобы сообщить, что Эвмен хочет напасть на него ночью. В то время, пока Антигон занимался приготовлениями к почному сражению, Эвмен снимает свое войско и маршем направляется в Габиену. Только утром, узнав о хитрости Эвмена, Антигон пускается преследовать его. Догнав с конницей последние отряды Эвмена, когда они спускались с горы, он навязал ему бой, но в происшедшем сражении потерпел значительное поражение.

Зимуя в Мидии, Антигон решил пройти незаметно степями в Габиену и, напав на рассредоточенные по окрестностям воинские части Эвмена, уничтожить их поодиночке. Антигон двинул свои войска безводным, но самым коротким путем⁶⁶. В походе солдаты Антигона вынуждены были жечь костры только днем, чтобы согреться от наступившего холода, но это не осталось незамеченным местными жителями, которые сообщили об этом Певкесту. Последний потерял голову от страха и бросился бежать. Но Эвмену удалось успокоить его, обещая остановить быстрое продвижение неприятеля. Он пошел на хитрость: выбрав в открытом поле позицию, хорошо видную со стороны степи, отмерил определенное пространство, на котором приказал разжечь как можно больше костров на некотором расстоянии друг от друга. Это должно было создать видимость лагеря. Увидев костры, Антигон принял их за настоящий лагерь и решил, что Эвмен давно уже знает о его намерениях и заранее приготовился к сражению. Злоба и уныние овладели Антигоном. Он понял, что побежден военной хитростью неприятеля. Это глубоко задело его, и он двинулся вперед с намерением дать решительное сражение.

Тем временем Эвмен уже собрал большую часть войска, кроме слонов, которые не успели еще подойти. Узнав об этом, Антигон решает напасть на слонов, которые не имели прикрытия, захватить их и лишить тем самым неприятеля сильнейшей части войска. Но начальник отряда, сопровождавшего слонов, Эвдам, вместе с присланной Эвменом на помощь лучшей конницей в 1500 человек и легковооруженной пехотой из 3 тыс. человек, отбил от нападения

противника, не потеряв при этом слонов. Воины Эвмена, восхищенные его находчивостью, требовали, чтобы только он командовал ими ⁶⁷.

Наступило время последнего сражения ⁶⁸. У Антигона было 22 тыс. человек пехоты и 9 тыс. конницы, кроме прибывших из Мидии, и 65 слонов. Войско Эвмена насчитывало 36 700 человек пехоты, 6050 конницы и 114 слонов. На стороне противника была лучшая и более многочисленная конница; у Эвмена решительный перевес в количественном отношении имела пехота. Узнав, что Антигон с лучшей конницей расположился на правом крыле, Эвмен встал против него. Когда началась битва, пехота Антигона потерпела полное поражение, зато конница его, напротив, одержала победу, так как Певкест сражался «трусливо и вяло» и, не выдержав, покинул поле боя, уведя с собой 1500 человек конницы. Это трусливое бегство ослабило войско Эвмена, оставило его конницу без прикрытия и дало возможность Антигону использовать преимущества, которые давала местность для конницы. За пылью, поднятой воинами, он незаметно проскочил в тыл и захватил обоз царской армии, а также жен и детей аргираспидов. Затем, направив конницу аргираспидов, заставил их отступить к реке.

Весьма примечательно, что Певкесту нельзя было отказать в смелости. Мы знаем, с какой решительностью в Индии он прокладывал себе путь к раненому в битве с оксидраками Александру, чтобы защитить его и прикрыть от врагов своим телом ⁶⁹. Здесь же были другие обстоятельства. Александра уже не было в живых, а вынужденный бороться под командованием грека, Певкест не хотел и не проявлял никакой решительности.

После сражения войско Эвмена собралось, чтобы решить вопрос, что делать дальше. Сатрапы говорили, что нужно идти назад, в верхние сатрапии, Эвмен советовал оставаться на месте и продолжать бой с неприятелем, фаланга которого была разбита, а конница обеих сторон имела одинаковые возможности. Македоняне же ответили, что не послушают ни тех, ни других, потому что неприятель захватил обоз с их женами и детьми. Люди Тевтама отправились к Антигону просить назад обоз. Антигон обещал аргираспидам не только вернуть имущество, но и вообще отнестись к ним милосливо, но при одном непременном условии: если они захватят Эвмена и приведут его плененного к нему. Они согласились на это условие, внезапно напали на своего полководца, выхватили у него меч и предали его в руки врагов. Посланный Антигоном Никанор должен был привести к нему неожиданную добычу, приобретенную не в открытом бою, а в результате коварной измены. Когда Эвмена вели сквозь ряды македонян, он попросил дать ему возможность обратиться с речью к войскам, но вовсе не для того, чтобы просить пощады, а чтобы усювестить македонян, которые непобежденного полководца предают врагам. Победив Антигона в битве, он оказался побежденным и предательством своих воинов ⁷⁰.

Плутарх говорит, что эта речь Эвмена повергла в уныние большую часть войска; солдаты плакали, и только аргираспиды крича-

ли, что его надо вести к Антигону. Эвмена привели к Антигону. Когда стражи спросили у него, как надо стеречь пленника, Антигон ответил: «Как слона и льва!» Если верить Плутарху, сын Антигона Деметрий и бывший наварх Александра критянин Непарх горячо советовали Антигону сохранить Эвмену жизнь, но почти все остальные требовали его казни⁷¹. Решив казнить Эвмена, Антигон приказал не давать ему пищи. Пленник медленно умирал голодной смертью. Когда же внезапно войско Антигона выступило вперед, Эвмена умертвил специально посланный для этого убийца. Антигон выдал тело друзьям и приказал сжечь его, а прах собрать в серебряную урну и передать жене и детям⁷². Аргираспидов, которые предали Эвмена, Антигон приказал уничтожить всех до одного, чтобы никто из них не вернулся в Македонию.

Смерть Эвмена весьма усилила позиции Антигона, под властью которого оказалась вся азиатская часть империи. Это обстоятельство дало ему стратегическое преимущество над другими диадохами и укрепило его намерение предпринять попытку объединить в своих руках власть над всей империей. В последующие 15 лет Антигон становится центральной фигурой в жестокой и беспощадной борьбе диахов.

Параллельно с борьбой в Азии между Антигоном и Эвменом велась борьба между Кассандром и Полисперхонтом. Согласно предсмертному распоряжению Антипатра, Полисперхонт становится опекуном молодых царей и верховным командующим войсками. Но, будучи уже пожилым, он не обладал достаточной энергией, чтобы управлять империей в такое бурное время. Сын Антипатра Кассандр, назначенный отцом хилиархом, помощником Полисперхонта, не хотел довольствоваться этим назначением и стремился к еще более высокому положению⁷³. Поэтому он, действуя с чрезвычайной осторожностью, начал борьбу против нового регента. Кассандр просил у Антигона содействия, и тот немедленно отправил ему сухопутные и морские силы. Такое решение он объяснял старой дружбой с Антипатром. Но дело было в том, замечает Диодор, что он хотел создать для Полисперхонта затруднения, чтобы без труда покорить Азию и приобрести абсолютное верховенство⁷⁴.

Противоборство Кассандра с Полисперхонтом особенно ярко проявилось в делах греческих. Для борьбы со своим противником Полисперхонт искал опоры не только в Греции, но и в Эпире, где правила мать Александра — Олимпиада, и в Азии, где отстаивал свои позиции Эвмен. Этой опоры он нигде не нашел и, еще до того, как Эвмен погиб от руки Антигона, был отстранен от регентства в пользу Кассандра, в руках которого оставались как пленники вдова Александра и его сын. Что касается других представителей династии Аргеадов, то они были физически устранены к этому времени вместе с теми силами, которые их поддерживали в Европе и Азии.

На гамлетовский вопрос: быть или не быть династии Александра — был дан совершенно четкий ответ: не быть!

§ 2. Антигон и его борьба за обладание империей

Усиление господства Антигона, который, по выражению Плутарха, «вынашивал» далеко идущие планы, должно было неминуемо восстановить против него других диадохов. Первым из них выступил против Антигона сатрап Пифон, который в 316 г. до н.э., когда тот зимовал в Мидии, пытался подкупить подарками и обещаниями солдат, чтобы ниспровергнуть своего опасного союзника. Последний очень встревожился и решил действовать весьма осторожно. Он всенародно признал лояльность своего союзника и даже распустил слух, что собирается поручить ему управление сатрапиями. Кроме того, он предложил встречу, чтобы договориться об их общих интересах. Пифон, который, по мнению Диодора, уже приобрел множество сторонников, вернулся в лагерь Антигона, где был арестован, осужден и казнен. Избавившись от вероятного соперника, Антигон отправился в Персию. Там, по словам Диодора, его ждали пышные царские почести, как если бы он был хозяином Азии. Персидский сатрап Певкест был им лишен сатрапии. Сместив Певкеста, Антигон убаюкал его химерическими обещаниями и добился того, чтобы тот покинул страну⁶⁵.

Благополучный исход войны против Эвмена вселил самоуверенность в честолюбивого полководца, споспешествовал разрастанию его алчных устремлений. Ему казалось теперь, что восстановление единой империи Александра не мirage, а реальность, которая может осуществиться в ближайшие сроки. И он энергично принялся за подготовку к осуществлению своих захватнических замыслов. Прежде всего необходимо было укрепить тылы, пополнить финансовые ресурсы. Антигон решительно отстраняет от управления сатрапиями лиц, не внушавших ему полного доверия, и заменяет их своими людьми, послушными его воле⁶⁶. Не представлял особого труда и захват несметных сокровищ Суз, Экбатан и Кириа, в Киликии. Упрочив свое влияние в большей части Верхней Азии, победитель Эвмена отправился в Сузы, овладел крепостью и награбил огромные ценности. В целом он обеспечил себе 25 тыс. талантов. Увеличив свое финансовое могущество, он расширил и свое политическое влияние, назначив сатрапом Сузианы туземца Агесилая.

Чтобы перевезти к морю награбленное богатство, был снаряжен обоз из множества повозок и верблюдов. Следуя за этим обозом и солдатами, Антигон направился в Вавилонию, куда вскоре прибыл Селевк. Опасаясь участи Пифона, он бежал в сопровождении конного отряда в Египет, где усердно старался возбудить тревогу у Птолемея по поводу необузданных захватнических аппетитов Антигона. Антигон, убеждал он Лагида, решил изгнать из своих сатрапий бывших соратников Александра, о чем говорит судьба Пифона, Певкеста и его, Селевка. И это тем более возмутительно, что все они неоднократно оказывали ему значительные услуги. Селевк рассказал Птолемею о крупных вооруженных силах и финансовых ресурсах Антигона⁶⁷. Это были очевидные и неоспоримые факты, которые не могли оставить спокойными других диадохов. Бывший

Селевк.

сатрап Вавилонии пытался доказать, что недавние завоевания внушили Антигону такие большие надежды, что он решил захватить господство во всей империи. Птолемею эти доводы показались убедительными, и он начал военные приготовления. В это время Селевк отправил в Европу некоторых из своих друзей с поручением спровоцировать подобным образом Кассандра и Лисимаха на войну против победителя Эвмена. Антигон, в свою очередь, тоже отправил послов к Кассандру и Лисимаху, а также и к Птолемею с просьбой «сохранить дружбу»⁷⁶. Но как Лагид, так и сатрапы Греции и Фракии приняли сторону Селевка, и коалиция против Антигона в 315 г. до н. э. образовалась.

Когда Антигон направлялся (в 316–315 гг. до н. э.) из Киликии в Верхнюю Сирию, к нему прибыло посольство от Птолемея, Лисимаха и Кассандра с ультиматумом. В нем было требование, чтобы

он передал Каппадокию и Ликию Кассандру, Геллеспонтекую Фригию — Лисимаху, «всю Сирию» оставил Птолемию и восстановил в Вавилонии Селевка. Кроме того, сокровища, захваченные им после гибели Эвмена, предлагалось разделить, а военные операции вести сообща. Если Антигон не примет эти требования, то все объединятся, чтобы начать с ним войну⁷⁹. Текст этого ультиматума, воспроизведенный Диодором, вероятно, не является строго достоверным. По некоторым частным вопросам в литературе имеются разночтения. Так, имя Кассандра некоторые историки заменяют именем Асандра, бывшего сатрапом Карии; вместо слова «Ликия» предлагают читать «Киликия» или даже «Индия»⁸⁰. Но эти разночтения все же частности. Основной факт остается очевидным: авторы ультиматума требовали уступить или возвратить большую часть территорий, расположенных на северо-западе, в центре и юго-западе (или юго-востоке) Малой Азии и в Центральной Азии и отказать от значительной части сокровищ, захваченных им после разгрома Эвмена Кардийского.

Следует констатировать, что некоторые требования членов коалиции кажутся справедливыми: Вавилония, например, захваченная силой, вполне законно должна была быть возвращена Селевку, который ее получил по разделу 321 г. до н.э. По той же причине Антигон, захвативший Геллеспонтекую Фригию, которой управлял сатрап Арридей в силу того же раздела, должен был отказаться от нее. Наконец, если в тексте Диодора вместо «Ликия» поставить, как предлагают некоторые историки, «Индия», то захват ее, т.е. законных владений Клиты Антигоном, был подлинной узурпацией.

Наряду с этими неоспоримо законными требованиями ультиматума 316—315 гг. до н.э. были и другие: если прочтение «Ликия», принятое большинством историков, верно, то нет сомнения в том, что Антигон имел полное право оставаться хозяином данного района, управление которым ему было пожаловано в 323 г. и сохранено в 321 г. до н.э. Поэтому требование уступить эту сатрапию одному из диадохов было явно незаконным. Если заменить в тексте Диодора слово «Ликия» словом «Киликия», то от этого данное требование ультиматума не становится более справедливым. Правда, Киликия не сохранялась за Антигоном и по разделу 323 г. до н.э. Но она не принадлежала и тому из диадохов, для которого ее предназначали представители коалиции. Занятая некоторое время Эвменом, она была оставлена им осенью 318 г. до н.э. под напором наступления, которое вел против него Антигон. Поэтому последний больше, чем кто-либо другой, имел основание требовать или сохранять это владение. Еще более очевидно обстояло дело с сатрапией Каппадокией, которую ультиматум требовал уступить, хотя стратег Азии завоевал ее у Эвмена, не получив ни малейшей помощи от своих коллег.

Конечно, члены коалиции, предъявляя ультимативные требования Антигону, меньше всего руководствовались соображениями справедливости или законности⁸¹. Так, известно, что владение Сирией было сохранено за Птолемеем, который, уже будучи владель-

цем Египта и Киренаики, изгнал из Сирии в 320—321 гг. до н.э. сатрапа Лаомедона, законно управлявшего этой страной на основании раздела 323 г. до н.э. Тем самым ультиматум, который осуждал захват Антигоном Вавилонии, Фригии Геллеспонтской и Лидии, в то же время одобрял не менее очевидную узурпацию одним из членов коалиции Сирии, совершенную немного раньше, чем агрессия Антигона против двух сатрапий Малой Азии. Таким образом, суть ультиматума заключалась не в отстаивании справедливости и законности в действиях того или иного диадоха, а в столкновении корыстных наследников Александра, в стремлении обуздать опасное разрастание могущества кого-либо из них, посягавшего на возрождение мировой империи под своей эгидой.

Когда Антигон узнал о требованиях коалиции, его охватил гнев. Не желая идти ни на какие компромиссы, он отверг ультиматум и дерзко ответил своим противникам, что «вполне готов вести войну»³². Эта война велась с перерывами между 315 и 301 гг. до н.э. Весной 315 г. до н.э. он прибыл в Сирию из Киликии, чтобы начать военные действия. Как указывает Днатор, Антигон направился в Финикию, с намерением завоевать «морское могущество». На этом пути ему, прежде всего, пришлось столкнуться с Лагидом, располагавшим морскими портами и ресурсами и господствовавшим на море. Антигон, не встречая серьезного сопротивления, раскинул лагерь перед Тиром, который занимал сильный египетский гарнизон, и призвал на помощь царьков Финикии и гишархов Сирии. Первых он попросил построить корабли, ввиду того, что Птолемей увел в Египет все финикийские суда и их экипажи; у вторых потребовал огромного количества зерна. Кроме того, по его приказанию большой отряд лесорубов и плотников перевозил из Ливана, богатого кедром, сосной и кипарисом, к побережью лес, который 8 тыс. его работников рубили в горах. В городах Триполи, Библ и Сидон были построены судостроительные верфи; четвертая верфь была открыта в Киликии, куда лес поступал из Тавра. Наконец, лес отправляли на остров Родос, жители которого охотно откликнулись на просьбу Антигона и принялись за постройку кораблей³³.

Активная деятельность Антигона вызвала ответное действие Птолемея, которое помешало первому укрепить свои позиции на Кипре, главные царя которого находились в союзе с Египтом. Птолемей немного позже отправил на север 100 судов и 10 тыс. наемников под командованием своего брата Менелая; возле Кипра эта армада соединилась еще со 100 кораблями Селевка.

Если Антигон не мог добиться успеха на Кипре, то ему удалось зато укрепить свои позиции в Финикии. Оставив своему командиру Андронику 3 тыс. человек для продолжения осады Тира, он двинулся на юг Финикии брать штурмом ее южные города. Взяв их, Антигон оставил там значительные силы, а их египетские гарнизоны включил в свою армию. Затем он вновь раскинул лагерь перед Тиром, чтобы ускорить осаду³⁴. В итоге в конце 315 г. или в начале 314 г. до н.э. стратег Азии прочно держал леса Ливана, сирийское и финикийское побережье, а его морская мощь не переставала воз-

растать. Кроме того, в его руки перешли важные приобретения Лагида 320—319 гг. до н.э. Антигон одержал и другие победы на востоке, в центре и на западе Эгейского моря. С весны 315 г., пока он завоевывал Сирию, отправленный им в Каппадокию племянник Полемей добился полного присоединения этой сатрапии к владениям Антигона. Царя Вавилонии он вынудил снять осаду с Астак и Халкедона и даже стать союзником своего дяди. Оттуда Полемей направился в Ионию и Лидию, получив приказ быстрее продвинуться к западному побережью Малой Азии, где Селевк стремился овладеть Эритресей. Узнав о приближении врага, бывший сатрап Вавилонии вышел в море⁸⁵.

Осенью 315 г. до н.э. военные действия велись в Карии против противников Антигона, а зимой этого же года он сам собирался вторгнуться в Малую Азию. Оставив в Сирии своего сына Деметрия (с 10 тыс. наемников пехоты, 5 тыс. всадников, 40 слонами, 2 тыс. македонян, 500 ликийцев и памфилийцев, 400 персидских лучников и пращников) для подготовки контрнаступления на Лагиду в этом регионе и приставив к сыну в качестве советчиков четырех опытных военачальников, участвовавших во всех походах Александра (среди них был критянин Непарх)⁸⁶, Антигон с остатками своих войск направился в Малую Азию. Снег и холод измучили его войско в ущельях Торуса, и он был вынужден вернуться в Киликию, где надеялся подкрепить свою армию и дожидаться более благоприятной для его замыслов обстановки. Зимой 314—313 гг. до н.э. он пришел во Фригию. Его флот под командованием Медноса покинул в это время Финикию и захватил 30 судов Кассандра.

Немного позже сатрап Карии был вынужден вступить в переговоры с Антигоном: он обещал распустить своих солдат и предоставить автономию греческим городам Карии, оставаясь сатрапом этого района. В знак дружбы с Антигоном он выдал ему своего брата в качестве заложника. Но через несколько дней сатрап резко сменил курс и оказал быструю помощь Селевку и Птолемею. В силу этих обстоятельств для упрочения своих позиций Антигон собрал значительные силы, чтобы принести освобождение карийским городам. Его адмирал Меднос и стратег Доким изгнали из Милета войска Асандра, а сам он занял большой город Траль. Затем, двигаясь на юг, он взял Канны, крепость которого пала только после неоднократных штурмов. «Таким образом, все города Карии попали под власть Антигона»⁸⁷. Милет получил автономию соответственно решению, принятому в 315 г. до н.э. Антигоном перед собранием солдат⁸⁸. Короче говоря, в 313 г., после двухлетней борьбы, антигоновское дело восторжествовало в Малой Азии.

Не менее удачным было положение Антигона в континентальной и островной Греции. Здесь ему пришлось вести войну с Кассандром и его единомышленниками. Если Кассандр — хозяин Македонии и Элады — помогал своим союзникам в Азии, перевоза туда свои войска по Эгейскому морю, то Антигон тоже имел возможность расшатывать позиции своего противника изнутри. Разбитые в 316 г. до н.э. Полисперхонт и его сын Александр тем не менее сохраняли

Коринф, который стерег дорогу, идущую из Центральной Греции в Пелопоннес. Кроме того, этолийцы, всегда упорно сопротивлявшиеся македонскому господству, и Лакедемон были очень склонны к тому, чтобы разбить Кассандра. Антигон не преминул установить связи с открытыми врагами сына и наследника Антипатра.

В 315 г. до н.э. Антигон отправил в Пелопоннес Аристодема из Милета с суммой в 1 тыс. талантов и с поручением заключить дружеский союз с Александром и Полисперхонтом и набрать наемников. Эта миссия Аристодема оказалась успешной, и такой союз с противниками Кассандра был заключен⁸⁹.

Вскоре перед Тиром, осада которого уже началась, Антигон собрал большое собрание солдат и союзных войск, перед которыми произнес обвинительную речь против Кассандра. Последний был обвинен в том, что он убил мать Александра, арестовал его жену и сына, женился на дочери Филиппа — Фессалонике против ее воли, стремился в Македонском царстве водворить олипфян — опасных врагов македонян — в городе, переименованном в свою честь (Кассандрия), и восстановил Фивы, скрытые в 335 г. до н.э. войсками Александра.

Таким образом, воскресив в памяти преступления, совершенные Кассандром против близких родственников Филиппа и Александра, Антигон возбудил крайнее негодование собрания и поставил на голосование декрет, в силу которого сын Антипатра объявлялся общенациональным врагом в том случае, если он не снесет совсем пострашенные новые города, если не восстановит в правах Роксану и ее сына и если откажется повиноваться Антигону, «пожалованному стратегией и руководством царской властью». Равным образом было предусмотрено, что «все эллины будут свободны, избавлены от гарнизонов, получают автономию». (В общем, это были те же преимущества, которые пожаловал Полисперхонт в 319 г. до н.э. греческим городам.)

Как указывает Диодор, Антигон рассчитывал с помощью этого декрета найти в греческом мире усердных помощников в его военных операциях и, больше того, рассеять тревоги сатрапов и полководцев Верхней Азии, которые его подозревали в стремлении унаследовать империю Александра⁹⁰. В течение примерно трех лет, прошедших после ультиматума, Антигон и его командиры одержали больше успехов, чем потерпели неудач. Морские силы Антигона — главное условие его безопасности и могущества — намного возросли. Если он далеко не уничтожил все ресурсы своих врагов, то и свои серьезно не уменьшил, при этом ему удалось даже расширить сферу своего господства за счет районов, подвластных его врагам.

Менее благоприятными, однако, оказались для антигоновского дела операции, которые развертывались с осени 313—312 гг. до н.э. и до начала 311 г. Главным театром действий стали окрестности проливов, Сирия, Вавилония и страны набатийских арабов. Этот период отмечен преимущественно поражениями Антигона и его сына, но заканчивается он восстановлением их положения в одной из наиболее спорных между двумя различными лагерями областей.

В 313 г. до н.э., чтобы вынудить Кассандра уйти из части Греции, Антигон задумал двинуться в Македонию. Но для этого надо было преодолеть препятствие, которое ему чинил во Фригии и у проливов энергичный и решительный Лисимах. В конце 313 г. и начале 312 г. до н.э. Антигон, не добившись успехов у проливов, вынужден был отправиться на зимние квартиры⁹¹.

В это время сын Антигона действовал в Сирии против Лагида, который был занят в Кириенах и на Кипре. В 313 г. до н.э., еще до конца военного сезона, Лагид поплыл с большими силами в Верхнюю Сирию и захватил два города, которые были разграблены. Оттуда он направился в Киликию, где Маллос перешел в его руки; население было продано в рабство, окрестная территория разграблена. Успешно завершив эту операцию, Лагид повел своих солдат, нагруженных добычей и готовых «презирать опасность» ради своего вождя, обратно на Кипр. Только он покинул Киликию, как там появился Деметрий. В течение последних событий сын Антигона оставался в Сирии (Келесирии). Узнав о завоеваниях Птолемея в Верхней Сирии и в Киликии, он оставил там одного из своих советчиков -- Пифона -- со слонами и тяжелыми соединениями, а сам с конницей и легкой пехотой пошел на Киликию. Однако прибыл туда слишком поздно и не застал там врага, уже погрузившегося на корабли и отплывшего в Сирию.

Между тем Птолемей из Кипра вернулся в Египет. Повинуясь своей обычной осторожности, он не предпринял ничего для того, чтобы разбить внушительные силы Антигона. Но ему трудно было оставаться в стороне от столкновений, в которых участвовали его союзники. Бывший сатрап Вавилонии Селевк торопил его действовать. Наконец, решившись идти в Сирию (Келесирию) и померяться силами с армией Деметрия, он очень старательно подготовил экспедицию, которая включала 18 тыс. человек пехоты, 4 тыс. конницы и еще вспомогательные войска из числа египтян. Из Александрии эти войска дошли до Пелузы (на перешейке, соединяющем Египет и Сирию), собираясь разбить лагерь недалеко от древней Газы. Сын Антигона располагал 11 тыс. человек пехоты, построенной в фалангу, 3 тыс. легкой пехоты, 4400 конницы и 43 боевыми слонами. С этими войсками Деметрий, оставив зимние квартиры, направился к Газе, чтобы там ждать нападения врага. Его советники, правда, не рекомендовали ему вступать в бой с таким полководцем, как Птолемей, но пылкий и более храбрый, чем осмотрительный, Деметрий совсем не слушал их. Диодор сообщает, что он произнес перед своими войсками речь без малейшего волнения, пленив их красотой своего стана и блеском «царских» доспехов. Однако все понимали серьезность положения: они собирались драться с превосходящими силами противника и двумя великолепными полководцами, которые принимали участие во всех операциях Александра, неоднократно руководя ими, и проявили себя непобедимыми⁹².

Войска сошлись к бою на приморской равнине. План Деметрия был основан на том, чтобы ударом левого фланга конницы прижать египтян к морю и разгромить. Этот план не сразу был понят про-

тивником, укрепившим свой приморский фланг, который противостоял ударной группировке Деметрия. Пообещав своей армии награды и огромную добычу, Деметрий выстроил ее в боевой порядок: на левом крыле, где он сам собирался сражаться, были 22 отборных всадника, среди которых — все его друзья и Пифон; впереди выстроились три эскадрона конницы, столько же на флангах. Вне этого крыла три прославленных тарентинских эскадрона действовали в дозоре. Левое крыло включало 800 гетеров и 5 тыс. человек конницы разных народностей. Это крыло было расположено впереди 30 слонов, а в интервале разместились 1000 лучников и копьеносцев и 500 персидских прашников; оно предназначалось для первого удара⁹³. В центре находилась фаланга, состоявшая из 2 тыс. македонян, 1 тыс. жителей Ликии и Памфилии и 8 тыс. наемников. Она расположилась впереди 13 слонов и легких войск, занимавших разделявшие их интервалы. Наконец, на правом фланге стояли 1500 человек конницы во главе с Андроником, которому было приказано стоять и ждать решительного момента на другом крыле⁹⁴.

Допущенной сипетским царем явной ошибкой в диспозиции Деметрий не пожелал воспользоваться и дал Птолемею время переместить подкрепления на правый фланг. Не зная вначале о боевом порядке Деметрия, Птолемей и Селевк сосредоточили главные силы на левом фланге; но, узнав через лазутчиков о расположении сил, они исправили свою ошибку и привели свой правый фланг в состояние способности сопротивляться натиску левого вражеского крыла, разместив там трехтысячную отборную конницу. Впереди были размещены солдаты, снабженные специальными приспособлениями, усеянными гвоздями, для отражения атаки слонов, а также копьеносцы и лучники, которые должны были изрешетить слонов и их вожakov. Затем Селевк и Птолемей выстроили свой центр и левое крыло (где была только 1 тыс. всадников) и бросились в сражение.

Вначале Деметрий достиг заметных преимуществ, но вскоре его левое крыло было серьезно оттеснено. Когда он ввел в бой слонов, Птолемей бросил навстречу слонам легкую пехоту и первый в военной истории подвижной отряд инженерных заграждений, которые полностью сорвали слоновую атаку и отразили их натиск. Понукаемые своими жоками, слоны наткнулись на доски, усыпанные гвоздями, топтались на месте и попадали под град стрел и дротиков. Наконец, когда жоки слонов были перебиты, раненые животные были легко захвачены. Под натиском египетской конницы конница Деметрия вышла из боя и отошла в порядке, хотя противник не слишком ее теснил. Но пехотинцы попали в тяжелое положение и большей частью оказались в плену или, бросив оружие, бежали с поля битвы. Деметрию удалось бежать в Азотос, расположенный в 50 км от места битвы. Он признал свое поражение, прося лишь разрешения подобрать тела своих командиров и солдат, павших на поле брани (среди них были командующий конницей стратег Пифон и многие из его друзей). Деметрий понес тяжелые потери: 5 тыс. воинов было убито и 8 тыс. взято в плен.

По словам Диодора, победители прежде всего объяснили своему противнику причину, которая вынудила их объявить войну Антигону: «Разбив совместно с ними Пердикку и затем Эвмена, Антигон отказался разделить завоеванные земли и, будучи связан с Селевком дружеским союзом, он, однако, лишил его Вавилонии вопреки всякой справедливости»⁹⁵. Что касается захвата Антигоном Вавилонии, то можно согласиться с тем, что акт этот был совершен «вопреки всякой справедливости». Однако не совсем понятно, почему победитель Эвмена должен был делиться захваченными им землями со своими коллегами, которые точно так же, как и он сам, больше заботились о расширении своих владений, чем о соблюдении договоров 323 и 321 гг. до н.э.

Блестящая победа Птолемея над сыном Антигона в 312 г. до н.э. не ограничилась, впрочем, приобретением Газы. В то время как Деметрий, прибыв в Триполи, просил помощи у своего отца и черпал подкрепления в киликийских гарнизонах и в удаленных от врага крепостях, Лагид привлек на свою сторону Сидон и убеждал антигоновского наместника в Тире сдать город на почетных и выгодных условиях. Тот отказался «изменить данной клятве», но его солдаты взбунтовались. В результате ему пришлось покинуть город. Он попал в руки к Птолемею, который осыпал его подарками и сделал своим другом. Диодор еще раз прославляет здесь большие способности сатрапа Египта завоевывать симпатии людей⁹⁶. Таким образом, с конца 313 до лета 312 г. до н.э. Антигон, в течение двух-трех предшествующих лет чаще всего выходявший победителем, потерпел тяжелые военные и дипломатические поражения в районе Боспора, на Кипре и особенно в Финикии, где плоды его значительных успехов 315—314 гг. до н.э. были в большинстве своем утрачены.

Поражение Деметрия имело далеко идущие стратегические последствия. Попытка Антигона молниеносным наступлением захватить под свой контроль все области державы Александра Македонского провалилась. Поражение при Газе открыло другим диадохам путь в Азию, куда и отправляется Селевк для завоевания Вавилона. Летом и осенью 312 г. до н.э. Селевк начинает свои военные действия в Центральной Азии. Обещав своему союзнику помочь вернуть его сатрапию, захваченную Антигоном, Птолемей предоставил в его распоряжение тысячу пехотинцев и всадников. Малочисленность этого войска обескуражила свиту Селевка, но он успокоил своих приближенных, сославшись на оракулов, предсказавших ему царство, и рассказав о сне, в котором к нему явился Александр. Прибыв в Кар (в Месопотамии), он то силой, то дипломатией склонил на свою сторону находившихся там македонян.

В Вавилонии многие жители, помня о его доброжелательном к ним отношении, предложили ему свою помощь. «Считая непреодолимым порыв масс», говорит Диодор, сторошники Антигона укрылись в крепости Вавилона, которую Селевк взял без особого труда. Освободив своих родственников и друзей, арестованных после его бегства, он пополнил свои войска и снарядил конницу. Число сторонников Селевка все увеличивалось. Правда, Антигон еще не утра-

тил надежду победить его: сатрап Лидии Никанор набрал в Персии 17 тыс. человек пехоты и конницы, чтобы атаковать небольшую армию Селевка (3400 человек). Но последний преодолел Тигр, спрятал свое немногочисленное войско в камышах на болотах, расположенных недалеко от реки, внезапно напал и полностью разбил своего противника, большинство солдат которого перешли на сторону победителя. Став предводителем большой армии, Селевк захватил Мидию, Сузиану и соседние области. Он поспешил сообщить Птолемею и другим союзникам об этих событиях и возвратился чуть ли не с царской торжественностью. Как отмечают античные историки, с этого момента началась эра Селевкидов⁹⁷.

Успехам Селевка в известной степени способствовала характерная именно для диадохов **социальная политика**: в зонах своего преимущественного базирования они, в большей или меньшей мере, облегчали положение населения в первую очередь демократических слоев, чтобы стабилизировать свое положение. Средства для ведения войны они предпочитали получать из самой войны, а не из эксплуатации тружеников, которая была в нестабильных условиях крайне ненадежной. Селевк, как «свой» диадох, был встречен поддержкой вавилонян. Зато на «захваченных» территориях грабежи и насилия диадохов не имели предела, принося неисчислимые страдания местному трудовому населению.

Между тем Антигон готовился по мере своих сил взять реванш за поражение в Сирии. Прежде всего, он был весьма заинтересован сохранить или восстановить свое господство на море, которому угрожало укрепление позиций Лагида в Сирии (Келесирии). Решив защитить себя от возможного антигоновского контрнаступления, Птолемей поручил одному из своих «друзей» — македонянину Киллесе — изгнать из Сирии сына Антигона или же разбить его. Узнав от своих разведчиков, что довольно большое войско Киллеса раскинуло лагерь возле Мионта (об этом местонахождении не говорит Диодор), который очень плохо охраняется, Деметрий со своими легковооруженными воинами двинулся туда ночью, застал враг врасплох и без боя пленил весь вражеский отряд, включая и его командира. Успех, конечно, явный, но Диодор преувеличивает его значение, утверждая, что он компенсировал недавний разгром Деметрия. Впрочем, последний воздержался от продолжения похода в Сирию и укрылся за болотами, ожидая подкрепления от отца.

Птолемей, желая упрочить результаты своей большой весенней победы, двинулся в Сирию, на север страны со всем своим войском. Антигон, находившийся тогда во Фригии в Келасне, откликнулся на призыв своего сына и, преодолев Тавр, «через несколько дней» прибыл в его лагерь. Осведомленный об этом передвижении своего противника, Лагид после совещания со своими полководцами и друзьями решил не рисковать битвой в Сирии, а предпочел борьбу в Египте, где было много ресурсов и укрепленных мест. Поэтому он оставил Сирию и Финикию, в которых разрушил «самые крупные города» (Акке, Форре, Самарию и Газу) и вывез оттуда богатую добычу⁹⁸. Антигон вновь вернул свои завоевания 315 г. до н.э.

В это время в Центральной Азии назревали серьезные события⁹⁹. Из писем Никанора Антигона узнал о больших успехах Селевка. Тотчас же армия из 4 тыс. всадников, 5 тыс. пехотинцев и 10 тыс. наемников была доверена Деметрию для захвата Вавилонии и затем для возвращения на побережье. В свою очередь, очень занятый в Мидии Селевк поручил защиту Вавилонии командиру Патроклу. Располагая лишь скромными силами, Патрокл не стал ждать удара врага: часть его солдат устремилась в пустыню, другие должны были направиться через Тигр и вернуться в Сузиану; сам он укрылся за каналами района, чтобы «беспрестанно тревожить» противника до прихода подкреплений. Найдя город Вавилон пустынным, Деметрий приготовился к осаде двух крепостей, взял одну из них штурмом и разграбил. Сопротивление второй затянулось надолго, и он вернулся на побережье, как ему предписал отец, оставив 6 тыс. воинов перед цитаделью. Между тем Селевк продолжал завоевание соседних сатрапий. Во время этих операций погиб Никанор¹⁰⁰. Антигон получил новое и серьезное поражение, но к началу 311 г. до н.э. удерживал свои позиции в Вавилонии.

Война, возникшая из-за ультиматума 316 - 315 гг. до н.э., длилась около четырех лет и не привела ни к какому значительному результату. Члены коалиции не сумели разбить своего врага: Лисимах удерживал почти полностью города, восставшие против его владычества, но все же он не расширил своего господства в ущерб Антигону. Птолемей был изгнан, по крайней мере на время, из Сирии. Кассандр потерпел много неудач на Балканском полуострове. Селевк еще не стал полным хозяином Вавилонии. В то же время Антигон не высадился ни в Македонии, ни в Египте, ни на Кипре, ни во Фракии, и его власть, усилившаяся и даже расширившаяся в Западной Азии, была серьезно ослаблена в Центральной Азии. Наконец, военные действия потребовали от всех воюющих больших издержек (отчасти компенсированных для некоторых благодаря добыче, финансовой и экономической эксплуатации покоренных районов и городов). Все эти обстоятельства вместе со всеобщей усталостью от войны привели к тому, что весной 311 г. до н.э. враждующие стороны заключили между собой мирный договор: между Антигоном и Деметрием, с одной стороны, и Птолемеем, Кассандром, Лисимахом -- с другой.

Условия этого договора мы довольно точно и ясно знаем из короткого отрывка Диодора. Дополнительные сведения можно извлечь из надписей. По этому договору каждый удерживал в своих руках то, что имел: Кассандр должен был, как и его отец, осуществлять командование (стратегию) в Европе до совершеннолетия сына Роксаны Александра. Лисимах оставался владыкой Фракии, Птолемей - Египта и пограничных с Ливией и Аравией городов; Антигон получал всю Азию, эллины - автономию¹⁰¹. О последней, указывалось в письме, сохранившем нам текст договора, который отправил Антигон жителям Скепсиса - города Трояды. Не без явного преувеличения он заявлял, что дело освобождения эллинов ему всегда было дорого. Теперь, указывал Антигон, мир заключен:

договор предусматривает, что все эллины приносят клятву помогать друг другу в деле сохранения своей свободы и автономии. Этот союз будет более надежной гарантией «для будущего», если обязательства будут приняты под клятвой и «они (эллыны) будут наблюдать за делами». Подобные обязательства не были бы «ни бесчестными, ни бесполезными»¹⁰².

Договор 311 г. до н.э. служил нередко объектом крайних суждений, ошибочных или весьма спорных: согласно одним, Антигон, воспользовавшись преимуществом мира, решительно одержал верх и отстоял свои позиции, несмотря на то, что «восстановление Селевка, правда, было поражением для его политики»¹⁰³. Другие историки указывают на значительную победу других диадохов. Так, Тарн утверждает, что, хотя Кассандр весьма заметно отступил в Греции, но Эпир оставался за ним, а его положение в Македонии упрочилось; Лисимах тоже укрепил свои позиции; Лагид потерял Сирию, но полностью сохранил Египет и восстановил своего союзника Селевка¹⁰⁴. Владения Антигона, наконец, были менее обширны, но более компактны, чем до открытия военных действий¹⁰⁵. П. Жуге настаивает на том, что Антигон вышел победителем из войны¹⁰⁶. Если он и не достиг «своей цели» (т.е. господства над всей империей, как считает этот автор), то вполне «мог считать себя победителем на войне»¹⁰⁷. Этим точкам зрения противоречит мнение Дройзена, который считает, что все участники борьбы «больше потеряли, чем приобрели за четыре года войны». Если позиции членов коалиции ослабли либо в Сирии, либо в Греции, либо на побережье Понта, то потери Антигона были еще значительнее (особенно на Востоке) и его планы обладания империей рухнули¹⁰⁸.

Как соотносятся эти точки зрения с теми фактами, которые нам уже известны как достоверные или весьма вероятные? Прежде всего, следует констатировать, что членам коалиции не удалось добиться выполнения требований, сформулированных в их ультиматуме 316–315 гг. до н.э. Так, они требовали Каппадокию для Асандра, по одной версии текста Днодора, или для Кассандра, по другой версии. Однако тексты не говорят больше об Асандре, и договор устанавливает границы в «Европе» для верховной власти Кассандра. Последний продолжал держать в Афинах, гарнизон, в противоречии с положениями договора, по которым греки оставались автономными и никто не мог утверждать собственное господство в греческих городах.

Ультиматум требовал Ликию (или Киликию, или Лидию) для того или другого из этих лиц, но эти азиатские районы остались в руках Антигона, который правил Ликией на основании раздела 323 г. до н.э., Киликию завоевал у Эвмена, а Лидию отобрал у Клита. Коалиция требовала для Лисимаха Фригию Геллеспонтскую, а договор ограничил власть сатрапа обширным и плодородным районом, который он получил в 323 г. и эффективно защищал в 313–312 гг. до н.э., т.е. Фракией. Для Лагида требовал Сирию, а он сохранял за собой лишь Египет, правда, расширив свои границы за счет городов Ливии и Аравии. В общем, ни Асандр, ни его силь-

ные союзники Македонии, Фракии и Египта не овладели (или не сохранили) ни одного района, который ультиматум требовал от их врага оставить в Малой Азии и Сирии. Договор даже присоединил к уже находившимся в 315 г. до н.э. во владении Антигона областям сатрапии, которую Птолемей отобрал у Лаомедона и которую раздел 323 г. до н.э. пожаловал Асандру. Следовательно, если Антигон хотел только сохранить свои позиции в Западной Азии, то соглашение 311 г. до н.э. шло дальше его желаний и нанесло членам коалиции явное поражение. Наконец, договор умалчивал о требовании, сформулированном в ультиматуме относительно раздела обильных сокровищ, захваченных Антигоном во время его операций против Эвмена и после смерти последнего.

Остается спорным вопрос о роли Селевка в договоре 311 г. до н.э. По смыслу краткого указания Диодора об этом договоре, кажется совершенно ясным: Антигон получал управление над всей Азией и ни малейшего исключения не было сделано в пользу Селевка. Последний не имел больше никакого формального права занимать или требовать Вавилонию; в этом вопросе, как и в других, члены коалиции потерпели неудачу. Отсюда вполне объяснимое, если не совершенно точное, замечание Дройзена о том, что Птолемей считал своего союзника «уничтоженным» и вместе с другими членами коалиции оставил его на произвол собственной судьбы¹⁰⁹. Но не все историки такое мнение разделяют. Одни полагают, что военные действия не доставили Антигону все районы империи и поэтому он не получил господства над всей Азией¹¹⁰. Утверждая это, они исходят из того, что в данном случае Диодор имел в виду римскую провинцию Азии и хотел сказать, что Антигон получил обширную часть Азии. Следовательно, нельзя делать заключение из текста Диодора, что соглашение 311 г. до н.э. отбирало Вавилонию у Селевка¹¹¹. По мнению других, отсутствие имени Селевка в двух отрывках текста дает основание предполагать, что Селевк не был допущен подписать соглашение в качестве полноправного члена договаривающихся сторон¹¹².

Тот факт, что Селевк в договоре не упоминается, свидетельствует о значительной дипломатической удаче Антигона, который сумел расчленив коалицию диадохов, направленную против него. Правда, если Селевк и не фигурировал в договоре, он все же сохранял возможность сильно противодействовать вражескому натиску или даже нанести решительный удар либо внутри своей сатрапии, либо с еще большим основанием в самых восточных сатрапиях.

Итак, в какой степени Антигон осуществил свои замыслы в 311 г. до н.э.? Известно, что военные действия 315—311 гг. до н.э. закончились неоспоримыми блестящими территориальными завоеваниями победителя Эвмена: он не только сохранил западные владения, которые ему достались по разделу 323 и 321 гг. до н.э., лишил владений сатрапов Геллеспонтской Фригии и Лидии, а победами над Эвменом отобрал земли последнего, но и захватил две сатрапии, оккупация которых расширила ему пути доступа к Эгейскому морю и восточной части Средиземного моря и позволила усилить

свой флот. Думал ли Антигон этими завоеваниями ограничить свою власть? Не хотел ли он также утвердиться в Македонии, Греции, Фракии и Египте, т.е. полностью заменить своего бывшего повелителя? Подобное предположение вовсе не является неправдоподобным¹¹³.

Факты показывают, что Антигон не довольствовался больше ни областями, доставшимися ему по разделам 323 и 321 гг. до н.э., ни теми, которые он завоевал у Эвмена после его разгрома. С 315 по 311 г. до н.э. он вовсе не ограничивался защитой районов, которые члены коалиции стремились у него отобрать: он нападал или стремился нападать упорно и настойчиво на территории двух своих противников. Может быть, эти атаки были продиктованы строго военными соображениями и направлены только на то, чтобы лучше обеспечить защиту Малой Азии от натисков Кассандра, Лисимаха и Лагида. Но нельзя отрицать и того, что Антигон старался воспользоваться случаем, предоставленным ультиматумом, — окончательно сокрушить мощь своих главных противников и приобрести таким образом абсолютное господство в империи, основанной Александром. Однако, если и было тогда таким стремление Антигона, то надо заключить, что, приобретя на западе значительные оборонительные успехи и даже укрепив там свои позиции и увеличив ресурсы, он не осуществил полностью своих замыслов. Seriously ослабленные или явно обманутые, его соперники еще сохраняли немалые и серьезные возможности противодействия.

Мирный договор не принес мира и не разрешил ни одного противоречия. Поэтому после короткого перемирия последовали новые военные операции, театром которых становились греческие острова и полуостров, Центральная и Малая Азия. Прежде всего, Кассандр, провозглашенный «стратегом Европы» договором 311 г. до н.э., проводил политику, хотя и соответствовавшую мирному духу этого соглашения, но в общем вредную для интересов Антигона. Несмотря на условия договора об «автономии» эллинов, сын Антипатра, как уже выше было упомянуто, не вывел гарнизон из Аттики, который оставался там еще более трех лет. Это унизило престиж Антигона, который в своем письме к жителям Скепсиса ручался за освободительное обещание договора. Пока Кассандр незаконно усиливал свою власть в Европе, серьезные удары по позициям Антигона нанес Селевк. Последний получил поддержку от Птолея, которая определенно не запрещалась договором.

О самих военных операциях мы имеем лишь очень скудные сведения у Полиена¹¹⁴. Селевк выстроил свои войска перед войсками Антигона, и битва закипела. Наступил вечер, а исход битвы не был решен, и она, казалось, должна была возобновиться наутро. Антигон расположил лагерь своих солдат, чтобы они могли отдохнуть после тяжелого дневного сражения, но Селевк приказал своим войскам оставаться в боевом строю и отдыхать с оружием. Ранним утром они внезапно напали на своих врагов в тот момент, когда те собирались построиться в боевой порядок, и легко разбили их. Это сражение датируется то 310, то (с оговорками) 308 г. до н.э.¹¹⁵

Место битвы не установлено ¹¹⁶. После этого события оба противника заключили мир, по которому победитель оставлял за собой Вавилонию и верхние сатрапии.

Одновременно с этим тяжелым разгромом, Антигон потерпел серьезные неудачи в Европе и Малой Азии. Началось с того, что его племянник Полемей, считая себя недостаточно вознагражденным за услуги, изменил своему дяде и примкнул к Кассандру. Этот разрыв удачно использовал Птолемей. Поскольку условия договора 311 г. до н.э. предусматривали автономию греческим городам, которую Антигон нарушил, оставив гарнизоны во многих городах Киликийского побережья, Лагид отправил войска под командованием Леонида захватить эти пункты. Деметрий собирался отвоевать эти киликийские города, захваченные Леонидом; в то же время Антигон направил своего второго сына Филиппа против племянника Полемей ¹¹⁷.

Важные события, неблагоприятные для Антигона, имели место в 310--309 гг. до н.э. на Кипре и в Малой Азии. Уничтожив царя Саламина Кипрского Никокреона, представлявшего на острове власть Лагида, а потом заключившего секретный договор с Антигоном, Птолемей усилил свою власть и влияние на острове Афродиты ¹¹⁸. Вслед за тем сатрап Египта достиг новых успехов. С большим флотом он поплыл в Малую Азию и захватил Фазелис. Затем добрался до Ликии, взял Ксанф, защищаемый антигоновским гарнизоном, занял Канос (Саннот) и крепости; штурмом взял Гераклею и благодаря измене овладел Персеиконом. Возможно, тогда же он пытался овладеть Галикарнасом, но из-за Деметрия эта попытка не удалась. Затем он отправился на остров Кос, откуда рассчитывал (по другой версии) захватить Галикарнас ¹¹⁹. В целом, за исключением неудачной атаки Галикарнаса, эти события нанесли крупный ущерб интересам Антигона. Но это было еще не все. На острове Кос Лагид пригласил мятежного племянника Антигона Полемей примкнуть к нему. Полемей, находясь тогда в Халкиде на Эвбее и испытывая известные затруднения, прибыл к Птолемею, который сначала устроил ему теплый прием, а потом арестовал, заставил выпить цикуту и присоединил его солдат к своим ¹²⁰. Это было новым ударом для Антигона, так как смерть Полемей хотя и освобождала его от изменника, но зато укрепила военную мощь врага.

Пока Антигон сражался в Азии с Селевком и Птолемеем, театром военных действий стала также Греция. Эти действия были благоприятны сначала для антигоновского дела, но, в конечном счете, оказались очень выгодны для сатрапа Египта. Когда сражавшиеся между собой Полисперхонт и Кассандр пришли к соглашению, в греческие дела вмешался Лагид. Для того чтобы активно действовать против вышеуказанных диадохов, Птолемей был заинтересован заключить мир с Антигоном; значит, очень возможно, если не достоверно, что между Лагидом и Деметрием было заключено тогда перемирие, о чем можно судить по очень скудным сведениям лексикографа Свида ¹²¹. О такой возможности говорит также и тот

факт, что ни Антигон, ни его сын не мешали Птолемею вести в 308 г. до н.э. операции на Эгейском море и Эллинском полуострове¹²².

Весной 307 г. до н.э. Антигон, стремившийся ослабить «стратегию» Европы и тем самым компенсировать азиатские осложнения успехом в Греции, отправил своего сына в Аттику во главе значительных сил. Тот покинул Эфес вместе с флотом из 250 кораблей, имевших на борту множество солдат и обильный материал для осады. Он получил от своего отца приказ «освободить все города Элады», начиная с Афин, где Кассандр (нарушив договор 311 г. до н.э.) держал гарнизон¹²³. Сын Антигона прибыл на юго-восточное побережье Аттики никем не замеченный. Когда его авангард показался перед Пиреем, оккупанты порта вообразили себе, что это прибыло войско Лагида, ставшего вновь союзником Кассандра к концу 308 г. до н.э. Ошибка была обнаружена слишком поздно: Деметрий легко вошел в порт и объявил о цели своей экспедиции: прогнать из Афин иностранный гарнизон и вернуть городу его законы и конституцию предков. Используя осадные машины, Деметрий обложил город с «моря и суши». Однако он не присутствовал при начале операции: решив войти в Афины только с падением Мунихии, он поплыл в Мегару (где в 308 г. до н.э. Кассандр разместил гарнизон) и блокировал ее. Во время осады этого города, если верить Плутарху, Деметрий по призыву Кратезипома дошел до Патраса в Ахате и чуть не попал в руки врага. Вернувшись в Мегариду, он взял штурмом Мегару, откуда изгнал гарнизон, и провозгласил автономию, за что ему были возданы большие почести; затем возвратился в Аттику.

Летом 307 г. до н.э. кассандровский гарнизон сложил оружие, победитель торжественно въехал в Афины и вернул народу его «свободу», сопровождавшуюся договором дружбы и союза. Деметрию и его отцу были оказаны сверхмерные почести. По предложению демагога Стратокла афиняне приняли декрет, предписывавший воздвигнуть золотые статуи Антигону и его сыну. Памятники были установлены возле статуй Гармония и Аристоклитона. Им подарили также короны в 200 талантов стоимостью, которые возложили на алтарь с надписью: «Спасители». Кроме того, к десяти традиционным филам прибавились «антигониды» и «деметриады» и было постановлено ежегодно устраивать игры, процессии и жертвоприношения в честь двух человек, портреты которых были вышиты на покрывале, посвященном богине¹²⁴. Так помпезно выражал свою признательность город, который в 318 г. до н.э. лишился независимости лишь потому, что отец Деметрия помогал Кассандру.

Деметрий оставался в Аттике до начала 306 г. до н.э. Не завершив все дела в Греции, он вынужден был по приказу отца отплыть на Кипр со своей армией, чтобы там поскорее разбить командиров Птолемея¹²⁵. Весной 306 г. до н.э. он пересек Эгейское море и высадился в Карии, откуда убеждал родосцев, которые весьма содействовали Антигону в 315 г. до н.э., принять участие в операциях против Птолемея. Но эти островитяне, интенсивно торговавшие с

Египтом, «предпочли оставаться в мире со всеми» и не дали переубедить себя. Это было, как отмечает Диодор, началом конфликта, который разразился в следующем году между ними и Антигоном¹²⁶. Дипломатическая неудача не помешала Деметрию продолжать поход. Из Карики он направился в Киликию, где получил от отца значительные силы: более 110 быстрых триер, 53 тяжелых триеры и множество транспортных судов, на которых разместилось 15 400 человек пехоты и конницы. Все это войско он повел на Кипр, где Птолемей усилил свое господство. Высадившись на севере острова, который служил для Лагида превосходной оперативной базой против Западной Азии, Деметрий раскинул на побережье лагерь, окруженный глубоким рвом и обнесенный частоколом¹²⁷.

Оставив крупный отряд для охраны своих судов, сын Антигона двинулся на Саламин, где Менелай — брат Птолемея и правитель острова — сосредоточил солдат различных киприотских гарнизонов. Когда Деметрий подошел на 40 стадий к этому пункту, Менелай выступил ему навстречу с 12 800 пешими и конными воинами, но был побежден и отступил за стены города, оставив 1 тыс. человек на поле брани и 3 тыс. в руках победителя, который включил их в состав своей армии. Впрочем, они не замедлили бежать и присоединиться к Менелаю, ибо их обозы были в руках Лагида, в Египте. Но Деметрий смог их вновь захватить и отправить к своему отцу, который строил тогда на Оронте город со своим именем — Антигонею¹²⁸.

Вернувшись в Саламин, Деметрий приказал построить много осадных машин с помощью работников, набранных в Азии, откуда он вывозил лес, железо и другие необходимые для постройки осадных машин материалы. Самой замечательной машиной была знаменитая Гелеполь, которая имела 22 м ширины, 44 м высоты, была девятиэтажной, двигалась на четырех очень прочных колесах высотой в 4 м и была снабжена катапультами и баллистами. Внутри нижних этажей были баллисты различных размеров и среди них очень крупные; на средних этажах размещались катапульты и баллисты меньших размеров. Эту одну машину обслуживало 200 человек. Гелеполь была снабжена огромными таранами. Началась тяжелая осада. Обе стороны несли тяжелые потери. Через несколько дней Гелеполь пробила брешь в крепостной стене, и Деметрий бросил свои войска на штурм. Саламин, по мнению Диодора, готовился уже сдаться, но наступившая ночь прервала штурм. Менелай воспользовался этой передышкой, чтобы набрать большое количество сухого леса и бросить на Гелеполь; в это же время на верхние башни он выпустил град зажженных стрел, которые воспламенили, подожгли громадную машину. Много из осаждавших погибло во время попытки потушить пожар, и Деметрий вынужден был отвести Гелеполь назад; тем не менее он продолжал осаду города с моря и суши, «надеясь, что со временем он восторжествует над своими врагами»¹²⁹.

Но скоро положение усложнилось из-за личного вмешательства Птолемея. Узнав о неудачах своего брата под стенами Саламина,

он вышел в море со значительными силами, высадился в Пафосе, затем присоединил к своему флоту корабли, снаряженные городами Кипра, и направился в Китион, расположенный в 200 стадиях от Саламина. Он располагал 140 крупными кораблями в 4-5 рядов весел и 200 транспортными, которые вмещали около 10 тыс. пехотинцев. Менелая было приказано прислать ему 60 кораблей, еще блокированных в порту, чтобы таким образом собрать 200 судов, способных легко разбить флот Деметрия. Но последний как будто разгадал план врага: оставив часть под стенами Саламина, он погрузил отборных солдат на корабли, вооруженные баллистами и катапультами, и, обогнув город, собирался бросить якорь недалеко от входа в порт, но вне пределов досягаемости стрел. Он оставался там в течение ночи, мешая 140 пентерам и тетрерам Птолемея соединиться с 60 кораблями Менелая. На следующий день Птолемей прибыл в порт. Завидев его приближение, Деметрий поручил одному из своих командиров Антисфену с 10 судами стеречь выход из порта и помешать соединению кораблей Менелая и флота его брата. Затем он построил в босвой порядок ядро своего флота, чтобы приготовиться выступить навстречу кораблям Лагида. На его левом и наиболее сильном крыле, где он намеревался сам сражаться, было семь финикийских кораблей в семь рядов весел. В центре находились легкие корабли. Правым флангом командовал Гегесипп Галикарнаасский и Плистиас Косский, который был верховным лощманом всего флота.

Деметрий дал сигнал к атаке: поднял золотой щит, видимый отовсюду. Его противник сделал то же. Затрубили трубы, и корабли стремительно бросились вперед и столкнулись друг с другом. Столкновение было яростным и кровопролитным. Деметрий активно участвовал в сражении и ему удалось сломить правый фланг врага. Но Лагид, командовавший своим левым крылом, где находились его отборные силы, легко разбил правое крыло Деметрия, часть кораблей которого была потоплена, а часть захвачена в плен. Впрочем, успех был недолгим: сын Антигона быстро поворотил свое победоносное крыло на левое крыло противника и разбил его так основательно, что Лагид отступил в Китион с восьмью кораблями. Деметрий торжественно вошел в Саламинский порт и добрался до своего лагеря.

Между тем Менелай пытался помочь своему брату, захватив выход из порта, который охраняла эскадра Антисфена. Последний был легко разбит 60 кораблями Менелая, но он помешал ему помочь Птолемею. Саламин не замедлил капитулировать, его примеру последовали вскоре различные киприотские города. Включив их гарнизоны в состав своей армии, Деметрий увеличил армию на 16 тыс. человек. Он поспешил сообщить своему отцу об этой великопозорной победе.

Морская битва при Саламине представляла значительный тактический интерес и имела важные стратегические последствия. Хотя морские операции сопровождали почти все крупные сражения диадохов, это было самым большим морским сражением периода борьбы

бы диадохов. Оно отличается рядом военных нововведений: во-первых, борьба за Саламин началась высадкой обеими сторонами стратегических десантов; во-вторых, в этой борьбе впервые были использованы практически тяжелые боевые суда новой конструкции — пентера и гептера. В их создании, по-видимому, непосредственное участие принимал Непарх, окончивший свои дни при ставке Антигона, а также и сам Деметрий, бывший талантливым инженером и фортификатором. В-третьих, хотя тактические приемы морского боя повторяли сложившуюся еще в Пелопоннеской войне практику атаки двойным строем, в данном случае новшеством было применение обеими сторонами в качестве ударного кулака мощных и быстроходных гептер, успешно реализовавших в открытом море свое преимущество над обычными триерами. Правда, линейной тактике, характерной для эпохи эллинизма, был присущ известный схематизм, заключавшийся в том, что ударные кулаки противников обычно не пытались сблизиться для удара и предпочитали громить заведомо слабые противостоящие части. Сторона, менее преуспевшая в этом, обращалась в бегство, как это случилось с Птолемеем, который, оценив ситуацию, бежал, бросив на произвол судьбы транспорт, сухопутные войска и подбитые корабли.

Тотчас же после победы Деметрия над Птолемеем, в июне 306 г. до н.э., последовало важное политическое новшество¹³⁰. Когда Антигон получил известие о победе при Саламине на Кипре, по свидетельству Диодора, чувство гордости переполнило его. Провозглашенный своим войском царем, он решил увенчать себя диадемой и носил отныне титул «царя», который был присвоен и Деметрию. По словам Плутарха, этот высокий сан был пожалован ему при ликующих возгласах армии Арстодемом, которому победитель Птолемея поручил сообщить о победе отцу, а его друзья возложили на чело Антигона диадему¹³¹. Хотел ли этим Антигон открыто продемонстрировать свое давнее стремление завладеть империей Александра? Таково мнение довольно многих историков. Антигон «рассчитывал быть единственным царем и единственным преемником Александра. . . он стремился. . . подчинить своей власти своих бывших союзников и соперников, ставших его подчиненными»¹³². Царский титул «соответствовал владыке империи, которую честолюбивый Антигон хотел восстановить». Приняв этот титул, Антигон «себя предназначил для трона», оставшегося вакантным, ибо семья Александра была уничтожена. «Нечего сомневаться в том, что Антигон стремился потребовать все наследство Александра» и т.д. П. Клоше считает, что такие замечания не лишены основания¹³³. Возможно, что, начиная с некоторого времени, сатрап Великой Фригии и Ликии, противник Пердикки и Эвмена, решил полностью вытеснить из их сатрапий своих противников 323–321 гг. до н.э. и остаться единственным наследником Александра¹³⁴. Таким мог быть его замысел, особенно после смерти регента Антипатра, еще больше, после разгрома Эвмена Кардийского, победа над которым открыла ему большую часть Азии и обильные экономические и фи-

насовые ресурсы, и во время операций, которым положил конец (на короткий период) мирный договор 311 г. до н.э.

Прекрасные антигоновские успехи 307—306 гг. до н.э. в Греции и на море, сильно ухудшившие положение Кассандра и, особенно, нанесшие тяжелый удар морскому могуществу и престижу Лагида, были способны оживить или возбудить у Антигона пылкое желание властно царствовать если не во всей империи, то, по меньшей мере, на Эллинском полуострове, в Западной Азии и Египте. С принятием титула царя Антигон надеялся посеять в душе подданных убеждение в своем превосходстве перед мятежными сатрапами, показав этих последних как зависимых от себя людей, восставших против законной власти, которую он принял как действительный преемник Александра. Хотя Антигон получил одобрение своих намерений не от всего македонского войска, а лишь на войсковом собрании македонян, находившихся под его командованием, в то время как другие части оказали поддержку его врагам, он считал себя наиболее законным кандидатом на царский титул.

Причем такая самоуверенность исходила из того, что его часть армии была более сильной: другие диадохи не были в состоянии ей противодействовать и, следовательно, должны были признать свершившийся факт, несмотря на их возможное предубеждение¹⁵⁵. Однако горделивое стремление Антигона остальные диадохи восприняли как вызов и ответили на это тем, что также возложили на свои головы диадемы, правда, как цари территориально ограниченных государств, не требуя верховной императорской власти. Тем самым идея государственного единства была ими формально отброшена. Они желали как можно быстрее разбить главного из их противников. В это время театром главных конфликтов стали Египет, Родос и, в меньшей степени, Греция.

Осенью 306 г. до н.э. Антигон предпринял попытку выступить против Египта. Захватив эту страну, он сразу застраховал бы себя от всякого поозлиновения отобрать его азиатские и эгейские владения и сокрушил бы мощь соперника, который в 310—308 гг. до н.э. помог Селевку сохранить Центральную Азию, ослабил положение самого Антигона в Малой Азии и занял часть Эллады. Отсюда и операции, которыми он вместе с сыном руководил несколько месяцев спустя после морского разгрома Птолемея. Отозвав из Кира Деметрия, Антигон сосредоточил свои силы в Антигонее и решил начать операции против Египта. Он встал во главе сухопутных войск, которые должны были пройти Келесирию и включали более 80 тыс. пехих и 8 тыс. конных воинов, а также 83 слона. Такое количество войск убедительно свидетельствует о том, что Антигон придавал большое значение этому походу. Деметрий командовал флотом, который плыл вдоль побережья параллельно армии и включал 150 военных и 100 транспортных судов с большим количеством орудия.

Экспедиция проходила в месяц плеяд, т.е. в первую половину ноября. Лощавы предлагали подождать еще несколько дней, ибо море в это время бывает очень опасным, но их предложение не

были приняты во внимание, и экспедиция началась¹³⁶. Победители хотели опередить военные оборонительные приготовления Лагида. Когда армия прибыла в Газу, Антигон приказал ей запастись продовольствием на 10 дней. 130 тыс. медимнов зерна и множество фуража было погружено на верблюдов, которых ему предоставили туземцы, оружие — на повозки, которые тянули две лошади. Но все эти предосторожности все же не облегчили тягот армии при прохождении пустыни.

Между тем Деметрий и его корабли шли вдоль берега до Газы. В течение нескольких дней они плыли в мертвом штиле. Но внезапно налетел ураган и отбросил множество кораблей к городу Рафия, порт которого был трудно доступным; часть транспортных судов с оружием затонула, а часть — вернулась в Газу. Корабли, способные еще держаться на воде, приплыли к горе Карнос, — здесь они были недалеко от Нила, и Деметрий решил ждать прибытия антигоновских войск. Но к берегу пристать было невозможно из-за бури, и корабли бросили якорь в двух стадиях от суши, что тяжело отразилось на экипаже, ввиду нехватки питьевой воды.

Наконец, буря улеглась и показалась армия Антигона, разбившая лагерь напротив флота. Часть экипажа могла теперь высадиться на берег и подкрепиться. Предприняв поход к Нилу, Антигон остановился в двух стадиях от реки. Именно в это время Птолемей, чья оборона серьезно усилилась, предпринял попытку разложить армию противника, обещая по две мины солдатам и один талант командирам, если они перейдут на его сторону. Предложение было таким заманчивым, что Антигон разместил на берегу Нила лучников, обязанных обстреливать приближавшиеся к берегу лодки и убивать всех дезертиров на месте¹³⁷. Когда прибыли оставшие корабли, Антигон решил высадить войска на берег. Вначале около «ложного устья» реки, но здесь он натолкнулся на мощные укрепления с баллистами и другими машинами и отступил.

Между тем Птолемей еще больше укрепил свои позиции в устье Пелузия; пехота и конница Антигона не смогли преодолеть это очень глубокое устье. С моря и суши дельта была похожа на крепость, способную отразить все штурмы. Притом возрастал недостаток в фураже и продовольствии. Считая бесполезным продолжать борьбу, Антигон предложил своим командирам возвратиться в Сирию, чтобы там ожидать спада воды на Ниле, благоприятного для наступления¹³⁸. Действительно, уровень воды в реке понизился спустя несколько месяцев, и Антигон хотел взять реванш за поражение, которое он только что понес, во-первых, из-за бури на море, во-вторых, из-за попыток подкупить его солдат и в-третьих, благодаря мощным оборонительным работам побежденного при Саламине. Дройзен, правда, считает, что Антигон мог и должен был продолжать наступление¹³⁹.

Для того чтобы сломить египетское сопротивление, Антигон принуждал родосцев, находившихся в теснейших торговых отношениях с Египтом, стать его союзниками в борьбе против Птолемея. После своего поражения осенью 306 г. до н.э. он возобновил свое

давление на Родос — богатый торговый город, бывший тогда главным посредником в торговле средиземноморских государств. Им овладело стремление захватить и разграбить корабли, направлявшиеся с острова к Египту. На остров был направлен большой флот во главе с Деметрием, снабженный многочисленными осадными машинами. Когда тот потребовал сотню заложников и открыть порты для его кораблей, родосцы приняли решение защитить свою политическую и экономическую свободу¹⁴⁰.

Началась длительная и ожесточенная борьба, в которой принимал участие большой парк осадных машин, руководимый Деметрием Полиоркетом. Последний двинул чудовищную громадину по утрамбованной земле прямо на крепостную стену, а его флот занял порт и окрестности. Одна из самых прочных башен стены обрушилась. Но Лагид, Кассандр и Лисимах смогли снабдить осажденных продовольствием, и оборона приняла упорный характер. Благодаря широкой поддержке других диадохов, оказавших городу экономическую помощь, и главным образом благодаря героическому сопротивлению жителей Родос отстоял свою свободу.

В 304 г. до н.э. Деметрий, получив поручение отца начать переговоры на «умеренных условиях», подписал мир, по которому Родосу предоставлялась автономия; он освобождался от гарнизона, сохранял свои доходы, но за это родосцы становились союзниками Антигона (если речь шла не о войне с Птолемеем) и обязаны были выдать 100 заложников. В общем, это было новым и очевидным поражением Антигона, который хотел использовать родосцев в качестве орудия своей политики, направленной против врага, над которым он сумел восторжествовать в 306 г. до н.э. Поражение Антигона и его сына обнаружится еще определеннее, если учтем, что родосцы, выполняя обещание, данное Зевсу — Амону, воздать божественные почести Лагиду, воздвигнули в своем городе большой Птолемеон, где совершались ежегодно богослужения. К этому сооружению прибавилась еще гигантская статуя Гелиоса, божества — покровителя этого острова¹⁴¹.

В 306—304 гг. до н.э. Антигон терпел поражение и в Греции. Когда Деметрий покинул Аттику, в греческих городах усилилось влияние Кассандра, который, воспользовавшись затруднениями осаждающих Родос, начал борьбу с греками за укрепление своего господства в их землях. Заключив мир с Родосом, Деметрий, используя просьбу афинян, этolian и жителей городов Пелопоннеса, в конце лета 304 г. до н.э. вновь появляется в Греции и успешно начинает освобождать греческие города от влияния сына Антипатра¹⁴². Выдавая себя за защитника демократии против олигархии, он сумел возбудить у греков веру в свою искренность, за что они обещали ему помочь в борьбе против Кассандра. Опираясь на нее, он освободил Халкиду, Сикион, в котором находился птолемеевский гарнизон, Коринф, Ахайю, Аркадию, Орхомен и др.¹⁴³

К концу 303 г. до н.э. большая часть севера и центра Пелопоннеса находилась под антигоновским господством. Эти военные успехи Антигона и его сына вскоре получили политическое признание.

Оно выразилось в том, что в конце 302 г. до н.э., во время истмийских игр, Деметрий собрал в Коринфе, где Филипп II создал в 338 [337] г. до н.э. лигу эллинов, делегатов многих греческих городов и возродил эту организацию. Хотя об этом акте нет явных упоминаний у античных историков, за исключением краткого намека Плутарха, но о нем говорится в надписи¹⁴⁴. Она показывает, что условия пакта 302 г. до н.э. в основном воспроизводили условия союза, основанного Филиппом II¹⁴⁵. Между городами или государствами, представленными на собрании в Коринфе, и «царями» Антигоном и Деметрием был заключен «восновый союз» и провозглашена дружба. Они должны были иметь «одних друзей и одних врагов». В мирное время лига должна была собираться во время больших праздников эллинского мира, а в военное время созываться монархами или их делегатами. Лига имела свою армию, которая состояла из контингентов различных членов этого союзного государства. Наконец, каждый город союза сохранял свои учреждения и порядки, которые лига не имела права изменять.

Нельзя не подчеркнуть, что создание такой лиги было довольно значительным дипломатическим успехом Антигона, достигнутым в ущерб тому, кто по договору 311 г. до н.э. провозглашался «стратегом Европы» и с тех пор имел значительную власть на Эллинском полуострове. Ослабление Кассандра усугублялось сближением Полиоркета с опальным соседом Македонии эпирским царем Пирром, на сестре которого Деметрий женился, оставив свою Дедамею в Афинах. Диадочи, обеспокоенные большими успехами, одержанными Деметрием в 303 г. до н.э., решили договориться относительно общей борьбы с Антигоном. Переговоры начались с частных дипломатических шагов. В начале 302 г. до н.э. Кассандр попытался достичь поддержки спартамца Клеонима. Этот весьма активный и честолюбивый человек долго воевал в Италии, затем водворился в Коркире; именно там он принял послов Кассандра, которые предложили ему заключить союзный договор. Демарш не имел успеха, хотя и посольство Полиоркета не было более счастливым¹⁴⁶. Но нейтралитет Клеонима больше благоприятствовал Деметрию, чем Кассандру: побежденный и отброшенный почти что в свою Македонию, последний нуждался в союзниках больше, чем его противник.

Вскоре после первой попытки Кассандр предпринял новую: видя усиление «могущества эллинов» (недавнее образование новой Коринфской лиги) и опасаясь в скором будущем нападения, Кассандр, царь Македонии, как пишет Диодор, отправил посольство к Антигону в Азию, чтобы начать с ним переговоры. Но отец Деметрия, вдохновленный своими победами 303 г. до н.э. и не желавший, может быть, упускать случая разбить одного из своих соперников, ответил, что соглашение возможно только в одном случае — сдачи Кассандра на милость победителя и полного подчинения ему. «Подавленный» стратег Европы, указывает Диодор, решил постараться возродить коалицию 315—311 гг. до н.э. Сначала он обратился к Лисимаху, к которому, по словам того же историка, он обращался во времена страшной опасности. И это вполне понятно:

Фракия, где правил Лисимах, соседствовала с Македонией. Как известно, Лисимах очень эффективно защищал свою сатрапию в 313 г. до н.э. Но он, естественно, мог опасаться, что в случае победы Деметрия над Кассандром, Фракия, находившаяся восточнее Македонии, будет без особого труда атакована и завоевана. Исходя из этого, он имел полный резон объединиться с царем Кассандром.

Вскоре к этому тяжелому дипломатическому поражению Антигона добавилось другое, еще более серьезное: «Обсудив свои общие интересы,— пишет Диодор, — цари [т.е. Лисимах и Кассандр] отправили послов к египетскому царю Птолемею и повелителю верхних сатрапий Селевку, чтобы указать им на опасность, которая действительно угрожала всем диадохам: захватив Македонию, Антигон завоевал бы и другие царства. Разве он не доказал уже, что стремится «безраздельно господствовать в империи?»¹⁴⁷

Все были заинтересованы образовать коалицию против честолюбивого Антигона. Этот призыв увенчался успехом: в 302 г. до н.э. коалиция 315 г. до н.э. была возрождена. О том, как шел процесс объединения сил коалиции, в исторической литературе имеются различные суждения. По мнению Дройзена, Кассандр и Лисимах почти не надеялись, что Птолемей и Селевк выкажут готовность присоединиться к коалиции. Они боялись, что первый предъявит большие требования. Между тем он добровольно принял их требования, так как, желая приобрести вновь влияние в Греции и вернуть Кипр, Палестину и Сирию, нуждался в союзниках¹⁴⁸. П. Клоше добавляет к этому, что Лагид вполне естественно страшился разгрома царей Македонии и Фракии. Антигон в этом случае, как хозяин Эллинского полуострова, проливов, Эгейского моря и западной Азии, рано или поздно мог пойти войной на Египет и заблокировать его¹⁴⁹. В свою очередь, Селевк, хотя и оставался в последнее время в стороне от западных конфликтов, понял, что обязан со всей своей энергией помочь Лисимаху и Кассандру: поход Деметрия в 312 г. до н.э. показал ему, насколько легко было атаковать Вавилонию, пройдя Сирию. Если Македония и Фракия были бы разбиты, то именно ему, Селевку, был бы нанесен «последний удар». Отсюда и совпадение интересов четырех диадохов, поставивших цель разбить мощь того, который хотел господствовать «над членами коалиции»: поделить между собой территории, оставленные за Антигоном по мирному договору 311 г. до н.э., и завершить «распад единой империи Александра». В общем, по мнению Дройзена, каждый член коалиции хотел остаться хозяином своей страны и, кроме того, получить часть владений Антигона¹⁵⁰.

Для выполнения этого намерения они даже не считали нужным вести переговоры или предъявлять ультиматум Антигону и не замедлили прибегнуть к оружию, открыв ему два фронта: один в Македонии — против Деметрия, другой в Азии — непосредственно против Антигона, чтобы дать бой главным его силам в его собственных владениях. Это было правильное стратегическое решение. Хотя силы коалиции в таком походе не могли значительно превосходить

силы Антигона, располагавшего огромными ресурсами сильно эллинизированной и пережившей хозяйственный подъем Малой Азии и пользовавшегося большой популярностью в Греции (это давало ему постоянный приток наемников), однако в этом случае создавалась возможность нанести Антигону удар в самое уязвимое место и использовать внутреннюю непрочность его державы. Тем не менее положение Антигона по-прежнему казалось предпочтительным, так как он мог воспользоваться преимуществами более коротких операционных линий для разгрома противника по частям. Однако действительность опрокинула некоторые самые радужные прогнозы.

Кампанию против Антигона решил начать Кассандр. Отправив часть своих войск Лисимаху, он с остатком своей армии проник в Фессалию, чтобы там напасть на Деметрия и войска Эллинской лиги. В это же время Лисимах направил из Фракии в Азию усиленную армию, успех которой лишил Антигона доброй части морских баз Азии. Сам Лисимах на подступах к Геллеспонту осадил важный пункт Абидос, падение которого серьезно ослабило бы связи Антигона с Эгейским морем. Но Деметрий тогда смог послать достаточное количество подкреплений, чтобы заставить царя Фракии снять осаду Абидоса. Это не остановило продвижение Лисимаха, которому удалось подчинить Геллеспонтскую Фригию, проникнуть в Великую Фригию — в самое сердце первых владений Антигона — и захватить немалые сокровища ¹⁵¹.

В целом, первые месяцы войны были отмечены, по крайней мере в Малой Азии, очень заметным ослаблением позиций и ресурсов Антигона ¹⁵². Его редкие успехи носили оборонительный характер, и множество городов попало в руки его врагов.

Узнав о завоеваниях Лисимаха и измене части его командиров, Антигон проник в Каппадокию, затем подчинил мятежников Великой Фригии и Ликий ¹⁵³. Но царь Фракии был осторожен и решил не связываться в сражение всеми силами, которыми располагала в Азии коалиция: он намеревался тогда избежать всякого рискованного столкновения до прибытия войск Селевка из верхних сатрапий. А пока он занял крепости и ждал в сильно укрепленном лагере штурма Антигона. Последний выстроил своих солдат к битве и бросил вызов своему врагу, который не двигался с места. Опасаясь голода, Лисимах ночью свернул лагерь и направился к крепости Дорилея, расположенной в 400 стадиях от первого лагеря и в изобилии имевшей продовольствие. Он расположился там за глубоким ровом и тройным укреплением полисад. Антигон показался с большим количеством катапульт, но Лисимах и здесь уклонился от прямого столкновения и под прикрытием темной грозовой ночи отвел своих воинов от Дорилеи. Двинувшись на Север, он расположился на зимовку в Вифинии. Антигон его некоторое время преследовал, но сильные дожди размыли дороги, и он был вынужден остановиться; вскоре он расположился на зимние квартиры, так и не сумев полностью возвратить Малую Азию, которая отдавалась ему по договору 311 г. до н.э. В свою очередь, Лисимах зимовал на Вифинийской равнине, в месте, богатом зерном и пастбищами, южнее

Гераклеи Понтийской, откуда он имел возможность обильно пользоваться продовольствием¹⁵⁴.

Если против Антигона в Малой Азии выступил Лисимах, то в Греции против Деметрия сражался Кассандр. Первый завоевал Фессалию и занял Фермоны, в то время как Кассандр захватил Феры, передний порт которого Пегасы служил рынком сбыта фессалийских товаров, а также Фивы Фтиотидские. Вскоре две неприятельские армии раскинули лагерь друг против друга: Кассандр имел под своим командованием 31 тыс. пеших и конных воинов. В распоряжении Деметрия имелось 1500 всадников, 8 тыс. пеших македонян, 1500 наемников, 2500 солдат Эллинской лиги и 8 тыс. легковооруженных. Всего 21 500 человек. Однако в данном случае дело до решающего сражения не дошло. Несколько дней противники ждали, каков будет исход столкновения в Азии. Антигон, узнав о приближении Селевка со значительными силами, приказал своему сыну выступить со своей армией из Македонии в Азию и прийти на помощь. Прежде чем отправиться на помощь своему отцу, Деметрий заключил с Кассандром договор, который мог вступить в силу только после утверждения Антигона.

Полиоркет, как пишет Диодор, знал, что его отец решил урегулировать конфликт вооруженным путем, но сам он не хотел покинуть Европу как беглец; поэтому он вставил в договор условие, соответствовавшее результатам операций 303 г. до н.э. и требовавшее автономии греческим городам Европы и Азии¹⁵⁵. Прибыв в Азию, Деметрий раскинул лагерь под стенами Эфеса; гарнизон, поставленный в этот город наместником Кассандра и Лисимаха, был вынужден покинуть город, и его заменили солдаты Полиоркета. Затем последний, которому воздали почести, собирався возвратить Лампсак, Парион и другие города. После них он захватил выход из Понта Эвксинского, разместил возле Халкедона 3 тыс. пехотинцев и 30 кораблей и расположился на зимние квартиры. В то же время Кассандр воспользовался отъездом своего противника, чтобы захватить вновь фессалийские города, которые успел завоевать Деметрий.

В это время в Эпире в результате восстания на престол вступил Неоптолем, ставленник Кассандра. Это событие значительно улучшило положение последнего, который даже получил возможность отправить Лисимаху 12 500 человек пехоты и конницы. Но, имея недостаток в средствах передвижения, эта армия должна была разделиться на три части, две из которых в конце 302 г. или в начале 301 г. до н.э. были захвачены в плен береговой охраной Полиоркета или разбиты бурей¹⁵⁶. В это же время, по словам Диодора, союзник Кассандра и Лисимаха Птолемей покинул Египет и захватил Сирию (Келесирию). Во время осады Сидона он узнал, что Лисимах и Селевк, наконец, соединились, но были отброшены к Гераклею Понтийской, и Антигон движется на Сирию. Сообщение было совершенно невероятным, но Птолемей ему поверил (или сделал вид, что поверил). Во всяком случае, он поспешил заключить перемирие с Сидоном, оставил гарнизоны в покоренных городах и вер-

нулся к дельте, где осенью 306 г. до н.э. так эффективно сопротивлялся Деметрию и Антигону¹⁵⁷.

До начала 301 г. до н.э. силы коалиции были еще разделены: большая часть армии Кассандра оставалась в Македонии и Греции; армия Лисимаха - во Фракии и на севере Малой Азии; армия Лагида - в Сирии (Келесирии) и особенно в Африке, а войска Селевка, роль которых будет решающей, только что прибыли в Каппадокию. В момент прибытия туда эти войска насчитывали 20 тыс. пехотинцев, 12 тыс. всадников и конных лучников, 480 слонов и больше сотни боевых колесниц. В начале или весной 301 г. до н.э. эти внушительные силы должны были соединиться с силами Лисимаха, который нуждался в поддержке, так как 2 тыс. его воинов — ликийцев и ламфинян — только что перебежали в лагерь Антигона.

Летом 301 г. до н.э. диадохи были полны решимости разрешить конфликт вооруженным путем¹⁵⁸. Они организовали скоординированное коалиционное наступление. Местом для решающего сражения Антигон избрал широкую долину Ииса во Фригии, в центре Малой Азии, возле которой находились зимние лагеря его войска¹⁵⁹. Это показывает его уверенность в победе, его нежелание утомлять войска сложными маршами по гористым местностям, тем более что большая численность этих войск затрудняла быстрое развертывание. Верный своей стратегии сокрушения, Антигон даже не попытался маневрировать для разъединения подошедших противников, вероятно, из-за опасения дезорганизовать свою огромную армию. Стянув все силы воедино, он выждал подхода соединенных сил Лисимаха, Селевка и Кассандра. (Последний на поле боя не присутствовал, его замещал младший брат — Плейстарх.)

По утверждению П. Жуге, битва при Иисе была одной из самых ужасных в этом столетии. Она была одной из крупнейших в военной истории древнего мира вообще. В ней с обеих сторон участвовало свыше 150 тыс. человек. Армия Антигона значительно превосходила противников по численности пехоты и, несколько уступая в числе всадников, была выше по качеству этих родов войск. В ее составе было около 70 тыс. пехотинцев, в основном организованных в фалангу, 10 тыс. всадников и 75 слонов. Не менее половины армии составляли наемники. Его противники имели 74 600 солдат. Им были приданы, кроме регулярной конницы, созданной по македонскому образцу, отряды конных лучников и беспрецедентный по своей численности отряд из 480 индийских боевых слонов, подаренных Селевку Чандрагуптой. Кроме того, обе стороны имели значительные отряды боевых колесниц. Такие массы войск, в несколько раз превышавшие обычную численность участвовавших в битвах домашнего периода в истории войн, делали армии трудноуправляемыми в военных операциях.

По своему общему замыслу, по составу войск, по предварительной диспозиции сражение при Иисе очень напоминало знаменитую битву Александра при Гавгамелах. Антигон располагал испытанными в боях и уверенными в себе войсками европейского регулярного типа, в то время как его противники в значительной мере были

вынуждены укомплектовать свои войска варварскими подразделениями, фракийцами и азиатами, мало приученными к регулярному строю. Поэтому Антигон вместе с Деметрием приняли решение опрокинуть противника комбинированным ударом конницы и фаланги, как это делал в свое время Александр. Они намеревались сосредоточить конницу на одном фланге, разгромить сильнейшую группировку неприятельской конницы и решить судьбу сражения. Это повторяло план битвы при Гавгамелах. Однако данный замысел не мог быть осуществлен в полной мере, так как на этот раз регулярной армии противостояли хотя и «варварские» контингенты, но более организованные, чем раньше, и руководимые на уровне права тогдашней современной военной науки.

Сражение началось атаками колесниц с обеих сторон, которые не дали никакого эффекта, так как колесничие прыгивали с колесниц еще до сближения с противником. Затем ударная конница Деметрия стремительно атаковала тяжелую конницу врага, которой командовал сын Селевка Антиох, с трудом потеснила ее и бросилась преследовать. Именно в этот момент Селевк ввел в бой своих слонов, которые образовали живой барьер, отделив конницу Деметрия от пехоты Антигона, против которой были брошены отряды копейных лучников. Слоны, по всей вероятности, не представляли для фаланг Антигона серьезной угрозы, так как легкие подвижные заграждения в виде досок, утыканных острыми гвоздями и горючих средств, были уже хорошо известны. Опасность их заключалась в том, что они смогли надежно отделить войска Деметрия от войск его отца и воспрепятствовать переходу фаланг в атаку. Мало того, пехота Антигона в ожидании конницы Деметрия несколько часов стояла под обстрелом. Плотность живой силы привела к большой эффективности обстрела, к замешательству и дезорганизации. Началось бегство, которое не смог приостановить даже такой крупный полководец, как Антигон. Этот 80-летний воин, не терявший надежды на победу, сражался до тех пор, пока не рухнул на землю, пронзенный дротиками. От его многочисленной армии, которую современники преувеличенно называли «необъятной», осталось только 9 тыс. человек пехоты и конницы, которые под предводительством Деметрия, нигде не останавливаясь, добрались до крепости Эфеса¹⁶⁰.

Так закончилась крупнейшая битва IV в. до н.э. Она имела важные военные и социально-политические последствия. Она доказала, что азиатская тактика ведения войны взяла верх над тактикой европейской. Фаланга здесь показала свою полную беспомощность перед иррегулярной азиатской конницей и была практически уничтожена. Те же, по существу, восточные формирования, которые терпели жесточайшие неудачи во время войн Александра, на этот раз одержали победу благодаря применению чисто военных приемов. В стратегическом плане поражение Антигона было следствием его агрессивной авантюристической внешней политики. Стратегия сокрушения, которой Антигон придерживался вслед за Александром, включала в себя активность, решительность, правильное сос-

редоточение сил. Но в данном случае эти положительные качества такой стратегии не были достаточно последовательно проведены, вследствие этого действия Антигона и Деметрия вели лишь к частным успехам, не подкреплявшимся уничтожением противника. Недостаточное внимание к укреплению внутренней связи отдельных частей государства, подмена государственного управления экстраординарными поборами и прямым произволом военной администрации и перенапряжение экономики из-за военных затрат и огромных взяток крайне тяжело отражались на положении большей части населения и порождали центробежные тенденции.

Со смертью Антигона рухнули его необъятного размаха замыслы о государственном единстве, о безраздельном господстве в империи Александра¹⁶¹. Эта мечта, возможно, тревожила Деметрия, но он пытался осуществить ее больше как авантюрист, чем политик. П. Жуге предполагал, что, возможно, она мелькнула в голове Лисимаха и Селевка, но то был блеск молнии, предшествующей катастрофе¹⁶². Трудно сказать, что было в голове этих двух победителей Антигона. Но ясно одно: их практические действия шли вразрез с идеей единства империи. Эта идея вместе с ее инициатором была убита в сражении при Ипсе, развязавшем центробежные силы и сепаратистские тенденции диадохов.

§ 3. Усиление сепаратистских тенденций. Конец диадохов

Результатами победы в сражении при Ипсе воспользовались не все члены коалиции равномерно. Это обстоятельство создало почву для новых разделов и столкновений. Птолемей, который не оказал никакой помощи своим союзникам во время трудных и решительных операций в Малой Азии, ничего не получил из владений побежденного Антигона. Большую часть антигоновских владений захватили два победителя при Ипсе: Лисимах и Селевк. О подробностях их приобретений мы в значительной мере узнаем из отрывка Аппиана. Селевк получил управление над Сирией между Евфратом и морем и Фригией до середины этого района. Кроме того, он завладел Месопотамией, Арменией, Каппадокией, названной «Селевкидией», персами, парфянами, арабами, тапурами, Согдианой, Арахозией и Гирканией и всеми народами, которые покорил Александр, до Инда¹⁶³. В 301—300 гг. до н.э. Селевк присоединил к своим землям значительную часть западной Азии, до тех пор находившуюся под властью Антигона. Остальная Малая Азия должна была перейти к Лисимаху. Македония и Эллада остались за сыном Антипатра, который не предъявлял никаких требований на азиатскую землю¹⁶⁴. Наконец, к своим приобретениям в Верхней Сирии и Малой Азии Селевк скоро присоединил другие земли, что очень обеспокоило его бывшего союзника Птолемея. Как указывает Диодор, он вторгся в Финикию во главе своей армии и «в силу заключенного договора начал захватывать Сирию (Келесирию)». Но Лагид занял там много городов и стал сетовать, что такой «друг», как Селевк, стремится

Птолемей.

ся завладеть областью, которой владел он, Птолемей. Последний также порицал «царей», отказавших ему в участии в разделе территорий, принадлежащих Антигону, мотивируя это тем, что ему не пришлось участвовать в борьбе против последнего. На это Селевк возразил, что те, которые одержали победу в битве, с полным правом должны остаться повелителями завоеванной страны.

Так возникла почва для новых столкновений и конфликтов. Положение побежденного сына Антигона после битвы при Иссе еще больше обостряло обстановку. Неся значительные потери, он всеми способами стремился улучшить свои позиции. После недолгого пребывания в Эфесе Деметрий высадился в Киликии, где находилась его мать Стратоника, и вместе с ней, захватив большую сумму денег, направился в Саламин на Кипре¹⁶⁵. Оттуда он готовился переехать в Атику, возлагая «большие надежды» на чувства афинян, которым он оставил свои корабли, добычу, жену Дедамею — сестру царя Эпира Пирра. Но эти надежды не оправдались. Во время

пересечения Кикладских островов он встретил послов Афин, которые предложили ему не приближаться к их городу, ибо народное собрание решило запретить доступ в город всем монархам. Дедамейя, жена его, была отправлена в Мегару со всеми почестями и надлежащей свитой. Узнав эти новости, Полиоркет, естественно, очень разгневался, но, учитывая свои обстоятельства, ограничился осторожными протестами и потребовал возвращения кораблей, оставленных им в Пирее. Как только они ему были возвращены, он поплыл на Коринфский перешеек¹⁶⁶. Утрата дружбы афинян была для Деметрия тяжелым ударом, ибо вместе с ней он лишился очень важной морской, финансовой и моральной поддержки¹⁶⁷. Афинянами был принят декрет, который запрещал Полиоркету доступ в Пирей и лишил его в Греции богатых и знаменитых союзников. Оторванные от Полиоркета, Афины жили в мире не только с Лисимахом, но и с Кассандром.

Положение и влияние Полиоркета ослабевают не только в Аттике. Сообщив, что он направился к Коринфскому перешейку, Плутарх добавляет, что и там он нашел свои дела в плачевном состоянии: его гарнизоны были изгнаны отовсюду или же перешли на сторону врага¹⁶⁸. Не лучшие обстояли его дела и в Западной и Центральной Греции: этолйцы, заключившие союз с беотийцами, также порвали с сыном Антигона¹⁶⁹. Но даже в таких тяжелых условиях Деметрий не приходил в отчаяние и был готов к решительным действиям.

Почти полностью утратив свое влияние и позиции на Эллинском полуострове, он оставил там молодого Пирра эпирского, который храбро сражался при Инсе в рядах антигоновской армии¹⁷⁰, а сам вышел в море, чтобы напасть на владения Лисимаха, интересы которого так хорошо служили новой политике Афин. Он высадился на плодородном Херсонесе Фракийском, разграбил его богатства, раздал огромную добычу своей армии и, добавляет Плутарх, сохранил тем самым под своим командованием немалые силы. Характерно, что царь Фракии не получил никакой поддержки от своих бывших союзников. Биограф Деметрия объясняет это, во-первых, тем, что они считали его дело не более важным, чем дело противника, во-вторых, и это более правдоподобно, тем, что Лисимах был намного «сильней и опасней», чем сын побежденного при Инсе¹⁷¹.

Но Деметрий скоро одержал еще более плодотворную дипломатическую победу, чем его грабежи Херсонеса: он сблизился с Селевком, который стал безразличным к несчастью Лисимаха. При этом инициатива сближения исходила от Селевка, и началось оно с заключения брачных уз. «Немного спустя [после высадки Полиоркета в Херсонесе], — говорит Плутарх, — Селевк, имея уже сына Антиоха от жены Апамы — дочери Спитамена, попросил у Деметрия руки его дочери Стратоники, которая была рождена от брака сына Антигона с Филой — дочерью Антипатра»¹⁷². Царь Вавилонии, Персии, Сирии, Фригии полагал, что его многочисленные владения могут иметь не только одного наследника. Кроме того, он хотел получить поддержку против своих двух коллег — Лисимаха

и Птолемея, которые, в свою очередь, в это время сблизились: Лисимах попросил у Лагида руки одной из его дочерей, а для своего сына Агафокла просил руки сестры этой принцессы, т.е. отец и сын просили руки у двух дочерей Птолемея¹⁷³.

Чем объяснить подобное сближение Лисимаха и Птолемея? Без сомнения, оно объясняется опасением, которое им внушали политика и могущество Селевка, который довольно широко распространил свою власть в Малой Азии (особенно в Армении и Каппадокии), чтобы встретить Лисимаха, ставшего хозяином значительной части полуострова. Больше того, имея в своем владении Сирию (согласно недавнему соглашению) и угрожая городам Келе-сирии, занятой Птолемеем, он становился опасным и для царя Египта. Следовательно, было весьма естественным, что Птолемей и царь Фракии сблизились против могущества человека, участие которого в войне с Антигоном было решающим. Вполне естественным было и то, что Селевк в ответ на родившуюся коалицию заключил союз с врагом Лисимаха — Деметрием, военные ресурсы которого не были совершенно ничтожными, а морские силы остались значительными.

Считая за непредвиденную удачу «этот союз с Селевком, — говорит Плутарх, — сын Антигона забрал свою дочь и со всем своим флотом направился в Сирию». Первая встреча Полиоркета с победителем при Иссе в северной Сирии, если верить Плутарху, была совершенно чистосердечной, лишенной всякого подозрения и поистине «царской». После того, как Деметрий был приглашен Селевком на пир в центре своего лагеря, сам Селевк был тоже приглашен сыном Антигона на знаменитый корабль, имевший тринадцать рядов весел. Два человека проводили дни в беседах, и у них не было ни стражи, ни оружия. В конечном счете, в 300—299 гг. до н.э. Селевк увез в свою столицу Антиохию обаятельную дочь Деметрия Филу¹⁷⁴. Таким образом, за полтора-два года после битвы при Иссе коалиция, основанная в 302 г. до н.э. против Антигона и его сына, не только развалилась, но даже образовались две новые группировки: одна включала Селевка и Деметрия, а другая — Птолемея, Лисимаха и Кассандра¹⁷⁵.

Из союза с Селевком Деметрий не замедлил извлечь пользу¹⁷⁶. Пока его могучий союзник временно стоял в стороне от конфликтов, он возобновил борьбу с братом Кассандра — Плейстархом и занял всю или часть Киликии. Это событие, пишет Плутарх, немедленно последовало за заключением брака Селевка и Стратоники. Чтобы опровергнуть обвинения Плейстарха, Деметрий отправил свою жену Филу к Клеопатре, сестрой которого она была¹⁷⁷. Лисимах сделал напрасную попытку заставить своего «смертного врага Деметрия» снять осаду с Киликийского города Сола¹⁷⁸. Возможно, что сын Антигона не довольствовался нападением (с одобрения союзника Селевка) на царя Фракии и брата Кассандра. Он считал, что Птолемей тоже может быть мишенью его деятельности: хроника Евсевия показывает нам Деметрия, напавшего и захватившего одно из владений Лагида — сирийский город Самарию¹⁷⁹. Таким образом,

за довольно короткий срок сыну побежденного при Иссе полководца удалось (главным образом благодаря дипломатической поддержке наиболее мощного победителя) несколько ослабить последствия разгрома 301 г. до н.э. Но скоро его положение заметно усложняется.

Сообщив о захватах Полнокрета в Киликии и отправке Филы к Кассандру, Плутарх нам показывает Деметрия, примирившегося с Птолемеем (у которого он захватил Самарию) через посредство Селевка. Это примирение проявилось в обручении Полнокрета, после смерти его второй жены Дедамеи — сестры царя Пирра, с дочерью Лагида — Птолемеей. Кроме того, сам Пирр, оставленный в Греции Деметрием, должен был покинуть эту страну и отправиться в Египет в качестве заложника¹⁴⁰.

Плутарх не указывает причины сближения между Деметрием, Птолемеем и Селевком, но можно выдвинуть по этому поводу некоторые гипотезы. Известно, что это примирение состоялось по инициативе и при посредстве Селевка¹⁴¹. Такое поведение последнего можно было бы объяснить тем, что он стремился установить равновесие между могуществом Птолемея и Деметрия, которое считал полезным или необходимым для собственного дела.

Надеясь извлечь выгоду из этого компромисса, он меньше всего заботился о своем союзнике Деметрии, которому предложил передать за некоторую сумму денег Киликию, недавно завоеванную сыном Антигона у Шлейстарха. Селевк исходил из того, что передача ему этой страны Полнокретом еще лучше укрепила бы его господство в Сирии. Однако Деметрий не принял этого предложения, и Селевк, полный гнева, потребовал от него города Тир и Сидон, оставшиеся во владении сына Антигона после битвы при Иссе. Деметрий не подчинился и этому требованию. По словам Плутарха, он гордо заявил, что даже если он получит десять тысяч поражений, то не станет все равно «наемным другом» своего зятя. Готовясь к сопротивлению, он разместил гарнизоны в городах, которые требовал Селевк¹⁴². Впрочем, на этот раз дело до конфликта не дошло. Этот эпизод свидетельствовал лишь о том, что каждый из диадохов думал только о своих личных интересах, предав забвению интересы самой империи. Впрочем, ее положение через три-четыре года после битвы при Иссе заметно изменилось. Большие и важные изменения касались Деметрия: сильно ослабленный, презираемый или ненавидимый в 301 г. до н.э., этот человек показал себя способным, благодаря морским и военным ресурсам, которыми еще располагал, и благодаря исключительной энергии, восстановить свой престиж и влияние, вновь занять видное положение в международной политической жизни, заручившись поддержкой одного из наиболее могущественных преемников Александра, и совершить заметные приобретения.

Положение Лагида, напротив, ничуть не улучшилось. Его отстранение от участия в разделе антигоновских владений в 301 г. до н.э. не было ничем компенсировано. Сирия постоянно находилась под властью Селевка. Тир и Сидон оставались в руках Антигона,

который захватил Самарнию; под угрозой была и Сирия (Келесирия). Наметившееся примирение между Лагидом и Полиоркстом еще не было завершено, тем более, что сторонник этого примирения стал врагом Деметрия.

Равным образом ослабили позиции Лисимаха — царя Фракии и части Малой Азии. Он утратил дружбу сильного союзника 302—301 гг. до н.э., а находившаяся на фланге его азиатских владений Киликия попала в руки наиболее ожесточенного врага Деметрия. Еще более худшим было положение македонского царя Кассандра, жизнь которого близилась к концу: болезнь с некоторого времени подтачивала его здоровье. Он умер весной 297 г. до н.э., оставив своему старшему сыну Филиппу, который пережил отца на четыре месяца, обширное царство. Но военная мощь и престиж некогда влиятельного царя серьезно ослабли задолго до битвы при Иссе, а события трех последних лет не могли укрепить его положения. Лишенная совершенства и блеска деятельность Кассандра, в широкой мере опиравшаяся на грубую силу и коварство, оказалась недолговечной.

После себя он не оставил наследника, способного защитить Македонию от угрожавшей ей опасности. Старший из его сыновей — Филипп, которому было лишь 18 лет, едва пережил отца, а два младших его брата — Антипатр и Александр — стали македонскими царями; первый получил в управление восточную Македонию, а второй — западную, включая Фессалию. Оба они находились под опекой своей матери Фессалоники. Спустя некоторое время, Антипатр, ставший, вероятно, совершеннолетним, потребовал раздел власти уничтожить, поскольку разделение приносит Македонии вред. Регентша не послушалась его, и Антипатр, оставаясь глухим к ее мольбам, садистски зарезал ее. С этой сестрой Александра Македонского по отцу исчез последний представитель фамилии Аргеадов, которую так усердно истреблял отец Антипатра¹⁸³. Жестоко расплатившись со своей матерью, Антипатр изгнал из Македонии своего брата Александра, который попросил помощи одновременно у Деметрия и у Пирра. В эти годы Деметрий был поглощен наступлением на Грецию, используя для достижения своих целей социальную борьбу в греческих государствах. Прежде всего это касалось Афин, против которых были приняты жестокие экономические санкции¹⁸⁴.

Завоевав господство на море, благодаря 300 кораблям, которые были присланы Деметрию из Кипра и Пелопоннеса, он смог серьезно помешать снабжению Афин, терроризируя главных импортеров их продовольствия: если корабль вез зерно для афинян и попадал к нему в руки, то он вешал и торговца, и капитана судна. По словам Плутарха, эти казни ужаснули остальных торговцев, и они не решались следовать примеру казненных. Поэтому в городе начался голод, ибо он был лишен не только зерна, но и других продуктов питания, или же их было в очень малом количестве — отсюда и сильное вздорожание продуктов питания. Соль и пшеница, в частности, продавались по чрезмерно вздутым ценам. Но даже

в этих условиях афиняне не собирались капитулировать: под нажимом тирана Лахара они приняли декрет, по которому должен был приговариваться к смертной казни каждый, кто заговорит о мире и соглашении с врагом. Лахар, кроме того, не терял надежды на внутренние противоречия между диадохами, будучи уверен в том, что соперники Деметрия в Азии и Египте вряд ли желают его усиления. Один из них, Птолемей, отправил на помощь осажденным обоз с продовольствием из 150 кораблей, которые добрались до вод Эфиопии. Но Полиоркет выставил против них двойное количество кораблей, и караван судов Лагида не осмелился продолжать свой путь и обратился в бегство. Отступление египетских судов сделало положение Лахара безнадежным. Ему ничего не оставалось делать, кроме как покинуть Афины и укрыться в Беотии¹⁶⁵.

Это бегство тирана позволило афинянам покончить с войной, которая принесла им жестокие страдания. Сопровождение было прекращено, и Деметрий вступил в город. Он собрал жителей в театре и поставил вооруженных воинов вокруг сцены. Затем на манер трагических актеров сошел с верхних ступеней и начал произносить речь, в которой воздержался от гневных возгласов и горьких слов, но лишь мягко и дружески упрекнул афинян. Кроме того, он раздал им 100 тыс. медимнов пшеницы и назначил должностных лиц из числа людей, наиболее близких к демосу. За это Деметрию была устроена бурная овация, а оратор Драмоклид, который недавно вынес постановление о больших почестях сыну Антигона, предложил принять декрет, который предусматривал передачу Пирея и Мунхия в руки «царя Деметрия»¹⁶⁶. Народное собрание приняло это предложение. Затем, действуя на этот раз от своего имени, он разместил гарнизон, чтобы помешать демосу еще раз выступить против него и чинить ему «другие пренятствия»¹⁶⁷. Таким образом, избавившись от тирана Лахара, афиняне обрели господина.

Итак, в конце 295 или в начале 294 г. до н.э., Полиоркет завоевал самый крупный город Эллады, который семь лет тому назад он был вынужден покинуть, чтобы в Азии присоединиться к отцу, находившемуся в опасном положении. Но к захвату Афин он хотел немедленно присоединить самый знаменитый город Пелопоннеса. И с этой целью весной или летом 294 г. до н.э. двинулся против Спарты. Плутарх, рассказ которого сравнительно подробен, сообщает, что сын Антигона двинулся на Лакедемон «тотчас же» после захвата Афин. Он находился еще довольно далеко от Лаконии, когда недалеко от Мантиней (в северо-восточной Аркадии) столкнулся с армией спартанского царя Архидама IV. Последний ринулся ему навстречу, но был разбит и обратился в бегство. Немного позже он проник в Лаконию и близ Спарты одержал вторую победу, которая вывела из строя 700 лакедемонян. Деметрий будто бы мог довольно легко захватить город¹⁶⁸, но, как указывает Плутарх, отказался от этой операции, потому что получил тогда неприятные известия относительно некоторых его владений: Лисимах захватил города Азии, а Птолемей наложил руку на Кипр. Все города крупного ос-

грова были в руках Лагида, за исключением Саламина, где были блокированы мать Полиоркета — Стратоника и его дети. «Фортуна». заключает Плутарх, помешала Деметрию завоевать Спарту¹⁹⁰. Во время отступления его армия была даже атакована на труднопроходимой дороге, и множество солдат арьергарда было ранено. Но Деметрий сделал заграждение из повозок в самом узком месте и поджег их, после чего преследование вскоре прекратилось¹⁹⁰.

Но если сын Антигона не сумел навязать Спарте участь Афин, то скоро на севере Балканского полуострова он добивается блестящего и выгодного приобретения: подчиняет страну, где положение после смерти Кассандра было очень тревожным и, в дела которой уже вмешался эпиротский царь Пирр, который с 295 г. до н.э., по утверждению Плутарха, вынашивал широкие замыслы¹⁹¹. На этой, обильно политой кровью македонской земле, столкнулись интересы двух родственников, двух честолюбивых полководцев — Пирра и Деметрия.

Воспользовавшись приглашением одного из македонских царей, Пирр тотчас направился в Македонию и потребовал у Александра за услугу, которую он готовился ему оказать, уступить Тимфею, т. е. верхнюю долину главной фессалийской реки Пеней. Парауею (местонахождение которой строго не установлено) — страну, которая со времен Филиппа II принадлежала Македонии; Амбракию, Акарнанию и Амфилох — город и страну, завоеванную Кассандром. Александр удовлетворил все эти требования, и Пирр поставил гарнизоны в этих пунктах, лишившихся, таким образом, своей независимости¹⁹². Затем он двинулся на Антипатра и захватил для Александра территории, которые у него отнял его брат. Антипатр рассчитывал на помощь фракийского царя Лисимаха, на дочери которого Эвридике — он женился¹⁹³. Но Лисимах вел тогда тяжелые военные действия против народов, живших по ту сторону Дуная, и не имел возможности поддержать оружием своего зятя.

Старый полководец пошел на хитрость. Зная, что Пирр готов выполнить все, что пожелает Птолемей, и ни в чем ему не откажет, Лисимах отправил эпиротскому царю письмо, якобы написанное Лагидом, в котором последний будто бы просил Пирра отказаться от похода и получить у Антипатра 300 талантов. Но, вскрыв письмо, эпиротский царь по манере письма догадался о подлоге Лисимаха и ответил ему упреками, хотя военные действия приостановил. Он опасался столкнуться с таким противником, как Деметрий, которого Александр тоже призывал на помощь и вмешательство которого могло быть угрожающим. Кроме того, восстановление македонского единства под властью одного из сыновей Кассандра представляло опасность для самого Эпира, для которого было бы лучше, чтобы старое царство Аргеадов оставалось разделенным между двумя враждующими братьями. Впрочем, Пирр вовсе не собирался отказываться от территорий, которые он занял в силу заключенного с Александром договора¹⁹⁴.

Вскоре в македонские дела вмешивается сын Антигона, тоже призванный Александром во время жестокой борьбы со своим бра-

том. Из Пелопоннеса, где он тогда находился, Деметрий преодолел Коринфский перешеек и двинулся на север через Фессалию и Темпейское ущелье, торопясь прибыть в Македонию. В Пнирийском городе Дион он встретил Александра, который устроил ему теплый прием и высказал свои дружеские чувства, но отказался от его помощи в связи с тем, что, благодаря вмешательству Пирра, его положение упрочилось. Это известие вызвало раздражение и разочарование Полиоркета, который решил жестоко наказать того, кого ему не удалось превратить в своего подданного и должника. Не высказав своего преступного намерения, он без возражений покинул Македонию, направляясь в Фессалию, куда его сопровождал Александр. Прибыв в Лариссу, они взаимно устраивали празднества и пиршества и одновременно строили друг против друга козни. На одном из таких пиршеств, по приказу Деметрия, Александр был убит вместе с теми, которые пытались ему помочь. Остальные подданные убитого пошли на перемирие с Полиоркетом, который своими действиями больше не причинял им вреда. Оставшийся в живых брат Александра Антипатр был им ненавистен, как убийца своей матери Фессалионики — сестры Александра Македонского, и поэтому они не могли желать лучшего монарха, чем Деметрий, которого они провозгласили «царем Македонии»¹⁹⁵.

Таким образом, в течение 296—294 гг. до н. э. Полиоркет заметно расширил свою власть в Греции и на севере этой страны: если обстоятельства и помешали ему завладеть Лакедемоном, зато он занял Афины, беспрепятственно проник в Беотию, затем в Фессалию, где легко избавился от того, кто призвал его на помощь, и захватил обширную и богатую территорию, многочисленных подданных Македонии, которую его отец тщетно старался избавить от господства Кассандра двадцать лет тому назад.

Плутарх сообщает нам, что, став хозяином Македонии и Фессалии и владея, кроме того, большей частью Пелопоннеса, Мегарамы и Афинами, Полиоркет двинулся в Беотию, жители которой не оказывали ему никакого сопротивления, предложив «союз» и «дружбу»¹⁹⁶. Объяснение этому событию дает Полиен, который указывает, что когда Деметрий послал беотийцам объявление войны и раскинул лагерь возле Херонен, беотийцы, отрезанные от этольцев — своих союзников, вынуждены были немедленно покориться¹⁹⁷. Правда, Беогия недолго находилась под властью Деметрия. Она неоднократно восставала против этой власти.

Расширение власти и престижа Деметрия раздражало и беспокоило царя Эпира, который стремился к новой борьбе за раздел сфер влияния. И она вскоре началась между ними. Эта борьба с той и с другой стороны была очень яростной¹⁹⁸. Полиоркет обильно опустошил Эпир, а когда вскоре «опасная болезнь» свалила его в Пелле, Пирр поспешил в Македонию. Он продвинулся до города Эдессы, не встречая сопротивления. Многие жители даже присоединились к завоевателю. Но вскоре положение изменилось: вылечившись или превозмогая свою слабость, сын Антигона ответил противнику. Его друзья и командиры, по свидетельству Плутарха,

быстро собрали значительные силы, которые без особого труда изгнали армию, стремившуюся опустошить страну. Во время отступления Пирр потерял часть своих воинов.

Лелбя обширные планы завоевать полностью земли, где царствовал его отец, Деметрий, по данным Плутарха, собрал 110 тыс. человек пехоты и конницы и начал (или собирался) строить в Пирее, в Халкиде, в Коринфе и Пелле флот в 500 кораблей, многие из которых были в пятнадцать-шестнадцать рядов весел¹⁹⁹. Чтобы успешно и спокойно осуществить задуманное грандиозное мероприятие, нужно было заключить мир с соседом, который уже покорил и ограбил Македонию и мог даже завоевать ее, пока Деметрий воевал бы на Эгейском море и в Азии. Речь идет о договоре с Пирром 289 г. до н. э. О содержании этого договора Плутарх ничего не говорит. По всей вероятности, он предусматривал некоторые преимущества для эпирского царя и этолийцев союзников Пирра²⁰⁰. Какими большими ни были бы уступки Полиоркета, он все же сохранял в целом свои македонские и эллинские владения и большую часть своих военных, морских и финансовых ресурсов. Правда, близился час, когда начнется упадок могущества, которое постепенно и неуклонно усиливалось в течение восьми последних лет.

В последующие годы (288—283 гг. до н. э.) сын Антигона терпит вначале в Европе, а затем в Азии серию тяжелых поражений, которые привели его к крушению. Началось с того, что македоняне постепенно стали отдаляться от Деметрия, которого они упрекали в роскоши и спеси. В самом деле, он имел внушительный вид настоящего монарха трагедии, на голове его красовалась двойная диадема, а платье и обувь были из пурпура, отделанного золотом. На его великолепной мантии были вышиты разные небесные чудеса. К этой театральной роскоши добавлялись непомерные расходы на царские пиры. Еще более ненавистной для подданных Деметрия была стена отчуждения, которую он воздвиг между собой и ими: он почти не разговаривал с ними, а если и соглашался их выслушать, то был нетерпимо груб со своими собеседниками. Хотя к афинянам он относился более внимательно, чем к другим эллинам, но все же заставил одного афинского посла два года ожидать аудиенции. Кроме того, он был очень раздражен тем, что Лакедемон не прислал к нему ни одного посла. Наконец, он с презрением встречал ходатайства македонян, которым подобное отношение казалось больше «оскорбительным», чем подлинно «царским», и они сожалели, справедливо или нет, о Филиппе²⁰¹.

Но еще более опасными для Полиоркета, чем гнев его оскорбленных подданных, подвергавшихся тяжелым налоговым обложениям в связи с военными приготовлениями, были тревоги, порождаемые набором войск и снаряжением кораблей бывшими членами коалиции: Фракии, Африки и Азии. Наибольшую угрозу, очевидно, представлял Лисимах, являвшийся непосредственным соседом царя Македонии, чье царство Деметрий чуть было не завоевал в 292—291 гг. до н. э. Без сомнения, он и явился инициатором новой

коалиции, которая положит конец власти Полнокрета на севере Эллады.

В 292 г. до н. э. был заключен договор Птолемея, Селевка и Лисимаха, вновь направленный против Деметрия. В это же время Лисимах отправил послов к царю Эпира, чтобы убедить его вторгнуться в Македонию и не принимать больше в расчет договор, заключенный им с сыном Антигона. Это предложение Пирр встретил сочувственно. Для такого решения у него было достаточно причин. Его жена Ланасса — дочь сиракузского царя Агафокла, раздраженная изменами мужа, оставила его и вернулась на остров Коркиру. Вскоре на ней женился Деметрий, который прибыл на остров и оставил там гарнизон²⁰². Отец Ланассы послал своего сына (тоже Агафокла) к своему новому зятю — царю Македонии, чтобы предложить ему заключить договор дружбы и союза. Деметрий устроил теплый прием молодому послу, щедро осыпал дорогими подарками и приказал одному из лучших своих друзей сопровождать посла на обратном пути. Этот новый союз с сиракузским царем, а также захват важного стратегического пункта Коркиры весьма облегчили Деметрию отношения с западными греками. Такое расширение власти и престижа македонского царя раздражало и, естественно, беспокоило царя Эпира, который имеет основание видеть угрозу безопасности своих берегов со стороны македонского гарнизона Коркиры. Полиоркет, который сначала колебался относительно открытия военных действий, был вынужден поддержать «великую войну»²⁰³.

В то время как Птолемей начал или собирался атаковать Деметрия в Азии, на Кикладах и в Греции, цари Фракии и Эпира напали на Македонию: один с востока, другой — с юго-запада (весна 288 г. до н. э.); оба страшно разграбили захваченные территории. Тогда Деметрий оставил в Греции сына Антигона Гоната, а сам поспешил на защиту своего государства. Вначале он двинулся против Лисимаха, который захватил Амфиполь²⁰⁴. Но вскоре узнал, что царь эпирский с чрезвычайной быстротой достиг Беройи и без труда овладел ею. Эта новость сильно взволновала солдат Полнокрета: в лагере слышались сетования и яростные вопли. Многие предлагали, пишет Плутарх, отступить под предлогом возвращения домой, а в действительности, чтобы примкнуть к армии Лисимаха. Тогда Деметрий решил приостановить операции против последнего и двинуться против Пирра — «иноземного» монарха, которого македоняне, по его мнению, не почитали так, как Лисимаха — македонского полководца. Но, добавляет Плутарх, он ошибся: как только ему с трудом удалось разместиться перед Беройей, множество его воинов, долгое время восхищавшихся храбростью царя Эпира и искусной воздержанностью, которую он обнаружил после победы, стали перебегать на его сторону, вначале тайно, потом открыто. Некоторые даже собирались потребовать, чтобы Деметрий отказался от короны и упрекали его в гордости и высокомерии, от которых они так страдали. В этом волнении были замешаны эпироты, посланные Пирром и выдававшие себя за македонян. Событие приняло такой

размах, что Полиоркет, отчаявшись обуздать волнение, вернулся в свою палатку, снял там богатый костюм, накинул на плечи коричневый плащ, надел шляпу с широкими полями (*жакбиа*) и тайком бежал. Его шатер был ограблен и разрушен. Но Пирр прекратил беспорядки и захватил лагерь; затем он был провозглашен «царем Македонии»²⁰⁵

Немного спустя после провозглашения Пирра царем Македонии и отдачи ему наследства Полиоркета Лисимах прибыл в Бероюю и заявил, что падение сына Антигона было вызвано его действиями и операциями царя Эпира; значит, нужно строго справедливо разделить Македонию между победителями. Пирр, не будучи совершенно «уверен» в македонянах, у которых царь Фракии Лисимах имел значительное влияние, не возражал против претензий последнего, вследствие чего земли и города Македонии были разделены²⁰⁶. Плутарх не дает точных сведений, каким образом это разделение происходило. Павсаний лишь указывает, что Пирр получил большую часть царства Деметрия, но тут же замечает, что «граница» между двумя образовавшимися государствами была «неизвестна». По всей вероятности, «восток отдал Фракии, а запад - эпирскому царю»²⁰⁷. Можно считать, как наиболее вероятное, что Аксий разделял македонские земли, занятые Лисимахом и Пирром²⁰⁸.

Так пало господство Полиоркета на севере Эллады после шести-семи лет царствования. Правда, он сохранял еще на полуострове сильные позиции, однако им угрожали устремления других монархов, а также некоторые процессы внутреннего развития. Вскоре были потеряны для него Афины. В этом городе, где всегда была оппозиция против Деметрия, она заметно оживилась после тяжелого поражения, нанесенного Лисимахом Полиоркету весной 288 г. до н. э. Успехи египетского флота - хозяина Кикладских островов - и его приближение к Пирею могли лишь усилить эту оппозицию.

В 288/7 и в 287/6 гг. до н. э. афиняне атаковали гарнизон Деметрия на холме Мизейском и захватили его²⁰⁹. Когда Полиоркет вернулся из Халкидики в Грецию, он начал осаду Афин, на которые был тем более зол, что они призвали на помощь Пирра. Но осаду до конца не довел. Афиняне просили начать переговоры. Деметрий уступил их просьбам, тем более, что недавние события показали ему, насколько Пирр, чья армия еще более возросла благодаря захвату Македонии, мог быть грозным противником. Ему пришлось снять осаду с Афин²¹⁰. Немного позже царь Эпира прибыл в Афины; он поднялся на Акрополь и принес жертву богине. В тот же день, покинув священный холм, он, восхищенный доверием, которое ему оказал народ, дал ему следующий совет: афиняне очень мудро поступят, если оставят (не допустят) никакого царя у себя²¹¹. Афины выразили ему свою признательность, воздвигнув в его честь статую²¹².

Пирр заключил с Деметрием мирный договор²¹³. Об этом договоре точных сведений мы не имеем: по всей вероятности, Полиоркет мог лишь признать господство Пирра в Македонии, а царь

Эпира, видимо, обязался уважать власть Деметрия в греческих районах, которые тот еще сохранял. Ничто не доказывает, что в переговорах участвовал царь Фракии. Что же касается царя Египта, то он не переставал запереть Пирра в искренней дружбе и помогал ему в заключении договора, способного поднять его престиж. Возможно, он хотел также избавить Полноркута от конфликтов в Македонии и Греции и тем самым облегчить его действия против диадохов Фракии и Сирии — открытых или возможных соперников царя Египта²¹¹.

Вскоре Деметрий покинул Элладу, где оставил своего сына Антигона Гоната защищать последние свои владения, и направился в Малую Азию во главе войск, немного уступающих тем, которые он мог собрать после своего мира с Пирром в 289 г. до н. э. Собрав все свои корабли, говорит Плутарх, Деметрий посадил на них 11 тыс. человек пехоты и конницы и поплыл в Азию, чтобы отобрать у Лисимаха Карию и Лидию. Может быть, он высадился в Коносе — карийском городе, еще принадлежавшем ему²¹⁵. Оттуда он пошел на Милет, который взял без боя. Во время его продвижения часть городов, к которым он приближался, добровольно переходила на его сторону; другие сопротивлялись, например, Сарды. Командиры Лисимаха присоединялись к победителю и снабжали его деньгами и войсками²¹⁶. Однако этот период успехов быстро закончился. Когда Полноркут пошел со своей армией на восток, имея намерение захватить Армению, откуда можно было бы вызвать возмущение в Мидии и повелевать в Верхней Азии, сын Лисимаха Агафокл продолжал преследование Деметрия. Многие их встречи переходили в столкновения.

Особенно осложнилось положение Полноркута тогда, когда преследование противника лишило его продовольствия и фуража. Это обстоятельство имело тяжелые последствия для его армии. Голод становился все более и более мучительным. К этому бедствию присоединилась еще потеря множества солдат, утонувших при переправе через Ликос — реку, расположенную на севере Каппадокии²¹⁷. В конечном счете, Полноркут потерял 8 тыс. воинов и, отказавшись идти в Армению, направился на юг, прошел Тавр и проник в Киликию, остановившись у города Тарс. Он вторгся, таким образом, во владения Селевка, который еще не вмешивался в конфликт. Между тем Агафокл прочно занимал проходы Тавра, отрезав противнику пути отступления. Деметрий обратился тогда к Селевку, горько жалуясь на свои несчастья и умоляя сжалиться над ним. Царь Сирии не остался глухим к его просьбе. Он предписал своим командирам относиться к Полноркуту как к царю и снабдить его голодных солдат обильной пищей. Но один из самых верных и самых сообразительных друзей Селевка — Патрокл обратил его внимание на то, что если издержки на содержание войска Деметрия и не будут очень большими, то долгое пребывание его в Киликии не должно быть безразличным для хозяина этой страны: разве Полноркут не был самым предприимчивым и неудержимым из ца-

рей? И разве не доведен он до отчаянного положения, способного сделать дерзким и зловредным даже самого мудрого из людей?

Убежденный этими соображениями, Селевк с большой армией двинулся в Киликию. Устрашенный таким поворотом дела, Деметрий, естественно, занял самые укрепленные районы Тавра. Затем он попросил Селевка позволить ему завоевать еще независимые «варварские» страны, чтобы прекратить там всевозможные смуты. По меньшей мере, он не хотел быть изгнанным из Киликии и покинутым перед своими врагами. Селевк потребовал только, чтобы он в течение двух месяцев зимовал в Катонии (область на севере Киликии) и выдал своих главных друзей в качестве заложников. В то же время он занял крепости, охранявшие проходы в Сирию. «Окруженный со всех сторон, как дикий зверь в ловушке», Полиоркет мог прибегнуть только к силе: он принялся грабить район и при каждой встрече бить Селевка; однажды он даже обратил его в бегство ложной атакой колесниц, и ему удалось занять проходы, которые вели в Сирию. Воодушевленный этим успехом, он решил рискнуть поставить все на карту в одном крупном сражении, тем более, что Селевк находился тогда в довольно затруднительном положении: он отказался от помощи Лисимаха, которому не доверял, и не осмеливался принять решительный бой против врага, отчаянная дерзость которого его пугала.

Но вскоре Деметрий серьезно заболел и утратил физические силы; множество солдат оставили его. Через четыре дня, почувствовав облегчение, он собрал последние войска и сделал вид, что идет на Киликию. Но наступившей ночью он изменил маршрут, преодолел высоты Аммана между Киликией и Сирией и опустошил нижнюю страну, расположенную между этой горой и Кирестиком (на востоке Аммана). Селевк, преследовавший его, приказал разбить лагерь поблизости. Деметрий решил ночью застать врасплох врага и уничтожить его. Но Селевк, узнав от перебежчиков о его намерениях, обезвредил попытку того, кого он называл «опасным зверем», и Полиоркет, видя себя разоблаченным, быстро отступил. На следующий день Селевк открыто призвал его к битве. Встав на фланге своих незначительных войск, Деметрий сумел рассеять вражескую группировку. Но Селевк перетянул на свою сторону большинство солдат противника, которые его приветствовали как царя. Тогда Деметрий с горсткой своих сторонников пустился в бегство через проходы Аммана. Он хотел добраться до порта Коноса, где рассчитывал застать свой флот. Но он вскоре столкнулся с препятствиями, расставленными его врагами. Потеряв всякую надежду, он хотел броситься на свой меч, но ему помешали и убедили его капитулировать²¹⁸.

Командир победителя Павсаний с тысячью пехотинцев и всадников прибыл арестовать Полиоркета, чтобы препроводить его в Херсонес Сирийский, возле Апамен на Оронте, где он должен был оставаться до конца своей жизни под надежной охраной. Когда Деметрий попал в руки Селевка, Лисимах предложил последнему убить царя Македонии²¹⁹. Эта просьба не была удовлетворена.

Наоборот, Деметрий был роскошно принят: ему дали многочисленных слуг и большую сумму денег; в его распоряжении были прекрасные места для прогулок. Царский пленник пристрастился было к таким забавам, как прогулки и охота, но вскоре окончательно обленился и предался распутству и азартным играм. В 283 г. до н. э. он умер в возрасте 54 лет, как будто из-за болезни, вызванной этими пороками. Его похороны проходили с театральной пышностью: его сын выехал встречать флот, который вез золотую урну с останками, покрытую пурпуром и обрамленную диадемой. Процессия медленно приблизилась к Коринфу, где ему воздали последние траурные почести. Затем Антигон Гонат, «удрученный горем», перевез урну в город Деметриада, который был основан в Фессалии его отцом²²⁰. Деметрий, конец которого был унижительным и тягостным, прожил жизнь в высшей степени необычную и беспокойную. Он так и не смог восстановить положения, которое было сокрушено при Иссе. Его длительные и пылкие усилия закончились катастрофой.

После гибели Деметрия Полиоркета начинается последний этап в борьбе диадохов, в которой непримиримыми противниками выступают 74-летний Лисимах и 77-летний Селевк. Как известно, владетель Фракии, союзник Кассандра и Птолемея в борьбе против Антигона, сумел удержать власть в этой стране, а из окончательного разгрома Антигона при Иссе извлек большие выгоды. Позднее, в 288 г. до н. э., в союзе с Пирром, он сумел отобрать у Полиоркета часть Македонии. Когда последний вел в Малой Азии тяжелую войну, он, снова благодаря содействию Пирра, ослабил власть его сына Антигона Гоната на Эллинском полуострове, организовав мятеж в Фессалии, которая до того времени оставалась верной Полиоркету и его сыну. Пирр, не колеблясь, порвал договор, заключенный с Деметрием, проник в Фессалию и напал на оставленные там Деметрием гарнизоны²²¹. В 287 г. до н. э. у Гоната отобрали почти всю Фессалию. Он смог удержать лишь город, основанный его отцом на Пагассийском заливе, город Деметриад, куда в 283 г. до н. э. он перевез из Коринфа останки своего отца.

До сокрушения могущества Полиоркета (286--285 гг. до н. э.) Лисимах и Пирр действовали согласованно против Деметрия и его сына. Но когда Полиоркет был разбит, этому согласию пришел конец, и более в ущерб царю Эпира, чем Лисимаху. Последний стал завидовать и опасаться возросшего могущества Пирра²²². Между бывшими союзниками назревал конфликт.

Видя себя все более и более под угрозой со стороны царя Фракии, Пирр искал поддержки. Он не мог больше рассчитывать на помощь Птолемея — своего приемного отца, с одной стороны, по причине его старости (в 285 г. до н. э. ему было 82 года), а с другой — по причине его родства с Лисимахом (сын Птолемея только что женился на дочери Лисимаха Арсиноэ)²²³. Оставался Антигон Гонат, который был готов стать его союзником против грозного властелина Фракии и части Македонии. Поэтому не следует удивляться тому, что между сыном Деметрия и царем Эпира в 286 или 285 г.

Лисимах

до н. э. было заключено «тайное соглашение». По своему характеру договор этот был прежде всего оборонительный, но он позволял Антигону Гонату надеяться на восстановление своих позиций в Греции, и преимущественно в Аттике и Коринфе.

Немного позже Лисимах во главе многочисленной армии устремился против части Македонии, принадлежавшей Пирру. Гонат отправил ему на помощь войска²²¹. Возле города Эдессы в Верхней Македонии царь Эпира ждал удара врага. Лисимах захватил продовольственный обоз, предназначавшийся для Пирра, армия которого страдала от голода. С помощью писем и бесед он перетянул на свою сторону самых влиятельных македонян, упрекая их в том, что они признали царем «чужеземца», предки которого всегда были подданными Македонии, и нанесли ущерб друзьям и сторонникам Александра. Множество македонян поддались на эти увещевания, и Пирр осторожно и благоразумно счел невозможным продолжать борьбу в Македонии: он вернулся в Эпир с эпиротскими войсками и союзниками, отдав без боя царство, откуда три года тому назад прогнал Полноркута²²⁵. В то же время он утратил Фессалию, которую отнял у сына последнего в 287 г. до н. э. Отныне вся Македония и большая часть Северной Эллады присоединилась к и без того уже обширным землям царя Фракии и значительной части Малой Азии²²⁶. Может быть, именно в это время Лисимах, желая упрочить свою власть в Македонии, приговорил к смертной казни второго сына Кассандра — Антипатра, которого, как указывает Юстин, он обвинил в стремлении отобрать у него македонское царство. Он

даже арестовал свою дочь Эвридику, которая присоединилась к протестам по поводу казни Антипатра²²⁷.

Именно тогда Лисимах находился в апогее своего могущества. Оно казалось тем более прочным, что победитель царя Эпира и Антигона Гоната не враждовал с эллинами, а, наоборот, установил добрые отношения с некоторыми греческими городами, поддерживал их союзы. Наконец, хотя и временно, сложились добрые отношения с египетским правительством, которое направило к нему в 285 г. до н. э. сына Птолемея и Береники. Правда, Лисимах мог опасаться разрыва со своим сильным азиатским соседом Селевком, который вскоре становится его самым опасным противником. Селевк был встревожен значительными завоеваниями своего соседа, «соперника славы», по выражению Юстина²²⁸, и искал подходящий случай, чтобы покончить с самым грозным из своих бывших товарищей по оружию.

В начале военного сезона 281 г. до н. э. царь Сирии двинулся в Малую Азию, рассчитывая на помощь некоторых правителей или командиров своего противника. Эти расчеты в какой-то мере оправдались. Ему удалось заставить некоего Феодота открыть ворота крепости в Сардах и выдать ему сокровища своего царя, которые он должен был охранять²²⁹. Лисимах стал жертвой подобной измены и в Пергаме: в цитадели этого города находилась казна в 9 тыс. талантов, которую Филетер из Теоса обязан был стеречь. Последний вошел в сношения с Селевком, в руки которого предложил себя и казну Пергама²³⁰.

После этих событий противники повели ожесточенную войну, подробностей которой мы не знаем. Нам известен только исход ее: Лисимах проиграл генеральную битву, которая происходила на Курупедийской равнине, расположенной на западе от Сард, возле Фригии, а сам остался лежать бездыханным на поле брани²³¹. Победителю Лисимаха, после битвы при Курупедии, пришлось заняться некоторыми районами Малой Азии, где было крайне тревожное положение. Пока Селевк двигался к Эфесу, в этом городе поднялось сильное волнение против вдовы Лисимаха Арсинон. Сторонники царя Сирии заняли укрепления и открыли ворота города. Арсинон с трудом сумела на корабле бежать в Македонию со своими детьми²³². Почти вся Малая Азия и прилегающие острова признали без сопротивления власть Селевка, которому жители Милета воздвигли статую. Лишь большой остров Самос остался в руках Арсинон²³³.

Однако соперник Лисимаха потерпел заметные поражения на севере полуострова. Как только исход сражения при Курупедии стал известен в Гераклее Понтийской, этот город, который полностью никогда не подчинялся власти Лисимаха, изгнал его гарнизон и призвал сеньюных. Гераклея была полна решимости не отказываться от независимости, которую, наконец, обрела. Византий и Халкедон, немного удаленные от нее и опасавшиеся потерять свою независимость, заключили с ней оборонительный договор. Царь северной Каппадокии Мигридат, к которому Гераклея отпра-

вила посольство, поступил так же. Таким образом, основанный пакт казался эффективным. Селевк направил против Митридата армию под командованием некоего Диодора, но эта армия была разбита (лето 281 г. до н. э.).

Однако, несмотря на свои неудачи, Селевк сохранял большую часть Малой Азии, к этим владениям он хотел еще присоединить европейские владения побежденного при Курупедии. «Воодушевленный победой над Лисимахом, — говорит Мемнон, — он решил двинуться в Македонию: его туда толкала любовь к стране, откуда он выступил в поход, чтобы сражаться рядом с Александром, надеясь там прожить остаток жизни (он был уже очень стар), доверив Азию своему сыну Антиоху»²³⁴. Он не боялся никакого сопротивления в европейских землях: овладев ими, он стал бы наследником почти всех владений бывшего монарха²³⁵.

Селевк направился к Геллеспонту. В его свите находился, неизвестно с какого времени, Птолемей Керавн. Этому грубому и мало разборчивому человеку Селевк обещал (или собирался пообещать) трон Египта, ибо его отец верховную власть предназначил для будущего Птолемея Второго²³⁶. Поскольку это обещание не было быстро выполнено, Керавн потерял всякую веру в чистосердечие своего царственного покровителя и решил его убить. Когда войска Селевка, двигавшиеся в Македонию, преодолели Геллеспонт, он зарезал старого царя недалеко от Лисимахии. Заняв этот город, он возложил себе на голову диадему (281—280 гг. до н. э.), вернулся в армию с великолепным эскортом телохранителей и был избран царем солдатами, которые еще накануне повиновались Селевку²³⁷.

Со смертью Селевка ушел в могилу последний диадох²³⁸. Отныне империя Александра надолго распалась на три царства: Египет, где царствовали потомки Птолемея (Лагиды), Сирия, включавшая Малую Азию, Фракию и часть Центральной Азии, где правили Антиох I, сын Селевка, и его потомки (Селевкиды), и Македония, управлявшаяся Керавном до его смерти в 279 г. до н. э., а через два года попавшая под власть сына Деметрия Полиоркета — Антигона Гоната и его потомков (Антигонидов)²³⁹.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Экономическая политика диадохов

Современное состояние источников не дает достаточно конкретного материала для уверенных выводов об экономике изучаемого периода. Пожалуй, в большей степени именно этим можно объяснить, почему ни в одной национальной историографии данный аспект применительно к эпохе диадохов специально не выделяется.

Экономическое развитие рассматривается в совокупности, применительно ко всему эллинистическому периоду. А. Б. Ранович даже полагал, что нет возможности отделить изменения, совершившиеся в экономической и общественной жизни эллинистического мира в период борьбы диadoхов, от достижений периода расцвета державы Александра, с одной стороны, и от результатов последующего развития — с другой¹. Несмотря на такие утверждения, нам представляется возможным, с известной долей вероятности, говорить об основных тенденциях развития экономики в период диadoхов, так или иначе выразившейся в их экономической политике, с учетом того, что было замыслено в этой области Александром и какие экономические результаты были достигнуты в последующие десятилетия после его ухода с исторической сцены.

Наметившаяся, но полностью далеко не осуществленная восточная экономическая политика Александра прошла испытание на жизнеспособность при диadoхах, прежде чем утвердиться в новом качестве в эллинистических государствах. Поэтому важно выяснить, что было воспринято и что отвергнуто диadoхами из экономической политики Александра. Следует подчеркнуть, что прежде всего диadoхи отвергли завоевательные планы своего полководца, намеченные им незадолго до его смерти. Зато диadoхи восприняли основные аспекты александровской экономической политики, видоизменяя и совершенствуя ее в соответствии с новым соотношением сил в тогдашнем динамически меняющемся мире.

Наследники Александра взяли на вооружение градостроительную политику. Но при этом они решительно рвали с традициями царя, создавая новые города в большинстве своем в форме полисов, гражданский коллектив которых формировался только из македонян и греков². Как известно, города создавались Александром в первую очередь как опорные военные поселения с греко-македонскими гарнизонами. Эти города имели преимущественно военно-административное назначение. В зависимости от обстоятельств они решали другие задачи: защиту от нападения соседей, укрепление важнейших стратегических путей, надзор за завоеванной территорией и др.³

Как Александр, так и его преемники особенно интенсивно создавали новые города в Передней Азии. Обычно город строился не на пустом месте: уже существующие селения укреплялись, обносились стенами, в их пределах закладывались новые здания государственного и общественного назначения. Эти здания строились рядом со строениями уже существовавшего селения, становившегося теперь пригородом или предместьем. Менялось юридическое положение селений, они получали право полиса и новое имя, данное основателем. При этом обычно старое название продолжало бытовать наряду с новым⁴. Особенно преуспел в градостроительстве Селевк, который из всех диadoхов основал больше всего городов. О размахе градостроительства мы имеем указания единственного источника — Аппиана. «Селевк на всем протяжении своего царства

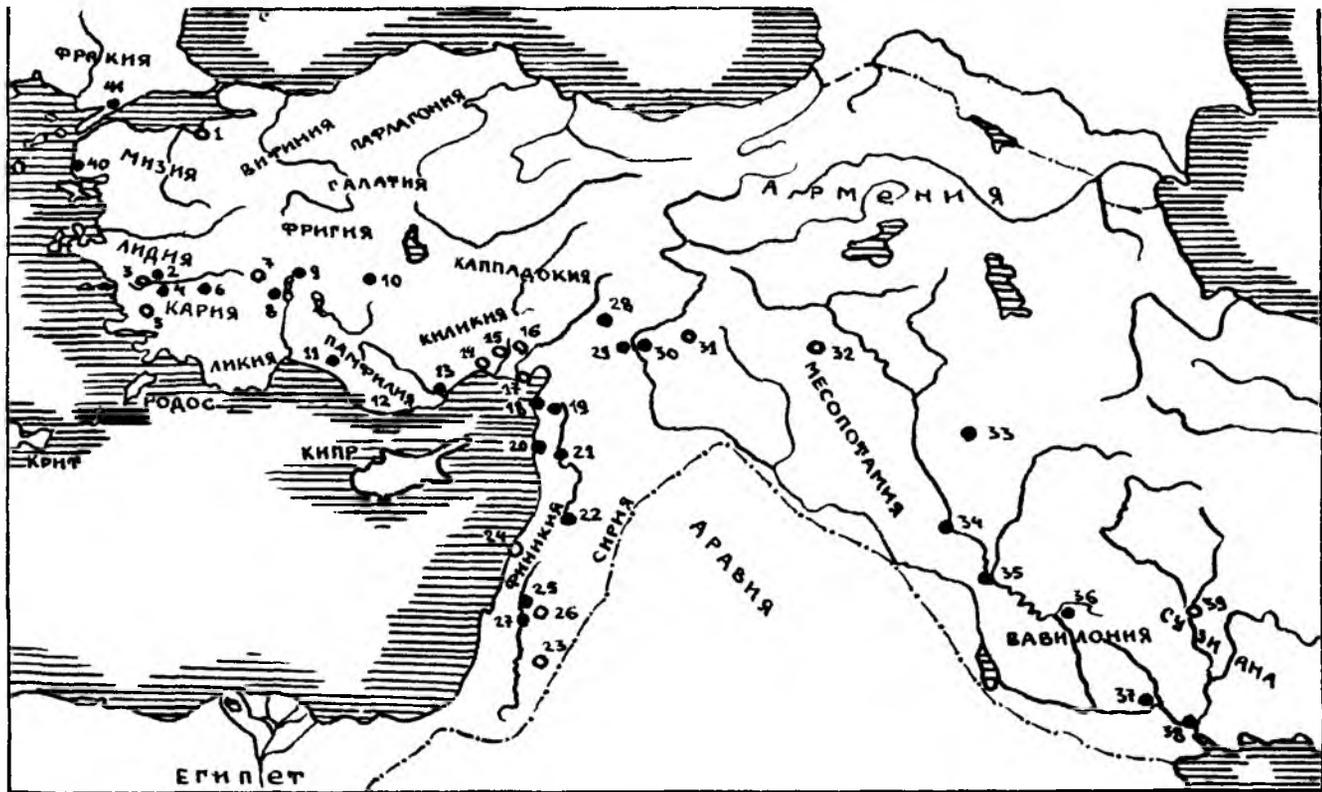
построил города: 16 Антиохий — по имени своего отца; 5 Лаодицей — в честь матери; 9 Селевкий — по своему имени; 3 Апамен и 1 Стратоникей — в память своих жен»⁵.

Остальным городам Селевк дал имена греческие или македонские, названия в честь своих собственных подвигов или подвигов Александра. Поэтому в Сирии и в варварских землях верхней Азии встречается много названий эллинских и македонских городов: Бейройя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполь, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Арефуза, Астак, Тегея, Лариса, Герейя, Аполлония. В Парфии встречаются такие названия городов, как Сотерия, Каллиопа, Харида, Гекатомпил, Ахайя, Александрополь; в Скифии — Александромата; в память побед Селевка — Никефория в Месопотамии и Никополь в Армении близ Каппадокии⁶.

Как видно из перечня Аппиана, количество основанных Селевком городов доходит до 55. Правда, свидетельства Страбона не подтверждают наличия такого большого числа греческих городов на Востоке. Вполне возможно, что их было меньше, чем утверждает Аппиан, но гораздо больше, чем у всех других диадохов вместе взятых. Ряд городов Селевка можно с большой долей вероятности локализовать таким образом: Антиохия на Оронте была построена в честь отца Селевка на месте разрушенного ранее города Антиگونهи⁷. Этот город, избранный его основателем столицей своего царства, в дальнейшем достиг небывалого расцвета и играл ведущую роль в торговле Востока с Западом, соперничая с египетской Александрией⁸. Как указывает Страбон, он не уступал последней ни по могуществу, ни по величине⁹.

В среднем течении Оронта Селевк построил Апамею в честь своей жены Апамы, а в устье — Селевкию в Пиерии, большой торговый город¹⁰. Несколько городов Селевк заложил в Месопотамии между Тигром и Евфратом. На берегу Евфрата прежний туземный город Дура получил новое название Европос¹¹. Первое его имя семитское, «дуру» означает крепость вообще. Дура представляла собой древнеассирийскую крепость, в которой Селевк Никатор поселил македонских воинов. Тогда же (около 302 г. до н. э.) она получила новое имя по названию одного из родных македонянам городов. Население города вскоре приобрело статус и полисный строй, в котором греко-македоняне сохраняли свое привилегированное положение¹². Это был торговый и караванный центр, а также крепость. Со времени Селевкидов, а возможно и раньше, город был окружен зубчатой крепостной стеной, над которой возвышалась сторожевая башня. Из города в разных направлениях вели дороги. Улицы пересекали друг друга под прямыми углами. В казармах располагался гарнизон.

У переправы на Евфрате город Фасак стал называться Амфиполем¹³. На левом берегу Евфрата, на месте современного селения Беречик была построена Селевком новая Апамея в честь жены. На Тигре, ниже современного Багдада, где Тигр и Евфрат сближаются, чтобы вновь разойтись в нижнем своем течении, Селевк в

Градостроительная деятельность диахов на Востоке

Цифрами на карте обозначены следующие города: 1 — Апамея, 2 — Антиохия-Ниса; 3 — Селевкия Траллы; 4 — Антиохия, 5 — Антиохия-Алабанда; 6 — Лаодикей; 7 — Апамея (Келены); 8 — Селевкия; 9 — Антиохия; 10 — Лаодикей; 11 — Селевкия; 12 — Антиохия; 13 — Селевкия; 14 — Антиохия; 15 — Антиохия; 16 — Селевкия; 17 — Антиохия-Маллос; 18 — Селевкия, 19 — Антиохия; 20 — Лаодикей; 21 — Апамея; 22 — Лаодикей; 23 — Лаодикей-Берит; 24 — Селевкия; 25 — Селевкия-Авила; 26 — Антиохия; 27 — Антиохия-Гераса; 28 — Антиохия; 29 — Селевкия-Зевгма; 30 — Апамея; 31 — Антиохия-Эдесса; 32 — Антиохия-Нисибис; 33 — Селевкия; 34 — Апамея? 35 — Селевкия (Опис); 36 — Апамея? 37 — Апамея? 38 — Антиохия; 39 — Селевкия (Сузы), 40 — Александрия Трояды; 41 — Лисимахия

Обозначения: ● — вновьпостроенные города; ○ — эллинизированные города; --- — примерные границы империи Александра.

300 г. до н. э. основал Селевкию с полисным устройством, куда переселил жителей Вавилона¹⁴. Результаты археологических раскопок, а также известная надпись из Магнесии на Меандре свидетельствуют о том, что этот город упоминается как греческий полис. Таким же полисом со значительным греко-македонским населением являлась Селевкия на Эвлее (древние Сузы), созданная между 294 или 293 – 281 гг. до н. э., когда Антиох был наместником своего отца в восточных сатрапиях¹⁵. Город был основан на месте старого, еще вавилонского города Онис, известного в качестве крупного торгового центра¹⁶.

Благодаря своему географическому положению и ремесленно-производственному значению, Селевкия стала столицей селевкидской монархии. В этом городе скрещивались многочисленные пути, связывавшие Дальний Восток со Средиземноморьем¹⁷. В стратегически важных пунктах Центральной Азии для сдерживания выступления местных племен Селевк построил несколько городов: Евронос-Раги и Аламско у каспийских ворот, Гекатомнил в Парфии, еще одну Антиохию и Лаодикею – в Персиде¹⁸. Имеется указание Полибия на то, что Мидия была «окружена множеством городов»¹⁹.

Другие диадохи в градостроительстве преуспели гораздо меньше, чем Селевк I. Так, Антигон в северной Сирии основал город Антигонею на берегах крупной судоходной реки Оронт, в том месте, где упираются в море пути, по которым наиболее быстро достигается центр азиатского континента. Там осело много македонских ветеранов. Позднее этот город Селевк разрушил и построил свою Антиохию. Поблизости от Илиона, на морском берегу, Антигон создал новую Антигонею²⁰. Его сын Деметрий в Фессалии основал город Деметриаду²¹. На востоке от города Пагассы, на берегу залива того же наименования был основан новый город Деметриада, занимавший площадь в 260 га, стены которого в окружности доходили до 8 км и имели 90 башен. Деметриада имела два порта, которые выполняли важные экономические и военные функции. Они обеспечили успешное развитие и благополучие городу, расцвет которого переживет падение последнего наследника Деметрия²². Этот новый город будет назван одним древним автором «путями Эллады». Эти пути позволяют пресмникам, Полнокрета надзирать за полуостровом и при случае прочно удерживать его в своих руках.

С именем Птолемея античная традиция связывает строительство лишь одного города в Верхнем Египте – Птолемаиды, ставшей политическим и экономическим центром Фиваиды. Этот город должен был укреплять слабые и неустойчивые связи между южной частью страны и центром в Александрии²³. Птолемаида обладала всеми признаками греческого полиса. Главную роль в ее политической жизни играла коллегия пританов. Однако город зависел от центральной власти. Неослабный контроль за ним осуществляли царский стратег и царские чиновники, которые одновременно зани-

мали и городские должности. Автономия Птолемаиды была крайне ограниченной и не выходила за рамки самоуправления²⁴.

Значительное количество городов, как опорных пунктов влияния за пределами Египта, Птолемей построил для того, чтобы с их помощью укрепить свои позиции на Кикладах, в Финикии, Малой Азии и Сирии²⁵. Лисимах использовал ранее существовавшие города, переоборудовал их, укреплял и расширял. Так, он укрепил Эфес, передвинул его поближе к морю и переименовал в Арсиною²⁶. Был укреплен им также Илион, превращенный Александром из деревни в город и освобожденный от подати²⁷. Лисимах соорудил там храм и обнес город стеной в 40 стадий.

Город, который создал Антигон поблизости от Илиона — Антигонея — позже, в правление Лисимаха, получил название Александрии Трояды, так как Лисимах, в дань уважения к Александру, считал, что наследники Александра сначала должны основывать города, названные его именем, и только потом — своим²⁸. В Трояде Лисимах основал или увеличил многие города. На перешейке, соединяющем Фракию с плодородным Херсонесом, он в 309 г. до н. э. построил город Лисимахию, которая находилась близ Кардии. Жители Лисимахин в IV в. часто поддерживали царей Фракии и Македонии против Афин²⁹. Вначале этот новый город вблизи Галлиполи был столицей Лисимаха, позже он, вероятно, перенес свою резиденцию в Македонию³⁰. Как сообщает Страбон, жена Лисимаха — Амастрида — основала на Понте город и назвала его своим именем — Амастридой³¹.

Новые города основали преемники Александра в Македонии и Греции, Кассандр основал два города: Фессалоники и Кассандрию. Когда был построен первый город в лагуне Пагасийского залива — точно не известно. По замыслу он должен был заменить Пеллу, находящуюся в глубине страны. Город своего имени Кассандр основал в Полиене, на месте бывшей Потидеи в Халкидике около 316 г. до н. э., переселив туда жителей Халкидики, Потидеи и разрушенного Олинфа. Новому городу его основатель передал обширную и плодородную территорию и постоянно заботился о его процветании, так что город в короткое время достиг большого блеска и силы⁴². Кстати, также щедро были им одарены землей и различными привилегиями Фессалоники. Брат Кассандра Алексарх основал город Уранополь на вершине горы Афона⁴³. Царь Пирр основал город в Херсонесе Эпирском, назвав его по имени своей жены — Береникея⁴⁴.

При градостроительстве диадохи широко использовали синойкизм. Так, для заселения Селевкии на Тигре Селевк «переселил туда соседний с ней Вавилон». В Антигонесе, вблизи Илиона, основатель города Антигон соединил в нем жителей Скепсиса и Кебрана³⁵. По указанию Страбона, между этими городами проходила непрекращающаяся вражда, которой пришел конец после их включения в порядке синойкизма в новый город Антигонею³⁶. В город Александрию-Трояду Лисимах включил ряд *πολιμάτων* и много *φρούρια*, укрепленных мест³⁷. Фессалоники Кассандр создал из 26

поселений³⁸. В город Кассандрию он переселил жителей Потидеи, разрушенного Олинфа и некоторых других городов Халкидики³⁹. Синойкизм явление не новое для периода диадохов. Оно имело место еще в классической Греции, где путем соединения ряда поселений создавался городской центр. Так, по сообщению Павсания, город Мегалополь в Аркадии был образован именно таким образом, при помощи насильственного объединения более 40 поселений⁴⁰. Однако, если раньше синойкизм был явлением стихийным, то, начиная со времени диадохов, это явление стало широко применяться как способ основания городов и развития городской жизни. Синойкизм в Азии стал принимать массовый характер и обладал рядом особенностей. Эти особенности определялись тем, что новые города отказались от прежней замкнутости греческого полиса, широко практиковали связи с местным населением, при сохранении привилегированного положения македонян и греков, а развитие ремесла и торговли изменило положение сельской хоры, органически связанной с городом.

Политика синойкизма способствовала расширению производства, упрочению финансов, улучшению торговли. Она втягивала в торговый обмен отдаленные районы, ликвидировала раздробленность полисов, приводила к росту городского населения, к сближению греков и македонян с азиатскими народами⁴¹. Основание новых городов изменило экономиче окружающих районов. Синойкизм на практике проводился двумя путями: добровольно и в принудительном порядке. Примером первого пути может служить селевкидская Антиохия в Писидии, которая получила значительный приток поселения из Магнесии на Меандре⁴². Это сообщение Страбона, подтверждаемое надписью, говорит о том, что антихийцы выражают благодарность ряду городов, в их числе Магнесии, за то, что они откликнулись на их призыв и приняли участие в заселении города⁴³. В списке, кроме Антиохии в Писидии, названы и другие отдаленные города, такие, как Селевкия на Тигре, Селевкия на Эвлес (Суза)⁴⁴.

Преобладал синойкизм принудительный. Эпиграфические источники сохранили нам два указа Антигона о таком именно синойкизме Теоса и Лебедоса, подробно изложенном А. Б. Рановичем⁴⁵. Сохранившаяся об этом событии большая надпись, которая относится ко времени между 306 и 302 гг. до н. э., довольно подробно излагает принудительные действия города Теоса против Лебедоса, жители которого должны покинуть свои дома и переселиться в Теос⁴⁶. В надписи содержится подробное изложение точки зрения Антигона на организацию нового города, на взаимоотношения теосцев с переселившимися к ним лебедосцами, на политические и экономические условия синойкизма. Антигон предлагает Теосу дать каждому лебедосцу участок под застройку, равноценный тому, какой он оставил на прежнем месте. Эти участки должны были быть застроены ими в течение трех лет, для чего вменялось в обязанность теосцам отпускать застройщикам черепицу для кровли, чтобы «дома были отстроены в кратчайший срок». Антигон предла-

гает заключить принудительный заем у наиболее состоятельных граждан Теоса, чтобы возместить лебедосцам стоимость их домов. Пока застройка не завершится, лебедосцы должны получить жилища бесплатно, одну треть из всего количества существующих домов. Причем предусматривалась возможность и на тот случай, когда будет снесен сам Теос или часть его. В этих обстоятельствах (если существующий город будет снесен) следует оставить половину домов, из которых одну треть отдать лебедосцам; если же будет снесена часть города, то из оставшихся домов отдать им также третью часть; если же остающихся домов не хватит для размещения жителей двух городов, то следует оставить из подлежащих сносу достаточное количество домов, и когда в устраиваемом городе будет сооружено достаточное количество домов, снести остающиеся дома, какие окажутся вне черты города.

Здесь обнаруживается явное неравенство переселенных жителей Лебедоса по сравнению с жителями Теоса. Лебедосцы, особенно в первые годы, получали жилища — одну третью часть, в то время как теосцы — две трети. Но в политическом и экономическом отношениях Антигон пытался их сблизить. Для этого предлагалось провести в жизнь следующие конкретные меры. Долги города Лебедоса принимал на себя Теос. Проксены первого сохраняли все свои привилегии в новом городе. Все споры между этими городами в течение шести лет должны быть улажены, оставшиеся незаконченными судебные дела разбирались по специально установленному порядку. Специальная комиссия обязана была в течение года разработать законы для города и представить Антигону на утверждение. До этого срока в городе применялось законодательство Коса, куда была отправлена комиссия для получения официальной копии косской конституции. На ее основании производились выборы должностных лиц. Лебедосцы в течение трех лет освобождались от литургий. Антигон разрешил им заключать займы для своих нужд. Комиссия, в состав которой входили неподкупные представители из сливающихся городов, обязана была регулировать могущие возникнуть вопросы, не предусмотренные в распоряжении Антигона. Ценные положения, удовлетворяющие интересы обоих городов, и спорные пункты должны быть представлены ему, чтобы он мог выслушать обе стороны и решить, что будет лучше для обеих сторон.

В указе Антигона о синойкизме вышеуказанных городов он выступает как рачительный хозяин, пекущийся о возможно более экономном устройстве нового города, и вместе с тем, как крупный землевладелец⁴⁷. Однако синойкизм Лебедоса и Теоса не был доведен до логического конца. После гибели Антигона Лисимах насильственно навязал Лебедосу и Колофону синойкизм с Эфесом. Когда последний был им укреплен и передвинут ближе к морю, он прежде всего заставил жителей города переселиться, для чего засыпал канал, отводивший излишки дождевой воды в реку, и затопил город. По сообщению Павсания, он «переселил туда жителей Лебедоса и Колофона, их же город он разрушил, как видно из сти-

хотворения Феникса, ямбического поэта, оплакивавшего разрушение Колофона»⁴⁸. Однако не все колофонцы, по-видимому, выселились в Эфес, так как тяготевший к Колофону Нотион стал вторым отечеством колофонцев и у Ливия именуется «Колофоном». В Колофоне (Нотионе) во II в. до н.э. чеканились тетрадрахмы с легендой «Ко», «Κοιο»⁴⁹. Но и Лебедос засвидетельствован Страбоном в надписях как существующий еще позднее малонаселенный город⁵⁰. Вероятно, синойкизм далеко не всегда приводил к физическому уничтожению поселений и городов, переместившихся в новый центр. Потеряв свою самостоятельность, они деградировали, некоторые из них просто превращались в сельские поселения⁵¹.

Синойкизм, в основном, был вызван причинами экономическими. Ликвидация партикуляризма, втягивание отдельных отсталых районов в общую систему хозяйства способствовали росту производства, торговли, укреплению экономических связей. Военные конфликты всегда создавали городам трудности экономического и финансового порядка, а эти трудности мешали им своевременно и аккуратно платить постоянный трибут и контрибуцию, ограничивали возможность представления для рынка зерна, скота, вина, масла и других продуктов. Политика урбанизации должна была способствовать сокращению городского бюджета и упорядочению финансов, упрощению взимания налогов и процедуры торговых оборотов, а в целом укреплению и усилению городов в экономическом и финансовом отношениях. Процесс синойкизма был неравномерным, как неравномерным было само строительство новых городов. Отсутствовала у диадохов и последовательная программа внутреннего устройства этих городов. О том, как конкретно складывалась жизнь в их пределах при диадохах, нам известно весьма мало, только в общих чертах. Используя ретроспективным способом сведения Страбона и Плиния, можно составить самое общее представление о начальном времени градостроительной деятельности диадохов и о её сущности.

Со всей определенностью можно сказать, что в строительстве городов на Востоке преемники Александра использовали характерную для классической Греции полисную структуру⁵². Однако эта структура не являлась простой копией классического греческого оригинала. В отличие от классического замкнутого города-государства, диадохи стали строить города, сохранявшие некоторые стороны внутреннего самоуправления, и непосредственно включавшиеся в систему восточных монархий. Эти города были проводниками новых государственных отношений.

Предшествующий опыт показал, что политика ущемления прав эллинского населения новых городов чревата его волнениями, поэтому преемники Александра широко практиковали предоставление автономии и самоуправления в угоду зажиточным слоям греко-македонского населения, осевшего на Востоке. Однако, в отличие от полисов Греции и Малой Азии, вновь основанные города еще при жизни Александра не пользовались полной местной автономией.

Они находились под управлением правителя, назначенного царем и лично ответственного перед ним. Законы города составлялись по греческому образцу и применялись также к негреческим группам в его пределах. Характерен в этом отношении указ Александра о хиосских изгнанниках 333—332. до н.э.⁵³ По мнению некоторых историков, такое устройство рассматривалось будто бы Александром как временное. С их точки зрения, он намеревался дать этим новым основаниям ультимативно большую свободу, чтобы нивелировать их со старыми городами-государствами Греции⁵⁴.

Но такое утверждение ни на чем не основано. В действительности все преемники Александра действовали однотипно, предоставляя городам лишь условную свободу и самоуправление⁵⁵. На первый взгляд, это кажется неправдоподобным утверждением. В самом деле, как можно говорить о формальной автономии и условной свободе городов, если диадохи в угоду греко-македонскому правящему меньшинству сохранили им полисную организацию с органами самоуправления, дали им право на самостоятельный местный чекан, предоставили им во владение сельскохозяйственные прописные районы; если они имели собственные средства, принимали законы самоуправления, организовывали свои празднества и ритуалы. Но несмотря на все это, они все же были не самостоятельны, повиновались общей администрации и органически подчинялись ей. Даже право выпуска собственной монеты не освобождало их от уплаты налогов в царскую казну, не давало им свободы внешних сношений.

Волю царской власти в городах выражали ее уполномоченные — эписбаты. Нам известно, что такое управление имели Вавилон, Селевкия, Милет. К сожалению, у нас мало сведений о прерогативах этих должностных лиц, но бесспорным остается то, что они выполняли волю царей. Именно так, например, понимал их обязанности Селевк, который дарованную городам свободу ставил в прямую зависимость от своих собственных интересов. «... Всегда справедливо то, что установил царь»⁵⁶. Поэтому, несмотря на разные привилегии городов, на сохранение в них традиционных установлений, они все же имели фиктивную свободу, являясь составной частью возникающих эллинистических монархий. Следует учесть и то, что, согласно представлениям греков, полис не мыслился без своего гражданства, без своего совеста (*βουλή*), без ответственных должностных лиц, без своей армии, составленной из полноправных граждан, без своей городской земли, своих законов и финансов. Для большинства полисов характерны городские оборонительные стены и общее собрание.

Созданием вышеупомянутых условий поселение превращалось в полис. Поселения, лишенные всего этого, в понимании греков, оставались деревнями (*κῶμαι*). Небольшое количество сведений об этом процессе не дает нам возможности более точно и определенно проследить то, как складывалось и развивалось управление в новых городах и более определенно выявить место царя и его администрации в непосредственном руководстве городами. Единствен-

ный дошедший до нас памятник из Илиона относится к началу III в. сразу после смерти Лисимаха, когда перевес оказался на стороне Селевка, возвратившего греческим городам демократический строй. В это время демократия не чувствует себя уверенно и возврат к тирании вполне возможен. Этот закон призван защитить демократию от возможных посягательств тирании. Но закон илионцев не только акт защиты демократии, но интереснейший документ, отражающий многие стороны жизни полиса данного периода⁵⁷.

В надписи, прежде всего, красной нитью проходит идея решительной борьбы с тиранией и олигархией. Очевидно, такая форма правления мешала осуществлению каких-то планов диадоха. Нам известно, что Александру в сущности было безразлично, какая форма правления возобладает в городах Малой Азии. Он поддержал демократию только потому, что олигархи и тираны сохраняли верность персам, и потому, что ориентация на демократию в данное время была ему выгодна. Выбор ориентации определялся классовой борьбой внутри города, военной ситуацией и личными интересами того или иного диадоха⁵⁸.

В случае с илионцами документ строго осуждает тиранию и олигархию и высоко поднимает тех людей, которые решительно выступают против них. Таким людям, если они граждане города, последний предоставляет вознаграждение, пожизненное содержание в Пританее, воздвигает монументы. Если же это совершили иноземцы, то они получают такие же преимущества, кроме того, становятся гражданами города и могут войти в любую избранную филу. Если, наконец, это сделает раб, то он превращается в свободного гражданина, получает из казны определенную сумму вознаграждения. Тот, кто предаст смерти тирана или вождя олигархии, не несет наказания, если даже он и был их сообщником, в случае, если он восстановит демократию в полисе. Постановление запрещает покупать движимое и недвижимое имущество у тех, кто был стратегом или занимал другую высокую должность при олигархическом или тираническом режиме.

Предусматривались суровые меры наказания за злодеяния, содеянные во время господства этого режима. Согласно им, должен предстать перед судом и быть наказан любой, кто при тирании или олигархии присваивал казенные деньги; имущество того, кто чинил расправу над гражданами, должно быть в равных долях отдано демосу и детям пострадавшего; разрешается право судебного иска для тех, кто был арестован, вынужден покинуть родину, принужден к оплате штрафа. Особую суровую кару заслуживают те, кто при олигархии или тирании имел власть и стал причиной гибели людей. Все, кто повинны в этой акции, считаются убийцами и подвергаются гонению. Даже те, которые сами не совершили убийства, но только подали за него голос, теряют все права и изгоняются.

Если кто-нибудь станет тираном или вождем олигархии или навяжет тирана или будет сотрудничать с ним в общей борьбе против демократии, его имя должно быть предано забвению и вы-

черкнуто из всех списков. Зато широкое поощрение получали те, кто содействовал восстановлению демократии. Они получали компенсацию за потраченные средства, их имена должны были быть увековечены на почетной стеле.

Все вышесказанное — свидетельство ожесточенной социальной борьбы, которая происходила в городах при диадохах. Новые города, которые были построены при диадохах, были нужны не только в качестве политической и военной опоры, но также и в качестве опоры экономической. Их быстрый рост определялся тем, что они становятся новыми центрами ремесленного производства и посреднической торговли.

В самой ремесленной деятельности при диадохах наблюдается более совершенная специализация. Свидетельством широкого развития ремесленного производства может служить строительство новых городов, новых зданий, кораблей, осадных орудий, создание сельскохозяйственного инвентаря. Ценные архитектурные, скульптурные изображения, ювелирные изделия в большей степени способствовали росту ремесленного производства, повышению уровня разделения труда.

Ремесленное производство более интенсивно стало проникать и в сельское хозяйство. Свидетельством известного экономического прогресса в производстве являются: широкое применение усовершенствованных орудий труда и приемов обработки земли, разработки полезных ископаемых, производство тканей, военной техники. Именно в это время появляются новые методы ведения хозяйства, культивируются новые сорта растений, разводятся новые породы скота, появляются новые формы производства ремесленных изделий для возросшего торгового обмена.

Этому высокому уровню разделения труда в сфере производства отвечал также и достаточно высокий уровень разделения труда в сфере обмена. Известно, что восточные походы, греко-македонские войны открыли для греческого ремесла и торговли Азию от самой Индии и Египет до Нильских порогов, и тем самым сделали необозримые области доступными для сбыта товаров и для получения сырья. Об усилившейся торговле Греции с Востоком говорят и найденные археологические памятники восточных товаров при раскопках в Греции, а греческих товаров на Востоке.

Еще при Александре Македонском создавались новые связи на воде и суше. Диадохи следовали этому примеру, соперничая также и на этом поприще друг с другом. Так, при Птолемеи I была снаряжена экспедиция в Эфиопию под начальством наварха Филона, известного также и тем, что он оставил описание своего путешествия и первый доставил топаз с Красного моря в Египет⁵⁹. Привлекло внимание греческих купцов и богатство Нильской Эфиопии слонами. Слоновая кость была важным средством сбыта, особенно на рынках Греции, Сирии и Малой Азии⁶⁰.

Завоевания Александра установили непосредственные отношения с Северной Аравией, через которую шел ладан с Юга⁶¹. Через Аравию стремился установить прямое сухопутное сообщение Египта

с Вавилонией Птолемей⁶². Однако путь этот, пролежавший через Аравийскую пустыню, был весьма неудобным. Есть основание предполагать, что Птолемей I не оставил без внимания и путей на Красном море. Но, отвлеченный острыми политическими вопросами на Средиземном море и внутренними нерешенными проблемами своей страны, он не получил возможности достаточно интенсивно работать над развитием торговли на Красном море⁶³. Эту задачу выполнили его последователи.

В караванной торговле с Аравией принимали участие и набатеи, откуда они доставляли к Средиземному морю ладан, смирну и другие ароматы⁶⁴. Из Аравии, а может быть и из Месопотамии, через страну набатеев везли, очевидно, и индийские товары. Вывозили набатеи и местные продукты: бальзам, асфальт. Диодор указывает на то, что вывоз асфальта в Египет давал набатеям значительный доход⁶⁵. Антигон обратил внимание на эту доходную статью, думая упрочиться в стране набатеев⁶⁶.

Благодаря торговле, в руках набатеев уже в это время сосредоточились значительные богатства: полководец Антигона Афиней в 312 г. до н. э. захватил здесь много ладана и смирны и 500 талантов серебра⁶⁷.

Ряд свидетельств указывает на установление постоянных сношений между селевкидским царством и Индией⁶⁸. Первые Селевкиды прилагали усилия, чтобы улучшить дороги, ведущие с Запада на Восток⁶⁹. Как известно, еще Александр начал принимать меры для развития торговли с районом Персидского залива: он устранил плотины на Тигре и Евфрате, выстроенные персами из стратегических соображений, но препятствовавшие судоходству⁷⁰. В устье Тигра им была основана гавань Александрия, которая позднее стала называться Антиохией. В самом Вавилоне Александр предпринял постройку гавани на 1 тыс. кораблей⁷¹. Путь от устьев Инда до устьев Тигра исследовал руководитель его флота Нэарх. Все это говорит о заинтересованности диадохов в укреплении торговых связей с Индией.

Санскритский манускрипт «Артхашастра», автором которого являлся министр царя Чандрагупты или Сандракотты, как его называли греки, Каутилья, упоминает о древнейших морских связях между областью Ганга и южным Китаем, откуда вывозился шелк⁷². В качестве посредников, скорее всего, выступали Сабей⁷³.

Около 300 г. на Ганге при дворе Чандрагупты в городе Паталипутре были послы диадохов: Мегасфен, Данимах, Дионисий, Патрокл. Дошедшие до нас большие отрывки из подробных замечаний Мегасфена свидетельствуют о связях Индии с одним из могущественных диадохов Селевком I Никатором. Приблизительно в это же время полководец Селевка и Антиоха Демодам совершил разведывательный поход за Сырдарью, чтобы доставить, по возможности, самые полные сведения об азиатской стране скифов⁷⁴.

Еще в период восточных походов Александр живо интересовался проблемами Каспийского бассейна и имел намерение исследовать Каспийское море, чтобы решить вопрос о его связи с океаном⁷⁵.

В 80-е гг. III в. (между 285 и 282 гг. до н. э.) имело место плавание наварха Патрокла по Каспийскому морю⁷⁶. Как доверенному лицу Селевка Никатора, ему вменялось в обязанность составить «Перипл Каспийского моря», чтобы разведать практические возможности осуществления задуманного плана — соединить Каспийское море с Меотидой посредством канала⁷⁷. В советской литературе было высказано мнение, что идея прорытия канала между Каспийским морем и Меотидой вряд ли может быть принята во внимание в качестве реального проекта, выдвинутого Селевком, поскольку скифский север был вне сферы его влияния и интересов. Исходя из указаний Страбона о том, что Патрокл в это время управлял областями, расположенными близ Гиркании и Каспийского моря, высказывалось предположение, что, находясь на посту управителя прикаспийских областей, он предпринял свой поход из чисто практических соображений, вытекающих из его непосредственных обязанностей. Патрокл имел намерение привести в повиновение прибрежные южно-каспийские племена и навести порядок и спокойствие на одном из важнейших торговых путей из Индии в Малую Азию, который шел по впадающим в Каспийское море среднеазиатским рекам, затем вдоль его южного побережья до устья рек Аракса и Куры, вдоль которых он продолжался через Кавказский хребт и Колхиду⁷⁸.

Поручение, данное Селевком, Патрокл выполнил должным образом. О своем путешествии он даже написал специальный труд, который, к сожалению, до нас не дошел. Хотя Плутарх называет этого путешественника мужем, «умудренным в науках», но в результате его плавания он донес своему царю ложное известие о том, что Каспийское море (или Гирканское) представляет собой залив океана⁷⁹.

Центр тяжести торговли переместился на Восток. Так, в Селевкии на Тигре, скрещивались многочисленные пути, связывавшие Дальний Восток со Средиземноморьем. «Царский путь» из Средней Азии в Селевкию и далее в Антиохию не зарастал. Его оживление способствовало развитию торговых отношений, ремесел и всякого рода производства в этих областях⁸⁰. Благодаря своему выгодному положению, этот город стал преемником Вавилона. Фрагментарно сохранившаяся Вавилонская хроника 321—312 гг. до н. э. сообщает, что Антигон в ожесточенной борьбе с Селевком разграбил Вавилон и прилегавшую к нему область. В 315—314 гг. до н. э. положение населения было настолько тягостным, что хроника упоминает о ценах на зерно, отмечая его исключительную дороговизну⁸¹. Антиохия, обладавшая превосходной гаванью Селевкией в Пиерии, могла включиться в старую систему торговых путей на Восток. Финикийские города были отнесены на второй план.

Особое значение Селевкиды придавали связям с Индией, предметы вывоза которой (пряности, жемчуг и драгоценные камни, хлопок, перец, индиго, позднее также китайский шелк, который в Индии видел уже Нearch) они перевозили на Запад. Кроме того, они старались направить через свое государство и арабскую торговлю.

Правда, об осуществлении подготавливавшегося Александром объезда Аравии они не могли и думать, так как это завело бы их в область их соперников — Птолемеев, которые получали больше дохода от морского пути между Александрией и Персидским заливом. Однако на противоположном, арабском побережье Персидского залива Селевкиды принудили герреев отправить некоторую часть товаров, вывозимых из южной Аравии, драгоценные пряности и мази из земель сабеев и минеев на рынок в Вавилонию. Но они не могли воспрепятствовать тому, что остальную часть герреи вывозили прямо через Аравийский полуостров старыми караванными путями вдоль западного побережья Аравии в Петру к земле набатеев, куда направлялись нужные товары также и в области сабеев. Из Петры же эти товары вывозили частью в южные гавани Сирии, которые уже в начале эпохи диадохов были заняты Лагидами. Эти торговые сношения играли решающую роль в постоянной борьбе Селевкидов и Лагидов за обладание Сирией.

Таким образом, Селевкия на Тигре, Антиохия на Оронте и Александрия в Египте в эпоху диадохов стали крупными центрами мировой торговли, крупнейшими узловыми центрами для торговли с Индией и Востоком⁸². Заложенный при Птолемее I фаросский маяк, который древние причислили к «семи чудесам света», — яркое свидетельство высокой роли Александрии в восточной и средиземноморской торговле

Перемещение торговых центров на Восток коренным образом изменило греческую экономику. Теперь положение прежних греческих городов все больше зависело от их отношений с новыми городами на Востоке. В связи с этим некоторые прежние города теряли свое бывшее экономическое могущество, а некоторые, наоборот, укрепляли его. Такой город, как Коринф, стал транзитным пунктом между Востоком и Италией. Использование его устраняло необходимость опасного объезда мыса Малеи в Пелопоннесе. Поэтому он вырос в важнейший торговый пункт в Греции. Благоприятное географическое положение давало Коринфу большие преимущества.

Об экономическом развитии Афин в эпоху диадохов существуют две взаимоисключающие точки зрения. А. Б. Ранович считает, что Афины со своей гаванью Пиреем, который прежде являлся центром греческой торговли, потеряли свою ведущую роль⁸³. По мнению М. И. Ростовцева и Ю. Белоха, Афины в это время, наоборот, процветали, как и вся Греция вообще⁸⁴. По мнению Ростовцева, даже голод в Афинах в 289—282 гг. ничего не доказывает: и деньги были, и хлеб был, но афиняне не успели освоить новые рынки и новые пути сообщения⁸⁵. Афины, полагает Белох, никогда не процветали так, как при Деметрии Фалерском⁸⁶. Они вели оживленную торговлю с Родосом, Александрией, Византией. Эту же мысль подтверждает У. С. Фергюсон, который указывает, что, согласно Дуриду Самосскому, ежегодные доходы Афин во время правления Деметрия Фалерского достигли 1200 талантов. Даже при Перикле доходы были не так велики. Несмотря на истощение после военного поражения, Деметрий поднял их до такой же суммы, какой достиг

Ликург. Поэтому факт процветания Аттики при Деметрии признавали даже его противники. «Торговля,— пишет английский историк,— велась активно, цены были хорошими, снабжение продуктами питания — обильное»⁸⁷. Деметрий Фалерский позаботился, чтобы город не нуждался, чтобы его торговля была прибыльна. Так говорил о нем его враг Демохар.

Несмотря на соперничество Родоса и Делоса, Афины по-прежнему остаются торговым центром на севере Эгейского моря. Это видно из следующего: Спарток III — царь Боспора заключает с ними симмахию в 289/8 г., а Аполлеон — царь Пеонии посылает в это же время дары афинянам. Очевидно, налицо торговые связи между ними и афинянами. Греция все еще осталась рынком для Пеонии, Фракии и Понта. Греческие города вели также торговлю с Македонией, из которой они вывозили хлеб и лес. Для диадохов в греческих городах строились корабли, осадные машины.

Найденные при раскопках Нимфея, Пантикапея и других городов греческие пифосы, амфоры, килики, залегавшие в слое эллинистического периода, подтверждают высказывания Диодора о наличии оживленной торговли между греческими городами и Северным Причерноморьем. С известной долей вероятности можно предположить, что греки в период диадохов привозили в причерноморские города вино, а не зерно, которого у них было мало и которое, желая привлечь их расположение, дарили им македонские военачальники. Так, Деметрий Полиоркет после взятия Афин в 298 г. до н. э. дал жителям города 100 тыс. шеффелей хлеба⁸⁸. На короткое время в связи с открытием новых рынков для греческих товаров после восточных походов Греция усилила свою экономическую активность. Приток денег с Севера и с Востока удешевил в Греции благородные металлы. В свою очередь, она сама стала рынком для восточных стран. Так, Египет посылал туда зерно, папирус, стекло, фаянс.

От создания новых путей и торговых городов на Востоке выиграл больше всего Родос, лежащий на пересечении новых торговых путей из Антиохии на запад и из Александрии на север. Благодаря своему благоприятному географическому положению между Египтом, Кипром, Сирией, Финикийским побережьем и Грецией, этот остров стал важным посредником в торговле зерном и вместе с другими соперниками Афин — Милетом и Эфесом — постепенно стал ограничивать торговую гегемонию афинского государства. О большом значении, которое приобретал этот важный торговый центр, свидетельствует стойкая оборона родосцев против осады города Деметрием Полиоркетом. Об этом же говорит тот факт, что жители острова оказывали помощь в этой борьбе другие диадохи⁸⁹.

Окрепло и экономическое значение острова Делоса. В 315/14 г. до н. э. Делос, благодаря накопленным богатствам, приобретает независимость от Афин. Антигон и Деметрий сделали его центром лиги островов и центром торговли, которая находилась в руках иностранцев. Хотя интересы диадохов и военные конфликты между ними создавали городам экономические и финансовые затруднения,

тем не менее, не оставляет сомнения тот факт, что в эпоху диадохов неизмеримо расширились торговые связи между отдельными частями древнего мира. Морская и сухопутная торговля средиземноморских стран с далекой Индией и другими странами Юго-Восточной Азии приобретает огромное значение. В сферу торговли и товарного обращения отныне включается и племенная периферия.

Характеризуя экономическое положение эпохи Александра и после него, Ростовцев определил ее как время «возможностей и надежд»⁹⁰. Однако, как справедливо отметил А. Б. Ранович, Ростовцев оценивает экономическое положение только с точки зрения денежного обращения, а не с точки зрения производства. Поэтому он видит симптом расцвета в том, что было много богатых людей. А восхваление роли войска и войны как экономического фактора -- обычная формула, которой прикрываются империалистический разбой и угнетение колоний⁹¹.

Бурное и яркое, по своим внешним проявлениям, экономическое оживление, охватившее восточно-средиземноморский мир в результате восточных походов, дало М. И. Ростовцеву право говорить о том, что до конца диадохов существовало экономическое единство не только *de iure*, но и *de facto*⁹². А. Б. Ранович, давший глубокую критику основных положений концепции Ростовцева в вопросе об экономическом единстве при диадохах, кое в чем разделяет его точку зрения. Он указывает, что, несмотря на почти непрерывные войны, в период диадохов создавались условия для расширения экономики путем преодоления прежней ограниченности отдельных замкнутых территорий, благодаря расширению экономических связей и втягиванию отдельных отсталых районов в более или менее единую систему хозяйства⁹³. Период диадохов Ранович считает «неизбежным результатом возникновения экономического единства всего эллинистического мира»⁹⁴.

В действительности это было не совсем так. Правда, на Востоке диадохи нашли некую систему экономической организации Александра, который, в свою очередь, ее частично перенял от персов. Эта система в силу исключительной социально-экономической пестроты его империи не могла создать экономического единства. Такое наследство Александр оставил своим преемникам. Последние еще большие усугубили экономическую нестабильность, решив различными путями отделаться от тех элементов этой системы, которые им мешали.

Экономическое развитие эпохи диадохов наталкивается на ряд непреодолимых трудностей, мешавших установлению прочного экономического единства. Такими противодействующими силами были: во-первых, неравномерность социально-экономического развития различных частей государства Александра, определившая им разные исторические судьбы. Не была преодолена экономическая разобщенность отдельных областей государства. Не могли полностью интегрироваться экономические основы греческого полиса и восточных монархий. Кроме того, Восток представлял собой комплекс различных типов экономической жизни. Греки столкнулись

с рабовладельческими обществами, насчитывавшими многие столетия самостоятельного экономического развития, а также с обществами, с не сложившимися еще классовыми структурами. Специфической чертой экономики греческих государств была ее зависимость от других районов. Лишь некоторые из них могли произвести все нужное для себя сами. Многие из-за связи с морем нуждались в материалах для кораблестроения, металлах для орудий и оружия. Одной из наиболее ярких черт греческой экономики было существование независимых союзов, самостоятельных в экономическом отношении, действовавших без учета интересов соседей. Новые Федерации островов создавались Антигоном и были унаследованы Птолемеем.

Таким образом, греческая экономика, определявшаяся особенностями развития полиса и самостоятельных в экономическом отношении, независимых союзов, встретила на Востоке с существовавшим многие столетия комплексом различных типов экономической организации. Страны и области Восточного Средиземноморья, не одинаковые по своему уровню экономического развития, по своим экономическим ресурсам, сохраняли свои особенности, с ними не могли не считаться диадохи. Будучи вынужденными приспособить свои планы к уже имеющимся экономическим отношениям, они были не в состоянии органически сочетать эти различные экономические комплексы, укрепить слабые экономические связи между областями, ликвидировать экономическую нестабильность в различных частях империи, чем определялась неминуемая ее гибель. Кроме того, укреплению экономического единства мешало постоянное соперничество диадохов. Если при Александре экономическая политика определялась им самим, то при его последователях каждый из них должен был контролировать экономику с учетом не только своих собственных интересов. При этом, каждый диадох стремился использовать внутренние ресурсы захваченных земель, для чего шли, в борьбе между ними, усиленные поиски эффективной экономической системы.

Лучше всего говорят нам об этих поисках папирусы Египта времен Птолемея Филадельфа. Сомневаться в том, что Филадельф продолжал своих предшественников в этом отношении, не приходится; этот процесс начался еще при диадохах. Он был направлен на концентрацию усилий населения на производство большей продукции, а также на рациональное использование ресурсов страны, путем применения при этом технических нововведений, уже известных в других странах.

Известно, что Птолемей и Селевк были не только политическими, но и экономическими лидерами. Их усилиями, в известной мере, удалось укрепить экономическую жизнь Египта и Азии. Но этот успех был подорван политическим и экономическим соперничеством этих двух деятелей. Их торговые интересы сталкивались во многих местах: в Индии, Финикии, Малой Азии. В связи с этим следует иметь в виду, что одни диадохи стремились централизовать конгломерат, следуя в экономическом плане объективному развитию

мировой торговли; другие — закрепились в локальных районах, отражая потребности и уровень развития производства, степень разделения труда отдельных регионов. Поскольку для подлинно мировой торговли объективные условия в то время еще не сложились, постольку производство является определяющим, — проложила себе пути и победила вторая тенденция. Наконец, экономическому развитию мешали религиозные предрассудки и теократические учреждения на Востоке.

Все эти обстоятельства, характерные для эпохи диadoхов, вместе со сложной социальной борьбой и разорительными коалиционными войнами, были основными причинами распада государства Александра. Они же определяли особенности экономического развития эллинистических государств.

§ 2. Народные движения и социальная борьба на Балканах

Распаду государства способствовали не только экономическая нестабильность, но и многочисленные антимакедонские выступления, сочетавшиеся с ожесточенной социальной борьбой во многих регионах Европы, Азии и Африки. Смерть Александра развязала центробежные силы и дала мощный толчок народным движениям. Поэтому нельзя согласиться с высказываниями ученых, пытающихся ограничить размах этих движений и умалить их значение в процессе распада империи Александра. Так, Дройзен, будучи уверен, что для восточных народов Александр был «милостивым и полным отеческих чувств владыкой», утверждал, что «ни один из всех народов Азии не воспользовался смертью царя для попытки сбросить с себя господство, что может служить не только доказательством политического индифферентизма этих народов, но и той твердости организации, которую Александр сумел придать своему государству»⁹⁵. П. Жуге, согласуясь по этому вопросу с Дройзеном, указывает, что в день смерти Александра «берега Евфрата огласились стенаниями его восточных подданных» и покореженные им народы не шевельнулись. Даже напротив, «именно горе азиатов проявилось с неистовой силой и, может быть, они не были неправыми, оплакивая его»⁹⁶. Весьма часто антимакедонская борьба в восточных странах отрицается и в современной буржуазной историографии⁹⁷.

Эти высказывания, однако, не согласуются с исторической действительностью и находятся в резком противоречии с данными античных авторов. Последние приводят достаточно доказательств наличия освободительных войн и антимакедонских восстаний как в Европе, так и в Азии. Эти выступления не свидетельствуют о твердости государственной организации, о чем так определенно писал Дройзен. Поэтому вряд ли правильно полагать, что жестокая социальная борьба проходила главным образом в Греции, а Восток выглядел индифферентным к новой власти и безучастно взирал на диadoхов⁹⁸. В действительности народные движения и социальная борьба, разной степени интенсивности, разворачивались на более

широкой территории и затрагивали разные народы и этнические образования.

Особенно важной ареной антимакедонской и социальной борьбы стала Греция, которая в международной политике раннеэллинистического периода играла огромную роль. Все диадохи, руководствуясь личной выгодой, боролись за влияние в греческих полисах, вмешивались в их внутренние дела, произвольно сменяя их политические режимы⁹⁹. Антимакедонское движение в Греции началось с большой войны, известной в истории как «эллинская» или «ламийская». Еще в 324 г. до н. э. Александр издал декрет о возвращении на родину всех политических изгнанников из греческих городов и о возмещении им прежнего имущества. Наместнику Македонии Антипатру было приказано принудить силой тех, кто будет противиться выполнению этого приказа. Этот декрет, задуманный Александром с целью увеличения собственной славы и популярности, а главным образом для приобретения в Греции наибольшего числа своих сторонников, внес ломку в экономические отношения греческих государств. Он был прямым нарушением постановления коринфского союза, так как представлял собой ничем не прикрытое вмешательство в их внутренние дела.

Этот декрет не подвергался обсуждению в синедрионе, а был оглашен Александром на Олимпийских состязаниях в форме приказа. Особенно тяжелые последствия имел он для Этолии и Афин. В случае приведения его в исполнение Афины лишались своей важной колонии — острова Самоса. Поэтому декрет вызвал волну протеста в Греции. Кроме того, многие, боясь мести вернувшимся на родину противников, стали разжигать антимакедонские настроения масс, доказывая, что возвращение такого большого количества людей непомерно ухудшит положение самих греков. Особенно сильны были эти оппозиционные настроения в Афинах и в Этолии, однако ни афиняне, ни этоляне не решались выступить против Александра. Но уже в июле 323 г. до н. э. или даже немного раньше, когда до Греции дошли слухи о смерти Александра, еще официально не подтвержденные, эллины готовы были поднять восстание против македонского господства. Инициаторами антимакедонского движения были соперник Демосфена — оратор Гиперид и полководец Леосфен. Первый в ответ на похвальные отзывы о македонском наместнике Антипатре сказал: «Мы знаем, что он прекрасным повелитель, но мы не нуждаемся ни в каком прекрасном повелителе»¹⁰⁰. Что касается второго, то, как указывает Павсаний, он «был человеком опытным в военном деле», раньше оказавшим услугу всем эллинам. Когда Александр решил поселить в Персии всех греков, которые в качестве наемников служили у Дария и его сатрапов, Леосфен предупредил его, переправив их на кораблях в Европу¹⁰¹. После значительного отсутствия Леосфен в начале 324 г. до н. э. появился в Аттике и получил должность «стратега территории» на 324/323 г. до н. э. Еще при жизни македонского царя он набрал наемников среди тех, которые были сосредоточены у мыса Тенар — на южной оконечности Пелопоннеса.

Другие наемники прибыли из разных армий, некогда набранных сатрапами и расформированных по приказу Александра. Возможно, что среди наемников были и те из 6 тыс. солдат Гарпала, которых афиняне отказались принять. Как бы то ни было, Леосфен собрал значительные военные силы и стал готовиться к войне. Он тайно поддерживал связь с афинским советом 500 и добился у него суммы в 50 талантов и большого количества оружия для наемников¹⁰². Весной 323 г. до н. э. он был переизбран стратегом, может быть даже «стратегом гоплитов», то есть наделен правом вести внешние операции на 323—322 г. до н. э.¹⁰³.

Вначале в Греции отказывались верить смерти Александра. «Мир был бы полон запаха от его трупa»,— заявил Демад¹⁰⁴, но когда до Аттики официально дошла весть, которую принес Гиппарх, сын Александра, антимакедонское движение получило новый импульс. Оно стало охватывать почти все города Греции и переплеталось с социальной борьбой в греческих государствах. Это движение привело к резкому размежеванию общественных сил. Как справедливо указывает П. Клоше, сторонники восстания нашлись не среди богатых собственников, а в наиболее скромных социальных слоях населения, ибо обеспеченные слои оставались слишком связанными с иноземным владычеством¹⁰⁵. Это указание жидется на утверждение Диодора о том, что «имущие советовали оставаться в мире, а демагоги призывали массы открыть военные действия»; решение начать войну было победой для людей «привыкших жить за счет возмещения за убытки» (μισθοί) и для которых, как это говорил Филипп, «война есть мир, а мир — война»¹⁰⁶.

В биографии Фокиона Плутарх подробно излагает мотивы против войны, выдвинутые этим государственным деятелем. Верхушка афинского общества, крупные рабовладельцы, купцы не желали войны. Они не стонали от тяжести военных контрибуций и от произвола гарнизонов, вступивших в их города. Борьба политических группировок усилилась. Начались преследования ставленников Македонии. Против Демада был вынесен ряд обвинений в параномии, и после третьего осуждения он потерял право произносить речи к народу¹⁰⁷. За внесение предложения чтить Александра как бога он был наказан штрафом в 100 талантов. Были изгнаны оратор Пифей и Каллимедонт по прозвищу «Краб», которые бежали из Афин, перешли к Антипатру и вместе с его друзьями и посланниками объездили города Греции, чтобы помешать им выйти из-под власти Македонии и примкнуть к афинянам¹⁰⁸. Даже Аристотелю пришлось пострадать, ибо он был другом царя. Ему было предъявлено обвинение в безбожии, он был осужден, бежал в Халкиду на остров Эвбею, где вскоре и умер¹⁰⁹.

В этой ожесточенной борьбе общественных сил победили демократы. Народное собрание приняло декрет, предписывавший афинскому народу стеречь «всеобщую независимость эллинов» и освободить города, оккупированные иностранными гарнизонами. Этот декрет обязывал построить сорок тетрер и двести триер; все афиняне до 40 лет должны были участвовать в военных действиях;

три филы из десяти должны охранять территорию, а семь остальных быть готовыми действовать за пределами страны. Кроме того, послы должны отправиться в различные греческие города со следующим заявлением: «Афинский народ считает, что вся Греция является общей родиной всех эллинов, некогда разбивших на море варваров, которые хотели продать их в рабство; сегодня афиняне считают себя обязанными рискнуть своей жизнью, имуществом и флотом, чтобы обеспечить общее спасение греков». Декрет, восклицает Диодор, порицает «слишком благоразумных эллинов»: разве без крайней необходимости Афины набросились бы на «непобедимые силы»? Он напоминает об ужасной фиванской катастрофе 335 г. до н. э. Тем не менее послы выполнили свою задачу, обеспечив афинянам содействие большей части греческих городов и народов¹¹⁰.

В этой эллинской, или «ламийской», войне Афины приобрели много союзников¹¹¹. Первыми из греков, откликнувшихся на их призыв, были «все этолийцы». Леосфен выдал жалованье и оружие наемникам и проник в Этолию. Приняв его с радостью, население этой страны предоставило в его распоряжение 7 тыс. воинов. Затем он предложил различным народностям, особенно докридцам и фокидцам, отстоять свою «автономию» и освободить Элладу от «македонского деспотизма»¹¹². Одна надпись хранит фрагменты афино-фокидского договора от октября 323 г. до н. э.¹¹³. К этим союзникам, помощь которых уже позволила Леосфену занять Фермопилы и преградить доступ врага в центральную Грецию, рано или поздно присоединятся другие, очень точный, если не абсолютно верный перечень которых дан в изложении Диодора¹¹⁴. В нем, кроме указанных, отмечаются фессалийцы (за исключением жителей Пелинны); этеенцы (за исключением гераклейцев); ахейцы из Фтиотиды (за исключением жителей Фив, живущих в этой области); малиенцы (за исключением жителей Ламии); все города Дориды, энианцы, жители Ализии; долопы, афаманы и левкадцы; народы Эпира — молоссы, присоединившиеся к коалиции под руководством своего царя Аминты, который, однако, позднее стал действовать вместе с македонянами; на северо-западе и востоке Македонии вошли в антимакедонскую коалицию некоторые из иллирийцев и фракийцев, которые ненавидели македонян. Сюда же примкнет Каристос Эвбейский, часть пелопонесцев и др.

Особое значение имело присоединение к восстанию Этолии, предоставившей восставшим отличную легкую и среднюю пехоту, и несколько позднее — Фессалии, с ее первоклассной конницей. Демосфен, бежавший из Афин еще в феврале 323 г. до н. э. и живший в Трезене, уже не в первый раз решил своим красноречием послужить народному делу¹¹⁵, в частности, перед собранием аркадцев, которых Пифия убеждала оставаться нейтральными. Результаты этой дипломатической кампании не оказались ничтожными. «Аргосцы, сикионцы, элейцы, мессенцы и жители Акте (трезенцы и эпидаврцы), — пишет Диодор, — примкнули к антимакедонской коалиции»¹¹⁶. Демосфен убедил их принять участие в борьбе¹¹⁷.

Правда, это решение осталось недействительным: во время конфликта, если верить Павсанию, аркадцы стояли ни за, ни против греков¹¹⁸.

Одновременно с дипломатическими усилиями начались и продолжались под руководством Леосфена военные операции (летом 323 г. до н. э.), которые были проведены, по указанию Павсания, «более блестяще, чем даже от него могли ожидать». Леосфен располагал в них не только множеством своих наемников и 7 тыс. солдатами, присланными этолийцами, но также значительными силами, отправленными Афинами и насчитывавшими 550 пехоты и всадников афинских и 2 тыс. наемников. Эта армия пересекла Беотию, чтобы встретиться с Леосфеном. На пути ей пришлось преодолевать сопротивление беотийцев, которые присоединились к македонянам и проявили враждебность по отношению к Афинам. Узнав об этих затруднениях, Леосфен покинул Фермопилы, чтобы поддержать войска, отправленные его согражданам. Он разбил беотийцев, забрал трофеи и поспешил вернуться на свои прежние позиции, где усилил оборону фермонильских проходов и стал ждать македонского наступления¹¹⁹.

И, действительно, наместник Македонии не оставался пассивным: греческое, антимакедонское выступление, уже довольно серьезное в 324 г. до н. э., не могло его удивить, и он не ошибался насчет его назначения. Считая невозможным подавить неизбежное восстание только теми войсками, которые находились в Македонии, он настойчиво требовал подкреплений. Как подчеркивает Диодор, Антипатр, «узнав о кончине царя в Вавилоне и о разделе сатрапий», потребовал у Кратера, находившегося в это время в Киликии, как можно быстрее оказать ему помощь. Кратер, как известно, действительно был послан в этот район, чтобы переправить в Македонию более 10 тыс. македонян, освобожденных от службы. Антипатр обратился также к сатрапу геллеспонтской Фригии, чтобы одновременно получить подкрепление и предложить ему руку одной из своих дочерей¹²⁰.

Как только в Македонии стало известно о создании антимакедонской коалиции в Греции, Антипатр передал военное командование на своей родине некоему Сиппасу и приказал вербовать как можно больше людей. Затем, во главе 13 600 македонской пехоты и конницы, он проник в Фессалию. Одновременно эти силы поддерживались флотом в 110 триер, на которых Александр вывез в свое царство огромные богатства из казны персидского царя. Фессалийцы, которые долгое время были союзниками — подданными Македонии, вначале предоставили свою первоклассную конницу в распоряжение Антипатра, укрепив тем самым его армию количественно и качественно. Однако, немного спустя, фессалийцы, под влиянием афинян, привели свою конницу в лагерь Леосфена. Как указывает Диодор, они собирались таким образом «сражаться за свободу эллинов».

У Гераклеи встретились армии противников. Чувствуя превосходство сил греков, Антипатр хотел уклониться от сражения, пока

не придет помощь из Азии. Но сражение было ему навязано, и он был разбит до такой степени, что больше не осмеливался вступать в борьбу. Союзные войска в бою проявили значительное тактическое превосходство над македонскими. Эта победа эллинов вызвала новую волну патриотического движения по всей Греции. Окрыленные ею, против Македонии восставали все новые и новые города, началось еще большее брожение среди жителей Пелопоннеса. Важное значение имел переход на их сторону Фессалии, кроме того, в это время окончательно распадался Коринфский союз, служивший опорой македонского влияния на Элладу.

Антипатр, не сумев даже обеспечить себе безопасность в Македонии, укрылся в городе Ламии, расположенном невдалеке от залива Малиакского и окруженном прочными стенами; там он в середине или в конце лета 323 г. до н. э., собрав все войска, большое количество оружия, катапульта и продовольствия, стал поджидать подкреплений из Азии¹²¹.

Решив покончить с Антипатром еще до прибытия подкреплений, Леосфен расположился со своей армией под Ламией и окружил свой лагерь глубоким рвом. Затем он продвинулся до крепости и предложил македонянам сражение, но те, имея слишком малый состав, не осмелились выйти из города, на штурм которого много раз бросались осаждавшие. Однако их противники защищались мужественно и нанесли грекам значительные потери. Отказавшись от мысли взять Ламию штурмом, Леосфен решил ограничиться перехватом обозов с продовольствием, направляющихся к крепости. Последнюю он счел необходимым взять измором. С этой целью Леосфен приказал соорудить стену и вырыть широкий ров, чтобы лишить македонян всякого сообщения с внешним миром (особенно с ламийским портом Фалара). Антипатр, не способный дать решительного сражения афинскому флоту, который имел численный перевес над его флотом, поднял руку на населенный пункт маратонского побережья Рамнунт. Однако стратег Фокион, участвуя в войне, которую он в принципе осуждал, сорвал это мероприятие. В это же время другой стратег, Федр, захватил Эвбею, оставшуюся верной Македонии, и разрушил Стиру, расположенную близ Каристоса¹²².

Эти скромные успехи почти не ускорили продвижения осаждавших Ламию. Некоторые из них стали падать духом. Крестьянам нужно было обрабатывать землю, поэтому они желали уйти домой. Этоляне потребовали, чтобы Леосфен отпустил их в Этолию; чтобы «заняться там своими собственными делами», им нужно было выбрать нового стратега. Леосфен вынужден был исполнить их просьбу, но их уход серьезно ослабил силы осаждавших. Однако это не уменьшило решительности их вождя, который имел право рассчитывать на продовольственные трудности македонян. По словам Диодора, город рисковал погибнуть от голода¹²³. По этой причине, без сомнения, Антипатр старался договориться с Леосфеном, но последний потребовал безоговорочной капитуляции¹²⁴. Борьба продолжалась. Но в это время от несчастного случая погиб Леос-

фен. Когда он находился в только что выкопанном рву, ему на голову упал камень; Леосфен в бессознательном состоянии был отнесен в лагерь, где на третий день скончался¹²⁵. Похвальное слово на его могиле произнес Гиперид. В этой речи оратор изложил заслуги Леосфена в борьбе с македонянами. Гиперид говорил, что на фундаменте, заложенном Леосфеном, теперь создается дело будущего¹²⁶.

Смерть Леосфена была тяжелым ударом для греческих союзников и привела их в уныние¹²⁷. Вместо Леосфена полководцем был избран некий Антифил, который, хотя и не мог полностью заменить погибшего, но, по утверждению Диодора, отличался ловкостью и мужеством¹²⁸. Греки продолжали блокировать Ламию с суши и моря: 110 кораблей Антипатра были, разумеется, не способные противостоять в открытом море 240 триерам и тетрерам, выставленным Афинами в начале войны. Но Антипатр продолжал удерживать Ламию, надеясь на близкую помощь из Азии. Две армии готовились к решительным схваткам¹²⁹.

Леоннат, прибывший в 322 г. до н. э. в Македонию с далеко идущими замыслами, усилил свою армию рекрутами. С 22 500 пехоты и конницы он проник в Фессалию и двинулся против осаждавших Ламию, число которых уменьшилось из-за ухода этолийцев и других союзников. Чтобы помешать соединению Леонната и Антипатра, Антифил снял осаду с Ламии, поджёг свой лагерь и переправил военные обозы в г. Мелитею; затем он поспешно двинулся навстречу Леоннату. Эллинская армия, насчитывавшая 22 тыс. пехоты и 3500 всадников, была более многочисленна, чем армия Леонната, но ее преимущество было в том, что среди 3500 конницы находилось 2 тыс. хорошо обученных фессалийцев.

Военные действия начались продолжительной схваткой конницы. Фессалийская конница, изменив македонянам, «увлекала всех своей доблестью». Разбитый Леоннат отступил к болотистому месту и там погиб. Его труп солдаты отвезли к обозам. Таким образом, благодаря фессалийской коннице и ее руководителю Менону, греки одержали блестящую победу. Но этот успех был не окончательным, так как македонская фаланга, уклонившись от битвы на равнине и заняв соседние возвышенности, укрепилась на них. С этих пор фессалийская конница, как отмечает Диодор, перестала быть полезной. Греческая армия захватила свои трофеи, подобрала своих убитых и покинула поле.

На другой день произошло объединение двух армий. Антипатр был доволен. Его потенциальный противник Леоннат погиб, а его солдаты соединились, создав внушительную и угрожающую силу. Но в открытое наступление он не пошел. Превосходство греков в коннице заставляло его опасаться нового сражения на равнине, поэтому он оставил окрестности недавнего сражения, спускаясь по крутым дорогам холмов. Антифил воздержался от преследования отступающих, расположился лагерем в Фессалии и ограничился наблюдением за продвижением неприятеля¹³⁰. Греки только что одержали прекрасный тактический успех, но он был лишен страте-

гической ценности, ибо силы неприятеля избежали полного разгрома и могли возродиться с прибытием новых подкреплений из Азии. Блестящие надежды, которые сулили первые операции Леосфена, не осуществились. Хотя военные действия еще продолжались, но шансы на победу были уже на македонской стороне: греки не могли надеяться на увеличение своей армии, тогда как Кратер вел в Европу значительные силы. Вскоре и Эгейское море было полностью очищено от афинских триер. После своей победы при Абидосе македонский флотоводец Клит продолжил свой путь к Греции. Афины реорганизовали свой флот, и последнее сражение разыгралось в водах Аморгоса (на западе от Коса) в июне 322 г. до н. э., сражение, погубившее афинян и сделавшее их противников хозяевами Эгейского моря.

После сражения у Аморгоса ничто больше не препятствовало массовому наплыву македонских подкреплений в Европу. Важное подкрепление составляли войска Кратера. Прибыв в Фессалию, он, если верить Диодору, добровольно уступил командование Антипатру. Оба собирались разбить лагерь на берегах Пенея. Их объединенные силы насчитывали (включая и остатки войск Леонната) 50 тыс. человек¹³¹.

Греки разбили свой лагерь недалеко от Краннона, напротив своих противников. Армия Антифила едва насчитывала 25 тыс. пехоты и 3500 конницы. Греки решили не вступать в бой, пока не придут еще отсутствующие союзники. Но Антипатр, имея намерение раньше использовать свой большой численный перевес, собирался вынудить противника принять сражение, устраивая каждый день вылазки своих солдат. Перестав ждать подкреплений, греки приготовились к битве. Они поставили конницу перед своей пехотой, при помощи которой рассчитывали победить.

Битва началась 5 сентября 322 г. до н. э., когда конница ринулась в бой и исход сражения склонился в пользу фессалийцев. Но в это время Антипатр двинул свою фалангу, которая нанесла тяжелый урон греческой пехоте. Последняя, «сгибаясь под ударами и числом своих врагов», заняла соседние возвышенности. На этой новой позиции армия Антифила могла легко защищаться. Впрочем, к ней скоро присоединилась и фессалийская конница. Македоняне выиграли это сражение, не достигнув решительных результатов. П. Клоше полагает, что если бы к грекам пришли их союзные войска, они могли продолжить борьбу со значительными шансами на успех¹³².

Потерпев внушительное поражение на суше в Фессалии при Кранноне и на море при Аморгосе, афиняне вынуждены были в сентябре -- октябре 322 г. до н. э. просить мира¹³³. Инициаторами мирных переговоров были Фокион и Демад, различные по характеру, образу мыслей и действий. Плутарх рисует 80-летнего Фокиона строгим и милосердным, осторожным и мужественным, справедливым и бесстрашным, искусным оратором и опытным полководцем, 45 лет занимавшим должность стратега. Что касается Демада, то он предстает человеком, лишенным всякой целеустремленности, ко-

рыстолобивым и алчным, много лет угодничавшим перед македонянами и Антипатром¹³⁴. В то же время он обладал острым умом, здраво понимал потребности времени, с чрезвычайной легкостью приспособлялся к различным ситуациям, обладал выдающимися ораторскими способностями. Антипатр, как сообщают, говорил, что у него в Афинах два друга — Фокион и Демад: первого он никак не убедит принять от него подарок, а второму сколько не дарит — все мало. Фокион как высшим достоинством гордился бедностью, в которой прожил всю жизнь, хотя бывал стратегом и дружил с царями, а Демад рисовался своим богатством, не останавливаясь при этом даже перед нарушением закона¹³⁵.

Из данных Плутарха и Диодора можно сделать вывод, что безоговорочной капитуляции Афин предшествовали дипломатические усилия, которые успеха не имели. К победителю были посланы два посольства: в обязанность первого входило заключение перемирия, другого — мирного договора. Первое афинское посольство в составе Фокиона, Демада, Деметрия Фалерского и других должно было добиться заключения перемирия на месте, без перемен позиций, тогда как македонский наместник еще стоял в крепости Фив в Кадмее, имея явное намерение вторгнуться в Аттику¹³⁶. На этом настаивал Фокион. Против этого возражал Кратер: «Фокион толкает нас на несправедливость: он хочет, чтобы мы оставались на земле своих друзей и союзников и причиняли убытки им, в то время как можем существовать за счет противника»¹³⁷. Но Антипатр в этом вопросе согласился с Фокионом, считая, что «все остальное афиняне должны предоставить на усмотрение македонян». Македонские войска, таким образом, были остановлены у порога Аттики.

Когда афиняне вынуждены были согласиться с условиями перемирия, в македонский лагерь было послано второе посольство, в которое входил Ксенократ из Халкедона — глава афинской академии, имевший добрую славу, вызывавший всеобщее восхищение и пользовавшийся исключительным авторитетом у греков. Как указывает Плутарх, Ксенократ был включен в состав посольства потому, что с помощью этой знаменитой личности афиняне надеялись внушить победителям некоторую уверенность¹³⁸. На переговорах, где, прежде всего, был поставлен вопрос о конституционных изменениях, обнаружились две точки зрения. С одной стороны, Ксенократ горячо выступал в поддержку традиционного режима Афин. Однако его мнение было решительно отвергнуто македонским наместником¹³⁹. Последний полностью поддержал точку зрения Фокиона и Демада, полагавших, что необходимы конституционные перемены, которые поставят город под управление имущих слоев населения. Он расходился с ними лишь в том, что настаивал не только на отмене демократической конституции, но и на размещении на афинской земле македонского гарнизона. Против последнего выступил Фокион.

С большой точностью, которая обычно не присуща Плутарху, он указывает на четыре главных требования Антипатра: 1) Афины

обязаны выдать антимакедонских ораторов, особенно Гиперида и Демосфена; 2) афиняне должны восстановить «конституцию предков», которая фиксировала политические права в зависимости от диадохов; 3) в город вводится гарнизон и размещается на холме Мунихия; 4) афиняне обязаны выплатить издержки на войну и налог¹⁴⁰. Эти требования были очень тяжелыми для Афин, ибо подрывали их экономику, фактически лишали их независимости, ущемляли гражданские права населения¹⁴¹. Недаром Ксенократ сказал по этому поводу, что, «будь афиняне рабами, требования Антипатра можно было бы назвать скромными, но для людей свободных они слишком тяжелы»¹⁴². Несмотря на это, афинские послы, за исключением Ксенократа, приняли эти условия мира. Фокион, правда, требовал или хотел потребовать, чтобы в Аттике не стояли македонские гарнизоны, но Антипатр ему ответил: «Мы идем на все уступки, которые тебе удобны, за исключением тех, которые бы погубили тебя, а также и нас»¹⁴³. После этих слов Фокион хранил красноречивое молчание. Что касается Демада, то он, по словам Плутарха, представляется политиком, абсолютно послушным воле тех, кого он не переставал поддерживать с 338 г. до н. э., а потому принявшим без возражений все требования Антипатра¹⁴⁴.

Уместно отметить, что не только оружие помогло Антипатру завоевать Афины. Само социально-экономическое положение Афин создавало благоприятную почву для укрепления македонских позиций. Кризис в демократическом движении Афин, с одной стороны, и временное оживление афинской экономики, связанное с восточными походами Александра, — с другой, укрепили положение зажиточных афинян, заинтересованных в союзе с Македонией. Опираясь на них, регент Македонии стал быстро проводить в жизнь условия мирного договора¹⁴⁵. Немедленно была решена участь антимакедонских деятелей и афинских патриотов: Гиперида и Демосфена. Как только они покинули Афины, Антипатр отправил за ними в погоню своих преданных людей под начальством Архия по прозвищу «Охотник за беглецами». Захваченные в храме в Эгине Гиперид и два его сторонника были вытасканы из святилищ и казнены. Гипериду перед казнью еще вырезали язык¹⁴⁶. Что касается Демосфена, то он предупредил убийцу и покончил с собой в храме Посейдона на Калаврии, где находился¹⁴⁷.

В октябре 322 г. до н. э. македонский командир Менипп ввел воинское подразделение в Пирей и расположил его в Мунихии в форте на холме, возвышавшемся над афинской гаванью¹⁴⁸. Этого гарнизона было вполне достаточно, чтобы напугать афинян и поставить имущие слои во главе государства. Под влиянием Антипатра управление делами города полностью перешло в руки аристократии. Демократический режим Афин был отменен, многие афиняне согласно новой конституции были лишены политических прав. Имущие слои прочно стали у власти. Это было сделано с помощью лишения прав всех афинян, которые не обладали собственностью не менее 2 тыс. драм, то есть 12 тыс. человек.

Эта мера, поставившая в привилегированное положение только

9 тыс человек, имела важные последствия социально-экономического порядка. Она привела к ограничению числа избирателей, опустошила суд присяжных и уменьшила на 4/7 количество эфэбов; к отстранению демоса от управления и уничтожению демократических привилегий; к реорганизации финансовой системы. Конституция исключила из числа избирателей тех, кто подлежал службе в армии (гоплиты); лишение привилегий распространилось также на тех, кому гражданство представлялось специальным голосованием эклесий; были отменены выборы по жребию и заменены выборами из числа граждан, имевших право голоса; поскольку бедняки не имели гражданских прав, прекратилась плата за посещение собраний, за присяжное председательство и, может быть, за получение должностей. Фергюсон полагает, что в это время была отменена комиссия теорикона, и ее место занял чиновник, основной функцией которого был контроль за администрацией¹⁴⁹.

Эта замена была только частью общей реорганизации финансовой системы, так как с этого времени в афинских источниках больше не упоминается должность (сборщик). Вероятно, в то же время было упразднено казначейство военных расходов. Теперь, когда Афины перестали вести широкую военную политику, не стало нужды в организации, владеющей армейскими деньгами. Олигархи восстановили финансовую систему Эмбула — один человек должен был получать и распределять государственные доходы и контролировать выплату денег. Отменен был комитет 10 присутственных, пять из которых работали в городе, а пять — в Пирее; перестал существовать секретарь пританеи, который заведовал опубликованием и исполнением декретов. Его обязанности были распределены между двумя его подчиненными контролерами и секретарем герусии; были сокращены и некоторые другие должности.

Произошли изменения и в самом правительстве. Они заключались в том, что богатые люди получили право как определять общую политику, так и следить за работой администрации внутри государства. Реализация этого принципа вела за собой отстранение народа и передачу всей общественной деятельности и прав гражданства 9 тыс. афинян. Отстранение демоса повлекло за собой значительное уменьшение количества должностей и чиновников, а также упразднение важного демократического принципа, согласно которому никто не может быть избран в совет более двух раз и назначаться на должность более одного раза за всю жизнь. При наличии 9 тыс. граждан такая задача становилась неразрешимой¹⁵⁰.

О проведении в жизнь условий мирного договора, который устанавливал цензovou конституцию, мы узнаем из сообщений (правда, не всегда согласованных) Днодора и Плутарха. Они оба отмечают следующие изменения: гражданское население Афин было разделено на две части, из которых одна полностью сохранила свои политические права, а другая — лишена этих прав; многие из ее числа будут изгнаны или добровольно удалятся в изгнание в отдаленные районы, особенно во Фракию¹⁵¹. Но к этим согласован-

ным указаниям источников добавляются разночтения. Диодор говорит о 12 тыс. исключенных, покинувших свою родину, в то время как их соотечественники, обладавшие собственностью не менее 2000 драхм, необходимой для пользования политическими правами, остались единственными «хозяевами города и территории». Автор ничуть не утверждает, что все 12 тыс. «исключенных» отправились во Фракию. Те из них, кто желал там оставаться, пишет он, получили земли. По данным Диодора, можно сделать вывод, что афиняне были разделены на три группы: первая состояла из 9 тыс. привилегированных, которые сохранили права гражданства и остались владеть Аттикой; во вторую группу входили те, кто, лишившись своих политических прав, покинул свою страну и отправился во Фракию; наконец, третью группу составляли те, кто эмигрировал не в этот регион.

Текст Плутарха не совпадает полностью по этому вопросу с текстом Диодора. Плутарх указывает, что число лиц, по бедности своей лишенных права голоса, превысило 12 тыс., и одни из них, оставшиеся в городе, считали себя несчастными и опозоренными, а другие, покинувшие из-за этого Афины и переселившиеся во Фракию, где Антипатр предоставил им землю и город, уподобились побежденным, которых изгнал из отчества победоносный враг¹⁵². Как Диодор, так и Плутарх показывают, что по реформе Антипатра афиняне были разделены на три группы, но в отличие от Диодора Плутарх утверждал, что часть исключенных не покинула Аттику и что в целом эмигранты отправились во Фракию.

Возможен ли выбор между двумя этими версиями? По этому поводу среди историков нет единодушия. Фергюсон, например, не считал эмиграцию массовой, иначе, утверждал он, присутствие македонского гарнизона было бы ни к чему¹⁵³. П. Клоше, наоборот, не считал окончательным аргумент, по которому размещение гарнизона в Мунихии было бы необъяснимым, если бы все «исключенные» покинули Аттику¹⁵⁴. Соседство македонских солдат имело целью успокоить собственников и защитить их от возможного выступления изгнанников. Кроме того, Антипатр считал, может быть, полезным с блеском продемонстрировать восстановление македонского господства в мятежном городе; наконец, среди привилегированной группы, куда входили и многие люди средней зажиточности, недовольные своей участью, могли родиться раздоры, бывшие на руку исключенным, желавшим вернуться в Аттику, поэтому присутствие гарнизона у афинских ворот давало возможность немедленно подавить любое волнение.

П. Клоше отдает предпочтение версии Плутарха. Он считает возможным сделать следующее заключение. Реформа осени 322 г. до н. э. в действительности разделила афинян на две группы; одна включала 9 тыс., а другая — 12 тыс. человек и вполне допустимо, что часть второй группы не покинула Аттику, а остальные двинулись либо во Фракию, либо в другую чужеземную страну. Из оставшихся в Аттике афинян те, кто утратил свои политические права, были непременно решительными противниками нового прави-

тельства. Что касается других, «девятитысячников», то в их среде тоже не все были довольны недавними переменами. П. Клоше полагает, что из-за множества привилегированных они были далеки от того, чтобы оставить «олигархию», кучку правителей¹⁵⁵.

Несомненным остается то, что конституция Антипатра оставила политические права меньшинству, но весьма превосходящему численностью тех, которым фераменский проект 411 г. до н. э. предоставлял политическое господство, и, особенно, группу «трехтысячников», которые основали олигархию тридцати. Добавим, что последний привилегированный слой оставлен с явным намерением устранить афинян, подозреваемых в демократических или умеренных симпатиях, тогда как набор девяти тысяч был подчинен простому цензовому признаку. Из этого П. Клоше делает вывод, что внутри довольно многочисленной группы не было единства мнений; незначительность требуемого ценза заставляет нас считать, что многие средние собственники и налогоплательщики могли не быть лишены политических прав. Не сближали ли их интересы и вкусы с бедными соотечественниками и не удаляли ли от богатых? Не исключается, что промакедонская политика нового афинского режима могла натолкнуться не только на враждебность жертв конституционной реформы, но также на серьезные препятствия со стороны тех, кого она пощадила.

Что касается условий мирного договора относительно финансовых дел, то они могли применяться умеренно. Из отрывка Диодора следует, что Антипатр оставил побежденным «полностью их имущество»¹⁵⁶. Выражение это почти ничего не значит, если афиняне были вынуждены с самого начала уплачивать расходы на войну и тяжелый налог. Кроме того, афиняне утратили внешние владения — Ороп и Самос, а изгнанные оттуда клерухи переселились в Аттику, Фракию, Пелопоннес¹⁵⁷. Афины были сурово поражены следующим мероприятием. Мирный договор предусматривал, что вопрос об управлении Самосом должен был, по распоряжению Александра, разрешаться не Антипатром, а Пердиккой. В 324 г. до н. э. Александр предписал различным греческим городам вернуть сосланных лиц; среди 20 тыс. человек, воспользовавшихся этим указом, были самосцы, некогда изгнанные Афинами в угоду клерухам, водворенным в Самосе. Афиняне, не покорившись воле Александра, оставили вопрос неразрешенным, когда молодой царь внезапно умер. Однако Пердикка возвратил самосцам их город и территорию и вернул на родину тех, кто был сослан сорок три года назад¹⁵⁸.

Афинская конституция Антипатра не получила в историографии однозначной оценки. Так, Дройзен считал ее «столь же благоразумной, как и суровой», уничтожившей «демократическую аномалию»¹⁵⁹. Если раньше в демократическом государстве граждане, владевшие имуществом более чем на 2500 драхм, одни должны были нести бремя общественных расходов, в то время как менее состоятельные граждане, составлявшие в народном собрании большинство, вершили общественные и государственные дела, то кон-

ституция Антипатра, как утверждает Дройзен, имела цель представить все права гражданам, чье имущество давало гарантии на сохранение мира с Македонией. М. Кэри считал афинскую конституцию «реакционной», поскольку она отбросила Афины ко временам Солона или к еще более ранним¹⁶⁰.

В греческой историографии многие современные авторы стараются идеализировать деятельность Антипатра ссылаясь на новый избирательный закон, который увеличивал соответственно число зажиточных граждан. Характерно в этом отношении новейшее коллективное издание греческих историков «История греческой нации», где подтверждается эта точка зрения¹⁶¹. Один из авторов Э. Микрояннакис, написавший главу «Распад державы Александра (322—280 гг. до н. э.)», утверждает, что условия мира Антипатра для афинян были умеренными¹⁶². Антипатр не злоупотреблял своим положением победителя, и афиняне не противились ему. Ведь Антипатр не разрушил Афины, а лишь изменил избирательный ценз, вернул клерухов и изгнал демократических ораторов, подстрекавших граждан на борьбу с Македонией. В действительности конституция Антипатра была направлена против греческой демократии и ее вождей. В своей основе она была олигархической. Демократические устои Афин были сведены на нет. В большинстве городов Антипатр изменил конституцию по афинскому образцу, урезая демократические права в греческих полисах. За эти «милости» Антипатр был увенчан золотым венком¹⁶³.

Итак, хотя в течение нескольких месяцев восставшие угрожали иноземному господству и нанесли не одно поражение своим противникам, военные действия 323—322 гг. до н. э. закончились неоспоримым поражением эллинского восстания. Главное из восставших греческих государств было покорено. Однако успокаиваться македонянам было рано, ибо многие греки искали случая реванша и самые стойкие из их союзников еще сохраняли свою независимость.

В эпоху диадохов не только Афины выступили против македонского засилья. Заметно активизировалась Беотия. Особенно активной ее позиция была против Деметрия Полиоркета в 292 г. или раньше — в 293 г. до н. э., поддержанная Спартой и этолийцами. Спартанец Клеоним явился в Фивы с войском. Но это выступление быстро закончилось поражением. Полиоркет поспешно двинул на Фивы свои грозные машины, и беотийцы вынуждены были капитулировать¹⁶⁴. Однако как только он ушел во Фракию, в твердой уверенности, что в Греции им установлена прочная власть, вспыхнуло новое восстание беотийцев¹⁶⁵. Подавлять его начал сын Деметрия — 27-летний Антигон, который разбил беотийцев, но овладеть городом ему не удалось. Беотийские воины пали под ударами превосходящих сил противника. Вождь беотийской конницы, как видно из надписи на конной его статуе, воздвигнутой возле храма Зевса-спасителя, восемнадцать раз бросался со своим подразделением в атаку¹⁶⁶. Враг воздал должное этому великодушному мужеству и доблести, «не ограбив его тело», залитое кровью из многочисленных ран и разрешив похоронить его среди его предков¹⁶⁷.

Но каким бы блестящим ни был успех Антигона Гоната, он не дал решающего результата. Для окончательной победы беотийского мятежа необходимо было сокрушить Фивы, к осаде которых в конце 292 г. до н. э. и приступил Полиоркет. Как и на Родосе, он придвинул к стенам города гигантскую гелеполь, размеры и вес которой, по словам Плутарха, были так огромны, что ее продвижение было медленным и трудным. Несмотря на это, фиванцы сражались с необычайным мужеством. Только ценою невероятных усилий врагу удалось лишь в конце 291 г. до н. э. или даже в начале следующего года взять крепость, войти в Фивы, казнить главных зачинщиков и изгнать некоторых граждан¹⁶⁸.

Большая заслуга в антимакедонской борьбе принадлежит храброму народу Этолии. Этолийцы были главными союзниками Афин во время эллинского восстания. Они не сложили оружия даже тогда, когда афиняне предприняли переговоры о мире. Они приготовились отразить атаку 32 500 конницы и пехоты под командованием Антипатра и Кратера. Все здоровое население составило примерно 10-тысячную армию. В количественном отношении она далеко уступала армии противника. Эта численная недостаточность этолийских сил могла быть более или менее компенсирована природой Этолии; укрыв в безопасные горные районы своих детей, женщин и стариков, а также продовольствие, этолийцы оставили свои неукрепленные гарнизоны и стали ждать врага. Два опытейших македонских полководца, установив, что этолийские города были заброшены и их легко захватить, двинулись против жителей, укрывшихся в горах. Но при атаке они оставили много солдат на поле брани. Приближалось плохое время года, и македоняне отказались от всякого штурма. Кратер приказал соорудить укрытие для своих войск, вынудил таким образом своих, почти лишенных продовольствия, противников зимовать в местах, покрытых снегом.

С этого момента этолийцы вынуждены были спуститься с гор и дать сражение превосходящим силам противника или погибнуть от голода и холода. Но эти хитрые расчеты не оправдались. В то время как они «отчаялись в своем спасении», обстоятельства спасли этолийцев. Поскольку Антипатру было необходимо срочно переправить свои войска в Азию против Пердикки, наместник Македонии был вынужден заключить с этолийцами перемирие на возможно лучших условиях. Такое перемирие было заключено, и македоняне отложили свой замысел подчинить Этолию, а все население ее переправить в пустынный район Азии¹⁶⁹.

Жители Этолии выступали и против сына Антипатра Кассандра, который пытался использовать в борьбе с ними их недругов акарнанцев¹⁷⁰. Они выступали и против Деметрия Полиоркета, и против других диадохов. Небольшая страна этолийцев не была окончательно покорена ни одним из диадохов. Она всегда была серьезным препятствием на пути их завоевания всей Греции. В 321 г. до н. э. (не без помощи этолийцев) поднялось антимакедонское восстание в Фессалии, которое было с трудом подавлено Полисперхонтом. Недолговременным оказалось господство Антипатра в Аттике¹⁷¹.

Даже миролюбивая политика Фокиона не могла долго удерживать людей от продолжения антимакедонской борьбы. Уже в конце 320 или в начале 319 г. до н. э. большая часть афинян начала требовать удаления македонского гарнизона из Мунихии, напоминая им постоянно об унижительных условиях мирного договора. В первых рядах протестующих находились люди, лишённые гражданских прав со времени конституции Антипатра и вынужденные влачить тяжёлое и унижительное существование, но значительная часть привилегированных «девятитысячников» также поддержала эти протесты, иначе подобное антимакедонское волнение оставалось бы слабым. Об их участии в движении может служить указание Плутарха о том, что «афиняне без конца просили Фокиона, чтобы он добился вывода македонского гарнизона»¹⁷².

П. Клоше считает, что это утверждение трудно объяснить, если бы к этим жалобам не присоединились в широкой мере «девятитысячники», единственные, имевшие политические права¹⁷³. Поскольку Фокион упорно уклонялся от этого поручения, афиняне обратились с той же просьбой к Демаду, которого с полным правом рассматривали как знатока македонской политики¹⁷⁴. Последний охотно согласился и вместе с сыном Демеем выехал в Македонию. Этот факт тоже может свидетельствовать о том, что антимакедонское движение имело более широкую базу, ибо Демад вряд ли бы стал выполнять поручение афинских низов, особенно пострадавших от конституции Антипатра. Именно это обстоятельство объясняет указание Диодора о том, что афинский оратор в Македонии выставлял свое требование «соответственно инструкциям, возложенным на него народом»¹⁷⁵. Такое указание древнего автора было бы лишено смысла, если бы миссия Демада не выражала желания значительной части «девятитысячников».

Плутарх отмечает, что Демад прибыл в Македонию в то самое время, когда Антипатр, уже страдая тяжким недугом, не мог вершить дела, которые захватил у него его сын Кассандр. Последний приказал схватить афинских послов и убить их, хотя они имели право личной неприкосновенности. Был убит сын Демей на глазах отца. Демад был забрызган его кровью «с головы до ног», затем убит сам, выслушав перед смертью упреки Кассандра за свое предательство¹⁷⁶.

Диодор приписывает Антипатру арест и казнь афинских послов, которые в угрожающем тоне требовали вывода македонского гарнизона из Мунихии¹⁷⁷. Антипатр также обвинил в предательстве Демада. Оно выразилось в том, что после гибели Пердикки, по словам Диодора, в его бумагах нашли письма Демада, относящиеся к весне 321 г. до н. э., в которых он умолял регента вернуться в Европу, чтобы разбить Антипатра¹⁷⁸. Следуя версии Плутарха, афинский оратор обратился не к Пердикке, а к Антигону незадолго перед смертью Антипатра, то есть весной 319 г. до н. э., пригласив стратега Азии завладеть Элладой и Македонией, дела которых, как писал он, издеваясь над Антипатром, болтаются на старой и гнилой нитке¹⁷⁹. Если первая из этих версий верна, то Антипатр, осведомленный

с 321 г. о предательстве Демада, долго скрывал свой гнев и только весной 319 г. до н. э. наступила расправа. Если же принять вторую версию Плутарха, то месть македонского наместника без промедления следовала за разоблачением вероломной инициативы Демада и почти одновременно с возобновлением афинских волнений. Но ни та, ни другая версия не отрицает самого факта драматической и дикой картины казни человека, который раньше проявил себя усердным служителем македонских интересов, а теперь выглядел как мученик и жертва правого дела.

Поскольку миссия Демада не принесла успеха афинянам, они вскоре после смерти Антипатра вновь объединяют свои усилия для борьбы против присутствия македонского гарнизона. Обстановка обострилась следующими обстоятельствами: во-первых, тем, что был смнен начальник этого гарнизона. По инициативе Кассандра, им стал его ставленник Никанор, которому было вменено в обязанность всеми средствами сохранить в Афинах спокойствие. Никанор не только укрепился в Мунихии, но и укрепился в Пирее. В своих действиях он опирался на авторитет Фокиона. Но этот авторитет, вследствие обострения социальной борьбы, стал быстро падать. Фокиона стали обвинять в прислужничестве Македонии, в простой измене. Эта борьба подогревалась соперничеством Кассандра и Полисперхонта в Греции¹⁸⁰. Фокион и его сторонники предстали перед народным собранием. Они были обвинены в том, что способствовали порабощению родины и «ниспровержению демократии и законов». Обвинение было поддержано Ганонидом, который был усердным патриотом. Как указывает Диодор, многие демократы, которые долгое время стояли в стороне от политической жизни, испытывали горькую злобу, горькое злопамятство по отношению к похитителям свободы. Это было не судьи, а раздраженные враги¹⁸¹. Фокион защищался, насколько это было в его силах, и смог привлечь к себе симпатии самых близких из присутствующих. В конечном счете, потеряв всякую надежду на спасение, он потребовал, чтобы смертный приговор был вынесен ему одному, а его сторонники были оправданы. Некоторые члены собрания пытались его защитить, но смертная казнь была принята единогласно¹⁸².

Такую же бурную сцену рисует нам и Плутарх, в изложении которого имеется несколько указаний, противоречащих рассказу Диодора. Фокион, отмечает он, с трудом добился, чтобы его выслушали. Он признал себя виновным в различных беззакониях, но добавил, что его соратники не принесли никакого вреда интересам Афин и поэтому должны быть помилованы. Народ воскликнул, что они заслуживают смерти в качестве «друзей» Фокиона и последний решительно отказался от слова. Ганонид зачитал декрет, в силу которого собрание должно было высказаться поднятием рук по вопросу о виновности обвиняемых и, если их признают виновными, проголосовать за немедленную казнь. Декрет был принят единодушно. Кроме Фокиона, приговор распространялся и на четырех его друзей (среди них Пифокл, который был одним из ярых врагов Демосфе-

на). Смертный приговор был вынесен заочно Деметрию Фалерскому, будущему главе афинского правительства, Калимедону и нескольким другим гражданам¹⁸³. Затем смертный приговор был приведен в исполнение. Осужденные выпили цикуту. Соответственно закону об изменниках, трупы казненных были брошены без погребения за пределами Аттики. Это произошло в апреле 318 г. до н.э.¹⁸⁴.

Весь этот процесс Фокиона и трагические результаты его — свидетельство обострения политической борьбы двух основных партийных группировок и победы демократических сил над сторонниками Македонии в Греции. Эта победа не останется вечной и будет в дальнейшем в большей степени зависеть от итогов борьбы и соперничества в этой стране диадохов. Правда, после объединенных выступлений греков в Ламийской войне такого сплоченного антимакедонского движения греческих государств в эпоху диадохов уже не наблюдается. Однако отдельные разрозненные выступления в Греции имели место. Не говоря об Этолии и Афинах, которые вели постоянные войны с диадохами, то один, то другой город Греции выступал против македонских правителей. Наиболее крупными были выступления жителей Мегалополя и Спарты. Первые, отказавшись повиноваться эдикту Полисперхонта, сумели практически объединить все слои греческого населения и подготовиться к сопротивлению. Они укрепили свой город, призвали к оружию живших в городе рабов и иностранцев.

Полисперхонт подошел к городу с многочисленным войском и слонами, рассчитывая с их помощью одержать победу над мегалополитами. Но жители города смело оборонялись. Когда во время его штурма была неприятелями пробита брешь в стене, часть жителей продолжала сражаться на последних развалинах стен, в то время как другие установили полисады внутри бреши и восстанавливали стены. Они сумели отразить атаку занимавших деревянную башню солдат, а их лучники и пращники ранили многих врагов. Наступившей ночью Полисперхонт отвел свои войска в лагерь. На следующий день он снял осаду бреши, чтобы бросить туда слонов; но один старый солдат Александра, некий Дамий, набросал в неглубокие рвы широкие доски с гвоздями. Когда слоны устремились вперед, они проткнули свои ноги гвоздями и были атакованы с фланга лучниками и копьеносцами; обезумев от боли, слоны внесли беспорядок в ряды атакующих и принесли им смерть. Македонянам пришлось снять осаду, однако некоторая часть их войск была оставлена под стенами Мегалополя (весна — лето 318 г. до н.э.)¹⁸⁵. Не менее значительным было и выступление Спарты, которая в период диадохов находилась в довольно плачевном состоянии. Тем не менее диадохам не удавалось ее завоевать. Даже Деметрию Полиоркету, после взятия Афин в 298 г. до н.э. с большим войском направившемуся к Спарте, удалось нанести ей два поражения, но взять ее он не смог¹⁸⁶.

Итак, народно-освободительная борьба греков против Македонии в эпоху диадохов принимала довольно большие размеры. Отсутствие сплоченности, раздробленность выступлений способство-

вали их поражению. Борьба не принесла им полного освобождения от македонского засилья, но мешала диадохам в их политике захватов, затрудняла их борьбу за власть. Характерной чертой народно-освободительного движения греков является то, что она была неразрывно связана с классовой борьбой в греческих государствах. Именно эта особенность наложила, в свою очередь, отпечаток на все антимакедонское движение в эпоху диадохов.

Другим районом антимакедонских выступлений на Балканах была Фракия, где сложился единый антимакедонский фронт во главе с царем Севтом¹⁸⁷. Еще во времена Александра македонский стратег во Фракии Мемнон, посчитав себя достаточно сильным, взялся за оружие и начал воевать с Антипатром¹⁸⁸. Последний двинулся со всем войском во Фракию и начал войну с Мемноном, которую закончил «кое-как»¹⁸⁹. Во времена диадохов брожение во Фракии приняло еще более опасные размеры. Царь одрисов Севт III призвал свой народ к оружию против Лисимаха. Уже весной 322 г. до н.э. после короткой, но кровопролитной битвы с Севтом он был вынужден отступить¹⁹⁰. Это положение сделало весьма уязвимой македонскую границу. Тем более, нельзя было исключить, что примеру Севта последуют племена севера и иллирийцы: восстали также некоторые племена молоссов, следуя начавшимся в Греции движениям¹⁹¹.

Особенно сильными антимакедонские движения были в некоторых городах Фракии и у туземных союзников. В 313 г. до н.э. вспыхнуло восстание черноморских городов под предводительством города Каллатиса¹⁹². Жители этого города, расположенного на берегу Понта Эвксинского, изгнали македонский гарнизон, который Лисимах давно поставил там, и освободили Истрию и другие соседние города¹⁹³. Истрия, расположенная выше Каллатиса, возле устья Дуная, Одесс и Аполлония, находившиеся южнее, также действовали; затем эти города объединились, чтобы вместе бороться с тираном, налоговая система которого была очень тяжелой. По Диодору, который является основным источником описываемых событий, к этому союзу примкнули соседние скифы и фракийцы. А. Фол допускает, что и Месембрия также участвовала в этом восстании¹⁹⁴.

Лисимах был вынужден быстро реагировать, чтобы антимакедонские выступления не приняли еще больших размеров и не затрудняли его положения во время важных событий в Азии. Быстро преодолев Фракию и ущелья Гемоса, он разбил лагерь возле Одесса, который вскоре капитулировал. Истрия вскоре последовала этому примеру, хотя не отступила без боя. Затем победитель двинулся на Каллатис. Скифы и фракийцы пришли на помощь своему греческому союзнику с большой армией. Но Лисимах застал врасплох фракийцев, сумел разделить противников, победил скифов в открытом сражении, многих убил, остальных преследовал, отбросив их в свою страну¹⁹⁵.

После этого Лисимах пошел осаждать Каллатис, на помощь которому Антигон послал армию и флот под командованием Павса-

ния и Ликона. Последний проник в Понт, тогда как Павсаний собирался раскинуть лагерь на Боспоре, недалеко от Гиерона. Двинувшись на него, Лисимах столкнулся с фракийским царем Севтом III, союзником Антигона, который удержал ущелья Гема. Ценой больших потерь Лисимах преодолел их и разбил Павсания, часть войск которого он присоединил к своей армии¹⁹⁶. Несмотря на все это, Каллатис держался еще долго, но, лишенный союзников, он не был в состоянии удерживать свои позиции.

Далеко не полные сведения Диодора рисуют нам войны, которые вел Лисимах с задонайскими гетами¹⁹⁷. Об этих войнах мы имеем отрывочные сведения и в некоторых других источниках. Хотя все они в основе своей противоречивы, они не оставляют сомнения в том, что борьба была довольно тягостной для Лисимаха, армия которого испытывала страдания из-за нехватки продовольствия: его друзья посоветовали ему выпутаться из этого дела и оставить всякую надежду на спасение внутри своего лагеря, но он ответил, что считает несправедливым покинуть свою армию и друзей и обеспечить себе позорное спасение. В конечном счете, геты взяли Лисимаха в плен. Царь гетов Дромихет, оставивший после себя славу ловкого и умеренного политика, устроил побежденному царю весьма благодушный прием и проводил его со своими детьми в город Гелис¹⁹⁸.

Но, вдохновленная другими чувствами, толпа гетов умоляла Дромихета выдать им побежденного, чтобы казнить его. Дромихет отклонил их просьбу, стараясь убедить их, что они должны быть заинтересованы в сохранении жизни Лисимаха; если бы они его убили, то другие, еще более могущественные и опасные цари захватили бы власть, которую он имел, но пощадив его, они приобретут его уважение и вследствие этого вернут территории, некогда им принадлежавшие, притом, не подвергаясь большой опасности. Дромихету удалось спасти Лисимаха, которому он преподнес диадему и отпустил в свое царство, возвратив перед этим территории, которые Лисимах отобрал у него в ходе войны¹⁹⁹.

Эти указания Диодора в общем подтверждаются и Страбоном, который утверждал, что царь гетов в эпоху преемников Александра захватил живым Лисимаха, который выступил против него походом. Однако Лисимаху удалось спастись, встретив великодушное отношение со стороны варвара²⁰⁰. На такой позиции стоит и Плутарх²⁰¹.

Несколько иную версию излагает Павсаний. Лисимах пошел войной на Дромихета и на гетов, так как он столкнулся с людьми, опытными в военном деле, кроме того, и во много раз превосходящими его численностью, то сам он, попав в крайне опасное положение, бежал, сын же его Агафокл, в первый раз участвовавший вместе с ним в походе, попал в руки гетов. Потерпев и в дальнейшем неудачи на войне и считая плен своего сына делом немаловажным, Лисимах заключил мир с Дромихетом, уступив гетскому царю часть своей области по ту сторону Истра (Дунай) и скорее под давлением необходимости выдал за него замуж свою дочь. Другие же говорят, что в плен попал не Агафокл, а сам Лисимах и был спасен

Агафоклом, заключившим ради него такой договор с гетским царем²⁰².

В данном случае для нас не так важно, кто попал к гетам в плен — Лисимах или Агафокл — и кто кого выручил — отец сына или сын отца. Важнее другое — а именно: то, что войско Лисимаха, и он сам подверглись серьезной опасности, и поэтому Лисимах вынужден был идти на уступки, что говорит о силе сопротивления этому диадоху. Кроме того, известно, что война с Дромихетом точно не датирована. Существуют разные датировки этого события²⁰³. Все они колеблются между 293 и 291 г. до н.э. Этот факт свидетельствует о том, что Лисимах на всем протяжении своего правления вынужден был бороться с освободительным движением народов. В сущности все его походы против них кончились позорным провалом.

§ 3. Освободительное движение в восточном ареале

Освободительное движение началось в Верхней Азии, среди многочисленных греческих колонистов. Оно было довольно длительным по времени (более двух лет) и охватило значительную территорию²⁰⁴. Волнения среди колонистов Бактрии начались еще при жизни Александра в 325 г. до н. э., когда до них дошел слух о гибели последнего в Индии. Они взялись за оружие и овладели цитаделью бактрийцев, весьма плохо защищенной. Их вождем был некий Афинодор, который, как указывает Курций, провозгласил себя царем не из-за желания власти, а для того, чтобы вернуться на свою родину с теми, которые ему повиновались²⁰⁵. Однако эта надежда вскоре рухнула из-за начавшихся раздоров среди восставших. По наущению некоего Бикона Афинодор был убит. Убийца пытался перед своими соотечественниками оправдать свой поступок, но его заподозрили во лжи, арестовали, приговорили к смерти, затем помиловали. После этого, он вместе с другими колонистами двинулся в обратный путь в Элладу.

Как уже в науке было доказано, это сообщение Курция не подтверждается историческими фактами. Во-первых, потому, что нет никаких свидетельств об успешном завершении восстания 325 г. до н. э.; во-вторых, в восстании 323 г. до н. э., которое представляет собой второй, высший, этап широкого освободительного движения на большой территории Бактрии и Согдианы, встречается тот же самый руководитель. Еще Дройзен пришел к выводу, что предводитель восстания 325 г. до н. э. Бикон и предводитель восстания 323 г. до н. э. Филон — одно и то же лицо²⁰⁶. Диодор, единственный источник по изучению второго этапа выступления греческих поселенцев, сообщает, что последние сожалели о нравах своей страны и были опечалены тем, что выдворены на жительство в крайние пределы империи. Пока был жив Александр, они воздерживались от антимакедонских выступлений, но, как только его не стало, они восстали под руководством Филона из Эниан²⁰⁷.

Регент азиатской части государства Пердикка снарядил большое воинское подразделение в 3 тыс. человек пехоты и 800 всадников из македонских войск и отдал его в распоряжение одного из «телохранителей» Александра — Пифона, который до этого события был назначен сатрапом Мидии. Сатрапам было приказано выслать на помощь Пифону подкрепление. Оно прибыло в количестве 10 тыс. пехоты и 8 тыс. всадников. Таким образом, армия усмирения состояла из 21 тыс. 800 человек. Восставших было примерно столько же²⁰⁸. Зная честолюбивые замыслы Пифона, стремившегося войти в контакт с греками, объединить их силы и стать владыкой верхних сатрапий, Пердикка потребовал от него полностью разбить восставших, истребить их, а всю добычу разделить между воинами. Перед сражением Пифону удалось склонить к измене некоего Липодора, командовавшего 3 тыс. мятежников, который в самый разгар битвы покинул свое место в строю и расположился на соседнем холме. Это передвижение привело в замешательство остальных, которые обратились в бегство. Через глашатая Пифон предложил беглецам сложить оружие и вернуться в свои колонии, клятвенно заверяя, что они получают полную гарантию неприкосновенности. Греки поверили этим клятвенным заверениям, но жестоко ошиблись. Македоняне, вспомнив о приказе регента, напали на них, перебили их, завладели лагерем и разграбили его²⁰⁹.

Г. А. Кошеленко, специально изучавший этот сюжет в связи с проблемой греческого полиса, пришел к выводу, что основной причиной восстания огромной массы греческих колонистов было их страстное желание вернуться на родину, жить греческим образом жизни, как граждане полиса и члены полисного коллектива. Г. А. Кошеленко полагает, что восстание греков 323 г. до н. э. показало преемникам Александра, что политика колонизации Востока, проводимая без учета интересов греческих поселенцев, будет встречать их решительное сопротивление, в силу этого будет обречена на провал²¹⁰. В данном случае для нас имеет значение тот факт, что это восстание, направленное против градостроительной политики Александра, было антимакедонским, что сами македоняне его разгромили, оно было чрезвычайно серьезным по своему содержанию и размаху и потрясло всю систему македонского владычества в Азии²¹¹.

Вслед за восстанием греческих колонистов в Верхней Азии более короткое антимакедонское выступление имело место в Каппадокии, им руководил Ариарат, которого еще Александр, будучи поглощен операциями против Дария III, не смог подчинить. Правитель Каппадокии использовал, таким образом, предоставленный ему обстоятельствами длительный срок передышки для упрочения своего господства. Благодаря своим обильным доходам, он сумел увеличить свои боевые силы и набрать 45 тыс. пехоты и конницы. Но сражение, данное ему Пердиккой, закончилось победой македонян: 4 тыс. воинов Ариарата было убито, 6 тыс. — взято в плен, а сам он попал в руки регента, который распял его на кресте вместе с родственниками. В усмиренном районе победитель провел в жизнь

постановление 323 г. до н.э., поручив управление Эвмену, который был назначен сатрапом²¹². Эвмен из числа своих друзей назначил правителей городов, командиров гарнизонов, судей и финансовых администраторов. Отдав Каппадокию Эвмену, говорит Диодор, Пердикка и Филипп-Арридей отправились в Писидию, чтобы образумить города Ларанда и Изора, находившиеся на границе между Киликией и Фригией.

Еще задолго до смерти Александра, ларандосцы и изорцы убили сатрапа области и стратега Балакра. Македоняне тогда взяли штурмом Ларанду; боеспособные мужчины были убиты, остальные жители проданы в рабство, а город был сравнен с землей. Сильно укрепленную и имевшую храбрых воинов Изору Пердикка упорно осаждал в течение двух дней. Изрядно потрепанные, осаждавшие начали отступать. Хорошо вооруженные изорцы были готовы умереть за свою независимость, но они тоже понесли значительные потери и им угрожал голод. Тогда они решили не сдавать свой город и имущество, а с наступлением ночи всем вместе погибнуть славною смертью: собрав в своих домах детей, женщин и стариков, они предали их пламени, а затем побросали в огонь свое имущество и все то, что могло помочь победителям. Тогда Пердикка начал штурм сразу со всех сторон, но изорцы яростно защищали свои высокие крепостные стены и нанесли штурмующим чувствительный урон. Это неистовое решение до конца защищать стены разрушенного города изумило македонян. Когда они удалились немного от стен, изорцы сами бросились в огонь. На другой день македонский полководец предал это место разграблению: солдаты нашли большое количество золота и серебра в развалинах города, чье богатство с давних пор сильно умножалось²¹³. Изгнал македонский гарнизон после смерти Александра и Родос²¹⁴. Как известно, родосцы, оставив свою свободу и независимость, проявляли исключительную изобретательность, находчивость и мужество²¹⁵.

В 323/2 г. до н.э. антимакедонское движение развернулось в Киренаике. В этом районе, включавшем в себя греческие колонии, шла ожесточенная социальная борьба. Еще в середине V в. до н.э. в результате победы над олигархами, вместо олигархического правления Баттиадов, в Кирене утвердился демократический строй. Побежденные были вынуждены эмигрировать. Во время восточных походов Александр не только не завоевал Киренаику, но приобрел дружбу киренцев; во время своего посещения храма Амона он принял послов из Кирены, которые преподнесли ему венец и великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 превосходных лошадей и колесниц. Приняв их, он заключил с Киреной договор о дружбе и союзе²¹⁶. Однако после смерти Александра, когда греческий мир пришел в движение и когда демократические элементы в греческих государствах окрылились новыми надеждами упрочить свое положение, борьба «партийных» группировок обострилась с новой силой. Это еще больше усилило эмиграцию из Кирены олигархов, которые искали разные пути для возвращения на родину²¹⁷.

10 лет спустя новый владыка Египта стал завоевывать Киренаику, используя для этого обострившуюся там социальную борьбу. Изгнанники нашли поддержку за границей при следующих обстоятельствах: покинув Аттику, старый казначей Александра Гарпал вернулся на Крит с 1 тыс. наемников. Немного спустя, высадившись там, он пал под ударами лакедемонянина Фиброна²¹⁸. К нему обратились киренские эмигранты за помощью, так как вернуться на родину своими собственными силами они не были в состоянии. Фиброн согласился удовлетворить их просьбу²¹⁹. Став хозяином богатств, солдат и кораблей своей жертвы, убийца направился из Крита в Киренаику, сопровождаемый киренцами и баркенцами. Фиброн разбил войска Киренаики. Еще тяжелее, чем этот разгром, было для киренцев падение их порта Аполлония, расположенного в нескольких километрах от города. Фиброн блокировал Кирену и вынудил жителей капитулировать. Они обязались выплатить ему 500 талантов серебра и отдать половину боевых колесниц. Из Кирены он отправил послов в города Киренаики, чтобы предложить им объединить их силы со своими с целью покорения соседней Ливии. Кроме того, захватив имущество торговцев, брошенное ими в порту, он отдал их богатство на разграбление наемникам и таким образом стимулировал их усердие²²⁰.

Но успехи авантюриста вскоре натолкнулись на препятствие. Раздел добычи привел его к столкновению с одним критским полководцем Мнасиклом, одаренным, по мнению Диодора, большим военным опытом, живым и полным отваги. Захватив Киренский лагерь, он обвинил своего старого командира в жестокости и вероломстве и убедил киренцев порвать договор, который они заключили с Фиброном и остаться верными своей свободе. Уже заплатив спартанцу 60 талантов из 500, они отказались внести остаток долга; тогда Фиброн арестовал тех, кто находился в порту, и немедленно двинулся на Кирену, начав ее осаду. Не сумев овладеть ею, он возвратился в порт. Между тем, жители Барсы и Эгеспериды, другого города Киренаики, остались ему верными. Киренские войска принялись опустошать их поля. Барса и Эгесперида призвали на помощь Фиброна, и тот собирался им помочь всеми своими наемниками. Мнасикл воспользовался этой отправкой, чтобы толкнуть киренцев на захват Аполлония. Это им удалось, и он вернул торговцам все их имущество, еще оставшееся в порту.

Это была тяжелая неудача для Фиброна, который вновь решил попытать счастья, завладев городом на западе Киренаики — Техира. Между тем, его экипаж должен был каждый день высаживаться на берег, чтобы добыть продовольствия, которого они лишились, и разбегаться по полю, где они несли значительные потери. Поскольку на берегу нельзя было найти достаточного количества провианта, оставшиеся в живых направлялись к «союзным городам», но буря затопила большинство их кораблей; другие будут выброшены на побережье Кипра или Египта. Однако Фиброн не терял надежды. Он отправил многих своих друзей в Пелопоннес, чтобы там набербовать тех наемников, которые еще жили в окрестностях

мыса Тенар. Его посланцам удалось собрать 2500 человек, которые поспешно отплыли в Ливию, где киренцы, ободренные своими прежними успехами, открыли военные действия против Фиброна, и тот потерпел тяжелое поражение. Но, когда он потерял уже всякую надежду на спасение, вновь прибывшие войска из Тенара вселили в нем уверенность и смелые надежды.

Боясь высадки на берег этих подкреплений, Кирена призвала на помощь ливийцев и Карфаген. Присоединившись к войскам киренцев, ливийцы и карфагеняне создали армию в 30 тыс. человек. Готовилось «решительное» сражение, которое должно было принести успех спартанцу. Из «крупного сражения» Фиброн вышел победителем и, как говорит Диодор, «исполненным радости»²²¹. Всех киренских полководцев, павших в этом сражении, заменили критянином Мнастиком и различными другими полководцами. Киренцы защищались отчаянно²²². Вдохновленный блестящим успехом, Фиброн снова блокировал порт и усилил натиск против города.

Именно в это время произошло в Кирене политическое событие, вызвавшее вмешательство Птолемея. Затянувшаяся война породила разногласия среди осажденных, которым не хватало продовольствия. Демократы взяли верх, и имущие были изгнаны. Одни бежали к Фиброну, другие добрались до Египта и убедили Птолемея двинуться на их родину, куда они возвратились под защитой многочисленной пехоты и флота под командованием македонянина Офела — одного из бывших командиров флота на Инде²²³. Узнав о прибытии этой армии, укrywшиеся в лагере Фиброна знатные люди попытались ночью присоединиться к ней. Но они были схвачены на месте преступления и казнены. В свою очередь, демократические вожди Кирены, опасаясь возвращения изгнанников, заключили с Фиброном соглашение, предусматривающее совместную борьбу против Офела. Последний разбил спартанца, который обратился в бегство и попал в плен к ливийцам. Ливийцы выдали его олинфянину Эпекиду, которому Офел предложил управление Тетирой; отправленный к киренцам авантюрист был распят в Аполлонии, именно там, где он так жестоко хозяйничал²²⁴. Македонский полководец продолжал завоевание Киренаики. Собственными силами Офел не мог справиться с восставшими. Только дополнительные военные силы египетского правителя сломили сопротивление города, и Киренаика осталась под господством Лагида²²⁵.

Для приведения в порядок дел в стране, находившейся в недалеком соседстве с египетскими владениями, Птолемей прибывает в Киренаику и дарит ее жителям свою конституцию, известную в науке под названием конституции Птолемея. Ее условия известны нам по весьма искаженной, но исключительно важной надписи²²⁶.

Патриарх итальянского антиковедения Гаэтано Де Сантис называл эту конституцию «La magna charta» («Великой хартией»), что вряд ли правомерно²²⁷. Конституция Птолемея прежде всего устанавливает различие между простыми гражданами, называемыми «пассивными», и гражданами, имеющими политические права, именуемыми «активными». Первые в надписи обозначены как *πολίται*,

вторые — полїтєвца. Эпиграфический памятник отчетливо различает эти два обозначения. Далее он уточняет, что свободные люди принадлежали, согласно конституции, к следующим категориям: сыновья двух киренских родителей от отца киренянина и матери киренеянки, а равно и от ливиянок; некоторые варвары, выдворенные как колонисты в районы, подчиненные Кирене, а также те, кого назначит Птолемей, и те, кого примут киренские активные граждане (§ 1). Этих граждан может быть в количестве 10 тыс. человек. Их возрастной ценз — не моложе 30 лет. К их составу будут принадлежать: а) граждане, владевшие 2 тыс. драхм или 20 александровыми минами, включая имущественное состояние их жен (§ 2). Из состава этих 10 тыс. избирались 60 оценщиков, которые после соответствующей присяги производили оценку имуществ и составляли цензовый лист. В зависимости от этой оценки и происходит зачисление в состав 500 сроком на два года. Возрастной ценз членов совета определялся 50 годами. Если 50-летних было недостаточно, то бросали жребий 40-летние. Через каждые два года жребий определял половину членов совета, которые слагали с себя обязанности и замещались новыми. Только через два года они могли снова вернуться в совет (§ 4).

Активные граждане избирали герусию из 101 человека (вначале назначенную Лагидом), также не моложе 50 лет. В свою очередь, из геронтов избирались жрецы Аполлона, пять стратегов, девять номофилаков, пять эфоров (§ 5—9). Для избрания этих должностных лиц также требовался 50-летний возраст. В своей деятельности они должны руководствоваться прежними законами, не противоречащими издаваемому указу, и по существующим законам должны давать отчет (§ 11—12).

Согласно этой конституции, не имеют права занимать должности люди, исполнявшие обязанности общественных врачей или педотрибов, занимавшиеся обучением стрельбе из лука или верховой езде, а также воины, сражавшиеся в полном вооружении, служащие — глашатаи в пританее. «Если кто-либо из перечисленных лиц окажется избранным на такую должность по жребию, то он отстраняется от нее» (§ 14). Граждане, служившие наемниками, или ставшие по своей воле каменотесами или грузчиками, или занимающиеся каким-либо подобным трудом, который характеризуется конституцией как низкий труд, не должны пользоваться никакими гражданскими правами, то есть по существу исключаются из числа 10 тысяч

Бросается в глаза особо подчеркнутая роль Птолемея по отношению к Кирене, изложенная в конституционном акте. Согласно последнему, Птолемей назначается пожизненным стратегом Кирены с широкими полномочиями (§ 7). Он может непосредственно вмешиваться в жизнь граждан (§ 1), может включать в состав активных граждан эмигрантов, бежавших в Египет (§ 2), имеет право назначать геронтов, которые являются его послушным орудием (§ 3). Эти геронты избирают оценщиков, от которых в полной мере зависит зачисление в гражданские списки. Привлеченные к суду стра-

тегами и присужденные к смертной казни геронтами и советом, в течение трех лет имеют право выбора: быть ли судимыми по местным законам или самим Птолемеем. По прошествии трех лет они должны быть судимы по местным законам, но бывший эмигрант может быть осужден только по решению Птолемея (§ 13). О значении последнего в жизни города свидетельствует и то, что на киренских золотых монетах, чеканенных между 322—308 гг., стоят надписи или $\kappa\iota\rho\alpha\nu\alpha\iota\omicron\nu$ Πτολεμαίων, или Πτολεμαίος или только $\kappa\iota\rho\alpha$ (ναίων). Об этом говорит также и тот факт, что все распоряжения Птолемея, установленные для Кирены, должны были неукоснительно выполняться, ослушивающиеся карались смертной казнью (§ 16).

По мнению С. А. Жебелева, вся киренская конституция представляла собой как бы компромисс между прежним демократическим строем Кирены, который в ней утвердился с середины V в. до н.э. и теми изменениями в ней, которые были продиктованы волей Птолемея²²⁸. Большой интерес в сравнительном плане представляет эта конституция Птолемея жителям Киренаики и конституция Антипатра жителям Афин. Обе рассмотренные конституции имеют ряд общих и в то же время отличительных черт. Прежде всего их объединяет то, что как конституция Антипатра, так и конституция Птолемея были представлены жителям Афин и Киренаики в результате их военного разгрома²²⁹.

Неоспоримое сходство между основными положениями птолемеевской конституции и дарованной афинянам конституции Антипатра заключается в том, что и та, и другая основаны на одинаковом цензовом принципе (2 тыс. драхм)²³⁰. Обе конституции появились примерно в одно и то же время. Время появления конституции Антипатра можно датировать не только годом, но и месяцем. Что касается времени появления конституции Киренаики, то об этом ученые спорят.

Итальянские историки, первыми издавшие надпись с текстом конституции, относят ее к 248—247 гг. до н.э., ко времени присоединения Кирены к Египту при Птолемеи III Эвергете. Но эта точка зрения преобладающим большинством ученых отвергается как несостоятельная²³¹. С тех пор эту надпись связывают с деятельностью Птолемея I, когда он еще не был царем. Ученые предлагают три даты для надписи: а) 323—322 гг. до н.э.²³²; б) 313—312 гг. до н.э., когда восстание в Кирене было быстро подавлено стратегом Агисом, посланным из Египта²³³; в) 309—308 гг. до н.э.²³⁴. А. Ейне в своей содержательной статье о кирено-египетских отношениях при первых Птолемеях приводит следующие доказательства в пользу последней даты. Прежде всего вся власть в городе Кирене находилась в руках крайней олигархии, составлявшей 1 тыс. человек. Согласно Киренской конституции, политические права этой 1 тыс. перешли в руки более широкого круга лиц — 10 тыс. Этот факт, по мнению автора, говорит о более поздней датировке надписи. Птолемей, одержавший победу над демократической группировкой, вряд ли имел желание укрепить ее положение именно таким измене-

нием конституционных основ полиса. Во-вторых, автор полагает, что после завоевания Кирены, Птолемей в своем стремлении надежно привязать город к Египту должен был искать опору в олигархин. В-третьих, в качестве доказательства автором приводятся некоторые нумизматические и лингвистические данные.

Однако все эти доказательства нельзя считать полностью бесспорными. Известно, что еще со времен Александра он сам и его последователи в борьбе за укрепление своих позиций в зависимости от конкретных условий поддерживали не только олигархию, но и демократическую группировку. Расширение Птолемеем круга полноправных граждан Кирены и в то же время их ограничение определенным имущественным цензом, существование демократического органа совета 500 и ограничение его действий олигархическим антиподом — герусией свидетельствуют, что перед нами документ, который «нельзя назвать ни демократической, ни олигархической конституцией. В нем имеется сочетание и того и другого. Хотя предпочтение отдается олигархическим элементам»²³⁵. С таким утверждением А. Ейне можно вполне согласиться. Но это утверждение в пользу более ранней датировки надписи, когда диадохи начали осуществлять широкий поиск путей оптимально выгодных взаимоотношений с полисами и особенно чутко реагировать на всякое проявление в них социальной борьбы. При этом не всегда было рационально опираться на олигархию. Гораздо выгоднее оказывалась золотая середина — использование всех политических сил полиса. Такой подход был характерен для Птолемея I, для начального периода его руководства Египтом, когда он испытывал большие затруднения и не мог считать свое положение прочно укрепившимся.

Дело в том, что Египет, который Птолемей получил в управление, уже 10 лет по воле Александра находился под контролем влиятельного и энергичного Клеомена. Последний оставался, в Египте в качестве помощника Птолемея с титулом гиппарха. Благодаря искусному и суровому управлению он поставлял казне огромные средства и обогащался сам²³⁶. Клеомен был чрезвычайно недоволен тем, что Птолемей отодвигал его на задний план в сатрапии, которой он управлял. В свою очередь, Лагид не собирался предоставить своему помощнику свободу действий. Между ними начался конфликт, который закончился убийством Клеомена²³⁷. Кроме того, усилились разногласия и враждебность регента империи к Птолемею, которые закончились войной и гибелью Пердикки. Кстати, Павсаний объясняет убийство Клеомена тем, что Птолемей считал его сторонником Пердикки. При таких обстоятельствах для укрепления своих позиций в Киренаике Птолемею было важно найти компромисс между борющимися силами, что получило свое отражение в киренской конституции.

Все вышесказанное не дает достаточных оснований для отказа от датировки, предложенной С. А. Жебелевым, а именно 322 г. до н.э. За эту дату говорит и тот факт, что в надписи особое внимание уделяется вопросу об эмигрантах. Конечно, бегством политических противников сопровождается любой государственный пе-

реворот или даже попытки такового. Поэтому проблема беженцев не может быть приурочена только к какому-то отдельному конкретному событию. Но из свидетельства литературных источников нам известно, что во время власти Фиброна над Киреной часть ее граждан бежала под защиту Птолемея, что первый его поход в Киренаику в 322 г. до н.э. ставил себе целью возвращение эмигрантов на родину. С. А. Жебелев полагает, что во время пребывания в Кирене Птолемей мог договориться с его гражданами об урегулировании их государственных дел.

Наконец, дата 322 г. до н.э. хорошо согласуется с датой провозглашения конституции Антипатра. Между этими конституциями, как видим, много общего. И та и другая представляет собой поиск основ политического сосуществования двух государственных типов, двух разных политических организмов — греческого полиса и постепенно слагающейся эллинистической монархии. Их сосуществование предполагает, в известной мере, самостоятельность полиса и зависимость его внутренней жизни от того или иного диадоха. Эти взаимоотношения не являются стандартными, идентичными для всех регионов империи. При наличии общей тенденции они имеют разнообразные формы, о чем могут свидетельствовать как сходство конституций, так и их различие. Птолемеевская конституция установила гораздо менее олигархический режим, чем тот, который Кирена уже испытала, ибо Птолемей умножил число «активных граждан». Кроме того, новая конституция Кирены дала весьма обширную власть тому, кто ее создал. Она, по существу, отдала Лагида все нити управления.

Конституция Антипатра была направлена против греческой демократии и ее вождей, поскольку в своей основе она была олигархической, птолемеевская конституция не является олигархической, хотя имеет значительные отличия от демократического режима. Многие киренцы были лишены права участвовать в управлении своим городом не только из-за избирательного ценза. Конституция создавала привилегии по возрасту, так как она представляла право пользования политическими правами людям старше 30 лет. В то время как в Афинах демократия (и, может быть, также режим, установленный в 322 г. до н.э.) открывала доступ в буле каждому гражданину не моложе 30 лет, птолемеевская конституция в этом вопросе была менее либеральной; она позволила заседать в совете только 50-летним и лишь в случае физической невозможности — 40-летним; срок их пребывания в совете уменьшился до двух лет. Кроме того, полномочия этих членов совета оказались урезанными. Члены совета должны были делить руководство делами с еще более аристократическим собранием.

Если конституция Киренайки укрепила экономические позиции Лагида, увеличила его ресурсы и подняла высоко его престиж, то этого нельзя сказать о конституции Антипатра. Киренская конституция Птолемея, как, впрочем, и конституция Антипатра, обеспечили спокойствие в своих регионах ненадолго. Уже в 313 г. до н.э. происходит восстание киренян против Птолемея. С. А. Жебелев по-

лагает, что это восстание произошло не без происков соперника последнего, Антигона, который призывал все греческие города вернуть себе свободу²³⁸.

Прежде всего, киренцы прогнали из крепости египетский гарнизон. Требование Лагида прекратить восстание не возымело никакого действия. Наоборот, в ответ они перебили всех его послов. Тогда Птолемей бросил против них пехоту под командованием Агиса и флот. Агис штурмом взял город, схватил виновников и отправил их в Александрию. Другие мятежники были разорены, а в Кирене создано правительство, которое зорко охраняло интересы победителя²³⁹. Однако неукротимая любовь Кирены к независимости была центральной во всех династических распрях. Киренцы постоянно искали случая отделиться от Египта. Не прошло и пяти лет, как волнения в Киренаике начались снова.

В период самой напряженной борьбы диадохов, в 314 г. до н. э., когда Птолемей с флотом отправился в экспедицию к кикладским островам и Пелопоннесу, Офел, воспользовавшись войной Птолемея с Антигоном, объявил себя независимым, соединился с Агафоклом сиракузским и даже собирался вместе с ним предпринять завоевание карфагенской области. Но Офел скоро рассорился с Агафоклом и был убит. Тогда Птолемей при помощи своего сводного брата Мага снова овладел Киреной²⁴⁰. Характерно указание Павсания о том, что Мага смог взять Кирену только на пятый год после ее отпадения²⁴¹. Но даже после такой акции эта территория полностью не была усмирненной. Время от времени здесь вспыхивали восстания против македонского засилья.

Афинская конституция Антипатра и Киренская конституция Птолемея представляют большой интерес для понимания политики диадохов в их отношениях с греческими государствами. С этих конституций начинается новый этап многогранного и противоречивого процесса взаимодействия между диадохами и греческими полисами, отличного от предшествующей эпохи Филиппа II и Александра. Эти взаимодействия не всегда были прямолинейными. Они определялись как социальной борьбой в самих полисах, так и борьбой диадохов за подчинение их своему влиянию. Чтобы понять существо этого процесса, следует подчеркнуть, что взаимоотношения полиса и монархии не оставались неизменными. Диадохи в этой политике имели как своих предшественников, так и своих продолжателей.

При Филиппе II и Александре основной формой взаимоотношений между полисом и монархией была гегемония, а насилие являлось главным средством достижения этой гегемонии. Известно, что в полисных союзах классической Греции гегемоном выступал тот или иной полис (Афинский, Пелопоннесский, Беотийский союзы). Главное средство этой гегемонии — непосредственное насилие полиса над полисами на основе определенных экономических и социальных предпосылок (общие интересы торговли, война с персами и др.).

Филипп II и Александр восприняли эту форму гегемонии по

традиции и даже развили ее дальше. Насилие оставалось средством достижения и укрепления этой гегемонии. С этой целью широко использовалась борьба партий и течений в греческих городах, войны соседей. Так, в 357 г. до н.э. Филипп II заинтересовался Амфиполем — важным торговым городом в устье реки Стримона. Роль этого города как транзитного порта в торговле с греческими колониями на Понте Эвксинском была огромна. Филипп II стянул к Амфиполю свои войска и технику. По свидетельству Диодора, он взял город приступом, разгромил его, наказал своих противников и превратил эту местность в один из своих важных стратегических пунктов на фракийском берегу²⁴². За Амфиполем Филипп II занял в 357/56 г. до н.э. Пидну — вторую важнейшую линию берега Фермейского залива. Стоявший во главе Халкидского союза Олинф был самым сильным и самым влиятельным городом на македоно-фракийском берегу. Этот город не мог выдержать тяжелой осады, в 348 г. до н.э. был взят при помощи подкупа и измены, разрушен, а потом сожжен²⁴³. После взятия Олинфа Филипп II уничтожил политическую самостоятельность халкидских городов и переселил часть жителей Халкидики во Фракию, где он основал ряд колоний, ослабив этим сильный греческий элемент на своем морском берегу. При захвате любого из греческих городов Филипп II упразднял демократию и восстанавливал олигархию, преследовал и отправлял в изгнание демократов. Так было в Халкидике, Фокиде, Дориде, Фивах, Коринфе и в Афинах.

В 337 г. до н.э. общегреческий Коринфский конгресс установил принципы общегреческой федерации, формально свободной и суверенной, но фактически подчиненной Филиппу II, как вождю и гегемону²⁴⁴. Эта федерация, хотя и сохраняла для греческих городов некоторые остатки самостоятельности, оставляя им возможность устраивать собрания для решения местных дел, была сильно урезана тем, что Филиппу II удалось передать управление важнейшими городами в руки промакедонских элементов (Фокида, Эвбея, Мегара, Коринф, Акарнания), укрепить свою власть над Грецией с помощью целого ряда македонских гарнизонов в важнейших стратегических пунктах страны (Фивы, Халкидика, Коринф, Амвραкия и др.)²⁴⁵. Коринфский конгресс установил прямую зависимость эллинских городов от Македонии, причем, нарушение этого принципа влекло за собой суровую кару. Кроме того, союз греков и македонян не был равноправным, так как Эллада подчинялась последним не по доброй воле.

Хотя сам факт созыва Коринфского конгресса по инициативе македонского царя был выражением какого-то поиска новых связей монархии с греческими городами, объявление на этом конгрессе автономии и суверенитета полисов все же оставалось формальным. Ведущие полисы вынуждены были отказаться от претензий на гегемонию в Элладе, а малые греческие государства с олигархическим управлением получили большее политическое влияние. Благодаря этим государствам Македония усилила свои позиции в Греции²⁴⁶.

Александр Македонский, действуя в духе своего отца, также открыто применял насилие в своих отношениях с греческими городами. Красноречивый пример безжалостного отношения к тем городам, которые пытались отстоять свою независимость, являла участь Фив. Город был срыт до основания, земля разделена между союзниками македонян, а жители проданы в рабство²⁴⁷. Все древние авторы, сообщавшие о расправе с фиванцами, подчеркивали ее крайнюю жестокость. В греческих городах Малой Азии Александр приказал уничтожить олигархию, восстанавливать демократическое правление, разрешать жить всем по их законам, освободить их от прежней персидской подати²⁴⁸. Восстановление демократии, как правильно указал А. Б. Ранович, диктовалось не демократическими убеждениями Александра, а военными, точнее -- военно-политическими соображениями. Тираны и олигархи держали сторону персов, поэтому на них опереться было невозможно²⁴⁹.

Известно, что Александр разрушил стены и взял город Милет штурмом²⁵⁰. Осенью 334 г. до н.э. разрушил Галикарнас, выдающийся памятник эллинского искусства. Так действовал он и позднее. Во время его пребывания в Индии у р. Хой, где он был ранен при взятии первого города, попавшегося ему на пути, он приказал срыть его и также поступать с другими, которые не будут сдаваться добровольно²⁵¹. Эти, а также другие примеры неопровержимо свидетельствуют о том, что насилие монархии над полисом отчетливо проявлялось при Филиппе II и его сыне. Конечно, элементы насилия будут присутствовать во взаимоотношениях полиса и монархии и позднее, но не будут являться основополагающими компонентами этих взаимоотношений.

Итак, при Филиппе II и Александре над полисами стояла межполисная система, персонифицированная в монархию. Но монарх в этой системе еще не был царем, а выступал как гегемон-личность. Прежняя форма отношений в рамках гегемонии почти не изменилась, независимость городов еще больше уменьшилась. Поэтому насилие неизбежно должно было возрасти. Л. П. Маринович считает, что позицию Александра в отношении малоазиатских городов определяли четыре фактора: 1) господствовавшее здесь политическое устройство, при котором персы опирались на олигархов, нередко поддерживая их власть своими гарнизонами; 2) малочисленность армии Александра руждалась в прочных тылах, которыми должны были служить города; 3) города должны были стать связующим элементом при организации управления на огромных, захваченных Александром землях; 4) Александр должен был считаться с официальными лозунгами войны, в которую он вступил как стратег автократ коринфского союза, начавшего эту войну, чтобы отомстить персам и освободить греков от персидского ига²⁵². То есть здесь в меньшей мере присутствовал фактор насилия, а больше -- автономия. Но это было только на начальном этапе походов. В целом, на Востоке принцип гегемонии отсутствовал и сразу сформировался принцип царства (или точнее сохранился как традиция, особенно для негреческих народов).

Новую страницу взаимоотношений двух различных государственных начал открывают диадохи. С крушением монархии Александра рухнула и система отношений между этим конгломератным государством и греческими полисами. Поскольку принцип гегемонии перестал себя оправдывать, начались интенсивные поиски новых средств господства монархии над полисом. Этот процесс имел две стороны: во-первых, сложение самой монархии (политической и территориальной); во-вторых, дальнейшая эволюция самого полиса, его стремление приспособиться к новым условиям.

В эпоху диадохов ни тот, ни другой процесс не были завершены. Здесь можно наблюдать как пережитки старых отношений централизованной власти над городом, так и зародыши новых порядков. Отсюда крайняя нестрота форм связи между монархией и городом. В ряду первых из этих форм находятся конституции городов, которые были представлены городам диадохами. Их содержание зависит от соотношения политических сил внутри самого полиса, а также от положения борющихся диадохов. Но в любом случае это была новая форма отношений, не характерная ни для Филиппа II, ни для Александра. Она предполагала отказ от непосредственного насилия и поиски регулярных отношений в автономизации городов²⁵³. За конституциями диадохов следуют манифесты греческим городам. Характерным в этом отношении является манифест 319/318 г. до н.э., изданный Полисперхонтом о свободе греков²⁵⁴. Желая отторгнуть Афины от Кассандра, он созывает синедрион городов, на котором объявляет об уничтожении введенной Антипатром олигархии, декларирует восстановление автономии полиса, восстановление союза, бывшего до ламийской войны²⁵⁵.

Опубликовав свой эдикт во всех городах Эллады, Полисперхонт не стал дожидаться, пока эти города начнут заниматься добровольным восстановлением своих институтов по их собственным нормам справедливости. Аргосу и другим городам он приказал изгнать правителей, назначенных Антипатром, некоторые из них (друзья Антипатра и преследователи демократов) были казнены²⁵⁶. Манифест Полисперхонта дарует всем грекам мир, государственное устройство, какое они имели при Филиппе и Александре, разрешает вернуться на родину изгнанникам, возвращает им право имущества. Этими мерами Полисперхонт одержал победу над Кассандром, который не мог теперь пользоваться Грецией как базой для операции против Македонии. Олигархи, сторонники Кассандра, в результате симпатий Полисперхонта к демократам, потеряли власть²⁵⁷. Главная цель Полисперхонта была не столько освободить греков, сколько ослабить покровителей и помощников Кассандра. Нужно было, пишет Диодор, чтобы его люди совершенно ослабили и лишились всякой возможности серьезно помочь сыну Антипатра²⁵⁸.

В 315 г. до н.э., примерно спустя четыре года после опубликования подобного же указа Полисперхонта, Антигон выпустил манифест о свободе и автономии эллинских полисов и о выводе македонских гарнизонов, направленный против Кассандра²⁵⁹. До сих пор Антигон был безразличен или даже враждебен свободе греков. Од-

нако, издав манифест в их пользу, он привлек на свою сторону многие греческие города²⁶⁰. В надписи города Скепсиса, датированной 311/310 гг. до н.э., Антигон пишет: «...Мы позаботились о свободе эллинских полисов, ради которой пошли на многие поступки»²⁶¹. Выставляя себя поборником автономии греческих городов, он, тем не менее, при помощи своих командиров и своего сына, представлял или возвращал автономию множеству эллинских городов Европы и Азии, откуда изгонялись чужие гарнизоны. Из всех преемников Александра именно Антигон наиболее часто и последовательно проводил политику, основанную на принципах автономии, провозглашенной в 315 и 311 гг. до н.э.

Этот политический ход Антигона немедленно парализовал Птолемей. В 308 г. до н.э. началось его вмешательство в греческие дела под лозунгом свободы Греции. В действительности, речь шла только о завоевании Птолемеем симпатий среди греков ради собственной выгоды, как раньше поступали и другие диадохи²⁶². Попытка вызвать к жизни Коринфский союз, основанный впервые Филиппом II под эгидой Птолемея, была ловким ходом для создания трудностей Кассандру и Полиперхонту. Однако она натолкнулась на сопротивление пелопоннесцев²⁶³. Поэтому манифест о свободе эллинских полисов, обнародованный Птолемеем, не принес грекам подлинной свободы²⁶⁴.

Все эти манифесты являлись образцами дипломатической изворотливости, политического расчета и использовались диадохами в своей тактике для произвольной смены политических режимов в греческих городах. В тех случаях, когда манифесты не имели должного действия, диадохи водворяли своих ставленников, покровительствовали тиранам. Так, ловко маскируя свои симпатии к олигархам, Кассандр установил в Афинах олигархическое правление, но снизил имущественный ценз для граждан до 1 тыс. драхм, по сравнению с 2 тыс. драхм при Антипатре, и учредил должность эпимилета полиса. Им стал на 10 лет (317—307 гг. до н.э.) Деметрий из Фалеры, сын зажиточного афинянина Фенострата, известный ученик Феофраста²⁶⁵. Правивший от имени Кассандра, он действовал в пользу зажиточных слоев рабовладельцев, защищал в Греции македонские интересы. Деметрий Полиоркет — сын Антигона — освободил Афины от Деметрия Фалерского и снова провозгласил свободу и независимость города, предоставив этому городу демократическое правление²⁶⁶. Свергнутые афинские олигархи предстали перед судом и были казнены. Деметрий Фалерский заочно был приговорен к смерти²⁶⁷.

Несколько позже, около 300 г. до н.э., во главе Афин стал демократический деятель Лахар — «ужасный тиран», как его называли Плутарх и Павсаний²⁶⁸. Свои усилия он направил на оборону полиса. Вследствие нехватки средств на оборону и вооружение Лахар конфисковал все храмовые сокровища и даже снял золотое покрытие с 'богини Афины²⁶⁹. В 299 г. до н.э. Афины сдались Деметрию Полиоркету, а Лахар спасся бегством в Беотию²⁷⁰. Деметрий великодушно простил «заблуждения» афинян, начав с про-

возглашения «свободы и демократии». Опережившись на олигархов, он покончил с демократическим правлением и ввел систему строгого подчинения.

Наконец, новой формой взаимодействия было вхождение полисов в качестве свободных союзников в государство той или иной слагающейся эллинистической монархии. Так, в государстве Антигона греческие полисы Малой Азии были его свободными союзниками, но в то же время в качестве автономной единицы входили в состав обширной территориальной монархии со всеми вытекающими отсюда последствиями²⁷¹. Эти союзные города во внутренней жизни управлялись своими чиновниками, по своим законам, даже часто чеканили свою монету. Тем не менее, диадохи обладали правом вмешательства в дела полиса.

Эпиграфический материал довольно точно показывает взаимоотношения городов с диадохами. Так, обращаясь к городу Теосу в конце IV в. до н.э., Антигон начинает свое письмо словами: «Царь Антигон приветствует совет и народ Теоса»²⁷². Около 288/87 г. до н.э. Селевк посылает с таким же обращением письмо в Милет: «Царь Селевк приветствует совет и народ Милета»²⁷³. Три года спустя «Царь Лисимах приветствует совет и народ Приены»²⁷⁴. Еще через два года он же «приветствует совет и народ Самоса»²⁷⁵.

В письме Антигона к городам Теоса и Лебедоса он подчеркивает свое желание служить городу, сделать его население свободным и независимым. Ему разрешается составлять наиболее выгодные законы. Но законы, вызвавшие протест, должны были быть присланы к Антигону, который может рекомендовать городу принять их или нет; ему должны высылаться и законы, вызвавшие одобрение, и должно указываться, какие из них были рассмотрены собранием или другими лицами. Поэтому если кто-то составил закон, явно направленный на благо, но противоречащий ему, Антигон мог бы осудить и наказать того. Антигон не только утверждает законы для города, но ему принадлежит право указать народному собранию, как поступить в этом или ином случае, чтобы интересы диадоха не были нарушены. Точно так же спор между Приеной и Самосом разбирается в канцелярии Лисимаха, пока последний не выносит окончательного решения²⁷⁶.

Поскольку отдельные полисы перед лицом могущественных диахов не могли думать о самостоятельной роли, усиливаются объединительные тенденции федерального характера среди греческих городов. Этим объединениям приходилось сталкиваться с диадохами, и действовать с ними. Следует отметить основанный на демократических принципах этолийский союз, который впервые упоминается в источниках в 314 г. до н.э., и ахейский союз, возникший в 280 г. до н.э. в самом конце периода диахов на смешанных демократических и олигархических принципах. Этолийский союз земледельческих общин, еще не втянутый в экономический кризис, обладавший прекрасной крестьянской армией, довольно длительное время сумел сопротивляться македонскому владычеству²⁷⁷. Это был новый тип политических объединений, отличный от симмахий V в.

до н.э. От Коринфского союза Филиппа, у которого были заимствованы некоторые политические идеи, они отличались тем, что образовались не вследствие какого-либо внешнего воздействия, а благодаря своим собственным внутренним силам; от Пелопоннесского и Аттического союзов тем, что здесь не было командующего государства — гегемона. Каждое из этих образований представляло собой не шаткий союз государств, а единое союзное государство. Отдельные полисы были равноправными членами союза. Эти союзы управлялись на основе общесоюзных конституций. Прототипом для этих союзов послужил беотийский союз, существовавший уже в V в. до н.э.

Одновременно с существованием этих союзов создаются и другие объединения греческих полисов: островная лига и панэллинская лига. Единственный источник сведений об островной лиге — Делосский декрет, из которого явствует об установлении своеобразного протектората первых Антигонидов над теми греческими полисами, которые не входили непосредственно в состав их государства. В честь Антигона и Деметрия этот союз проводил на о. Делосе ежегодный праздник. Что касается панэллинской лиги, то учредительный декрет ее от 302 г. до н.э., а также эпидаврская надпись свидетельствуют о большой роли, которую сыграли Антигониды в этом образовании²⁷⁸.

Итак, основная политическая тенденция в эпоху диадохов состояла в следующем: распад государства Александра был прежде всего ударом по монархии, привел к ее деформации, ослаблению, борьбе между диадохами. Греческий полис активно действовал в защиту своей независимости, поэтому будущие монархи вынуждены были пойти на уступки. На данном этапе они отказались от принципа гегемонии. Ведущим становится в той или иной форме принцип автономии. Отказавшись от намерения Александра иметь опору в восточной знати, его преемники на первое место выдвинули греков и македонян. Этим объясняется, почему диадохи придавали такое большое значение «свободе» и «автономии» эллинских полисов. Еще в 315 г. до н.э. Антигон объявил, что одной из задач его деятельности является свобода и автономия греческих городов. По его инициативе в мирный договор 311 г. до н.э. был включен пункт об обязательстве диадохов не нарушать свободу эллинов²⁷⁹. Правда, по их интерпретации «свобода» греков выражалась в предоставлении полисам автономии под покровительством или же верховной властью одного из диадохов.

Автономия была компромиссом, и мера автономии зависела от местных условий и конкретных факторов. Но важно подчеркнуть, что здесь она во многих случаях была вполне реальной. Существовали следующие формы автономии: 1) греческая (для Балканского полуострова), которая проявилась в двух разновидностях: а) автономия с изменением политической структуры полиса (конституция Антипатра); б) автономия без изменения конституции полиса, но с ограничением его прерогатив (Антигон и Деметрий или Полисперхонт и Кассандр); 2) восточная форма, представляющая автоно-

мию греческих городов Малой Азии или вновь образовавшихся городов.

Несмотря на все разновидности форм, в период диадохов принцип автономии сохраняется всюду. Но по мере укрепления монархии как территориального единства и политической структуры реальность автономии становится все более ограниченной. Освободительное движение горожан беспощадно подавляется, и всякий раз это приводит к ограничению социально-политических и экономических привилегий города. Зарождаются новые формы отношений к греческим городам, которые станут господствующими на следующем этапе возникновения и развития эллинистических государств²⁸⁰.

Все вышеизложенное будто говорит о том, что антимакедонские выступления охватили лишь одну, вполне определенную общественную структуру — полис, пытавшийся в новых условиях отстоять свое право на существование. Но такой вывод был бы совсем верен. Дело в том, что антимакедонское движение охватило не только полис, но и племенной мир, стоявший на стадии классового образования. Вступив в военные столкновения с племенами, диадохи ставили себе цель — их покорение, захват добычи и овладение стратегическими ресурсами оккупированных территорий. Наиболее характерны в этом отношении войны Пердикки с горцами Писидии в 322 г. до н.э.; серия войн Лисимаха во Фракии; Антигона и Деметрия с аравийским племенем набатеев, жившим в пустынной местности по берегам Мертвого моря. Набатейцы занимались кочевым скотоводством, посреднической торговлей между Индией и Египтом. Они торговали миррой и фимиамом, добывали битум в Мертвом море и экспортировали его в Египет²⁸¹. Это были смелые и решительные люди. В случае нападения врагов они скрывали своих жен, детей и имущество на высокой скале, а сами укрывались в пустыню, где у них имелись замаскированные искусственные цистерны с водой²⁸².

Во II в. до н.э. они основали могущественное раннерабовладельческое государство, столицей которого был город Села, получивший позднее греческое название Петра²⁸³. Антигон, предприняв военные действия против Египта, опасаясь, что вольнолюбивые набатейцы нападут на него с тыла. Решив предупредить удар и захватить богатства Петры, он направил 4600 легковооруженных воинов и конницу под командованием своего друга Афинейя. Застигнутые врасплох, набатейцы потеряли 500 талантов серебра и продовольствия. Афинейя, захватив все награбленное, ушел из города и раскинул для отдыха лагерь в 35 км от Петры. Вскоре небольшая его армия была атакована силами набатеев, в результате чего многие солдаты были перерезаны во время сна. Спаслись только 50 всадников.

Немного позже Антигон получил письмо от набатеев, которые жаловались на Афинейя и оправдывали себя. Антигон ответил им, что его военачальник действовал вопреки полученным приказам. Диодор отмечает, что, выражаясь подобным образом, он пытался скрыть свои подлинные замыслы: его целью было внезапно напасть

на кочевников, которых он не смог бы покорить, не употребив хитрость, ибо их пустыня была для них надежным укрытием²⁸⁴. Антигон сформировал экспедицию из 4 тыс. конницы и 4 тыс. легкой пехоты, хорошо подготовил ее к походу и назначил командиром этой экспедиционной армии Деметрия. Последний с трудом продвигался в течение трех дней; он не смог обмануть набатейских часовых. Набатеи поставили хороший гарнизон в Петре и рассыпались со своим скотом в песках. Деметрий пытался овладеть Петрой, но, не добившись успеха, стал вести переговоры. Набатеи ему предложили подарки и заложников, и он ушел, разбив лагерь возле Мертвого моря. Антигон порицал сына за заключение этого соглашения и за то, что оставил своих противников безнаказанными. По крайней мере, он пытался увеличить свои доходы, добывая битум из Мертвого моря. Однако Антигон был вынужден отказаться от мысли покорить набатеев, тем более, что в Центральной Азии назревали серьезные события, которые требовали не только его присутствия, но и напряжения всех сил и средств на другом участке борьбы.

Крупное антимакедонское движение началось в Индии, где еще во времена Александра оно принимало широкие размеры²⁸⁵. Но когда он с основным своим войском ушел из страны, развернулось интенсивное освободительное движение против оставшихся в стране македонских гарнизонов. В это время, указывает Юстин, Индия «как бы сбросила с шеи иго рабства и перебила всех его наместников»²⁸⁶. Был убит сатрап Филипп. Тот факт, что новый сатрап так и не был назначен, является неопровержимым свидетельством того, что греки уже не были в состоянии восстановить свои позиции в Пенджабе. Об этом говорит также и то, что в 321 г. до н.э. они вынуждены были признать власть местных индийских правителей, которых уже было невозможно вытеснить из их владений²⁸⁷. В это время уже ни один македонский сатрап, кроме Эвдема, не оставался в районах к востоку от Инда.

Известный советский индолог Г. М. Бонгард-Левин полагает, что изменения в системе управления были вызваны, в значительной мере, борьбой индийцев против греческих гарнизонов²⁸⁸. Во главе этого антимакедонского движения встал Чандрагупта (по-гречески Сандракотта), который вместе со своим другом Каутильей организовал партизанскую борьбу, прогнал греко-македонские войска из Пенджаба и стал его властителем²⁸⁹. Борьба эта продолжалась, по всей вероятности, несколько лет. Согласно сообщению Диодора, в 317 г. до н.э. Эвдем, последний греческий правитель после убийства Филиппа, тайно умертвив престарелого Пора, завладел его землями и слонами, но покинул Индию, чтобы вмешаться в распри диадохов, изменить Эвмену и самому стать жертвой такого же коварства со стороны Антигона²⁹⁰. Вероятнее всего предположить, что Эвдем вынужден был оставить пределы Индии перед лицом значительного подъема антимакедонского движения в этой стране, в связи с чем Эвдем уже не был в состоянии удержать свои позиции в этих местах²⁹¹.

В этом антимакедонском движении наличествовали объективные и субъективные причины. Первые были связаны с недовольством местного населения господством иноземных захватчиков; вторые определялись личными мотивами главного организатора антимакедонских выступлений — Чандрагупты. Последний использовал борьбу против чужеземного господства на северо-западе для нанесения удара по династии Нандов и захвата власти. Изгнав династию Нанда и объединив постепенно под своей властью всю северную Индию, «он стал сам притеснять народ, который освободил от иноземного владычества»²⁹².

Захват Чандрагуптой земли сатрапов и государств, основанных или сохраненных Александром, привел к столкновению могущественного царя индусов с не менее могущественным из диадохов — Селевком. Последний, вероятно, надеялся приобрести отторгнутые земли, завоеванные Александром. Подробности этого столкновения источники до нас не доносят. Лишь один Аппиан сообщает об открытых действиях между ними²⁹³. В 305 г. до н.э. Селевк пытался разгромить своего противника и дошел до реки Дэйамны²⁹⁴. Чем кончилось это столкновение — не известно. То, что в 302 г. до н.э. Селевк должен был уступить индийскому царю все области, захваченные Александром за Индом, а также территории, расположенные к западу от реки, доказывает, что поход оказался неудачным²⁹⁵. С другой стороны, тот факт, что между враждующими сторонами был заключен мирный договор, скрепленный дружбой и родственными связями, произошел обмен посольствами, наконец, Чандрагупта выразил Селевку свое благорасположение, подарив ему 500 боевых слонов из своего 9 тыс. стада, как будто свидетельствует о том, что Селевк совершил в Индию удачный поход²⁹⁶. На этом настаивает и Поль Клоше²⁹⁷.

Нам представляется, что истина лежит где-то посередине. Необходимость уступить значительные территории Чандрагупте говорит не столько о слабости Селевка, сколько об усложнившейся обстановке на Западе и особой важности его присутствия там. Кроме того, тесное скрепление экономических, политических и личных уз этих двух государственных деятелей шло на пользу им обоим. Боевые слоны, которых привел из Индии Селевк, сыграли решающую роль в битве при Ипсе и дали ему возможность усилить свое влияние в борьбе диадохов за власть. Кроме того, селевкидский посол Мегасфен, после заключения мирного договора, направился в столицу Чандрагупты Паталипутру, чтобы здесь защищать интересы своего царя. Однако, при всем этом, неопровержимым и вполне доказанным остается главное: только широкое, антимакедонское движение способствовало изгнанию греко-македонских войск из Индии, только оно изменило соотношение сил на этом субконтиненте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Империя Александра Македонского была конгломератным государством, созданным из разнородных частей силой оружия. В империю входили племена и народности Балканского полуострова, Малой Азии, Средней Азии, Индии, Северной Африки. Среди этих племен и народностей имело место несоответствие общественно-экономических укладов, различие культур и языков. Одни племена еще сохраняли пережитки матриархата даже при рабовладельческих отношениях (Кария); другие — жили в патриархальном строе (геты, кардухи, ариане, дрилы, ихтиофаги, сабиане, ориты и др.); третьи — переживали процесс перехода к классовому обществу (армяны, скифины, кафеи и др.). Наконец, в империю входили народности с развитым рабовладельческим строем на Востоке (Египет, Индия), на Балканах — Греция.

Все это показывает, что эти племена и народности находились на различных ступенях экономического развития и не имели единого базиса. Поэтому империя должна была испытать судьбу других более ранних конгломератных образований. Процесс распада происходил в сложный, противоречивый и запутанный период диadoхов, в высшей степени насыщенный богатыми социально-экономическими изменениями, важными политическими, дипломатическими и военными событиями. Значительные изменения произошли в положении и власти, в территориальных приобретениях и потерях, ими то пользовалась, то теряла, по очереди, большая часть преемников Александра. На протяжении сорока с лишним лет, начиная с того момента, когда Александр передал свой перстень Пердикке со словами «достоинейшему», и до смерти последнего диadoха бушевали междоусобные, кровавые войны. Как македонянам и грекам, так и восточным народам эти войны приносили неисчислимы тяжелые бедствия и ужасные физические и моральные страдания. Даже попытки диadoхов к сближению путем заключения многочисленных династических браков не способствовали установлению или сохранению мира и согласия. Иногда эти супружеские союзы возбуждали прямо или косвенно соперничество или кровожадную зависть, столь же опасные, но более мелочные и скандальные, чем территориальные конфликты, возникавшие из-за честолюбия, ненависти и алчности людей.

Период диadoхов французский историк П. Жуге определяет прежде всего как вооруженное соперничество главных военачальников, которые поделили между собой управление империей. Пока Александр Македонский был жив, власть, которую он удерживал своим рождением и гением, дисциплинировала энергию всех и использовала ее для общего дела. После его смерти царская власть, представленная в лице слабоумного Арридея или сына персиянки, не могла заставить этих знатных македонян, гордых своим происхождением и подвигами, признать себя. Некоторые из них считали себя достойными заменить Александра; менее спесивые могли терпеть только равных. Успехи одних возбуждали жажду к славе и выгоде у других. Многие из тех, кто не имел достаточно сил, чтобы играть первые роли, сознавал свое благополучие под покровительством более могучих¹. Обширные районы Востока им представлялись вакантными владениями, где каждый, особенно сильный и ловкий, мог выкроить свою долю. Конечно, на этом огромном пространстве имелись районы, крепче спаянные в географическом отношении, например, Египет, который невозможно было легко раздробить. Но там были и другие (как, например, Сирия), единство которых было непрочным и которые могли дробиться завоевателями в зависимости от их могущества и обстоятельств. Пожалуй, никогда положение мира не было таким благоприятным для духа предприимчивости и авантюры.

В силу всего этого сам процесс распада обширной империи Александра был не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Здесь отчетливо выделяются две тенденции: одна — связана со стремлением сохранить единство государства Александра для его потомков или для одного из диadoхов; другая — выражала ин-

тересы сепаратистов, стремление его разделить. В этой ожесточенной борьбе прежнее государственное здание слабело и распадалось на части. Окончательному распаду на три территориальные монархии предшествовали промежуточные процессы дезинтеграции империи. На первоначальном этапе с 323 г. до н.э., почти сразу же после смерти македонского завоевателя, власть была разделена между многими бывшими командирами Александра. Формально они подчинялись центральному правительству, но фактически свободно управляли и действовали по своему усмотрению. Этим диадохам было тогда около 15 - очень неравных между собой по престижу, экономическим, финансовым и военным ресурсам. В течение двух лет многие из них были низвергнуты с вершины политического могущества, в результате военных операций в Греции и Малой Азии, были убиты и устранены по воле их собственных армий.

Договор 321/320 г. до н.э. в Трипарадисе не уничтожил почти ни одну сатрапию и особых территориальных изменений не произвел. Формальный принцип единства империи признавали оба раздела. Лишь через девять-десять лет, прошедших после договора 321/320 г. до н.э., условия этого договора были нарушены Птолемеем и Антигоном. Непременным результатом конфликтов этих лет явилось исчезновение многих сатрапий и некоторое упрощение административной карты империи. Как указывает английский историк Ф. Уолбэнк, единству империи был нанесен роковой удар договором 311 г. до н.э., ибо по смыслу он признавал существование четырех независимых держав, если не считать Селевка и Полисперхонта, поскольку оба были исключены из него².

Новый раздел 311 г. до н.э. довольно значительно отличался от условий предшествующих соглашений. В результате сократилось число сатрапов, наметился новый сдвиг в сторону дальнейшего упорядочения функций государственного управления. В течение десяти лет после договора 311 г. до н.э. вплоть до битвы при Ипсе произошли два события, которые положили конец юридической функции единства империи: убийство малолетнего сына Александра и узурпация царского достоинства вначале Антигоном и его сыном Деметрием, а затем другими диадохами³. С этого времени сатрапии или группа сатрапий, которыми управляли диадохи, стали теоретически независимыми государствами. Фактически же ничего не изменилось ни во власти новых «царей», ни в их числе. После битвы при Ипсе, когда под ударами новой коалиции пал Антигон, его победители захватили большую часть земель побежденного, однако они не смогли достигнуть господства над всей империей. Их союзники удерживали за собой: один — Македонию и часть Эллады, другой — Египет и африканские владения. Кроме того, часть Малой Азии предназначалась брату царя Македонии, наконец, Деметрий Полиоркет еще сохранял некоторые остатки земель, принадлежавших его отцу. Бывшая империя была разделена на шесть государств, неравных по площади, мощи и др.

Процесс дальнейшего дробления государства Александра продолжался после смерти Кассандра в 297 г. до н.э. Его сыновья, а также Пирр и Деметрий Полиоркет расчленили на части Македонию. Одновременно шли процессы консолидации отдельных территорий при дальнейшем сокращении числа диадохов. В последующие годы государство вначале было разделено между пятью царями: Селевком, Птолемеем, Лисимахом, Деметрием и (на некоторых македонских землях) Пирром. После гибели Деметрия Полиоркета обширными владениями распадавшейся империи управляли только три «счастливца»: Лисимах во Фракии, Селевк в Азии и Птолемей I в Египте. Впрочем, их счастья хватило ненадолго. Птолемей I вскоре умер, а Лисимах и Селевк вступили в единоборство, оттесняя более слабых соперников. Лисимах вынудил царя Эпира оставить свои македонские владения и прогнал почти из всей Фессалии сына Полиоркета. После разгрома и смерти Лисимаха из наследников Александра остался в живых один Селевк, но и он вскоре пал в результате заговора Птолемей Керавна.

Диадохи ушли из жизни. Одним из важнейших последствий их борьбы было расчленение империи на три более или менее стабильных района: азиатский, балканский, египетский. Однако объяснить распад империи только военными столкновениями диадохов означало бы оценить важный исторический процесс главным образом с точки зрения субъективных факторов. Именно на этот путь стало большинство буржуазных историков. Так, Буше-Леклерк полагал, что только принципы монархической наследственности могли защитить единство империи Александра⁴. Эту же мысль подтверждает Вилькен, считая причиной распада державы Александра то, что после смерти македонского царя «были назначены на место незаменимого два неспо-

собных к управлению и два несовершеннолетних ребенка»⁵. Другие причины распада немецкий историк также старается отыскать в субъективных моментах, как-то: в характере, способностях, разгоревшемся честолюбии полководцев, стремившихся к захвату власти. По мнению Ф. Шахермейера, после того, как в борьбе за общее господство погибли Кратер, Пердикка, Эвмен и, наконец, Антигон, возникла мысль о разделе империи. В результате этого чисто духовного процесса «появились отдельные государства диадохов, враждебно настроенные друг к другу, спесивые и национально гордые, не расположенные к смирению»⁶.

За внешними явлениями исторических событий буржуазные ученые не видят главного — внутренней, объективной экономической необходимости распада конгломератного государства, скрепленного силой оружия. Страны, входившие в этот конгломерат, не были связаны друг с другом, отсутствовало прочное социально-экономическое единство между ними. Империя Александра возникла как своеобразная форма завоевания и существовала лишь до тех пор, пока длилось завоевание. С прекращением завоевания государство распалось. И это было исторически неизбежно. Поэтому усилия некоторых диадохов сохранить единство империи были обречены на неудачу. Прогрессивная тенденция заключалась в образовании на месте неуклюжей империи системы жизнеспособных территориальных государств, обладавших определенным внутренним экономическим единством. В связи с этим встает более общий вопрос о закономерности возникновения и распада конгломератных государств. Исследование этого вопроса позволяет лучше усунуть специфические особенности распада государства Александра Македонского.

Всемирно-исторический опыт показывает, что конгломератное государство при-сущее не только древности, но и другим эпохам истории человечества. Во всех случаях, когда для определенного обширного региона еще невозможны прочные экономические связи, создающие из этого региона единый экономический организм, объединение стран такого региона достигается путем насильственных захватов. При этом господствующий класс в состоянии создать относительно менее прочное государство, которое в терминологии историков обозначается часто как мировое и которое рано или поздно неизбежно распадается на свои составные части. Примерами таких государств в древности были так называемые мировые державы (Ассирия, Персия, держава Александра, Рим), в средние века — государство Каролингов в Европе, монголо-татар в Азии. Их мировое владычество можно считать лишь относительным, так как и способ производства, и политические институты, и даже уровень географических представлений не позволяли осуществить власть над всеми странами и народами.

По мере того, как подходим к современной эпохе, очевиднее становятся всеобъемлющие связи различных стран и народов в условиях развития капиталистической общественной формации. К. Маркс указывал: чем шире идет человеческое развитие, «...чем дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, общению и в силу этого стихийно развившемуся разделению труда между различными нациями, тем во все большей степени история становится всемирной историей»⁷.

Таким образом, всемирная история существовала не всегда: «...История как всемирная история — результат»⁸. Но означает ли это, что капитализм в состоянии создавать «тысячелетние мировые империи»? Опыт всей истории последних столетий показывает, что ответ на этот вопрос отрицателен. Возникли и разрушились колониальные империи Великобритании, Франции и других государств, потерпела крах попытка Наполеона осуществить мировое господство, исчез в небытие творец третьего рейха, мечтавший о владычестве над всем человечеством. Капитализм не в состоянии по самой природе своих антагонистических отношений образовать из человечества единый экономический организм, преодолеть разобщенность стран и народов. Только коммунизм может решить эту задачу. Но коммунизм в своей высшей стадии, во всемирном масштабе, не будет нуждаться ни в каком государстве. Вот почему уже социализм, отстаивая свободу народов, их право на самоопределение и свободное развитие, которое только и может быть, согласно ленинскому учению о национальном вопросе, гарантом их подлинного и самого глубокого объединения, ведет неустанную борьбу против агрессии и войны, против всяких планов установления мировых империй, под чьей бы национальной крышей эти планы ни разрабатывались.

Проблема конгломератного государства получает свое объяснение в анализе взаимоотношений между данной общественной формацией и степенью экономическо-

го единства различных общностей, которые данная формация порождает. Этой закономерности подчинялось развитие и распад государства Александра. Истоки образования менее крупных, но более устойчивых в экономическом и политическом отношении эллинистических государств нужно искать в особенностях социально-экономического развития рабовладельческого общества Греции и стран Востока. Эти страны развивались по единому рабовладельческому пути, но имели существенные региональные особенности. Конгломератный характер «всемирных империй» для этих разных регионов, безусловно, был характерен, но уровень, степень и сами особенности конгломератности зависели от специфики рабовладельческого строя. При этом, развитие такого качества, как конгломератность, шло далеко не по прямой линии. Этим можно объяснить сравнительную непрочность государства Александра по сравнению не только с более поздней римской империей, но и с более ранней державой персов.

Государство Александра было непрочным потому, что оно опиралось на два различных социально-исторических основания: на социально-экономический уклад восточного общества и на общественную структуру античного рабовладения. Александр пытался примирить в рамках мировой империи обе эти формы. Но эта попытка не могла быть удачной. Разнородность социальной основы империи Александра явилась главной причиной ее политического распада. Преемники Александра, если до конца этого не поняли, то, по крайней мере, почувствовали. К этому их принуждала суровая реальность экономической жизни: во-первых, необходимость организации наиболее эффективной эксплуатации покоренного населения Востока; во-вторых, проведение более организованной налоговой политики; в-третьих, контроль за общественными работами и торговлей; в-четвертых, необходимость более прочной консолидации господствующего класса перед лицом всех угнетенных.

Распаду государства Александра способствовали не только экономическая нестабильность, но и многочисленные антимакедонские выступления, сочетавшиеся с кризисом полисной системы, с ожесточенной социальной борьбой во многих регионах Европы, Азии и Африки. Эта борьба переплеталась с этнической борьбой, с борьбой народов за независимость.

Со времени диadoхов цивилизованный мир вступил в длительный период, когда всемирная империя восточного типа была уже невозможна, а развитая античная конгломератная империя еще не могла появиться. (Ее воплощением впоследствии стала римская держава.) Поэтому Средиземноморье и Передняя Азия представляли картину невероятно пестрого и сложного скопления племен, государств, систем государств. Поскольку социально-экономическая и административная структура государств диadoхов была структурой переходного периода, в ней сохранились черты прошлого и возникли ростки будущего. В связи с этим большой теоретико-методологической проблемой становится преемственность.

Преемственность — важная сторона исторического развития. Более того, идея развития неотделима от идеи преемственности⁹. Для нее характерны связь сменяющихся друг друга ситуаций и периодов, а также сохранение и удержание на новом уровне того, что было достигнуто на предшествующем этапе развития. В преемственности исторических периодов проявляется диалектическое единство времен прошлого, настоящего и будущего. В. И. Ленин писал: «...Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основа настоящего и зачатки будущего...»¹⁰.

В свете вышеуказанного важно проследить преемственность между Александром и его наследниками и фиксировать момент разрыва. Выяснить, в какой мере деятельность диadoхов осуществлялась в соответствии с политикой Александра, невозможно без рассмотрения тех модификаций, которые были привнесены его последователями. Что же оставил Александр своим наследникам? Огромные, не до конца усмирённые территории, завоеванные оружием, шаткую социально-экономическую и административную структуру и планы новых завоеваний, привести в исполнение которые поручалось Кратеру; именно, выстроить для задуманного похода на Запад флот из 1 тыс. военных кораблей. Для этого флота на удобных местах морского берега необходимо воздвигнуть нужные доки, арсеналы и гавани; провести вдоль берегов Ливии большую военную дорогу до Геркулесовых столбов; по мере возможности содействовать основанию новых городов и соединению в одних стенах разбросанных селений; повсюду облегчить переселение из Европы в Азию и наоборот; предполагалось возвести громаднейшие сооружения, в том числе пирамиду в честь царя Филиппа II, а также шесть больших храмов.

Македоняне, узнав из прочтенных перед ними бумаг о новых завоевательных планах, выходявших за пределы достигнутых к этому времени границ государства, самым решительным образом почти все их отклонили (за исключением градостроительства, существо которого тоже было в основном перемотрено)¹¹ Строительство городов при диадохах не может быть поставлено под сомнение. Большинство важных поселений, известных в эллинистическую эпоху, было основано до 280 г. до н.э.¹² Но, в отличие от городов, построенных Александром, со смешанным населением, его преемники создавали города с замкнутыми полисными греко-македонскими коллективами¹³.

Известно, что эллинистические общества в отношении своего политического строя в целом представляли собой соединение черт классического полиса с территориальной монархией. Это диалектическое единство двух диаметрально противоположных и враждебных друг другу политических форм складывалось в сложных условиях социальной борьбы и жестокого противоборства преемников Александра, стремившихся к власти. При диадохах, в переходный период от государственной структуры времени Александра до окончательного оформления эллинистических государств, этот симбиоз слагался неоднородно в разных регионах империи и имел ряд особенностей, вызванных как местными условиями и предшествующим историческим развитием, так и конгломератным характером распадающейся империи вообще.

На Балканах, где греческий полис имел долгую самостоятельную историю, и македонское владычество укреплялось главным образом военным путем, соединение полноты черт с македонской монархией принимало несколько иные формы, чем в восточном ареале. Примером тому в Греции могут служить Афины, на Востоке — Киренаика. Между полисом и монархией складывался сложный комплекс экономических, политических и социальных отношений. Сосуществование двух форм политической организации явилось логическим результатом более тесного соприкосновения и частичного синтеза античного и восточного мира. В дальнейшем эллинистические цари использовали полис в качестве готовой формы экономической организации и низовой административной единицы в целях управления страной и эксплуатации местного населения¹⁴.

Довольно сложной и многоступенчатой является преемственность диадохами административных структур Александра, связанных с особенностями управления на завоеванных территориях, с взаимоотношениями между македонскими завоевателями и восточными народами. Плутарх представляет нам некоторые сведения об административных мерах диадохов на первом этапе их борьбы за власть. Он указывает, что Эвмен «передал города своим друзьям», функции которых установить затруднительно. Ф. Шахермейр полагает, что эти «друзья» захватили господство в городах именем сатрапа. Он приписывает это дарение территории Эвмену и Антигону и неправоммерно называет данную систему «македонским феодальным режимом»¹⁵. П. Бриан считает, что эти «друзья» играли в городах роль уполномоченных сатрапа, «завладевших властью» либо временно, либо постоянно¹⁶.

Плутарх также указывает, что Эвмен учредил фрурархию, оставив за собой судей и диоикетов. По мнению П. Бриана, фрурархи — это наместники в укрепленных местах, разбросанных по территории сатрапии¹⁷. Крепости (фрурии), которыми командовали фрурархи, располагались на отдельных скалах и были снабжены запасами воды и деревом, что давало им возможность выдерживать длительную осаду¹⁸. В одной Каппадокии понтийской, по словам Страбона, таких укрепленных мест было 75. Все они «образовали своего рода пояс, онаясывающий царство»¹⁹. Некоторые из них содержали значительные части царских сокровищ²⁰.

Строительство таких укрепленных пунктов отличалось по своим целям от градостроительства Александра. Последний преимущественно строил города, ориентированные на привлечение греческих переселенцев, на развитие городской экономики, следовательно, античных рабовладельческих отношений. При диадохах же градостроительство носило, как правило, иной характер. Оно было направлено на укрепление военного господства над местным населением и превращало города в типичные военные крепости. Факты подобного синицизма, который проводил Антигон, становились уже редкостью. Тем самым диадохи фактически вернулись к восточной практике так называемого «градостроительства», которая имела место еще при Кире²¹. Кир строил фрурии во всех сатрапиях с целью контроля за населением и для облегчения регулярного взимания налогов²². Многие из них являлись кладовыми сокровищ²³.

К числу административных форм, также заимствованных в ахеменидской империи, относились судьи и диоцеты. Наличие судей наравне с другими чиновниками засвидетельствовано в Самарии в начале царствования Ксеркса. Что касается диоцетов, то это были чиновники финансов. Они занимались сбором налогов, управлением царских земель²⁴. В персидской империи были также сборщики налогов, старшие казначеи, инспектора, охранники поместий и управляющие. Сборщики налогов в эпоху Александра известны в Сардах и в Вавилоне²⁵. Можно предположить их наличие в каждой сатрапии. В сатрапиях Эвмена в 322 г. до н.э. место персов в административном аппарате заняли греки и македоняне. В других сатрапиях македоняне не отказались прибегнуть к персам либо как к сатрапам, либо как к финансовым управляющим. Известно, что Селевк и Эвмен выполняли обязанности финансовых управляющих сатрапий²⁶.

В 331 г. до н.э. Александр после возвращения из Египта произвел административную реорганизацию, освобождая сатрапов от контроля за финансами. Отныне контроль за финансами был доверен диоцету сатрапа, непосредственно ответственному перед региональным контролером за финансами. Диодохи же, в известной мере, вернулись и в этом случае к персидской административной практике, при которой сатрап был ответственным за управление, правосудие, сбор налогов и наблюдение за населенными пунктами (городами), т.е. он должен был контролировать деятельность судей и диоцетов²⁷.

Не менее важная теоретико-методологическая проблема, связанная с распадом конгломератного государства, связана с армией, которая была орудием борьбы диадохов как за сохранение империи, так и за ее разделение. Политическая борьба наследников Александра велась в основном военными средствами. Даже там, где противостоящие стороны приходили к соглашению и пытались добиться своих целей мирным путем, решающим фактором дипломатии выступала военная мощь. Размах военных действий был велик, и количество населения и материальных ресурсов, втянутых в вооруженную борьбу, для того времени было беспрецедентным. В условиях политической неустойчивости вооруженные силы являлись наиболее стабильной формой организации и оказывали решающее влияние на исторические события не только как инструмент в руках честолюбивых людей, но и как самостоятельная социальная сила, подчинявшая себе действия своих полководцев.

Квалификация этой социальной силы представляет исключительный интерес для истории античного общества, ибо именно в период диадохов происходят качественные сдвиги в составе и политической роли армии. Поэтому большое значение приобретает анализ военных аспектов этого периода. Важность такого анализа вытекает из особого характера войн диадохов, связанного вооружением, тактикой и подготовкой войск. В этих условиях достижение поставленных политических целей зависело прежде всего от военного искусства, которое переживало новый этап своего развития.

Во время восточных походов руководство сосредоточилось в руках Александра. Это вызывалось не столько его честолюбием, сколько самим характером складывания его государства: непрочностью объединения различных областей империи, многоукладностью экономики и политических форм и ненадежностью социальной базы власти. Исходя из этого, Александр выдвигал на ключевые посты лишь исполнителей своей воли. Главным критерием продвижения по службе была безупречная преданность, беспрекословная исполнительность, личная отвага. Характерно, что наиболее способные и честолюбивые деятели либо назначались им на бесперспективные периферийные должности, как Антигон, либо находились под надежным контролем сослуживцев, как Мелеагр. Наиболее ответственные посты представлялись, как правило, хорошим командирам, но не пригодным к практической политической деятельности. В этом отношении ни Кратер, ни Леоннат, ни Полисперхонт не проявили в ходе борьбы диадохов особенных политических талантов. Все это имело важные последствия для судеб конгломератного государства, аппарат которого еще полностью не сложился и поэтому не смог погасить честолюбие отдельных полководцев и обеспечить македонской верхушке «власть над миром». Сама Македония была слишком слаба и невыгодно расположена, чтобы оказать эффективное влияние на этот процесс. Поэтому с внезапной смертью Александра оказались разорванными многие нити, связывавшие воедино интересы разнородных социальных групп.

Кроме того, в период диадохов происходит резкое изменение боевых качеств войск. Это было связано с фактическим разорением значительной части того греко-

македонского крестьянства, которое прежде всего составляло лучшую, активную и выносливую часть войска, а также с усиливавшимся процессом растворения греко-македонского меньшинства среди многочисленных восточных народов. Резко падало моральное состояние войск. Наемные войска, зараженные мишурой славы и богатства, менее всего были намерены сложить свои головы за интересы диадоха: войны для них были лишь престижным и доходным ремеслом. Именно поэтому они предпочитали служить в коннице, где лучше оплачивался риск. Что касается пехотной службы с ее большими тяготами и лишениями, то наемники старались ее избежать, а перспектива встретиться врукопашную вызывала у них просто ужас. Боеспособной пехоты в это время почти не осталось: единственной частью, способной атаковать и сметать противника, были аргирасиды Эвмена, но достаточно отметить, что очень немногие воины этой прославленной части были моложе 60 лет. Но и они прославились больше всего тем, что обменяли собственного предводителя на захваченный противником обоз. Ф. Энгельс в известных статьях по военному искусству обратил внимание на то, что «при преемниках Александра его пехота, равно как его конница, а также его тактика, быстро пришла в полный упадок. Оба крыла боевого порядка формировались исключительно из конницы, а центр из пехоты, но последняя была столь мало надежна, что ее прикрывали слонами. В Азии преобладающий азиатский элемент вскоре стал полностью господствовать, и это сделало армии Селевкидов почти ни на что не годными»²⁸.

Исход боевых действий решался конницей, которой в большинстве случаев руководил властитель. Эта чисто восточная черта, появившаяся уже у Александра, получила в дальнейшем гипертрофированное развитие, при котором только конница признавалась реальной боевой силой. В Греции, где полисные традиции сохранялись, эта ориентация тактики проявлялась менее ярко. Больших сражений стороны избегали. Боевые действия в Греции сводились главным образом к осадам городов, обороне горных переходов, укрепленных позиций и к обходным маневрам, а в Азии, где масштаб боев был наибольшим, пехота часто была лишь свидетельницей мощных схваток, пока ее не обращали в бегство и не начинали истреблять. Широко распространялись хитрость, предательство, откровенный подкуп. Перебежчикам выплачивались солидные деньги, и, видимо, некоторые удачники зарабатывали переходом от одного вождя к другому больше, чем собственно войной.

Необходимость существенных изменений в армии заставила уже Александра обратить особое внимание на создание новой конницы. БERVE датировал дату рождения смешанной иранской и македонской конницы 329 г. до н.э.²⁹. Но он основывался при этом на плохо истолкованном тексте Арриана, в котором говорится только о реквизиции лошадей и ничего — о наборе конницы³⁰. В. В. Тарн считал, что создание иранской конницы осуществлено в 326 г. до н.э., во времена индийского похода³¹. П. Бриан в создании конницы различает два этапа: создание иранской конницы как вспомогательный этап, начавшийся перед походом в Индию, и проникновение этих восточных всадников в македонскую конницу³². Однако известно, что еще в Индии бактрийские и согдийские составы сражались отдельно³³. Лишь по возвращении из Индии, точнее в 324 г. до н.э., нездолго до восстания в Опесе, появилась эта новая смешанная конница, описанная Аррианом³⁴. Во время всех походов в Иран и Индию Александр при всем его ориентализме количественно и качественно ограничивал прием иранских всадников. Те же предосторожности он предпринял прежде, чем включить молодых иранцев, предназначенных сражаться в фаланге. Тем не менее в 327 г. до н.э. Александр отдал приказ набрать 30 тыс. молодых персов и обучить их³⁵. Это облегчило в 323 г. до н.э. в Вавилоне создание новой фаланги, в которой тесно смешались македоняне и персы после того, как Певкест привел 20 тыс. новобранцев. Диодор указывает, что Александр в то время не хотел создать македоно-иранскую фалангу, а собирался сформировать параллельно македонской фаланге новую армию — так называемую антитагму³⁶. Эта антитагма была организована по образцу македонской армии; командирами там были персы. Она была полностью отделена от македонской армии, лагерь ее располагался за городом, и она самостоятельно демонстрировала свои маневренные способности перед Александром³⁷.

В Опесе обособление антитагмы по воле Александра становится еще более очевидным. Царь, сильно разгневанный противодействием собрания македонян, принимает решение держать их подальше от своей персоны³⁸. Более того, он созывает собрание восточных солдат, в котором македоняне не имели права участвовать³⁹.

Кризис в Гифасисе ярко показал Александру его огромную зависимость от ма-

кедонской армии. Создание антиагмы из восточных контингентов позволяло ему изменить соотношение сил в свою пользу. Созданная в промежутке между Гифасисом и Описом антиагма стала для царя новой и решительной армией⁴⁰. Между бунтарским поведением (тактикой) македонян и институтом антиагмы⁴¹ существовала тесная связь. Эта антиагма позволила дать понять македонянам, что отныне Александр мог обходиться без них⁴². Полностью раскаявшихся македонян он надумал ввести в антиагму⁴³. Создавая из антиагмы своеобразное войско-противовес, царь решил принудить македонян согласиться остаться в Азии и сотрудничать с восточными народами. По замыслу Александра, создание параллельной иранской фаланги было только этапом на пути организации новой ирано-македонской армии.

Более последовательно и целеустремленно проблему создания антиагмы решали диадохи. Известно, что Эвмен, найдя македонскую пехоту взбалмошной и надменной, в противовес ей создал конницу как антиагму⁴⁴. Чтобы осуществить это, он предоставил местным жителям, способным держаться на коне, освобождение от уплаты налогов и повинностей и распределил среди тех, кто составлял его окружение и на кого он более других полагался, специально купленных лошадей. Он поддерживал новую конницу почестями и подарками, укрепляя их тело маневрами и упражнениями так, что среди македонян одни цепенели от изумления, а другие, облеченные доверием, видели, что за очень короткий период он собрал себе конников, число которых не превышало шести тысяч трехсот человек.

Эвмен решил бороться против враждебных македонских армий главным образом при помощи созданной им превосходной конницы⁴⁵. Она позволила ему преодолеть неполноценность своей македонской фаланги как против Неоптолема, так и против Кратера и Антипатра в 321 г. до н.э.⁴⁶. Однако было бы неправильно видеть в этих мерах, принятых в 322 г. до н.э. Эвменом, безусловное продолжение политики Александра⁴⁷. Эвмен, в отличие от Александра, никогда не набирал, насколько позволяют судить источники, иранских пехотинцев; никогда он не пытался внести раскол между подразделениями македонскими и иранскими. Наоборот, местные контингенты всегда служили отдельно⁴⁸. Как и другие диадохи, он проявил доброжелательность к «туземному населению», освободив их от подати. Эта доброжелательность, сопровождаемая подарками, подтверждена Диодором у Птолемея в Египте, начиная с 323 г. до н.э., у Селевка в Вавилонии с 321 г. до н.э., у Певкеста в Персиде — с 325-324 г. до н.э., у Алкеты в особых условиях в Писидии — с 323 г. до н.э.⁴⁹. Известно, что Лагиды осыпали благодеяниями египетское жречество⁵⁰.

О связях с местным населением Селевка говорит тот факт, что он сохранил жену Аламу — дочь Спитамена, что его возвращение в Вавилонию в 312 г. до н.э. было осуществлено благодаря поддержке населения сатрапии (в свою очередь, эта поддержка была следствием его благосклонности к местным жителям). Диодор указывает, что Селевк овладел сначала вавилонской крепостью. «Сделав это, он набрал войска, купил лошадей и раздал их тем, кто умел ухаживать за ними. Наконец, он показал себя таким приветливым и доброжелательным, что зародил добрые надежды, и население было готово защищать его дело»⁵¹. О приверженности Певкеста к восточной политике было уже хорошо известно при Александре. По привычке в свою сатрапию, Певкест принял персидские манеры, костюм⁵². По своей инициативе он набрал войско и привел в Вавилон 20 тыс. молодых персов⁵³. В своей сатрапии он опирался главным образом на иранскую армию. Алкета также стал собирать свою армию в Писидии, где было много крепостей, которые было легко защищать⁵⁴. Поэтому он щедро одаривал своих подчиненных, в частности, позволял им оставлять себе половину добычи⁵⁵. Таким способом ему удалось набрать себе верную стражу.

Во главе таких армий, набранных среди населения сатрапий, находились сатрапы⁵⁶. Ими были организованы наборы войск на территориях, которые они контролировали. Каждый из диадохов хорошо понимал, что только созданием армии можно закрепить за собой контролируемую территорию и даже расширить ее. Известно, что после 323 г. до н.э. и особенно после 321 г. до н.э. образовались самоуправлявшиеся или независимые территории (Египет, Фракия, Великая Фригия, Вавилония). Для некоторых диадохов они стали только подходящим плацдармом для облегчения завоевания еще более обширных территорий. Но для осуществления таких замыслов нужно было мощное и преданное войско. Основная македонская армия для такой цели не годилась. Притом, в 322 г. до н.э. она находилась под командованием Пердикки, а в Европе — Антипатра, после 321 г. до н.э. она перешла под начало Антигона.

При таких обстоятельствах у диадохов оказалось два выхода: или набирать

наемников, или вербовать воинов из населения сатрапии. Прибегнуть к первому способу было гораздо труднее из-за недостатка финансовых средств у большинства сатрапов, за исключением Птолемея, который обладал богатой казной. Для других диадохов выход оставался в создании наряду с ограниченными греко-македонскими контингентами и «туземной армии»⁵⁷. Набор таких армий стоил гораздо дешевле, чем вербовка греческих наемников. Кроме того, сотрудничество между сатрапом и местным населением на этой почве позволяло ему располагать наиболее преданной армией, чего не было ни у наемников, ни у македонян. Раздача новых подарков делала солдат и главным образом их командиров личными должниками диадохов. Поэтому местным правителям необходимо было встать на сторону того или иного диадоха, чтобы сохранить автономию или, во всяком случае, сберечь свое имущество.

Все эти обстоятельства привели к существенным изменениям в военной тактике и стратегии диадохов. Македонские фалангисты потеряли свое прежнее превосходство. Теперь им противостояла конная сила – решающая сила на поле сражения. Создание местных армий являлось характерной чертой стремительного распада единства империи. Оно свидетельствовало о распаде единых структур, начинавшемся повсюду после смерти Александра и завершившемся периодом диадохов.

Таким образом, какую бы сторону политики диадохов мы ни взяли, всюду можно проследить своеобразную закономерность. Диадохи во многом присоединились к ориентализму Александра и даже пошли дальше, вернувшись во многих отношениях к персидским порядкам либо усилив соответствующее мероприятие Александра. Примером этого служит не только градостроительство (создание фрурий), не только система управления (судейские и финансовые органы восточного типа), не только армия (создание антагмы), но и политика в области формирования локальных государств диадохами, сторонниками распада империи.

Несмотря на то, что государственные территории диадохов были неустойчивы и довольно существенно меняли свои границы, ясно прослеживается наличие трех основных территориальных комплексов: Балканы, Передняя Азия и Египет. Формирование этих комплексов диадохами не было каким-то новым открытием, ибо оно представляет собой определенную дань доалександровской политической традиции. Тем не менее, в некоторых областях своей политики диадохи явно противопоставили себя как восточной традиции Александра, так и его ориентализму. Это касается прежде всего вопроса о методах эксплуатации местного населения греками и македонянами. Диадохи рассматривали восточные народы как субъект угнетения (что было гораздо важнее элементов сотрудничества и наследования), поэтому они продолжили дальше городскую политику Александра, стремясь превратить города в центр развитого античного рабовладения. Изучение процесса распада конгломератного государства Александра Македонского важно еще и потому, что оно открывает возможность подойти к целому ряду других теоретических проблем эллинизма: проблеме периодизации эллинизма, закономерностей эллинистической культуры, наконец, к проблеме синтеза социально-политических и экономических структур Греции и Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

¹ Aelian, Var. Hist. XII, 64. В отличие от Элиана, Павсаний утверждает, что македонян, назначенных перевезти останки Александра в Эги, Птолемей убедил передать тело ему. Он и похоронил царя по македонскому обряду в Мемфисе. Впоследствии, уже при Птолемее II, гробница Александра была перевезена из Мемфиса и находилась в Александрии (Paus. I,6,3; 7,1). По мнению Страбона, Птолемей завладел правом Александра и перевез его в богатую усыпальницу Александрии, подтвердив этим жестом свою приверженность к планам македонского царя и право считаться его прямым наследником (Strabo, XVII, 794).

² Все особенно важные надписи эллинистического времени собраны в сборниках надписей Диттенбергера и частично в сборнике Мишеля.

³ См. Жебелев С. А. Эллинизм. М., 1922, с. 54.

⁴ См. Хвостов М. М. Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода.— ЖМНП, 1904, октябрь, с. 185.

⁵ См. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 1915, с. 176—177; Rosen K. Political documents in Hieronymus of Cardia (323—302 BC).— «Acta classica», 10, 1967, p. 41—94.

⁶ Хотя сочинение Иеронима из Кардии «История преемников Александра» потеряно, его содержание, тем не менее, известно, так как оно легло в основу книг XVIII—XIX Диодора, Плутарха («Эвмен»), Арриана («История преемников Александра»), Полиена (Strat., кн. IV, гл. IV—«Антигон» и гл. VI—«Эвмен»), Помпея Трога (кн. XIII—XIV).

⁷ FGH, 76.

⁸ Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae».— ВДИ, № 2, 1954, с. 193.

⁹ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae», предисловие.

¹⁰ Соколов Ф. Ф. Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского.— ЖМНП, 1879, ноябрь, отд. V, с. 394.

¹¹ Just. XIII, 2, 1—2.

¹² Plut. Phoc., 23.

¹³ См. Жебелев С. К истории диадохов.— ЖМНП, ч. 266, 1889, ноябрь, с. 16.

¹⁴ Paus. X, 1—2.

¹⁵ Paus. XVI, 3.

¹⁶ См. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 1915, с. 312.

¹⁷ В 1833 г. Дройзен издал работу под названием «История Александра Великого», в 1836 г. вышла в свет его «История диадохов», а в 1843 г.— «История эпитогонов». Эти три книги он объединил общим заглавием «История эллинизма», которая и вышла вторым изданием в 1878 г. В 1888 г. появился французский перевод под редакцией Буше-Леклерка, с которого в 1890—1893 гг. сделан перевод на русский язык (см. Жебелев С. А. Эллинизм. М., 1922, с. 101).

¹⁸ Мишулин А. В. Из историографии античности.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 1—2, с. 53.

¹⁹ Ф. Энгельс в работе «Карл Маркс. «К критике политической экономии» писал: «После режима гегелевских диадохов, приведшего к господству пустой фразы, естественно наступила эпоха, в которой положительное содержание науки снова возобладало над ее формальной стороной» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 495). Ф. Энгельс делает здесь иронический намек на правых гегельянцев, занимавших в 30—40-е гг. многие кафедры в немецких университетах и использовавших свое положение для нападок на представителей более радикального направления в философии, истолковывая учение Гегеля в реакционном духе. Если применить выражение

Ф. Ингльса «режим гегелевских диадохов» к историческому материалу, относящемуся к эпохе Александра и его преемников, то можно сделать заключение, что наследники македонского царя отвергли его политику и пошли в своей деятельности другим путем. Термин «диадохы» имеет общ историческое значение в том смысле, что у истоков крупного исторического события стоит значительная личность, вооруженная талантом, большим кругозором, известными знаниями. Ее же преемники, насколько можно судить по опыту истории, часто бывают менее значительны, вальгируют идеи зачинателя, отходят от основных его программных установок.

²⁰ Историография нового времени стран Европы и Америки М., 1968, с. 297--299. Известно, что революция 1848 г произвела переворот в научных интересах Дройзена. Свои прежние занятия античностью он стал считать ошибкой молодости и переключился на изучение истории Пруссии. В результате многолетней работы им была создана 12-томная «История прусской политики» (с начала зарождения Пруссии до 1756 г.). Эта работа была написана в реакционном духе и насыщена националистической одержимостью (см. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков М., 1974, с. 102--103). Однако свое имя в науке Дройзен приобрел именно работой об эллинизме.

²¹ Droysen J. G. Vorwort zu 2 Bd. Geschichte des Hellenismus 1843. См. также Droysen J. G. Geschichte des Hellenismus. Basel, 1952. Смоленский Н. И. История и современность в немецком буржуазном историзме XIX в. -- В сб. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 7--8. Томск, 1972, с. 156--161.

²² Bengtson H. Einführung in die alte Geschichte. München, 1942, S. 52.

²³ Bayer E. Vorwort zu J. G. Droysen. Geschichte des Hellenismus. Basel, 1952.

²⁴ Ibid.

²⁵ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. 2. М., 1893, с. 39--40.

²⁶ Там же, с. 123.

²⁷ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. 2, с. 90--91, 101.

²⁸ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. Berlin-Leipzig, 1923, S. 149.

²⁹ Ibid., S. 576.

³⁰ Ibid., S. 51.

³¹ Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Bd. I--III, 1893, 2. Aufl. Gotha, 1903.

³² Ibid., S. 186.

³³ Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1960, S. 10.

³⁴ Kaerst J. Geschichte des Hellenismus. Bd. II, 2. Aufl. Leipzig--Berlin, 1926, S. 290.

³⁵ См. Rens F. Hieronymus von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit. Berlin, 1876; Kallenberg H. Die Quellen für die Nachrichten der alten Historiker über die Diadochenkämpfe bis zum Tode des Eumenes und Olympias. -- «Philo-logus», XXXVI--XXXVII, 1877--1878; Zur Chronologie der Diadochenzeit. -- «Philo-logus», XXXIX, 1880, p. 91--112; Schubert R. Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Leipzig, 1914; Spindler A. Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen (diss.). Breslau, 1915; Heichelheim F. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis August. Jena, 1930; Schneider C. Die Welt des Hellenismus. Lebensformen in der spätgriechischen Antike. München, 1975; Bamm P. Alexander oder die Verwandlung der Welt. Droemer, 1976.

³⁶ См. Nietzold W. Die Ueberlieferung der Diadochengeschichte bis zur Schlacht von Ipsos. Dresden, 1905; Schachermeier F. Zu Geschichte und Staatsrecht der frühen Diadochenzeit. -- «Klio», XIX, 1923--1925, idem. Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970; Herm G. I. Die Diadochen Alexanders Erben kämpfen um die Weltherrschaft. München, 1978.

³⁷ См. Hunerwadel W. Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thracien. Zurich, 1901; Geyer F. Lysimachos. -- «R. E.», XIV, 1928; Moser G. Untersuchungen über die Politik Ptolemaios in Griechenland (323--285 a. Chr.). Leipzig, 1914; Volkmann H. Ptolemaios. -- «R. E.», Bd. 23, col. 1603--1645; Kornemann E. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios von Aegypten. Versuch einer Rekonstruktion. Leipzig--Berlin, 1935; Seibert J. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios I. München, 1969; Endres H. Krateros, Perdikkas und die letzten Pläne Alexanders. -- «Rhein Mus», LXXII, 1917--1918, S. 437; Laqueur R. Zur Geschichte des Krateros. -- «Hermes», LIV, 1919, S. 205; Elckes G. Demetrios der Stadtebelagerer. Breslau, 1941; Bayer E. Demetrios Phalereus der Athener. Stuttgart--Berlin, 1942; Müller O. Antigonos Monophthalmos und «Das Jahr der Könige». Bonn, 1973; Gehrke H. J. Phokion. Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976.

³⁸ Παλαεφουολογος Κ Α Ιστορια του Ελληνικου Εθνους Αθήνα, 1955, τ Ι--ΙΙ

³⁹ Δημητριος Γ Ο Δημητριος Πολιορκητης και οι Αθηνας Αθηνα, 1937

См Канатсулис Д Antipatros als Feldherr und Staatsmann nach dem Tode des Alexanders des Grossen -- «Makedonika», 8, 1968, p 121--181

⁴⁰ «Отечественные записки», 1853, т 89, отд II, с 1

⁴¹ Там же, с 2

⁴² См Шофман А С Изучение античной истории в Казанском университете Казань, 1956, с 10--13

⁴³ Ешевский С В Центр Римского мира и его провинции -- Соч, т 1, с 203

⁴⁴ См Жебелев С А К истории диадохов -- ЖМНП, ч 266, 1889, ноябрь,

Хилинский К В Хронография и хронология македонских царей после Александра Великого -- ЖМНП, 1905, январь, отд V, с 1--52

⁴⁵ См Шофман А С Ф Г Мищенко Казань, 1974, с 72, его же М М Хвостов Казань, 1978, с 77 и сл

⁴⁶ Тарн В Эллинистическая цивилизация М, 1949, с 22

⁴⁷ Rostovtzeff M The social and economic history of the Hellenistic world Vol 1 Oxf, 1941, p 147, 156

⁴⁸ Политические события после смерти Александра в «Кембриджской истории» изложены в VI (гл 15) и VII томе (гл 3--6, 22--23) В седьмом томе (гл 1) Фергюсон дает характеристику основных черт эллинистической идеологии эпохи диадохов, а Тарн рассматривает ее военную историю (гл 3)

⁴⁹ См Ferguson W S Hellenistic Athens, London, 1911, idem The laws of Demetrius of Phalerum and their guardians -- «Клио», 1911, idem Greek imperialism Boston -- New York, 1913, Cary M History of the Greek World from 323 to 146 London, 1932, Welles C B The Hellenism of Dura-Europos -- «Aegyptus», XXXIX, 1959, 1--2, p 23--28, Will E Histoire politique du monde hellenistique (323--30 av J C) T I Nancy, 1966

⁵⁰ Бровтон Т Р С Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности М, 1970, с 9 10

⁵¹ Маппи Е Demetrio Poliorcete Roma, 1951

⁵² Fontana M J Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315 Atti dell'Accademia di Scienze, lettere e arti di Palermo, ser 4, vol 18, parte II Palermo, 1959

⁵³ Fortina M Cassandro, re di Macedonia, Torino, Soc edit intermaz, 1965 До этих работ нам известны две работы о Лисимахе (P o s e n t i G В Il re Lisimaco di Tracia Turin, 1907, Griego M Note sul regno di Lisimaco -- Att Acc Torino, XXXIX, 1903--1904) и одна статья о Кассандре (Bendinelli S G, Cassandro di Macedonia nella vita Plutarcheo di Alessandro Magno -- Riv Fil Ser 3, 93*(1965), p 150--164)

⁵⁴ Лукьянов Ю В Раннеэллинистическая македонская монархия в оценке современных буржуазных итальянских историков -- В кн Проблемы социально-политической истории античности и средневековья Вып I Уфа, с 51

⁵⁵ См Лукьянов Ю В Указ соч, с 59

⁵⁶ Bouche-Leclercq А Histoire des Lagides Vol I--IV Paris, 1903--1907, idem Histoire des Selucides Vol 1--2 Paris, 1913--1914

⁵⁷ Jouguet P L'imperialisme macedonien et l'hellenisation de l'Orient Paris, 1926, (II изд, 1972)

⁵⁸ Ibid, p. 139--140

⁵⁹ Cloche P La dislocation d'un Empire, Paris, 1959, p 5

⁶⁰ Cloche P Op cit, 75, cp Delorme J Le monde hellenistique (323--133 av J C) Erenoments and institutions Paris, 1975

⁶¹ Briant P D'Alexandre le Grand aux diadoques le cas d'Eumene de Cardia -- «Revue des etudes anciennes» t LXXIV, 1972, p 32--73

⁶² Briant P Antigone le Borgne, Paris, 1973

⁶³ Preaux C Le monde hellenistique La Grece et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquete de la Grece, 323--146 av J C Paris, 1978, t I, p 402, t II, p 41 770 Cart Bibliogr, p 685--691, Index, p 695--761

⁶⁴ Hauben H. An Athenian Naval Victory in 321 B. C. — «Zeitschr. Pap. Epigr.», 13, 1974, p. 61—64; idem. Het vlootbevelhebberschap in de vroege Diadochen tijd. (323—301 v. Chr.). Een prosopografisch en institutioneel Omberzock, Brux, 1975, 176, b. b.

⁶⁵ Κορδάτος Γ. Ιστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων. Αθήνα, 1959; Κορδάτος Γ. Ιστορία τῆς Αρχαίας Ελλάδας. Αθήνα, 1956.

⁶⁶ Fontana M. Op. cit., p. 112—124, 148—167, 183—246.

⁶⁷ Ibid., p. 241—242.

⁶⁸ Ibid., p. 214.

⁶⁹ Ibid., p. 234.

⁷⁰ Ibid., p. 214—215.

⁷¹ Fontana. Op. cit., p. 105.

⁷² Ibid., p. 111.

⁷³ Ibid., p. 112, 241.

⁷⁴ Ibid., p. 241.

⁷⁵ Clouchè P. Op. cit., p. 15, 20—21, 48—49, 292—293.

⁷⁶ Ibid., p. 14—17.

⁷⁷ Ibid., p. 20—21.

⁷⁸ См. Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques..., — «REA», t. LXXIV, 1972, p. 32.

⁷⁹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 97.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

¹ См. Тураев Б. А. История древнего Востока, т. II. Л., 1936, с. 204.

² См. Винклер Г. Вавилон, его история и культура. СПб., 1913, с. 36.

³ Там же, с. 36.

⁴ См. Тураев Б. А. История древнего Востока, т. II, с. 80.

⁵ Kaerst J. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Bd. I. Leipzig, 1901. S. 221—222.

⁶ См. Schrader H. Die Keilinschriften und das alte Testament. Giessen, 1872. S. 322, 321.

⁷ См. Патканов К. П. О мнимом походе Таклат-Паласаре к берегам Инда. СПб., 1879, с. 18; Янковская Н. Б. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. — ВДИ; № 1, 1956, с. 41.

⁸ См. Никольский Н. М. Рабство в древнем Двуречье. — ВДИ, № 1, 1941, с. 61.

⁹ Патканов К. П. Указ. соч., с. 18.

¹⁰ См. Алнев И. История Мидии. Баку, 1960, с. 220.

¹¹ Рогозина З. А. История Ассирии. Т. 2. СПб, 1902, с. 56.

¹² Бецольд К. Ассирия и Вавилония. СПб., 1904, с. 38.

¹³ См. Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 20

¹⁴ Анналы Саргона II, с. 165.

¹⁵ Липин Л., Белов А. Глиняные книги. М., 1952, с. 162, 168.

¹⁶ См. Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971, с. 21.

¹⁷ К. В. I, S. 53; II, S. 123; см.: Kaerst. Указ. соч., с. 223.

¹⁸ К. В. II, S. 131—133.

¹⁹ К. В. II, S. 204 и др.

²⁰ Дьяконов И. М. История Мидии. М. — Л., 1956, с. 297; ср. Соловьева С. С. Память об Ассирии в трудах античных и раннесредневековых авторов. — Сб. Древний Восток и античный мир. М., 1980, с. 42—63.

²¹ См. Белявский В. А. Указ. соч., с. 22.

²² См. Липин Л., Белов А. Указ. соч., с. 194.

²³ См. Алнев И. Указ. соч., с. 189.

²⁴ Hdt. I, 46.

²⁵ Hdt. I, 76—86.

²⁶ Hdt. I, 77, 188.

²⁷ Цит. по кн.: Струве В. В. Древний Восток. М., 1936, с. 418.

²⁸ Esch. III, 132.

²⁹ Plut. Alex. 36.

³⁰ Kaersti J. Op. cit., Bd. I, S. 226 Ср. Дандамаев М. А. и Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 354.

³¹ Hdt. I, 134.

³² Curt. III, 2, 9.

³³ Количество сатрапий впоследствии колебалось от 20 до 32. Об искусственном расчленении этнических образований свидетельствуют такие факты. В пределах Закавказья и Средней Азии находились полностью или частично шесть ахеменидских сатрапий: две на территории Армении, одна на территории Грузии и три на территории Средней Азии. Территория Армении была разделена между двумя сатрапиями - 13-й и 18-й. Разделена была и территория Грузии. Земли мосхов, тибаренов и некоторых других грузинских племен входили в 19-ю сатрапию. Другая же группа грузинских племен, занимавшая долину реки Риона и побережье Черного моря, колхи и «соседи их до Кавказского хребта», по Геродоту, не входила в состав ахеменидских сатрапий, хотя и признавала свою зависимость от персидских царей, принося им каждые четыре года «дары» - сто мальчиков и сто девочек. На территории Средней Азии находились 12-я, 15-я и 16-я сатрапии. 12-ю сатрапию составляли земли древней Бактрии, в пределах 15-й сатрапии обитали саки и каспи, в 16-й жили парфяне, хорезмийцы и согдийцы.

³⁴ См. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 115.

³⁵ Там же, с. 113.

³⁶ Военные силы сатрапий находились в распоряжении специальных военачальников, которые считались независимыми от сатрапов, подчинялись царю и в его пользу взаимно контролировали друг друга. В обязанности военачальника, курировавшего примерно 4-5 сатрапий, выходило отражение нашествий и подавление восстаний, а внутри сатрапий - сбор податей. Такое разделение власти вызвано стремлением царя ограничить сепаратистские тенденции сатрапов, а также организовать более действенный контроль.

Следует учесть также то, что сатрапами в покоренных областях были не только персы, но и местные династы, представители местной знати. Так, при Кире и Дарии I мы встречаем мидийских и армянских сатрапов. Иудея часто имела иудейских наместников. Кария в IV в. до н. э. была передана местной династии. По этому пути впоследствии пойдет Александр Македонский, стремившийся использовать в своем административном управлении представителей местной аристократии (см. Миллер Б. В. Конспект лекций по истории Персии, ч. 1, с. 90).

³⁷ В источниках упоминается такой дом Мурашу в Вавилонии. Размер налогов устанавливался пропорционально численности и благосостоянию населения каждой сатрапии (Hdt. III, 89 -97). Геродот оставил некоторые общие данные о налоговом бремени при Дарии I. По этим данным, Киликия платила 360 талантов, кроме того, еще 140 талантов на содержание в стране конницы. Кармания и Дрангиана вносили налоги в количестве 700 талантов, Вавилония - 1 тыс. талантов, Армения и Мидия с соседними областями - 1550 талантов и т. д. Общий ежегодный денежный объем со всех сатрапий равнялся 14 560 талантам. По сообщению Геродота, из сатрапий, находившихся на территории нашей страны, наибольшую дань уплачивали ахеменидским царям армяне - жители 13-й сатрапии - всего 400 талантов. Прославившись высоким развитием коневодства, армяне должны были ежегодно поставлять ахеменидскому царю 20 тыс. лошадей. Если такие большие налоги были в период расцвета Персидского государства, то у нас нет никаких оснований считать, что их было меньше в IV в. до н. э., в период ослабления и упадка Персии.

³⁸ Hdt. I, 214.

³⁹ См. Массеро Г. Древняя история народов Востока. М., 1911, с. 632.

⁴⁰ Hdt. VII, 7.

⁴¹ Hdt. III, 15.

⁴² Hdt. III, 12.

⁴³ Thuc. I, 104; ср.: Hdt. III, 15.

⁴⁴ Массеро Г. Указ. соч., с. 640.

⁴⁵ Diod. XVI, 42, 3 5.

⁴⁶ Основные сведения о Кипрской войне, которая продолжалась около десяти лет, дает Диодор. Некоторые важные данные содержатся в «Пангеирике Исократ» (Diod. XIV, 3, 2; 9, 3; 18, 1).

⁴⁷ Diod. XV, 3.

⁴⁸ Diod. XV, 2; Isocr., Evag. 62; Rap. 160.

⁴⁹ Isocr. V, 102; ср. Diod. XVI, 42. Здесь содержится намек на конфликты, которые привели эти районы к столкновению с персидским правительством около 350 г. до н. э. После поражения, полученного последним в Египте, которое, естественно, должно было укрепить надежду Исократу на ослабление варварского могущества.

⁵⁰ Isocr. IX, 60.

⁵¹ Diod. XV, 90.

⁵² Всемирная история. Т. II. М., 1956, с. 208. Иначе см.: Дандамаев М. А. и Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 108, 351.

⁵³ Diod. XVI, 41—45.

⁵⁴ Isocr. V, 101; ср. Diod. XVI, 40.

⁵⁵ Там же, I, 118, 160.

⁵⁶ Персидские послы, отправленные в Афины, Спарту, Фивы, Аргос, имели поручение добиться их помощи или, в крайнем случае, нейтралитета. Афинян, в частности, он просил оставаться верными их «традиционной дружбе» к его династии. Из Фив и Аргоса он получил вскоре тысячи солдат, которые приняли активное участие в подавлении восставших. Но ни Афины, ни Спарта не отправили ему подкреплений. Однако, если Афины и не выполнили всех желаний царя, то нейтралитет этого города весьма облегчил наступление персов в стране Нила. На этот раз персидским войскам, использовавшим противоречия между египтянами и их греческими наемниками, удается взять Пелусиум и Бубастис — ключи дельты Нила, разбить египетскую армию, разграбить города и храмы, срыть стены важнейших городов и захватить громадную добычу. Египет снова был обращен в персидскую сатрапию (343 г. до н. э.). Но даже после этого Египет не прекращает борьбы вплоть до прибытия сюда Александра Македонского.

⁵⁷ Xen. Hell. IV, 8, 24; V, 1, 10; Diod. XVI, 22, 34, 2.

⁵⁸ Масперо Г. Указ. соч., с. 668.

⁵⁹ См. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 233.

⁶⁰ Hdt. VII, 60—99; Curt. III, 2; IV, 12; см. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 116. Соотношение между конницей и пехотой в разные времена изменялось. Если в конце VI и начале V вв. до н. э. пехота составляла 90% персидской армии, то в IV в. до н. э. — не более 75—80%. Со времен Дария I лишь царская гвардия и командный состав состояли из персов.

⁶¹ Hdt. VII, 223.

⁶² Xen., Cyr. VIII, 8, 24 и сл.

⁶³ На протяжении почти шести лет персидским царем Артаксерксом Охом руководил евнух Багой. Последний в 338 г. до н. э. отравил своего господина. В «Пестрых рассказах» Элиана (VI, 8) приводятся подробности этого страшного злодеяния. Евнух Багой, родом египтянин, не только убил Артаксеркса Оха, но и разрубил его тело на куски и бросил на съедение кошкам: в царской усыпальнице был похоронен вместо Артаксеркса кто-то другой. Кроме того, Багой из бедренных костей царя сделал себе рукоять для мечей — в этом находило себе выход ожесточение; он еще убил всех детей царя, кроме младшего из них, — Варса (др.-перс. Варша), которого возвел на престол. Но через год, в 337 г. до н. э., убил и его, и всю его семью. Все эти убийства истощили род Ахеменидов. После придворная клика, возглавляемая Багосем, возвела на престол Кодомана, который, по указанию одних, был правнуком Дария II, а по мнению других, был в молодости гоном и вовсе не имел отношения к царскому роду. По утверждению Керста, а также известного советского востоковеда М. М. Ляконова, Кодоман был представителем одной из боковых линий ахеменидского дома. На троне Кодоман принял имя Дария III (336—330 гг. до н. э.).

⁶⁴ Ш оф м а н А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.

⁶⁵ См. Янковская Н. Б. Указ. соч., с. 46.

⁶⁶ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 18.

⁶⁷ Fontana M. Op. cit., p. 110.

⁶⁸ Fortina M. Op. cit., p. 120.

⁶⁹ Fontana M. Op. cit., p. 103.

⁷⁰ Just. XIII, 1.

⁷¹ Diod. XVIII, 7.

- ⁷² Arr. I, 6, 9; Diod. XVII, 57, 2.
- ⁷³ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского, с. 312—315.
- ⁷⁴ Fontana M. Op. cit., p. 107.
- ⁷⁵ Fontana M. Op. cit., p. 13.
- ⁷⁶ Diod. XVIII, 33, 2; Just. VIII, 8, 2.
- ⁷⁷ Diod. XVIII, 23; ср. Fontana M. Op. cit., p. 237.
- ⁷⁸ Fontana M. Op. cit., p. 143.
- ⁷⁹ Ibid., p. 165.
- ⁸⁰ Ibid., p. 123.
- ⁸¹ Just. XIII, 4, 5; 4, 9; 6, 4.
- ⁸² Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques le eas d'Eumène de Cardia.— «Revue des études anciennes», t. XXIV, 1972, p. 33.
- ⁸³ Plut. Eum. XI, ср. Diod. XVIII, 42, 5.
- ⁸⁴ См. Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского, с. 327.
- ⁸⁵ Plut. Eum. I; Diod., XVIII, 60, 3; 62, 4—7.
- ⁸⁶ Plut. Eum. XX (1). М. Фонтана считает, что оппозиция против Эвмена росла не из-за того, что он был грек, а из-за того, что он вступил в высшую политическую игру, из которой иные македоняне были исключены (Fontana M. Op. cit., p. 195).
- ⁸⁷ Plut. Eum. XVI.
- ⁸⁸ Fontana M. Op. cit., p. 195.
- ⁸⁹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 86.
- ⁹⁰ Plut. Eum., 9; Diod. XVIII, 40; Just. XIV, 1, сл. С этими источниками не согласуется утверждение Буше-Леклерка об Эвмене как о жалком писаре из Кардии, простом приспешнике Пердикки (см. Bouché-Léclercq A. Histoire des Lagides, vol. I, p. 25).
- ⁹¹ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 152.
- ⁹² М. Фонтана неправильно полагает завершение первого периода борьбы между диадохами гибелью Олимпиады. Ведь после этого еще был жив прямой наследник — сын Александра, еще боролся Эвмен. Этот период следует закончить 316 г.— со смертью Эвмена (Fontana M. Op. cit. p. 214).
- ⁹³ Diod. XVII, 57.
- ⁹⁴ Fontana M. Op. cit., p. 242.
- ⁹⁵ Антигон был настоящим солдатом уже тогда, когда Александр еще только появился на свет. Антигон родился около 382 г. до н. э. (Just. XVI, 1, 12; Plut. Demetr. 19, 4).
- ⁹⁶ Aelian, V. H. XII, 16.
- ⁹⁷ См: Fontana M. Op. cit., p. 108; Самохина Г. С. Антигон и греческие города Малой Азии.— В сб.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976, с. 152—158.
- ⁹⁸ См. Гарн В. Эллинистическая цивилизация, с. 25; ср. Jouguet P. Op. cit., 157.
- ⁹⁹ Plut. Demetr. 28.
- ¹⁰⁰ Jouguet P. Op. cit., p. 158.
- ¹⁰¹ Plut. Demetr. 1.
- ¹⁰² Ibid., 41.
- ¹⁰³ Ibid., 2.
- ¹⁰⁴ Ibid., 19, 24.
- ¹⁰⁵ Plut. Demetr. 20.
- ¹⁰⁶ Diod. XX, 92.
- ¹⁰⁷ «Отечественные записки», 1853, июль, с. 1.
- ¹⁰⁸ См. Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 361—362.
- ¹⁰⁹ См. Jouguet P. Op. cit., p. 186.
- ¹¹⁰ См. Гарн В. Эллинистическая цивилизация, с. 26.
- ¹¹¹ Maññi E. Op. cit., p. 61.
- ¹¹² Paus. I, 10, 1.
- ¹¹³ См. Maññi E. Op. cit., p. 61—62.
- ¹¹⁴ Plut. Demetr. 38.
- ¹¹⁵ Ibid., 38.
- ¹¹⁶ Ibid., 14.
- ¹¹⁷ Ibid., 16.
- ¹¹⁸ Ibid., 25.

- ¹¹⁹ Ibid., 46.
- ¹²⁰ Paus. I, 6, 2; ср. Curt. IX, 8, 21.
- ¹²¹ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского, с. 315—318.
- ¹²² Paus. I, 6, 2; см.: Fontana M. Op. cit., p. 107.
- ¹²³ Paus. I, 6, 8.
- ¹²⁴ Just. XVI, 1, 15—17; 2, 5; Paus. IX, 7, 2—4; Plut. Demetr. 37; Fortina M. Op. cit., p. 7, 215.
- ¹²⁵ Diod. XVII, 17, 4.
- ¹²⁶ Arr. I, 12, 7; 14, 3; II, 9, 2; III, 12, 4.
- ¹²⁷ Plut. Alex. 74.
- ¹²⁸ Curt. X, 10, 17; Diod. XVII, 118, 2; Just. XII, 11, 6.
- ¹²⁹ См. Fortina M. Op. cit., p. 14.
- ¹³⁰ Об этом говорят: Diod. XVIII, 6; Just. XIII, 4, 13, Curt. X, 19, 2.
- ¹³¹ См. Fortina M. Op. cit., p. 15.
- ¹³² См. Jouguet P. Op. cit., p. 157.
- ¹³³ Fortina M. Op. cit., p. 120.
- ¹³⁴ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 137—138.
- ¹³⁵ Дройзен И. Г. История эллинизма. т. II, с. 138.
- ¹³⁶ App. Syr. 55.
- ¹³⁷ App. Syr. 57.
- ¹³⁸ Plut. Demetr. 38.
- ¹³⁹ Paus. I, 16, 3.
- ¹⁴⁰ Arr. VII, 23, 5.
- ¹⁴¹ Дройзен И. Г. История эллинизма. т. II, с. II.
- ¹⁴² Plut. Demetr. 32, 50.
- ¹⁴³ Plut. Alex. 46, 55; См.: Hünerwadel W. Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thrakien. Zürich, 1901; Possenti B. *Il Lisimaco di Tracia*, Torino, 1901; Geyer F. Lysimachos, RE, 1928, XIV, 1—31; Papasoglou F. *Autarijati i Lizimah (Les autariates et Lysimaque)*. Adriatica et antiquum. Zagreb, 1979.
- ¹⁴⁴ Just. XV, 3; ср. Plut. Alex. 55; Paus. I, 9, 5.
- ¹⁴⁵ Plut. Demosth. 27.
- ¹⁴⁶ Plut. Demetr. 20, 25, 51.
- ¹⁴⁷ Papasoglou F. Op. cit., p. 335—345; Plut. Demetr. 39.
- ¹⁴⁸ Paus. I, 8, 9; Plut. Pyrrh. 6, 11, 13; ср. Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 363.
- ¹⁴⁹ Paus. I, 10, 3—4.
- ¹⁵⁰ Ibid., 10, 5.
- ¹⁵¹ Strabo, XIII, IV, с. 623.
- ¹⁵² Just. IX, 67.
- ¹⁵³ Diod. XVII, 118, 2.
- ¹⁵⁴ Arr. VII, 12, 6—7.
- ¹⁵⁵ Plut. Alex. 39.
- ¹⁵⁶ См. Шофман А. С. Конец Александра.— «Вопросы истории», 1970, № 11, с. 214—218.
- ¹⁵⁷ Diod. XVIII, 58; Plut. Eum. 13, 1.
- ¹⁵⁸ Diod. XIX, 11; Paus. I, 11.
- ¹⁵⁹ Plut. Pyrrh. 3.
- ¹⁶⁰ Fortina M. *Cassandro, re di Macedonia*, Societa editrice internazionale, 1965, p. 137.
- ¹⁶¹ Тело Клеопатры было похоронено в одной могиле с ее мужем в Эгах. Раскопки этой могилы греческим археологом, профессором классической археологии в Салоникском университете Манолисом Андроникосом, являющейся «одной из величайших археологических находок столетия», дали подтверждение этой догадке. У преддверия мраморного саркофага царя был найден второй саркофаг — Клеопатры, последней жены Филиппа II, которую убила его же жена Олимпиада («Неделя», № 5, 1978, февраль, с. 18; Манолис Андроникос. Гробницы македонских царей. Уникальная археологическая находка — возможно, захоронение отца Александра Македонского. Курьер ЮНЕСКО, июль, 1979, с. 18—31; Манцевич А. К. К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 году.— Сообщения государственного Эрмитажа, XIV. Л., 1979, с. 49—51; она же: Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония).— ВДИ, № 3, 1980, с. 153—167;

М а р и а Л у д в и к а В е р н а р д. Krolewski tumulus w Vergina.—«Meander». XXXV, 5—6. Warszawa, 1980, с 185—194).

- ¹⁶² См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма. т. II, с. 132—133.
¹⁶³ Just. XIV, 5, 9—10.
¹⁶⁴ Diod. XIX, 35.
¹⁶⁵ Ibid., 23, 2.
¹⁶⁶ Ibid., 43.
¹⁶⁷ Diod. XIX, 50; Polyæn IV, II, 3; ср.: Just. XII, 6, 5.
¹⁶⁸ Diod. XIX, 50.
¹⁶⁹ См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 138; Fortina M. Cas-sandro, re di Macedonia. Societa editrice internazionale, 1965, p. 39.
¹⁷⁰ Diod. XIX, 49—51; Just. XIV, 6.
¹⁷¹ Just. XIV, 6, 5—12; Diod. XIX, 51; Paus. IX, 7.
¹⁷² См. К о в а л е в С. И. История Рима. Л., 1948, с. 133.
¹⁷³ Berve H. I. 321 и сл.; II, 212, 287.
¹⁷⁴ Arr. III, 5, 5; VI, 10, 1, 28, 4; Curt. IX, 5, 15. Plut. Alex. 63.
¹⁷⁵ См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 46.
¹⁷⁶ См. J o u g u e t P. Op. cit., p. 151.
¹⁷⁷ Diod. XVIII, 23, 1—3; 25, 3—4.
¹⁷⁸ А р р и а н. Преемники Александра, 21, 26.
¹⁷⁹ Just. XIII, 6, 4—7.
¹⁸⁰ См. C l o c h e P. Op. cit., p. 52, 53.
¹⁸¹ Ibid.
¹⁸² Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 53.
¹⁸³ V o u c h e — L e c l e r c q A. Histoire des Lagides, vol. I, p. 18.
¹⁸⁴ C l o c h e P. Op. cit., p. 53.
¹⁸⁵ См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 78.
¹⁸⁶ Diod. XX, 37, 3—6.
¹⁸⁷ Diod. XX, 3—6.
¹⁸⁸ По словам Дройзена (т. II, с. 393—394) Клеопатра бежала, но была схвачена, привезена в Сарды и там казнена
¹⁸⁹ Plut. Pyrrh. 4—5.
¹⁹⁰ См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 51.
¹⁹¹ Curt. X, 7, 2.
¹⁹² Plut. Alex. 77, 3; ср.: Diod. XVIII, 2; Just. XIII, 2, 11. Впрочем, по утверждению М. Фонтана, которое опирается на эпиграфические и нумизматические источники, а также на данные Иеронима, Арридей имел вполне здравый ум (F o n t a n a M. Op. cit., p. 236).
¹⁹³ Curt. X, 7, 7.
¹⁹⁴ Plut. Alex. 9.
¹⁹⁵ См. F o n t a n a M. J. Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315. Atti delle Accademia di Scienze, lettere e arti di Palermo. Ser. 4, vol. 18. Parte II. Palermo, 1959, p. 19—20.
¹⁹⁶ Curt. X, 7, 19.
¹⁹⁷ Plut. Alex. 77, 3.
¹⁹⁸ Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 51.
¹⁹⁹ J o u g u e t P. Op. cit., p. 151.
²⁰⁰ Diod. XIX, 52; Polyæn VII, 60.
²⁰¹ Polyæn, VIII, 6; Diod. XIX, 52, 5; А р р и а н. Преемники Александра, 22, 23.
²⁰² Arr. ap. Phot. 71^a, 35, 31.
²⁰³ Diod. XVIII, 39.
²⁰⁴ F o n t a n a M. Le lotte per la successione, p. 183.
²⁰⁵ Just. XIV, 5, 3.
²⁰⁶ Frgm. 24, ср.: Athen. XIII, 560.
²⁰⁷ См. Д р о й з е н И. Г. История эллинизма, т. II, с. 131—132.
²⁰⁸ Diod. XIX, 11; Paus. VIII, 7, 7; I, 11, 3; Just. XIV, 5, 3; Ael. XIII, 36.
²⁰⁹ Diod. XIX, 52, 5.
²¹⁰ Diod. XIX, 11.
²¹¹ Кстати, их старший сын Антипатр дошел до того, что убил свою мать Фес-салонику (См. Plut. Pyrrh., 6).
²¹² Just. XV, 2.

- ²¹³ См. Fontana M. Op. cit., p. 112.
²¹⁴ Plut. Alex. 77, 3.
²¹⁵ Fontana M. Op. cit., 113.
²¹⁶ См. Fontana M. Op. cit., p. 132.
²¹⁷ См. Ставинский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1972, с. 10.
²¹⁸ См. Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 99.
²¹⁹ Just. XIV, 6, 13.
²²⁰ См. Fontana M. Op. cit., p. 40.
²²¹ Diod. XIX, 105, 2.
²²² Diod. XIX, 105, 2; Just. XV, 2—3; Paus. IX, 7, 2.
²²³ См. Тарасенко В. С. Указ. соч., с. 176.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

- ¹ Curt. X, 6, 16.
² Plut. Alex. 9.
³ Fontana M. Le lette per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315. Atti delle Accademia di Scienz lettere e arti di Palermo. Ser. 4, vol. 18, parte II. Palermo, 1959, p. 165.
⁴ Diod. XVIII, 2; Curt. X, 7—8.
⁵ Just. XIII, 3, 9—10.
⁶ Plut. Eum. 111.
⁷ Ср. Curt. XIII, 12, 17—18.
⁸ Curt. X, 9, 14—21; Just. XIII, 4; Diod. XVIII, 4.
⁹ Diod. XVIII, 3, 1; Plut. Eum. 3, 2; Nep. Eum. 2, 2; Just. XIII, 4, 16.
¹⁰ Diod. XVIII, 3.
¹¹ Fontana M. Op. cit.; p. 165.
¹² Diod. XVIII, 25.
¹³ Plut. Eum. V—VI.
¹⁴ Plut. Eum. V.
¹⁵ Plut. Eum. IV.
¹⁶ Diod. XVIII, 29, 7.
¹⁷ Краткий намек о присутствии Антигона на этом острове в 322/21 г. находим у Арриана («Преемники», 30).
¹⁸ Diod. XVIII, 29.
¹⁹ Plut. Eum. VI.
²⁰ Plut. Eum. VII; ср.: Diod. XVIII, 30, 5—6; Nep. Eum. 4; Just. XIII, 8.
²¹ Plut. Eum. VII.
²² Diod. XVIII, 1; Арриан. Преемники Александра, 23; см. Seibert I. Untersuchungen zur Geschichte Ptolemaios I, München, 1969, S. 96—111.
²³ Paus. I, 6, 3.
²⁴ Diod. XVIII, 33.
²⁵ Diod. XVIII, 34—36, 1—2; ср. Vouche — Lesclercq A. Op. cit., p. 24.
²⁶ Paus. I, 6, 3.
²⁷ Арриан. Преемники, 34; ср. Diod. XVIII, 39, в которой имеются основные сведения о новом разделе сатрапий.
²⁸ Там же, 35.
²⁹ Fontana M. Op. cit., p. 184—185.
³⁰ Diod. XVIII, 39, 7.
³¹ Diod. XVIII, 39, 7; Арриан. Преемники, 43—44.
³² Plut. Eum. IX.
³³ Diod. XVIII, 39—40.
³⁴ Арриан. Преемники, 39, 41; Plut. Eum. 8.
³⁵ Diod. XVIII, 40.
³⁶ Diod. XVIII, 40; Plut. Eum. 9.
³⁷ Plut. Eum. 10, 1; Nep. Eum. 5, 3; Strabo, XII, 2, 6.
³⁸ Nep. Eum. V, 2—3; Plut. Eum. 11, 1, 3; Diod. XVIII, 41, 2; 42, 3; 48, сл.

- ³⁹ Diod. XVIII, 41, 4—7; Plut. Eum. 10—11.
⁴⁰ Diod. XVIII, 46, 3—7; 47, 1—3; Polyæn, IV, 7.
⁴¹ Diod. XVIII, 42, 1—2.
⁴² Plut. Eum. 11; Diod. XVIII, 42, 3—4; Nep. Eum., 5; Frontin, Strateg. (IV, 7, 34).
⁴³ Plut. Eum, 12; Diod. XVIII, 50, 53.
⁴⁴ Diod. XVIII, 50, 53, 6—7; 58, 4; Plut. Eum. 12; Nep. Eum. 5, 7.
⁴⁵ Diod. XVIII, 47, 4—5, 50; ср.: Plut. Eum. 12.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Diod. XVIII, 58; ср.: Nep. Eum. 6; Plut. Eum, 13.
⁴⁸ Diod. XVIII, 57, 3—4; 58, 1.
⁴⁹ Там же, 58, 3; 61.
⁵⁰ Fontana M. Op. cit., с. 234.
⁵¹ Diod. XVIII, 59, 1—3; 60, 1—3; 61; Plut. Eum. 13; Polyæn, IV, 3, 2.
⁵² Diod. XVIII, 63, 6.
⁵³ App. Syr. 52.
⁵⁴ Diod. XVIII, 62.
⁵⁵ Diod. XVIII, 63, 1—5; Polyæn, IV, 8, 2.
⁵⁶ Diod. XIX, 13.
⁵⁷ Diod. XVIII, 73, 2—4; XIX, 12—13.
⁵⁸ Plut. Eum. XIV.
⁵⁹ Diod. XXIII, 60, Polyæn, IV, 8, 2; ср. Plut. Eum. XIII.
⁶⁰ Jouguet P. L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient, 1926.
 р. 166.
⁶¹ Plut. Eum. XIII.
⁶² Diod. XIX, 24; Plut. Eum. XIV.
⁶³ Diod. XIX, 15, 6.
⁶⁴ Diod. XIX, 19.
⁶⁵ Plut. Eum. XIV.
⁶⁶ Plut. Eum. XV.
⁶⁷ Plut. Eum. XVI.
⁶⁸ Описание этой битвы см.: Diod. XIX, 40—43; Polyæn, IV, 6, 13; Plut. Eum. XVII.
⁶⁹ Curt. IX, 5, 14, 17, 18.
⁷⁰ Plut. Eum. XVII.
⁷¹ Plut. Eum. XVIII.
⁷² Diod. XIX, 37—44, 1—2; Plut. Eum. 15—19.
⁷³ Diod. XVIII, 48, 4—5.
⁷⁴ Diod. XVIII, 54.
⁷⁵ Diod. XIX, 44, 5—6; 46—48, 1—5.
⁷⁶ Fortina M. Op. cit., р. 45—46.
⁷⁷ Годовой доход Антигона в это время, по словам Диодора, доходил до 11 тыс. талантов (Diod. XIX, 56, 5).
⁷⁸ Diod. XIX, 56, 3—4.
⁷⁹ Diod. XIX, 57, 2 (см. App. Syr. 57; Just. XV, 1—2).
⁸⁰ См. Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II. М., 1893, с. 309; Вочше — Лелерс А. Histoire des Lagides, vol. 1. Paris, 1903, р. 43; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 484, прим. 1.
⁸¹ Разумеется, речь здесь может идти о понятиях справедливости и законности лишь с точки зрения морали и права господствующих классов того времени.
⁸² Diod. XIX, 5, 7, 20.
⁸³ Diod. XIX, 58, 1—5.
⁸⁴ Diod. XIX, 58, 5—6, 59, 2—3 (Тир падёт летом 314 г.).
⁸⁵ Diod. XIX, 60, 2—4.
⁸⁶ Diod. XIX, 69, 1.
⁸⁷ Diod. XIX, 69, 2—3; 75, 1—6.
⁸⁸ См. Syll³. № 222.
⁸⁹ Diod. XIX, 57, 5, 60, 1—2, 61, 1.
⁹⁰ Diod. XIX, 61, 1—4.
⁹¹ Diod. XIX, 77, 7.
⁹² Diod. XIX, 79, 6—7; 80, 81, 1—5.

- ⁹³ См Дройзен И Г Указ соч, т II, с 343
⁹⁴ Diod XIX, 81, 6, 87
⁹⁵ Diod XIX, 83—85, 1—3, Plut Demetr 6
⁹⁶ Там же, XIX, 85, 4—5, 86, 1—3
⁹⁷ Diod XIX, 86, 4—5, 90—92, App Syr 54, 56
⁹⁸ Diod XIX, 93, Plut Demetr 6
⁹⁹ Diod XIX, 94—100, 1—3, Plut Demetr VII, 1
¹⁰⁰ Diod XIX, 94—100, 3—7, Plut Demetr VII, 2—4, App Syr 54
¹⁰¹ Diod XIX, 105, 1 Возможно, что полный текст включал и некоторые уточнения относительно границ владений, особенно между Птолемеем и Антигоном, Лисимахом и Кассандром (См L'Antiquite classique Brussel 1960, t XXIX, 2 pasc, p 396)
¹⁰² Dittenberger Orientis graeci inscriptiones selectae, 5
¹⁰³ См Cloche P La dislocation d'un empire Paris, 1959, p 170—171
¹⁰⁴ Условия, касающиеся Птолемея, встречаются у современных историков две различные интерпретации По мнению одних, договор 311 г до н. э признавал за Лагидом владение Египтом и Киренаикой, по мнению других, там речь шла о Египте, но вовсе не о Киренаике Второе мнение более соответствует действительности (См L'Antiquite classique Brussel, 1960, t XXIX, p 370—372)
¹⁰⁵ Cambridge Ancient History, t VI, p 488—489
¹⁰⁶ Jouguet P Op cit, p 175
¹⁰⁷ См Cloche P Op cit, p 171, 172
¹⁰⁸ Дройзен И Г История эллинизма, т II, с 362—364
¹⁰⁹ Дройзен И Г История эллинизма, т II, с 364—374
¹¹⁰ Kostan zu B La pace fra Antigone e i dinasti conlizzati contro di emi neb 311 Ann unta Toscane, t XXXV, 1916, p 1, сл
¹¹¹ Algo Hennu Magona Studi diadochei I, Seleuco fu il compreso nel trattato a 311 a l «Athenaeum», 1933, т XI, p 3—9
¹¹² Гипотеза Момильяно (La pace del 311 a c daus les studi ital fil class 111, 1930, p 83—86) Она же определенно указывается и П Русселем The historical circumstances of the peace of 311 (Journal of Hellenic Studies, 1954, p 25—31)
¹¹³ Антигон хотел «овладеть скинетром Александра» (Дройзен И Г История эллинизма, т II, с 303, Bouche—Leclercq A Histoire des Lagides, vol I p 15, 73), «Антигон хотел вскоре всем овладеть» (Jouguet P Op cit p 158), «Антигон и Деметрий мечтали восстановить империю Александра» (Mann E Op cit, p 62, 64), и т д
¹¹⁴ Polyaeu, Strateg IV, 91
¹¹⁵ Дройзен И Г История эллинизма, т II, с 374
¹¹⁶ App Syr 57
¹¹⁷ Diod XX 19
¹¹⁸ Diod XX, 21 Диодор все несчастья Никокреона приписывает царю Пафоса
- Никоклу**
¹¹⁹ Diod XX, 27, 1—2, Plut Dem VII, Дройзен И Г История эллинизма т II, с 380
¹²⁰ Diod XX, 27, 3
¹²¹ Diod XX, 20, 28
¹²² Diod XX, 37, 1—2, Polyaeu, Strat VIII, 58, 2
¹²³ Diod XX, 45, 1, Plut Demetr VIII, 4
¹²⁴ Diod XX, 45, 5—7, 46, 1—3, Plut Demetr IX—X, Diog Laert IX, 11, 115
¹²⁵ Diod XX, 46, 4—5, Dittenber Sylloge³, 334, 1, 40—41
¹²⁶ Diod XX, 46, 6
¹²⁷ Diod XX, 47, 1—2 (Ср Дройзен И Г История эллинизма, т II, с 421 прим 2)
¹²⁸ Diod XX 47, 3—6
¹²⁹ Diod XX, 47, 7—8, 48
¹³⁰ Diod XX, 43, 50—53, 1, Plut Demetr XVI, Polyaeu, Strat IV, 76
¹³¹ Diod XX, 53, 2, Plut Demosth XVII—XVIII
¹³² Bouche—Leclercq A Op cit, p 73
¹³³ Cloche P Op cit, p 133—134
¹³⁴ Ibid, p 121, 141, 147
¹³⁵ Fortina M Op cit, p 94, ср Mann E Op cit, p 29
¹³⁶ Diod XX 73 3

- ¹³⁷ Diod. XX, 74, 75, 1—3.
¹³⁸ Diod. XX, 75, 4—5, 76, 1—5.
¹³⁹ Дройзен Н. Г. История эллинизма, т. II, с. 446—449.
¹⁴⁰ Diod. XX, 81—82, 1—3.
¹⁴¹ Diod. XX, 91—100; Plut. Demetr. XXI—XXII.
¹⁴² Diod. XX, 100, 5—6; 102; Plut. Demetr. XXIII, XXV, Dittenb. Sylloge⁴, 301; Polyaeu. IV, 73; Paus. II, 7, 1.
¹⁴³ Diod. XX, 103; Polyaeu. IV, 7, 8; Plut. Demetr. XXV; Plut. Pyrr. IV.
¹⁴⁴ J. G. IV², 1, зам. 68. Ср. Plut. Demetr. XXV.
¹⁴⁵ Clouche P. Un fondateur d'Empire; Philippe II, roi de Macedoine, 1955, p. 270—274.
¹⁴⁶ Diod. XX, 104, 4; 105, 1.
¹⁴⁷ Diod. XX, 106; см.: Jouguet P. Op. cit., p. 182.
¹⁴⁸ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 296.
¹⁴⁹ Clouche P. La dislocation d'un empire, Paris, 1959, p. 211—212.
¹⁵⁰ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. II, с. 298.
¹⁵¹ Diod. XX, 107, 1—4.
¹⁵² Diod. XX, 107, 4—5.
¹⁵³ Diod. XX, 108—109.
¹⁵⁴ Diod. XX, 110—111, 1—2.
¹⁵⁵ Diod. XX, 110—111, 1—2.
¹⁵⁶ Diod. XX, 111, 3—4; 112, Dittenberger, Sylloge, № 352.
¹⁵⁷ Diod. XX, 113, 1—3; Буше-Леклерк (Op. cit., p. 181) видит «почти предательство» в этом отступлении Птолема.
¹⁵⁸ Diod. XX, 113, 3—5 (Здесь прерывается рассказ этого историка).
¹⁵⁹ Jouguet P. Op. cit., p. 183. О месте битвы см.: Honigmann (в «Bisantion» X, 1935, с. 647—651) отождествляет Ипс с древней «Sipsin»; ср. Manpi E. Op. cit., p. 39, прим. 73.
¹⁶⁰ App. Syr., 5; Plut. Demetr. XXVIII—XXX, XXXIII; Plut. Pyr. IV; Dittenb. Syll⁴, 374.
¹⁶¹ См.: Clouche P. La dislocation d'un empire, 1959, p. 218.
¹⁶² Jouguet P. Op. cit., p. 185.
¹⁶³ App. Syr. 55.
¹⁶⁴ См. Plut. Demetr. XXXI, 6.
¹⁶⁵ Diod. XXI, 1, 4.
¹⁶⁶ В целом об этих фактах см.: Plut. Demetr. XXX, 2—5, XXXI, 1—2.
¹⁶⁷ Ferguson W. S. Op. cit., p. 123—124. В 287—286 гг. до н. э. народное собрание примет декрет, восхвалявший Филиппа за то, что он добился «от царя Лисимаха» в 299/298 г. до н. э. подарка в 10 тыс. медимнов зерна для афинян. (Syll⁴, 374). Напомним, что Плутарх показывает Филиппа другом Лисимаха — монарха, от которого афинский народ, благодаря этому обстоятельству, получит множество благосейний. (Plut. Demetr. XXXII).
¹⁶⁸ Plut. Demetr. XXXI, 2.
¹⁶⁹ О договоре между этолийцами и беотийцами см. Dittenb. Sylloge⁴, 366.
¹⁷⁰ Plut. Pyrrhos. IV; ср.: Leveque P. Pyrrhos, p. 105—106.
¹⁷¹ Plut. Demetr. XXXI, 2—4.
¹⁷² Именно конницу Антиоха рассеяла конница Полиоркета в сражении при Ипсе.
¹⁷³ Plut. Demetr. XXXI, 5.
¹⁷⁴ Plut. Demetr. XXXI, 6—7; XXXII, 1—3.
¹⁷⁵ О разделении греко-македонского мира на два враждебных лагеря см.: Just. XV, 4, 24.
¹⁷⁶ Это соглашение обнаруживается главным образом в декрете эфесцев в честь Никагора — посла «царей Деметрия и Селевка» (Dittenb. Or. inscr. № 10).
¹⁷⁷ Plut. Demetr. XXXII, 4.
¹⁷⁸ Plut. Demetr. XX, 8.
¹⁷⁹ Euseb., II, 118.
¹⁸⁰ Plut. Demetr. XXXII, 5—6; Pyr. IV.
¹⁸¹ Beloch J. Griechische Geschichte, IV, S. 215.
¹⁸² Plut. Demetr. XXXII, 7, XXXIII, 1.
¹⁸³ Just. XVI, 1—2; Plut. Demetr. XXXVI.

- 184 Polyæn, IV, 7, 5.
 185 Plut. Demetr. XXXIII, XXXIV, 1; Polyæn, III, 7, 1.
 186 Plut. Demetr. XIII, 1.
 187 Plut. Demetr. XXXIV, 1, 4—7. О дате события историки не имеют общего мнения. Так, Белох определяет ее концом зимы 295/94 г. (Beloch, IV, p. 248), Фергюсон — весной 294 г. (Ferguson W. S. The Hellenistic Athens. L., 1911, p. 135)
 188 См. Just. XIX, 5.
 189 Plut. Demetr. XXXV.
 190 Paus. I, 13, 6; ср. Polyæn, IV, 7, 9—10.
 191 Plut. Pyrr. VI, 2.
 192 Plut. Pyrr. VI, 4; Demetr. XXXV, 2.
 193 Just. XVI, 2, 4.
 194 Plut. Pyrr. VI, 6—7.
 195 Plut. Demetr. XXXVI, 3—12; XXXVII.
 196 Plut. Demetr. XXXIX, 1—2.
 197 Polyæn, Strateg. IV, 7—11.
 198 Plut. Demetr. XLI, 2—5; Pyrr. VII, 6—9; VIII, 2.
 199 Об этих цифрах, которые могут показаться сильно преувеличенными, см. оговорки Белоха (Griechische Geschichte, Bd. IV, S. 229, прим. 1);
 200 Plut. Demetr. XLIII, 1—6; Pyrr. X.
 201 Plut. Demetr. XLI, 6—8; XLII, 1—6.
 202 Plut. Pyrr. X, 7. Это утверждение Плутарха ставит под сомнение Белох (Griechische Geschichte, Bd. IV², S. 209 и сл.).
 203 Plut. Demetr. XLIV, 1—3; Pyrr. X—XI, 1.
 204 Ср. Polyæn, IV, 12, 2.
 205 Plut. Demetr. XLIV, 3—10; Pyrr. XI.
 206 Plut. Demetr. XLIV, 11; Pyrr. XI.
 207 Paus. I, 9, 2.
 208 Ср. Beloch K. J. Griechische Geschichte, IV², S. 378.
 209 Paus. I, 26; Syll.³, 367.
 210 Plut. Demetr. XLVI, 2—3.
 211 Plut. Pyrr. XII, 7.
 212 Paus. I, 11, 1.
 213 Plut. Pyrr. XII, 7.
 214 Bouché-Leclercq A. Op. cit., p. 92.
 215 Таково мнение Белоха (Griechische Geschichte, IV², S. 336, 227), основанное на сообщении Плутарха, который показывает, что Деметрий надеялся у города Коноса найти свой флот (Demetr. XLIX, 5).
 216 Plut. Demetr. XLVI, 4—6.
 217 Plut. Demetr. XLVI, 7—10; XLVII, 1.
 218 Plut. Demetr. XLVII, 1—4, 6.
 219 Plut. Demetr. LI, 3—4. К этой просьбе Лисимах, по словам Плутарха, присоединил большую сумму денег для Селевка (Ср. Diod. XXI, 20).
 220 Plut. Demetr. L, 7—9; LIII, 1—7.
 221 Plut. Pyrr. XII (Ср. Tarn, Antigon. Gonat. 1913, p. 102).
 222 Ср. Псевдо-Плутарх. Жизнь 10 ораторов, с. 851, сл.; Polyæn, V, 17; Paus. I, 29, 10; Ferguson W. Hellenistic Athens, p. 150—151; Tarn, Antigon. Gonat., p. 104, сл.
 223 Bouché-Leclercq A. Op. cit., p. 94.
 224 Paus. I, 10, 2.
 225 Plut. Pyrr. XII; Just. XVI, 3.
 226 О Фессалийском царстве Лисимаха см.: Beloch K. Griechische Geschichte, IV, S. 240.
 227 Ср. Just. XVI, 2.
 228 Just. XVII, 1.
 229 Polyæn, IV, 9, 4.
 230 Paus. I, 10, 4; Strabo. XIII, 623.
 231 Paus. I, 10, 5; Just. XVII, 2; App. Syr. 62; Euseb. I, 234; Strabo. XIII, 626—629.
 232 Polyæn, XIII, 57.

²³³ О принадлежности Самоса династии Лагидов см. *Supplem. epigraph. graecum*, I, 369; *Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV², S. 157*; *Руссэль П. Указ. соч.*, с. 372.

²³⁴ *Memn.*, 12, 1 (Фрагменты греческой истории. Изд. Мюллера, т. 3, с. 533).

Ср. *Boishe-Lecleq A. Histoire des Lagides, vol. 1, p. 49*.

²³⁵ См. *Beloch K. Griechische Geschichte, Bd. IV², S. 245*.

²³⁶ Ср. *Memn.* 12, 2 (F. H. G. Изд. Мюллера, 3, с. 533), *App. Syr.* 62.

²³⁷ См. *Memn.* 12, 3 (F. H. G. Изд. Мюллера, 3, с. 34); *Paus.* I, 16, 2; *Just. XVII*, 2; *App. Syr.* 62—63. Буше-Леклерк в «Истории Селевкидов» (т. 1, с. 50) отмечает, что в числе солдат, провозгласивших царем убийцу, находились «побежденные при Курупедии, которые несомненно приветствовали в нем мстителя за Лисимаха».

²³⁸ *Paus.* I, 16, 3.

²³⁹ Что касается Пирра — царя Эпира, то он в 280 г. до н. э. покинул Греческий полуостров ради Италии и перестал заниматься делами Эллады примерно около шести лет.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

¹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 29.

² Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

³ ШOFFман А. С. Восточная политика Александра Македонского, с. 188—222.

⁴ Пигулевская Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976, с. 71, 73.

⁵ *App. Syr.* 57. Несколько иное число городов приводит А. Б. Ранович: 11 Антиохий, 9 Селевкий, 5 Лаодикий, 4 Апаеи и 1 Стратониксю (Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, с. 98).

⁶ *App. Syr.* 57.

⁷ *Diod.* XX, 49.

⁸ *Strabo.* XVI, 2, 750.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, XVI, 750; 749; 750—751; ср. *Polyb.* V, 60.

¹¹ *Polyb.* V, 52, 2.

¹² Кошеленко Г. А. Греческий полис..., с. 94—95, 229.

¹³ *App. Syr.* 57.

¹⁴ *App. Syr.* 58; *Strabo.* XVI, 738; *Paus.* I, 16, 3; см. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 380. Ср. Кошеленко Г. А. Указ. соч., с. 101:

¹⁵ Кошеленко Г. А. Указ. соч., с. 82, 118—120.

¹⁶ *Strabo.* XVI, 739.

¹⁷ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 72, 74.

¹⁸ *Strabo.* XI, 514; 524; *Curt.* VII, 2; *Plin.* VI, 26.

¹⁹ *Polyb.* X, 27.

²⁰ *Strabo.* XIII, 533.

²¹ *Plut. Demetr.* 53.

²² *Cloché P. La dislocation d'un empire. Paris, 1959, p. 252*.

²³ *Athen.*, XI, 468; Ейне А. Полисы в системе государства Птолемеев (III в. до н. э.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1970, с. 15.

²⁴ Ейне А. Указ. соч., с. 15.

²⁵ С именем эллинистических царей Египта связывают строительство 34 городов во внешних владениях. См. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ. соч., с. 381.

²⁶ *Strabo.* XIV, 640.

²⁷ Там же, XIII, 533.

²⁸ Там же, XIII, 593.

²⁹ См. *Cloché P. Demosthene, la fin de la démocratie athenienne, Paris, 1937, p. 325, 341—342, 356—357*.

³⁰ Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 28.

³¹ *Strabo.* XII, 544.

³² *Diod.* XIX, 51; *Strabo.* VII, 231^a, Liv. XLIV, 10, 11; *Fortina M. Указ. соч.*, с. 40—41.

- ³³ См Plin Hist Nat IV, 10, 37 На монетах надпись ΟΥΡΑΝΙΑΣ ΠΟΛΕΩΣ
- ³⁴ Plut Pyrr V, 4—14, ср Руссель, с 355, П Левек, с 113—122
- ³⁵ Strabo XIII, 533
- ³⁶ Там же, I, 33
- ³⁷ Ранович А Б Эллинизм и его историческая роль М, 1950, с 99
- ³⁸ Strabo VII, frgm 21
- ³⁹ Diod XIX, 51, Strabo VII, 231, Liv XLIV, 10, 11
- ⁴⁰ Paus VIII, 27
- ⁴¹ Plut De fort Alex 1, 6
- ⁴² Strabo. XII, 6, 4
- ⁴³ OGIS. 233
- ⁴⁴ Ранович А Б Указ соч, с 99
- ⁴⁵ Ранович А Б Указ соч, с 100—101, см Welles С В Royal correspondance in the Hellenistic period New Haven, 1934, № 3
- ⁴⁶ Syll³, 344
- ⁴⁷ Ранович А Б Указ соч, с 106
- ⁴⁸ Paus I, 9, 7
- ⁴⁹ См Head В V Historia numorum, Oxf, 1911, p 570
- ⁵⁰ Strabo XIV, I, 29
- ⁵¹ Ранович А Б Указ соч, с 99
- ⁵² Кошеленко Г А Греческий полис, с 222
- ⁵³ Syll¹, I, 283
- ⁵⁴ См Methueus History of the Greek and Roman World London, 1947,
- р 321
- ⁵⁵ Гафуров Б Г, Цибукидис Д И Указ соч, с 381
- ⁵⁶ Arr Syg 61
- ⁵⁷ Syll³, 218 Эту надпись разбирает в своей кандидатской диссертации Д И Цибукидис «Из истории эллинистической Греции» (М, 1968), а также Б Г Гафуров, Д И Цибукидис (Указ соч, с 383—384)
- ⁵⁸ Ранович А Б Указ соч, с 102
- ⁵⁹ Plin XXXVII, 108, Strabo II, 1, 17
- ⁶⁰ Хвостов М История восточной тор. али греко римского Египта, Казань, 1907, с 48
- ⁶¹ Plin XII, 62—63
- ⁶² Arr Ind 43, 4—6
- ⁶³ Хвостов М Указ соч, с 295—296
- ⁶⁴ Diod XIX, 94, 5
- ⁶⁵ Там же, 99, 3
- ⁶⁶ Там же, 100, 1—2
- ⁶⁷ Там же, 95, 3
- ⁶⁸ Хвостов М Указ соч, с 274
- ⁶⁹ Plin Hist Nat, V, 86
- ⁷⁰ Str XVI, 1, 9, Arr VII, 7, 7
- ⁷¹ Arr VII, 19, 4
- ⁷² Кальянов В И Артхаштра ВДИ № 2, 1939, № 3, 1953
- ⁷³ Хенинг Р Неведомые земли М, 1961 с 232—233
- ⁷⁴ Там же, с 234
- ⁷⁵ Arr VII, 16, 2, сл
- ⁷⁶ См Diod XIX, 100, 5, Plut Demetr 47, Neumann К Die Griechen in Skythenland Berlin, 1855, S 183
- ⁷⁷ См сохраненное Плинием свидетельством императора Клавдия, сообщавшего об этом факте в его утраченной «Истории» (frgm 6)
- ⁷⁸ Strabo, II, 11, 7, Ельницкий Л А Знания древних о северных странах М, 1961, с 126—128
- ⁷⁹ Plut Demetr 47, Ельницкий Л А Указ соч, с 246
- ⁸⁰ Пигулевская Н Ближний Восток, Византия, Славяне Л, 1976, с 75
- ⁸¹ Там же, с 76
- ⁸² Манданья Я А О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен Ереван, 1954, с 24
- ⁸³ Ранович А Б Эллинизм и его историческая роль, с 284
- ⁸⁴ Там же, с 107

- ⁸⁵ Rostovtzeff Указ соч, с 164, 168 и прим
⁸⁶ Beloch J Griechische Geschichte Bd IV, S 271
⁸⁷ Ferguson Hellenistic Athens, p 58—59
⁸⁸ См Жебелев С А Эллинизм, с 54
⁸⁹ Ранович А Б Эллинизм и его историческая роль, с 110
⁹⁰ Rostovtzeff Указ соч, с 187
⁹¹ Ранович А Б Указ соч, с 108
⁹² Rostovtzeff Указ соч, с 135
⁹³ Ранович А Б Указ соч, с 106
⁹⁴ Там же, с 110
⁹⁵ Дройзен История эллинизма, т 2, с 18—19
⁹⁶ Jouguet Указ соч, с 133, 141
⁹⁷ Кошеленко Г А Греческий полис на эллинистическом Востоке М., 1979,
с 51—52
⁹⁸ Ранович А Б Эллинизм и его историческая роль, с 96
⁹⁹ Fortina M Cassandro, p 89
¹⁰⁰ См Дройзен И Г История эллинизма, т 2, с 22
¹⁰¹ Paus I 25, 5
¹⁰² Diod XVII, 108, 7, 133, 3
¹⁰³ См Аристотель Афинская политика, 61, 1
¹⁰⁴ Plut Phoc 22
¹⁰⁵ Cloche P La dislocation d'un empire Paris, 1959, p 22
¹⁰⁶ Diod XVIII, 10, 1, ср Письмо Филиппа к афинянам летом 340 (Псевдо-
Демосфен, XII, 18—9)
¹⁰⁷ Plut Phoc 26
¹⁰⁸ Plut Phoc 27, Demosth 27
¹⁰⁹ Дройзен И Г История эллинизма т 2, с 23
¹¹⁰ Diod XVIII, 10, 2—5
¹¹¹ Plut Phoc 23, Pyrr 1, Diod XVIII, 3, 1, 19, 1
¹¹² Diod XVIII, 9, 5, 11, 1
¹¹³ SIG, II², 367
¹¹⁴ Diod XVIII, 11, 1—2, ср Paus 1, 25
¹¹⁵ Plut Dem 27
¹¹⁶ Diod XVIII, 11, 2
¹¹⁷ Псевдо-Плутарх Жизнь 10 ораторов, с 346
¹¹⁸ Paus VIII, 6, 1
¹¹⁹ Diod XVIII, 3—4
¹²⁰ Diod XVIII, 12, 1
¹²¹ Diod XVIII, 12, 2—4
¹²² Plut Phoc 25, Strabo, X, с 446
¹²³ Diod XVIII, 12
¹²⁴ Diod XVIII, 13, 1—5, ср Just XIII, 5, 12, Paus III, 6, 2
¹²⁵ Diod XVIII, 13
¹²⁶ Гиперид, VI, 12—14
¹²⁷ Paus I, 25
¹²⁸ Diod XVIII, 13, 6
¹²⁹ Diod XVIII, 14, 2—4
¹³⁰ Diod XVIII, 15, 1—7, Plut Phoc 25
¹³¹ Diod XVIII, 16, 4—5 Из этих войск 40 тыс составляли тяжеловооруженные
воины, 3 тыс лучников и пращников и 5 тыс конницы
¹³² Cloche P Указ соч, с 35—36
¹³³ Diod XVIII, 17, 18, 1
¹³⁴ Cloche P Указ соч, с 36—37, ср Gehrke H J Phokion Studien zur
Erfassung seiner historische Gestalt Munchen, 1976
¹³⁵ Plut Phoc 30
¹³⁶ Diod XVIII, 18, 2, Nep Phoc 2, Paus VII, 10, 1 Плутарх не говорит об участии
Демада в этом первом посольстве Он обращает внимание на присутствие в
посольстве Фокиона «как единственного», по общему мнению, способного выполнить
подобную миссию (Plut Phoc 26) Впрочем, Плутарх не отрицает и присутствия
Демада среди послов
¹³⁷ Plut Phoc 26

- ¹³⁸ Plut. Phoc. 27.
- ¹³⁹ По утверждению Плутарха, Ксенократ был встречен Антипатром весьма холодно, но, по другой версии, он был любезно принят наместником Македонии и даже добился освобождения многих недавно плененных афинян (Plut. Phoc. 27; Diog. Laert. IV, 9).
- ¹⁴⁰ Plut. Phoc. 27.
- ¹⁴¹ Следуя некоторым традициям (Paus. VII, 10, 4), Антипатр вначале выставил менее тяжёлые требования, уважая «независимость» Афии, а также в связи с необходимостью быстрее закончить эллинскую войну из-за событий в Азии. Но Демад будто бы отговорил его поступить подобным образом. Однако ничто не указывает на точность такого утверждения.
- ¹⁴² Plut. Phoc. 27.
- ¹⁴³ Там же, 27.
- ¹⁴⁴ Там же, 21.
- ¹⁴⁵ Diod. XVIII, 18, 3; ср. Plut. Phoc. 26—27.
- ¹⁴⁶ Plut. Demosth. XXVIII.
- ¹⁴⁷ Там же, XXIX; см. Cloché P. Demosthène, la fin de la démocratie athénienne. Paris, 1937, p. 304—305.
- ¹⁴⁸ Plut. Phoc. 28; Diod. XVIII, 18, 15.
- ¹⁴⁹ См. Ferguson W. S. Hellenic Athens, p. 23—24.
- ¹⁵⁰ Ferguson W. S. Указ. соч., с. 25.
- ¹⁵¹ Там же, 28; Diod. XVIII, 18, 4—5.
- ¹⁵² Plut. Phoc. 28.
- ¹⁵³ Ferguson W. S. Указ. соч., с. 26—27.
- ¹⁵⁴ Cloché P. La dislocation d'un empire, p. 42—43.
- ¹⁵⁵ Cloché P. Указ. соч., с. 43.
- ¹⁵⁶ Diod. XVIII, 4.
- ¹⁵⁷ Diog. Laert. X, 1.
- ¹⁵⁸ Diod. XVIII, 18, 9.
- ¹⁵⁹ Дройзен. История эллинизма, т. 2, с. 39—40.
- ¹⁶⁰ Сагун М. History of the Greek World from 323 to 146 B.C. 2 ed. London, 1959, p. 19, сл.
- ¹⁶¹ Ιστορία τῶν Ἑλληνικῶν Ἐθνῶν Αθήνα, 1973, p. 248.
- ¹⁶² Там же, с. 248—249.
- ¹⁶³ Diod. XVIII, 18.
- ¹⁶⁴ Plut. Demetr. 39.
- ¹⁶⁵ Относительно того, когда произошло новое выступление ботийцев, нет единодушного мнения. Большинство историков датируют это событие 292 г., но некоторые 291 г. до н. э. См. Beloch, Griechische Geschichte, IV², S. 215—216; Тагн W. Antigonus Gonatas, p. 40; Маффи Е. Указ. соч., с. 94; Бенгтсон Griechische Geschichte, S. 363; Cloché P. Указ. соч., с. 256—257.
- ¹⁶⁶ Plut. Demetr. 39.
- ¹⁶⁷ Тагн W. Antigonus Gonatas, p. 40, п. 6.
- ¹⁶⁸ Plut. Demetr. 40, 1—5; Diod. XXI, 14.
- ¹⁶⁹ Diod. XVIII, 24—25, 1—5.
- ¹⁷⁰ Там же, XIX, 67, 3—7; 68, 1.
- ¹⁷¹ Diod. XVIII, 38, 5—6.
- ¹⁷² Plut. Phoc. 30, 3.
- ¹⁷³ Cloché P. Указ. соч., с. 91.
- ¹⁷⁴ Diod. XVIII, 48, 4.
- ¹⁷⁵ Diod. XVIII, 48, 1, 3.
- ¹⁷⁶ Plut. Phoc. 30, 5.
- ¹⁷⁷ Diod. XVIII, 48, 3—4.
- ¹⁷⁸ Там же, 48, 2.
- ¹⁷⁹ Plut. Phoc. 30; ср. Plut. Demosth. 31.
- ¹⁸⁰ Plut. Phoc. 33, 1—2; Diod. XVIII, 65, 6; 66, 1—2.
- ¹⁸¹ Diod. XVIII, 66, 4—6.
- ¹⁸² Diod. XVIII, 67, 1—3.
- ¹⁸³ Plut. Phoc. 34, 4—5; 35, 1—2.
- ¹⁸⁴ Plut. Phoc. 36, 1—2; 37, 1—2; Diod. XVIII, 67, 3—6.
- ¹⁸⁵ Diod. XVIII, 69, —72, 1.

- ¹⁸⁶ Plut. Demetr. 35.
- ¹⁸⁷ Шофман А. С. История античной Македонии, ч. 2, Казань, 1963, с. 155—156.
- ¹⁸⁸ Diod. XVII, 62, 4—6; Curt. III, 1, 21.
- ¹⁸⁹ Diod. XVII, 63, 1.
- ¹⁹⁰ Там же, XVIII, 14.
- ¹⁹¹ Там же, XVIII, 11, 1.
- ¹⁹² Там же, XIX, 73, 1—8.
- ¹⁹³ Strabo, VII, 6, 1, p. 319.
- ¹⁹⁴ Фол А. Тракия и Балканите през ранно-эллинистическата епоха. София, 1975, с. 54.
- ¹⁹⁵ Diod. XIX, 73, 5.
- ¹⁹⁶ Там же, XX, 20, 25, 1.
- ¹⁹⁷ О локализации царства Дромихета см. Фол А. Указ. соч., с. 56, сл.
- ¹⁹⁸ См. Слосхè P. Указ. соч., с. 255—256.
- ¹⁹⁹ Diod. XXI, 11—12; сравн.: Plut., Demosth., 39.
- ²⁰⁰ Strabo, 7, 3, с. 302, 305.
- ²⁰¹ Plut. Demetr. 31.
- ²⁰² Paus. 1, 9, 7.
- ²⁰³ Фол А. Указ. соч., с. 56; Слосхè P. Указ. соч., с. 336.
- ²⁰⁴ В советской историографии это движение рассмотрел Г. А. Кошеленко в статье «Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.» (ВДИ, № 1, 1972, с. 59—78). Оно воспроизведено также в его книге «Греческий полис на эллинистическом Востоке» (с. 181, сл.).
- ²⁰⁵ Curt. IX, 7, 1—11; ср. Diod. XVII, 99, 5.
- ²⁰⁶ Дройзен И. Г. История эллинизма, т. 2, с. 19; прим. 3 на с. 12.
- ²⁰⁷ Diod. XVIII, 7, 1—4.
- ²⁰⁸ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке, с. 181.
- Ср. Тагн W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, с. 72; Jouguet. Указ. соч., с. 142—143.
- ²⁰⁹ Diod. XVIII, 7, 5—9.
- ²¹⁰ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке, с. 184, 197, 280.
- ²¹¹ Там же, с. 185—186.
- ²¹² Diod. XVIII, 16, 1—3; Plut. Eum. 3.
- ²¹³ Diod. XVIII, 22.
- ²¹⁴ Там же, XVIII, 8.
- ²¹⁵ Jouguet P. Указ. соч., с. 181—182.
- ²¹⁶ Diod. XVII, 49, 3—4.
- ²¹⁷ Жебелев С. А. Киренская конституция.— Доклады АН СССР, 1929, № 5, с. 81.
- ²¹⁸ Diod. XVII, 108, 7—8.
- ²¹⁹ Там же, XVIII, 19—21.
- ²²⁰ Там же, XVIII, 19, 2—5.
- ²²¹ Там же, XVIII, 20—21, 1—5.
- ²²² Дройзен И. Г. Указ. соч., с. 55.
- ²²³ Diod. XVIII, 21, 6.
- ²²⁴ Там же, XVIII, 19—21.
- ²²⁵ Там же, XVIII, 21; XIII, 8, 1.
- ²²⁶ См. об этой надписи: Oliverio G. La stela de la costituzione.—«Rivista di Filologia», 56, 1928, p. 183—190; Жебелев С. А. Киренская конституция.— Доклады АН СССР. 1929, № 5, с. 77—84; Cary M. A constitutional inscription from Cyrene. Journal of Hell. Stud. XLVIII (1928), 222, сл.; Jouguet P. L'imperialisme macedonien et hellenisation de l'Orient. Paris, 1926, 399, сл.; Rostovtzeff M. Cambridge Ancient History, VII, (1928), 127; Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемах.— Сб. Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 170—183. Киренская надпись неоднократно переиздавалась и комментировалась. Сводку литературы см. в IV томе «Истории Греции» Глотца (Glötz H. G. IV, p. 281); Will E. Histoire politique du monde hellenistique, T. I. Paris, 1966; Machu J. Cyrene: La cité et le souverain à l'époque hellénistique, R. H., 1951, p. 41 sa.

- ²²⁷ De Sanctis La magna charta della Cirenaica --«Riv di Fil» 54 (1926) p 145,
он же La data della magna charta di Cirene --«Riv di Fil» 56, (1928), p 240
- ²²⁸ Жебелев С А Указ соч, с 80
- ²²⁹ Исторический опыт показывает, что попытка государственного переворота в Греции с целью низвержения существующего строя и утверждения новой антидемократической конституции совершалась обычно в результате военного поражения. Так, государственный переворот 411 г до н э в Афинах и создание олигархией новой конституции имело место после сицилийской катастрофы, которая развязала руки врагам демоса. Согласно новой конституции, было образовано временно олигархическое правительство путем расширения до 30 человек комиссии пробулов. Этому предшествовало убийство представителя демократической партии Андрокла (Thuc VIII, 65, 2). Вместо прежнего Совета 500 был утвержден Совет 400, составленный олигархией путем кооптации. Ими же было предложено, чтобы жалование получали отбывающие военную службу и чтобы в государственном управлении участвовало не больше 5 тыс человек, именно те, которые по имуществу и физическим качествам способны приносить наибольшую пользу, имелись в виду наиболее обеспеченные граждане, способные приобрести вооружение голпита (Thuc VIII, 65, 3). Эта олигархическая конституция просуществовала около 4 месяцев, после чего была упразднена. Правление перешло к умеренной олигархии.
- ²³⁰ Diod XVIII, 18, 4
- ²³¹ Ейне А Кирено египетские отношения при первых Птолемах, с 17
- ²³² См Жебелев С А Киренская конституция, с 81--82, Ранович А Б Эллинизм и его историческая роль М, 1950, с 144 Cloche P La dislocation d'un empire, p 59-60, Bengtson H Die Strategie in der hellenistischen Zeit Munchen, 1952, S 158
- ²³³ Teger F Zum Verfassungsdiagramm von Kyrene --«Hermes», 1929, 64, S 455, Ehrenberg, V Zur Verfassungsurkunde von Kyrene --«Hermes», 1930, 65, S 335, Heichelheim F Zum Verfassungsdiagramm von Kyren --«Klio», XXI, 1926-1927, S 117--178, Otto B Beitrage zur Seleukidengeschichte, Abh Munchen Akad Phil Hist, 1927, S 78
- ²³⁴ Ейне А Указ соч, с 177
- ²³⁵ Там же, с 177
- ²³⁶ Paus I, 6, 3
- ²³⁷ Этой акцией Птолемей не только избавился от неговорчивого и алчного подчиненного, но и получил богатства последнего, которые приумножили его собственные доходы. Восемь тысяч талантов из казны его предшественника позволили ему «подготовить значительные силы» (Diod XVIII, 14, 1)
- ²³⁸ Жебелев С А Киренская конституция, с 82
- ²³⁹ Diod XIX, 79, 1--3
- ²⁴⁰ Diod XX, 40--42, Paus I, 6, 8
- ²⁴¹ Paus I, 6, 8
- ²⁴² Diod XVI, 8, 2
- ²⁴³ Diod XVI, 53, Dem IX, 56
- ²⁴⁴ Тарасенко В С Из истории образования этолийского и ахейского союзов -- Учен зап, т 35 Калинин, 1963, с 173
- ²⁴⁵ Шофман А С История античной Македонии, ч 1, с 275
- ²⁴⁶ Кондратьев М А Политическое положение Греции в эпоху Александра Македонского Автореферат кандидатской диссертации М, 1978, с 9--10 В связи с этим нам не кажется правильным противопоставление итальянского историка М Фортина «справедливых» мер Филиппа и Александра алчным диadoхам. См Fortina M Cassandro, re di Macedonia, Società editrice internazionale, 1965, p 15-16
- ²⁴⁷ Агг I, 9, 9
- ²⁴⁸ Агг I, 18, 2
- ²⁴⁹ Ранович А Б Александр Македонский и греческие города Малой Азии -- ВДИ, № 4, 1947, с 57, ср Маринович Л П Александр Македонский и полисы Малой Азии -- ВДИ, № 2, 1980, с 27--51
- ²⁵⁰ Diod XVII, 22, 2--5, Агг I, 19, 3--6
- ²⁵¹ Агг IV, 2, 2-3
- ²⁵² Маринович Л П Указ соч, с 42
- ²⁵³ Наглядным примером могут служить полисы при первых Птолемах. При

них полисы сохраняли форму автономной политической единицы, продолжали действовать старые полисные институты. Однако, уважая полисную автономию и формально ее признавая, центральная власть принимала участие в изменении конституционных основ городов, приспособила их полисный строй к условиям государства, основанного на монархическом принципе. Несмотря на судебную автономию, Птолеми вменялись в городское судопроизводство. Любая городская закон была бессильна перед распоряжениями царей. Финансовая и налоговая система также находилась в их ведомстве (Ейнс А. Указ соч., с. 16)

- ²⁵⁴ Diod XVIII, 56
- ²⁵⁵ Там же, 69
- ²⁵⁶ Там же, 57, 1
- ²⁵⁷ Фортана М. Указ соч., с. 91–92
- ²⁵⁸ Diod XVIII, 57, 1
- ²⁵⁹ Diod XIX, 61
- ²⁶⁰ Diod XIX 75, см Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, с. 90; Бокшанин А. Г. Парфия и Рим, ч. I. М., 1960, с. 121
- ²⁶¹ OGIS, 5, R. C. 1
- ²⁶² Fortina M. Указ соч., с. 89
- ²⁶³ Diod XX, 37, 1–2, Polyaeu, Strat VIII, 58, 2
- ²⁶⁴ Diod XIX, 61, 5, 62, 1
- ²⁶⁵ Polyb XII, 13, Diog Laert V, 75, Athen XII, 542, см Bayer E. Demetrios Phalereus der Athenere. Stuttgart – Berlin, 1942
- ²⁶⁶ Деметрий Фалерский бежал в Фивы, а позже к Птолемею в Египет. Отказавшись от политической карьеры, он, при материальной поддержке Птолемея, занялся филологией и созданием Александрийской библиотеки. Он был учеником Теофраста и считался довольно крупным историком, законодателем и философом. Ему приписывают кодификацию аттического права (Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 308)
- ²⁶⁷ Diod XX, 45
- ²⁶⁸ Plut Demetr 33, Paus I, 27, 7
- ²⁶⁹ Paus I, 29, 16, Athen IX, 405
- ²⁷⁰ Plut Demetr 34, Polyaeu, IV, 7, 1
- ²⁷¹ Самохина Г. С. Антигон и греческие города Малой Азии – Сб. Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., 1976, с. 152
- ²⁷² Welles R. C. № 4; Syll³, 344
- ²⁷³ Welles R. C. № 5, Hicks, 175, OGIS 214
- ²⁷⁴ Welles R. C. № 6, OGIS 12
- ²⁷⁵ Welles R. C. № 7, OGIS, 13
- ²⁷⁶ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль, с. 106
- ²⁷⁷ Тарасенко В. С. Указ соч., с. 184–185
- ²⁷⁸ Самохина Г. С. Держава первых Антигонов (К вопросу об организации и структуре раннеэллинистического государства). Автореферат канд. дис. Л., 1976, с. 10–11
- ²⁷⁹ Самохина Г. С. Указ соч., с. 6
- ²⁸⁰ Мы отдаем себе отчет в том, что намеченные нами этапы в отношении полиса и монархии представлены здесь как теоретические рассуждения и в некотором роде упрощают действительный характер отношений. Но здесь нам хотелось лишь показать ведущую тенденцию
- ²⁸¹ Diod XIX, 94, 2–5, II, 48, 2, см Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, с. 248–250
- ²⁸² Diod XIX, 94, 2–3, 6–8, 95, 1
- ²⁸³ Группа американских археологов из университета штата Юта под руководством проф. Ф. Хэммонда произвела раскопки на месте этого города. Были обнаружены мошеты и гончарные изделия, относившиеся к IV в. до н. э., кувшины для вина с острова Родос и др. По мнению археологов, этот город мог существовать до II в. н. э. (см «Известия», 1977, VII, № 12, «Правда», 1978, II, 1)
- ²⁸⁴ Diod XIX, 94–100, 1–3, Plut Demetr VII, 1. В рассказе Диодора о войне Антигона с набатаями в 312 г. до н. э., вероятно, изложены данные, почерпнутые из труда Иеронима Кардийского лично участвовавшего в этой войне (Diod XIX 94, 100)
- ²⁸⁵ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 493–508

- 286 Just. XV, 4, 18.
 287 Diod. XVIII, 39, 6.
 288 Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. 1973, с. 57.
 289 Arr. Ind. 5, 3.
 290 Diod. XIX, 14, 8.
 291 Бонгард-Левин Г. М. Указ. соч., с. 318, прим. 26.
 292 Just. XV, 4, 13—14.
 293 App. Syr. 55; ср. Plut. Alex. LXII; Just. XV, 4, 21; Strabo, XV, 2, 9.
 294 App. Syr. 55; см. ВДИ, 1946, № 4, с. 231—326.
 295 Хеннинг Р. Неведомые земли. М., 1961, с. 240—241.
 296 Strabo, XI, 2, 9; XV, 724; App. Syr. 55; Plin. N. H. VI, 21, 22.
 297 Clouchè P. Указ. соч., с. 216.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

- ¹ Jouguet. Указ. соч., с. 147—149.
² Walbank F. W. The Hellenistic World. London, 1981, p. 54—55.
³ Принятие несколькими соперниками царского титула, начиная с 306 г. до н. э., а также поражение и смерть Антигона при Иссе в 301 г. до н. э. обозначали, по мнению Ф. В. Уолбанка, два решающих шага в процессе распада. Исс означал конец всякой отговорки, что единая империя все еще существует (Walbank F. W. Op. cit., p. 46, 58).
⁴ Bouchè-Lecleercq. Histoire des Lagides, I, 1905, p. 7.
⁵ Wilcken U. Alexander der Grosse, S. 247.
⁶ Schachermeyer F. Alexander der Grosse, S. 466, 362.
⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.
⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 736.
⁹ Чалоян В. К. Восток — Запад. М., 1968, с. 5.
¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.
¹¹ Diod. XVIII, 4.
¹² См. Launeу. Recherches sur les armées hellénistiques, I, Paris, 1949, p. 352.
¹³ См. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ. соч., с. 378, 387; Кошленко Г. А. Греческий полис, с. 289.
¹⁴ Эйне А. Полисы в системе государства Птолемея (III в. до н. э.). Автореферат. канд. дис. М., 1970, с. 3, 8—9.
¹⁵ Schachermeyer F. Alexander in Babylon und Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970, S. 200—207.
¹⁶ Briant P. Alexandre le Grand aux diadoques... p. 38.
¹⁷ Briant P. Указ. соч., с. 39; ср. Reinach. The Mitridate Eupator, roi du Pont. Paris, 1890, p. 259—260, 266.
¹⁸ Diod. XVIII, 45, 3—4; XIX, 16, 1—2, 5; Strabo, XII, 3, 38.
¹⁹ Reinach Th. Указ. соч., p. 261.
²⁰ Strabo. XIII, 52, сл.
²¹ Briant P. Указ. соч., с. 35.
²² Xen. Cyr. III, 1, 2; VI, 1, 1; VII, 4.
²³ Ср. Polyæn, VII, 29, 1; Nep. Datam, 4, 2.
²⁴ Plut. Eum. 8, 3.
²⁵ Arr. I, 17, 7; III, 16, 4.
²⁶ Diod. XIX, 55, 3.
²⁷ Briant P. Op. cit., 45.
²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 356.
²⁹ Berge. Alexanderreich, I, S. 107, 119.
³⁰ Arr. III, 30, 6.
³¹ Tarn. Alexander the Great, II, 1950, p. 163—167.
³² Briant R. Указ. соч., с. 52.
³³ Ср. Arr. V, 11, 3; 12, 2; 16, 4.
³⁴ Arr. VII, 8, 2.
³⁵ Schachermeyer F. Alexander der Grosse, S. 294.
³⁶ Diod. XI, 67, 5; Plut. Cleom. 23, 1; ср. Arr. VII, 11, 3, (см. Curt. VIII, 5).
³⁷ Diod. XVII, 108, 2; Plut. Alex. 71; Polyæn, IV, 3, 7.

- ³⁸ Arr. VII, 8, 3; Plut. Alex. 71; Diod. XVII, 109; Curt. X, 2, 30, 3—5; XII, 11, 7—8
³⁹ Curt. X, 3, 7—14; Just. XII, 12, 1—3.
⁴⁰ Diod. XVII, 108, 3.
⁴¹ См. Polyæn, IV, 3, 7.
⁴² Arr. VII, 10, 5—7.
⁴³ Arr. VII, 11, 3—4; Diod. XVII, 109, 3.
⁴⁴ Polyæn, 4, 2—3.
⁴⁵ См. Spengel A. Untersuchungen zum Heerwesen der Diadochen, Diss
Breslau, 1915, S. 32—33.
⁴⁶ См. Plut. Alex. 5, 3.
⁴⁷ Briant P. Указ. соч., с. 60.
⁴⁸ Plut. Eum. 7, 1.
⁴⁹ Diod. XVIII, 14, 1; 46, 2; XIX, 14, 5; 21, 3; 48, 5; 90, 1; 91, 1—2.
⁵⁰ Bouché-Latour. Histoire des Lagides, 1, 1905, p. 103—110.
⁵¹ Diod. XIX, 91, 3—5
⁵² Arr. VI, 30; 3; VII, 6, 3.
⁵³ Arr. VII, 23, 1; Diod. XVII, 110, 2.
⁵⁴ Arr. I, 24, 5—6; 28, 2—3.
⁵⁵ Diod. XVIII, 46, 1—2; 47, 3.
⁵⁶ Plut. Eum. 13, 4; Diod. XVIII, 7, 3—5.
⁵⁷ Briant P. Указ. соч., с. 67.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ИМЕН ДЕЯТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

- Агафокл, сын Лисимаха — 51, 119, 128, 170, 171, 180
- Адея см. Эвридика
- Александр Македонский — 3—10, 12, 13, 24, 28—40, 42—46, 48—53, 56—59, 61—72, 74, 80, 82, 85, 86, 91—93, 96, 101, 106, 114—116, 124, 131, 133—135, 138, 141—145, 147, 149—153, 155, 160, 163, 164, 168—174, 178, 180, 182—184, 186, 188, 201, 203—205, 207, 208, 210, 218
- Александр IV — 4, 12, 53, 54, 65, 67, 98
- Александр, сын Кассандра — 6, 121, 123, 124
- Александр, сын Полиперхонта — 54, 91, 92
- Алкета — 33, 62, 63, 71, 75, 77, 78, 197
- Амигта — 44, 61, 64, 154
- Антигон I — 4, 10—12, 31, 33, 34, 36—40, 42, 43, 45, 46, 50, 58—60, 63, 64, 66, 67, 70—72, 74—93, 96—120, 122—127, 194, 195, 197, 199, 205, 208—210, 219, 220
- Антигон II Гонат — 43, 44, 126, 128, 130—133, 137—140, 145, 146, 148, 150, 164, 166, 169, 170, 180, 183—188, 190, 192
- Антигоний — 74, 80, 81
- Антигониды — 34, 44, 186
- Антиох I — 43, 49, 115, 118, 133, 145, 211
- Антипатр — 5, 7, 11, 12, 30, 31, 37—39, 43, 44, 46, 47, 53, 54, 57—60, 62, 63, 66, 68—72, 74—76, 78, 79, 92, 106, 109, 116, 118, 131, 132, 152, 153, 155—160, 162—167, 169, 177, 179, 180, 183, 184, 186, 197, 207, 216
- Антипатр, сын Кассандра — 121, 123, 124
- Апама — 118, 135, 197
- Аргеады — 10, 12, 34, 46, 62, 68, 86, 121, 123
- Аристон — 31, 68, 71
- Арридей (Филипп) — 61—66, 68—70, 173, 190, 207
- Асандр — 75, 89, 91, 99, 100
- Аттал — 52, 75, 77
- Ахемениды — 21—23, 27,
- Барсина — 35, 65, 68
- Береника — 45, 51, 60, 132
- Геракл, сын Александра — 37, 65
- Гесфтион — 34, 35, 65, 70
- Гиперид — 7, 152, 157, 160, 215
- Главкий — 61, 66, 67
- Дарий I — 20, 22, 24, 27, 203
- Дарий III — 28, 49, 152, 172, 204
- Дедамея — 54, 110, 117, 118, 120
- Демад — 153, 158—160, 166, 167, 215, 216
- Деметрий Полнокрет — 5, 6, 9, 10, 12, 31, 33, 38, 40—45, 48, 50, 86, 91, 93, 95—98, 102—131, 133, 137, 148, 164, 165, 168, 184, 186—188, 191, 210, 211, 219
- Дромихет — 170, 171, 217
- Иолай — 46, 53, 54, 58
- Кассандр — 4, 10—12, 30, 31, 37, 46—48, 53—56, 60, 64—67, 70, 75, 79, 86, 88, 89, 91—93, 98, 99, 101—103, 107, 109—114, 118—121, 123, 124, 130, 131, 138, 165—167, 183, 184, 186, 191, 201, 210
- Кенана — 61—65
- Кир — 20, 21, 24, 194, 203
- Клеопатра — 30, 34, 51, 52, 56—60, 65, 66, 206, 207
- Клит — 75, 89, 99, 158
- Кратер — 8, 34, 36, 37, 39, 43, 58, 68—72, 74, 75, 155, 158, 159, 165, 192, 193, 195, 197
- Ксенократ — 159, 160, 216
- Ксеркс — 24, 25, 49, 195
- Лаомедон — 70, 74, 80, 90, 100
- Леоннат — 31, 33, 34, 57, 68—70, 75, 157, 158, 195
- Леосфен — 5, 7, 152—158
- Лисимах — 6, 8, 31, 48, 50, 51, 60, 67, 70, 88, 89, 93, 98, 99, 101, 109—114, 116, 118, 119, 121—123, 125—132, 138, 140, 143, 169—171, 185, 187, 191, 201, 210—213
- Мегафен — 145, 189
- Мелеагр — 31, 61, 62, 68, 69, 195
- Менелай — 90, 104, 105
- Неарх — 68, 70, 86, 91, 106, 145, 146
- Неоптолем — 56, 61, 71, 72, 75, 113
- Никанор — 75, 85, 97, 98, 167
- Олимпиада — 12, 30, 37, 51—59, 61, 64—66, 79, 80, 86, 206
- Пагрокл — 98, 128, 145, 146
- Певкест — 74, 82—85, 87, 196, 197
- Пердикка — 3, 10, 11, 31, 33—35, 37—39, 45, 49, 50, 57—60, 62, 63, 65, 66, 68—75, 77, 96, 106, 163, 165, 166, 172, 173, 178, 187, 190, 192, 197, 205
- Пирр — 5, 6, 42—44, 51, 61, 110, 117, 118, 120, 121, 123—128, 130, 131, 138, 191, 213

Шифон -- 31, 33, 63, 70, 74, 81, 83, 87, 93, 95, 172
 Полисперхонт -- 10, 11, 31, 33, 37, 38, 47, 53, 54, 63--65, 79, 80, 86, 91, 92, 102, 165, 167, 168, 183, 184, 186, 191, 195
 Птолемей I -- 3, 5, 8, 10, 31, 33, 42, 44, 46, 50, 58, 60, 67, 68, 70--74, 80, 81, 87--91, 93, 95--109, 111, 113, 114, 116, 117, 119--123, 126, 130, 132, 133, 137, 138, 144, 145, 147, 150, 175--180, 191, 197--199, 210, 211, 218
 Птолемей II -- 46, 51, 133
 Птолемей Керавн -- 45, 46, 51, 133, 191
 Роксана -- 4, 12, 53, 54, 65--69, 74, 92, 98
 Саргон II -- 15--17, 202
 Сельск -- 6, 31, 43, 44, 48--51, 70, 74, 81--83, 87--91, 93, 95--102, 107, 111--120, 126, 128--130, 132--135, 137, 138, 142, 143, 145, 146, 150, 185, 189, 191, 195, 197, 211
 Спитамен -- 118, 197

Фессалоника, дочь Филиппа II -- 48, 65, 92
 Фессалоника, жена Кассандра -- 121, 124, 207
 Фиброн -- 174, 175, 179
 Филя -- 43, 44, 118--120
 Филинна -- 61, 62, 68
 Филипп II -- 5, 8, 26, 31, 33, 35, 37, 38, 44, 48, 51, 52, 54, 57, 58, 61, 62, 64, 68, 92, 110, 123, 153, 180--184, 186, 193, 206
 Филипп, сын Кассандра -- 48, 74, 121
 Фокион -- 5, 7, 153, 156, 158--160, 166--168, 215
 Чандрагупта (Сандракотта) -- 49, 114, 145, 188, 189
 Эакид -- 43, 53, 54
 Эвмен -- 4--6, 8, 10--12, 31, 33, 35--39, 49, 53, 58--60, 66, 69--72, 74--89, 96, 99--101, 106, 173, 188, 192, 194--197, 199, 205
 Эвридика (Адея) -- 61--66

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Аппиан -- 49, 80, 116, 134, 135, 189, 209--213, 220
 Аристокбул -- 5
 Аристотель -- 39, 48, 153, 215
 Арриан -- 6, 46, 49, 58, 59, 196, 199, 205--208, 214, 218, 220, 221
 Афней -- 145, 187
 Геродот -- 20, 22, 24, 27, 203
 Гомер -- 48
 Деметрий Фалерский -- 4, 7, 48, 147, 148, 159, 168, 184
 Демосфен -- 7, 152, 154, 160, 167
 Дион -- 22
 Диоген Лаэртский -- 216, 219
 Диодор Сицилийский -- 4, 5, 26, 33, 34, 36, 41, 46, 55, 58, 59, 65, 67, 69, 73, 76--79, 81, 83, 86, 87, 89, 90, 92, 93, 96, 100, 104, 106, 110, 111, 113, 116, 145, 148, 154, 157, 159, 161, 163, 166, 167, 169--171, 173--175, 181, 183, 187, 188, 196, 197, 199, 203--211, 213--221
 Дурид Самосский -- 4, 64, 147
 Евсевий -- 119, 211, 212
 Иероним -- 4, 35, 46, 78, 79, 199, 207, 219
 Исократ -- 25, 26, 203, 204
 Каллисфен -- 50
 Каутилья -- 145, 188
 Корнелий Непот -- 6, 208, 209, 215, 220
 Ксенофонт -- 27, 220

Ктесий -- 24
 Курций -- 5, 22, 70, 171, 206, 209, 213, 217, 220, 221
 Ливий -- 141, 213
 Павсаний -- 6, 44, 49, 51, 67, 72, 127, 139, 140, 152, 155, 169, 170, 178, 180, 184, 199, 206, 211--215, 218
 Плиний -- 141, 214, 220
 Плутарх -- 5, 6, 22, 35, 36, 39--41, 46, 49, 50, 61, 62, 69, 72, 77, 78, 84--87, 103, 106, 110, 118, 128, 146, 153, 158--162, 165--167, 170, 184, 194, 199, 203, 205--217, 219, 220
 Полибий -- 9, 137, 213, 219
 Полиен -- 101, 124, 199, 207, 209, 212, 219--221
 Помпей Трог -- 4, 5, 69, 199
 Псевдо-Демосфен -- 215
 Псевдо-Каллисфен -- 46
 Псевдо-Плутарх -- 212, 215
 Свида -- 102
 Страбон -- 135, 138, 140, 146, 170, 194, 199, 206, 208, 212--214, 220
 Феофраст -- 48, 184, 219
 Фукидид -- 218
 Элиан -- 3, 34, 38, 119, 205, 207
 Эсхин -- 21
 Юстин -- 4, 5, 32, 52, 58, 59, 67, 131, 132, 188, 199, 204--208, 211, 212, 220, 221

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
Глава первая	
Ойкумена. Конгломерат. Диадохи.	15
§ 1. Уроки истории	15
§ 2. Наследство и наследники	30
§ 3. Наследницы	51
Глава вторая	
Борьба за наследство	68
§ 1. Исторический выбор: быть или не быть династии Александра	68
§ 2. Антигон и его борьба за обладание империей	87
§ 3. Усиление сепаратистских тенденций. Конец диадохов	116
Глава третья	
Социально-экономические отношения	133
§ 1. Экономическая политика диадохов	133
§ 2. Народные движения и социальная борьба на Балканах	151
§ 3. Освободительное движение в восточном ареале	171
<i>Заключение</i>	190
<i>Примечания</i>	199
<i>Указатели</i>	222

Аркадий Семенович Шофман

РАСПАД ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Редакторы Р. Г. Биктанов, Л. Л. Биктимиров
Корректоры Э. А. Кузнецова, Л. М. Самуйлина
Техн. редактор Г. П. Дудичева
Обложка художника Ю. В. Пахомова
ИБ № 617

Сдано в набор 19.05.82 г.
Подписано к печати 28.02.84 г.
ПФ 05032.
Формат бумаги 60X90¹/₁₆.
Печ. л. 14,0
Уч.-изд. л. 18,37
Заказ У-344.
Тираж 50 000 экз.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство Казанского университета г. Казань, ул. Ленина, 2

420084, Казань, ул. Баумана, 19.
Полиграфический комбинат им. К. Якуба
Государственного комитета Татарской АССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.